

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

27

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1950

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

27

Февраль—июль 1918

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать седьмой том Сочинений содержит произведения В. И. Ленина, написанные за время с 21 февраля по 27 июля 1918 года.

В состав тома входят доклады, речи и статьи, отражающие деятельность Ленина по руководству партией и Советским государством в период борьбы за мир, за революционный выход Советской России из империалистической войны, за укрепление Советской власти и развертывание социалистического строительства в дни передышки, непосредственно после заключения Брестского мира.

Значительное место в томе занимают документы, направленные против провокаторской политики Троцкого и «левых коммунистов», политики навязывания войны молодой, не имевшей еще армии Советской республике. Сюда относятся статьи: «О революционной фразе», «Мир или война?», «Тяжелый, но необходимый урок», «Странное и чудовищное», «На деловую почву», «Серьезный урок и серьезная ответственность», а также доклады и заключительные речи по вопросу о мире на VII съезде партии и на IV Чрезвычайном съезде Советов.

В работе «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» подводятся итоги борьбы с «левыми коммунистами» по вопросам Брестского мира и внутренней политики, дается характеристика «левых коммунистов» как выразителей интересов «взбесившегося мелкого буржуа», как «орудия империалистской провокации». В то время партии не было известно, что Троцкий, Бухарин и их сообщники уже в 1918 году состояли в контрреволюционном заговоре, ставившем целью сорвать мирные

переговоры, спровоцировать наступление немцев и с помощью штыков немецких империалистов уничтожить Советскую власть.

Большое место в томе занимают произведения, посвященные социалистическому строительству, организации всенародного учета и контроля, повышению производительности труда, развертыванию социалистического соревнования, воспитанию новой пролетарской дисциплины. Среди этих произведений — знаменитая работа Ленина «Очередные задачи Советской власти». В ней Ленин намечает программу социалистического строительства, показывает создание новых, социалистических производственных отношений.

Группа документов тома: «О голоде. Письмо к питерским рабочим», «Доклад о борьбе с голодом» на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и профессиональных союзов 4 июня и другие работы отражают развертывание социалистической революции в деревне, борьбу против кулачества, организацию помощи деревенской бедноте, установление продовольственной диктатуры.

Ряд речей и выступлений Ленина посвящен борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией и организации обороны Советской республики. В числе этих документов: «Речь на митинге в Сокольническом клубе» 21 июня, «Речь на митинге в Симоновском подрайоне» 28 июня, «Беседа с сотрудником «Известий ВЦИК» по поводу восстания «левых» эсеров», «Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов» 23 июля и другие.

В двадцать седьмой том включено 17 новых документов, впервые печатаемых в Сочинениях В. И. Ленина. Большинство этих документов характеризует деятельность Ленина по организации обороны республики в дни наступления немецких империалистов, в начале иностранной военной интервенции и гражданской войны. Таковы: декрет «Социалистическое отечество в опасности!», «Проект приказа всем Совдепам» о необходимости обороны в связи с возможным разрывом мирных переговоров с немцами, «Директивы Владивостокскому Совету» по поводу высадки Японией десанта во Владивостоке.

К группе новых документов относятся: «Обмен телеграммами с И. В. Сталиным» по поводу убийства герман-

ского посла Мирбаха и «лево»-эсеровского мятежа, «Разговор с И. В. Сталиным по прямому проводу» о тяжелом продовольственном положении Петрограда и Москвы, «Назначение И. В. Сталина руководителем продовольственного дела на юге России» и «Телеграмма И. В. Сталину». Эти документы показывают содружество В. И. Ленина и И. В. Сталина, их совместную деятельность по организации обороны Советской республики в труднейший период ее существования.

В письме Зиновьеву, Лашевичу и Стасовой, а также в записке «По прямому проводу. Петроград, Смольный, Зиновьеву», впервые печатаемых в Сочинениях, Ленин разоблачает дезорганизаторское, антигосударственное поведение Зиновьева, задерживавшего посылку петроградских рабочих на фронт и этим срывавшего организацию обороны страны.

В Сочинения В. И. Ленина впервые включаются: два документа об учреждении Социалистической Академии; два документа о революционных трибуналах — «Членам коллегии Комиссариата юстиции» и «Проект постановления Совнаркома»; письмо «В ЦК РКП» с протестом против мягкого приговора за взятничество; «Основные положения хозяйственной и в особенности банковской политики»; «О продовольственных отрядах» — речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня.

Среди вновь включаемых в Сочинения работ В. И. Ленина впервые публикуется «Протест германскому правительству против оккупации Крыма», написанный 11 мая 1918 года.

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАЗЕ¹

Когда я на одном партийном собрании сказал, что революционная фраза о революционной войне может погубить нашу революцию, меня упрекали за резкость полемики. Но бывают моменты, обязывающие поставить вопрос в упор и назвать вещи их настоящим именем, под угрозой причинения непоправимого зла и партии и революции.

Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелкобуржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы. Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы.

Рассмотрим хотя бы только важнейшие группы доводов за революционную войну теперь, в январе — феврале 1918 г. в России, и сопоставление объективной действительности с этим лозунгом даст ответ на вопрос о правильности употребленной мной характеристики.

1

О необходимости готовить революционную войну — в случае победы социализма в одной стране и сохранения капитализма в соседних странах — говорила наша пресса всегда. Это бесспорно.

Спрашивается, как пошла на деле эта подготовка после нашей Октябрьской революции?

Эта подготовка пошла так, что нам пришлось армию демобилизовать, мы были вынуждены это сделать, вынуждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непреодолимыми, что не только не возникло «течения» или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось. Кто захочет *подумать* о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии Советской социалистической республикой, не окончившей войны с соседним империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины в социальном строе мелкокрестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация многомиллионной армии и приступ к созданию на *добровольческих* началах Красной Армии² — таковы факты.

Сопоставьте с этими фактами слова о революционной войне в январе — феврале 1918 года, и вам станет ясна сущность революционной фразы.

Если бы «отстаивание» революционной войны, скажем, питерскою и московскою организацией не было фразой, то мы видели бы с октября по январь иные факты: мы видели бы решительную борьбу против демобилизации с их стороны. Ничего подобного не было и в помине.

Мы видели бы посылку питерцами и москвичами *десятков тысяч* агитаторов и солдат на фронт и ежедневные вести оттуда об их борьбе против демобилизации, об успехах этой борьбы, о приостановке демобилизации.

Ничего подобного не было.

Мы видели бы сотни известий о полках, формирующихся в Красную Армию, террористически останавливающих демобилизацию, обновляющих защиту и укрепление против возможного наступления германского империализма.

Ничего подобного не было. Демобилизация в полном разгаре. Старой армии нет. Новая только-только начинает зарождаться.

Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями, тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот един-

ственное *содержание* этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой.

Дела нашей собственной партии и всей Советской власти, дела питерцев и москвичей большевиков показали, что дальше первых шагов к созданию Красной Армии из добровольцев пойти *пока* не удалось. От этого неприятного факта, но факта, — скрываться под сень декламации и в то же время не только не препятствовать демобилизации, но и *не возражать* против нее, значит опьянять себя звуком слов.

Характерным подтверждением сказанного является тот факт, что, например, в ЦК нашей партии *большинство* виднейших противников сепаратного мира голосовало *против* революционной войны, голосовало против и в январе и в феврале³. Что значит этот факт? Он значит, что невозможность революционной войны общепризнана всеми, не боящимися глядеть правде в лицо.

От правды отговариваются или пробуют отговориться в таких случаях. Взглянем на отговорки.

2

Отговорка первая. Франция 1792 года страдала не меньшей разрухой, но революционная война все излечила, всех воодушевила, вызвала энтузиазм, все победила. Только не верящие в революцию, только оппортунисты могут при нашей более глубокой революции высказываться против революционной войны.

Сопоставим эту отговорку или этот довод с фактами. Факт тот, что во Франции конца XVIII века создалась *сначала экономическая* основа нового, высшего, способа производства, и уже результатом, надстройкой явилась могучая революционная армия. Франция раньше других стран скинула феодализм, смела его *после нескольких лет* победоносной революции, повела неуставший ни от какой войны, завоевавший свободу и землю, укрепленный устранением феодализма народ на войну против ряда экономически и политически отсталых народов.

Сопоставьте с этим фактом современную Россию. Неимоверная усталость от войны. Нового экономического строя, более высокого, чем организованный государственный

капитализм превосходно оборудованной технически Германией, *еще* нет. Он только основывается. Наш крестьянин имеет лишь закон о социализации земли⁴, но ни одного года свободной (от помещика и от мучений войны) работы. Наш рабочий начал сбрасывать капиталиста, но не мог еще успеть организовать производство, поставить продуктообмен, наладить снабжение хлебом, *повысить* производительность труда.

К этому мы пошли, на этот путь мы встали, но ясно, что нового более высокого экономически строя *еще нет*.

Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран — вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области.

Мелкокрестьянская страна, голодная и измученная войной, только-только начавшая лечить ее раны, против технически и организационно высшей производительности труда — вот объективное положение в начале 1918 года.

Вот почему всяческие воспоминания 1792 года и т. п. — одна революционная фраза. Повторяют лозунги, слова, боевые клики, а анализа объективной действительности боятся.

3

Отговорка вторая. Германия «не сможет наступать», не позволит ее растущая революция.

Что германцы «не смогут наступать», этот довод миллионы раз повторялся в январе и начале февраля 1918 года противниками сепаратного мира. Самые осторожные из них определяли — примерно, конечно, — вероятность того, что немцы не смогут наступать, в 25—33%.

Факты опровергли эти расчеты. Противники сепаратного мира очень часто и тут отмахиваются от фактов, боясь их железной логики.

В чем был источник ошибки, которую революционеры настоящие (а не революционеры чувства) должны уметь признать и продумать?

В том ли, что вообще мы маневрировали и агитировали в связи с переговорами о мире? Нет. Не в этом. Маневрировать и агитировать надо было. Но надо было также определить «свое время» как для маневров и агитации, — пока можно было маневрировать и агитировать, — так и для

прекращения всяких маневров к моменту, когда вопрос стал ребром.

Источник ошибки был в том, что наше отношение революционного сотрудничества с германскими революционными рабочими было превращено в фразу. Мы помогали германским революционным рабочим и продолжаем помогать им всем, чем могли, — братанием, агитацией, публикацией тайных договоров и пр. Это была помощь делом, деловая помощь.

Заявление же некоторых из наших товарищей: «германцы не смогут наступать» было фразой. Мы только что пережили революцию у себя. Мы все знаем отлично, почему в России революции было легче *начаться*, чем в Европе. Мы видели, что мы не могли помешать наступлению русского империализма в июне 1917 г., хотя мы имели уже революцию не только начавшуюся, не только свергшую монархию, но и создавшую повсюду Советы. Мы видели, мы знали, мы разъясняли рабочим: войны ведут правительства. Чтобы прекратить войну буржуазную, надо свергнуть буржуазное правительство.

Заявление: «германцы не смогут наступать» равнялось поэтому заявлению: «мы знаем, что правительство Германии *в ближайшие недели* будет свергнуто». На деле мы этого не знали и знать не могли, и потому заявление было фразой.

Одно дело — быть убежденным в созревании германской революции и оказывать серьезную помощь этому созреванию, посылать *работой*, агитацией, братаньем, — чем хотите, только *работой* этому созреванию. В этом состоит революционный пролетарский интернационализм.

Другое дело — заявлять прямо или косвенно, открыто или прикрито, что немецкая революция *уже созрела* (хотя это заведомо не так), и основывать на этом свою тактику. Тут нет ни грана революционности, тут одно фразерство.

Вот в чем источник ошибки, состоявшей в «гордом, ярком, эффектном, звонком» утверждении: «германцы не смогут наступать».

Не более как вариантом той же фразистой бессмыслицы является утверждение: «мы помогаем германской революции, сопротивляясь германскому империализму, мы приближаем этим победу Либкнехта над Вильгельмом».

Конечно, победа Либкнехта — возможная и неизбежная тогда, когда германская революция созреет и назреет — избавит нас от всех международных трудностей, избавит и от революционной войны. Победа Либкнехта избавит нас от последствий любой нашей глупости. Неужели это — оправдание глупости?

Всякое ли «сопротивление» германскому империализму помогает германской революции? Кто захочет немного подумать или хотя бы припомнить историю революционного движения в России, легко увидит, что только *целесообразное* сопротивление реакции служит революции. Мы знаем и видели за полвека революционного движения в России массу примеров нецелесообразного сопротивления реакции. Мы, марксисты, гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра; очень часто мы осуждали, как нецелесообразные и вредные с точки зрения революции, самые героические формы индивидуального сопротивления. В 1907 г. мы, на основании горького опыта, отвергли как нецелесообразное сопротивление участию в III Думе и т. д. и т. п.

Чтобы помогать немецкой революции, надо либо ограничиться пропагандой, агитацией, братаньем, пока нет сил для твердого, серьезного, решительного удара в открытом военном или повстанческом столкновении, или идти на такое столкновение, *зная*, что не поможешь этим врагу.

Ясно для всех (кроме разве совсем опьяненных фразой), что идти на серьезное повстанческое или военное столкновение *заведомо* без сил, *заведомо* без армии есть авантюра, не помогающая германским рабочим, а затрудняющая их борьбу, облегчающая дело их врага и нашего врага.

5

Тут еще является отговорка, которая так детски смешна, что я никогда бы не поверил в возможность такого аргумента, если бы не слышал его собственными ушами.

«Ведь вот и в октябре нам говорили оппортунисты, что у нас нет сил, нет войска, нет пулеметов, нет техники, а все это явилось в борьбе, когда началась борьба класса

против класса. Явится все это и в борьбе пролетариата России против класса капиталистов Германии, явится на помощь нам немецкий пролетарий».

В октябре было дело так, что мы точно учли именно *массовые* силы. Мы не только думали, мы твердо *знали*, на основании опыта *массовых* выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве *уже* перешли на нашу сторону. Мы знали хотя бы из голосований на Демократическом совещании⁵, что и в крестьянстве коалиция провалена — значит, наше дело *уже* выиграло.

Таковы были *объективные* предпосылки октябрьской повстанческой борьбы:

1) над солдатами уже нет палки: ее сверг февраль 1917 года (Германия еще не созрела до «своего» февраля);

2) солдаты уже пережили и закончили, как и рабочие, *отход* свой, сознательный, продуманный, прочувствованный, от коалиции.

Из этого, только из этого вытекла *правильность лозунга* «за восстание» в октябре (этот лозунг был бы неверен в июле, когда мы его и *не* поставили).

Не в том ошибка оппортунистов октября⁶, что они «заботились» об объективных предпосылках (только дети могут так думать), а в том, что они *факты* оценили *неверно*, брали мелочи, не видя *главного*: поворота Советов от соглашательства к нам.

Сравнивать военное столкновение с Германией (которая не пережила еще ни «своего» февраля, ни своего «июля», не говоря об октябре), с Германией *монархического* буржуазно-империалистского правительства и повстанческую борьбу в октябре против врагов Советов — Советов, зревших с февраля 1917 года и созревших вполне в сентябре и октябре, — есть такое ребячество, что на него надо только пальцем указать. Вот до каких нелепостей доводит людей фраза!

6

Отговорка иного вида: «Но Германия задушит нас экономически договором по сепаратному миру, отнимет уголь, хлеб, закабалит нас».

Премудрый довод: надо идти на военное столкновение, *без армии*, хотя это столкновение явно несет не только

кабалу, но и удрученные, отнятие хлеба без всяких эквивалентов, положение Сербии и Бельгии, — надо идти на это, ибо *иначе* будет невыгодный договор, Германия возьмет с нас 6 или 12 миллиардов дани в рассрочку, хлеба ва машины и проч.

О, герои революционной фразы! Отвергая «кабалу» у империализма, они *скромно* умалчивают о том, что для полного избавления от кабалы надо *свергнуть* империализм.

Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что *теперь* мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, *если можно* получить архиневыгодный сепаратный мир, его надо *обязательно* принять в интересах социалистической революции, которая *еще* слаба (ибо к нам, русским, *еще* не пришла на помощь зреющая революция в Германии). Только при *полной* невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться — *не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора*. При такой невозможности не будет и возможности спора о той или иной тактике. Будет только неизбежность самого ожесточенного сопротивления. Но пока выбор есть, надо выбрать сепаратный мир и архиневыгодный договор, ибо это все же во сто раз лучше положения Бельгии.

Мы крепнем с каждым месяцем, хотя мы еще слабы теперь. Международная социалистическая революция в Европе зреет с каждым месяцем, хотя она не назрела еще теперь. Поэтому... поэтому, рассуждают «революционеры» (унеси ты мое горе...), надо принимать бой тогда, когда *заведомо* сильнее нас империализм Германии, *слабеющий* с каждым месяцем (в силу медленного, но неуклонного назревания революции в Германии).

Великолепно рассуждают «революционеры» чувства, превосходно рассуждают!

7

Отговорка последняя и самая «бойкая», самая ходкая: «Похабный мир — есть позор, предательство Латвии, Польши, Курляндии, Литвы».

Удивительно ли, что именно *буржуа* русские (и их прихвостни — новолучисты⁷, делонародовцы⁸, новожиз-

ненды⁹⁾ — всего усерднее разрабатывают этот якобы интернационалистский довод?

Нет, неудивительно, ибо этот довод есть западня, в которую буржуазия тащит русских большевиков сознательно, а часть большевиков попадаетея бессознательно, из-за любви к фразе.

Теоретически рассмотрим этот довод: что выше — право наций на самоопределение или социализм?

Социализм выше.

Позволительно ли из-за нарушения права наций на самоопределение отдавать на съедение Советскую социалистическую республику, подставляя ее под удары империализма в момент, когда империализм заведомо сильнее, Советская республика заведомо слабее?

Нет. Непозволительно. Это не социалистическая, это *буржуазная* политика.

Далее. Был ли бы мир на условии возврата «нам» Польши, Литвы, Курляндии *менее* позорным, менее аннексионистским миром?

С точки зрения русского буржуа, *да*.

С точки зрения социалиста-интернационалиста, *нет*.

Ибо, освободив Польшу (чего хотели одно время некоторые *буржиса* в Германии), германский империализм *еще сильнее* душил бы Сербию, Бельгию и проч.

Что русская буржуазия вопит против «похабного» мира, это — правильное выражение ее классового интереса.

Но когда некоторые (страдающие от нарыва фразы) большевики повторяют этот довод, это — одна грусть.

Взгляните на *факты* относительно поведения англо-французской буржуазии. Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы (в кредит... это не «кабала», не бойтесь! это «только» кредит!). Она хочет, чтобы мы *теперь* воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому, что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать *теперь*, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на

Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати Советская власть полетит... Вокругте, любезные «союзные» большевики, мы вам поможем!

И «левые» (унеси ты мое горе) большевики¹⁰ лезут в западню, декламируя самые революционные фразы...

Да, да, одно из проявлений следов мелкобуржуазности состоит в податливости на революционную фразу. Это — старая истина, старая история, слишком часто становящаяся новинкой...

8

Летом 1907 года наша партия тоже пережила аналогичную, в некоторых отношениях, болезнь революционной фразы.

Петер и Москва, почти все большевики были за бойкот III Думы, заменяли объективный анализ «чувством», лезли в западню.

Болезнь повторилась.

Время более трудное. Вопрос в миллион раз важнее. Заболеть в такое время — значит рисковать гибелью революции.

Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

«Правда» № 21, 21 февраля 1918 г.
Подпись: Карпов

«Известия ВЦИК» № 43,
8 марта 1918 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»,
сверенному с текстом
газеты «Известия ВЦИК»

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ!

Чтоб спасти изуродованную истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцамъ о нашемъ согласіи подписать все условия мира.

Ваши парламентареры 20 (7) февраля, вечеромъ, выехали изъ Рязницы въ Двинскъ и до сихъ поръ ждуть отвѣта.

Немецкое правительство очевидно, медлитъ отвѣтомъ. Оно явно и не хочетъ мира. Выполняя порученіе капиталистовъ всѣхъ странъ германскій милитаризмъ хочетъ задушить русскіихъ и украинскіихъ рабочихъ и крестьянъ вернуть земли помещикамъ. Фабрики и заводы — банкирамъ, власть монархіи.

Германские генералы хотятъ установить свой „порядокъ“ въ Петроградѣ и въ Киевѣ.

Социалистическая Республика Советовъ находится въ величайшей опасности.

До того момента, пока поднимется и побѣдитъ пролетаріатъ Германіи, священной долгою рабочихъ и крестьянъ России является беззаветная защита Республики Советовъ противъ полчищъ буржуазно-империалистской Германіи.

Советъ Народныхъ Комиссаровъ постановляетъ:

1) Все силы и средства страны цѣлкомъ предоставляются на дѣло революціонной обороны.

2) Всѣмъ Советамъ и Революціоннымъ организациямъ вменяется въ обязанность заградить напередъ всевозможныя до послѣдней малли нрови.

3) Железнодорожные организации и связанные съ ними Советы обязаны всѣми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратомъ путей сообщенія; при отступленіи уничтожить пути, вырывать и сжигать железнодорожные эшелоны; вести подвижной составъ — вагоны и паровозы — немедленно направлять на востокъ въ глубь страны.

4) Все хлѣбные, и вообще продовольственные запасы, а равно всякое цѣнное имущество, которымъ грозитъ опасность попасть въ руки врага, должны подвергаться безусловному уничтоженію; изъясненіе въ этомъ возлагается на мѣстные Советы подъ личной отвѣтственностью ихъ представителей.

5) Рабочіе и крестьяне Петрограда, Киева всѣхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень по линии фронта должны мобилизоваться батальонами для рытья окоповъ подъ руководствомъ военныхъ специалистовъ.

6) Въ эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазнаго класса мужчины и женщины подъ надзоромъ краснойгвардейцевъ; сопротивляющіеся расстрѣливать.

7) Все задания, противодействующія дѣлу революціонной обороны и становящіяся на сторону нѣмецкой буржуазіи, а также стремлѣнія использовать наше гнѣ империалистическихъ полчищъ въ цѣльяхъ сверженія Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники еженедельній мобилизуются для рытья окоповъ и другихъ оборонительныхъ работъ.

8) Неприятельскіе агенты, спекулянты, гробы, хулиганы, контр-революціонные агитаторы, германскіе шпионы расстрѣливаются на мѣстѣ преступленія.

**Социалистическое отечество въ опасности. Да здравствуетъ социалистическое отечество!
Да здравствуетъ Международная Социалистическая революція!**

Советъ Народныхъ Комиссаровъ.

21-го февраля, Петроградъ

Декрет «Социалистическое отечество в опасности!»,
написанный В. И. Лениным. — 21 февраля 1918 г.

Уменьшено

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!¹¹

Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира¹². Наши парламентарии 20 (7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, и до сих пор нет ответа. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии*. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. *Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности*. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии. Совет Народных Комиссаров постановляет: 1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны. 2) Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови. 3) Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав — вагоны и паровозы — немедленно направлять на восток в глубь страны. 4) Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое

ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению; наблюдение за этим возлагается на местные Советы под личной ответственностью их председателей. 5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. 6) *В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать.* 7) Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ. 8) *Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления.*

Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество! Да здравствует международная социалистическая революция!

Совет Народных Комиссаров

21-го февраля 1918 года.
Петроград.

«Правда» № 32, 22 февраля 1918 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

ДОПОЛНЕНИЕ К ДЕКРЕТУ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ: «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!»

Для правильного и неукоснительного исполнения декрета Совета Народных Комиссаров от 21 февраля постановляется:

(1) Каждый рабочий, отработав 8 часов в сутки, обязан три часа ежедневно (или по $4\frac{1}{2}$ часа в сутки с третьим днем отдыха) работать в области военной или административной.

(2) Каждый, принадлежащий к богатому классу или к состоятельным группам (доход не менее 500 р. в месяц, или наличность денежного запаса не менее 1500 р.), обязан обзавестись немедленно *рабочей книжкой* для еженедельной отметки в этой книжке, выполнена ли им соответственная доля военной или административной работы. Отметки делает профессиональный союз рабочих, Совет рабочих депутатов или штаб местного отряда Красной гвардии, по принадлежности.

Рабочие книжки для состоятельных получают за 50 р. штука.

(3) Не рабочие, но не принадлежащие к состоятельным классам, обязаны тоже иметь рабочую книжку, которая уступается им за 5 рублей (или за 1 рубль, по себестоимости).

В рабочих книжках для состоятельных отводятся графы для еженедельного регистрирования суммы доходов и расходов.

Неимение рабочей книжки или неправильное (а тем более лживое) ведение записей карается по законам военного времени.

Все, имеющие оружие, должны получить новое разрешение (а) от местного своего домового комитета; (б) от

учреждений, указанных в § 2. Без двух разрешений иметь оружие запрещено; за нарушение этого правила кара — расстрел.

Та же кара за сокрытие продовольственных запасов.

В интересах правильной постановки продовольственного дела все граждане обязаны объединиться в *потребительские общества*, домо ... *

Написано 21 или 22 февраля
1918 г.

Впервые напечатано
22 декабря 1927 г.
в газете «Правда» № 293

Печатается по рукописи

* На этом рукопись обрывается. Ред.

О ЧЕСОТКЕ

Мучительная болезнь — чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые.

Простые, ясные, понятные, очевидные любому представителю трудящейся массы, кажущиеся бесспорными истины извращаются теми, кто заболел рассматриваемой разновидностью чесотки. Нередко это извращение происходит из самых лучших, благороднейших, возвышенных побуждений, «просто» в силу непереваренности известных теоретических истин или детски-аляповатого, ученически-рабского повторения их не к месту (не понимают люди, как говорится, «что к чему»), но от этого чесотка не перестает быть скверной чесоткой.

Например, что может быть бесспорнее и яснее, чем следующая истина: правительство, давшее измученному трехлетней грабительской войной народу Советскую власть, землю, рабочий контроль и мир, было бы непобедимо? Мир — главное. Если после добросовестных усилий получить общий и справедливый мир оказалось, на деле оказалось, что его *сейчас* получить нельзя, то любой мужик понял бы, что приходится брать не общий, а сепаратный (отдельный) и несправедливый мир. Всякий мужик, даже самый темный и безграмотный, понял бы это и *ценил* давшее ему даже такой мир правительство.

Большевики должны были заболеть мерзкой чесоткой фразы, чтобы забыть это и вызвать законнейшее недовольство ими со стороны крестьян, когда эта чесотка привела к новой войне грабительской Германии против уставшей России! Какими смешными и жалкими «теоретическими»

пустяками и софизмами прикрывалась чесотка, я показал в статье: «О революционной фразе» («Правда» от 21 (8) февраля)*. Я бы не стал вспоминать об этом, если бы та же самая чесотка не перекинулась сегодня (этакая прилипчивая болезнь!) на новое место¹³.

Для пояснения того, как это случилось, приведу сначала маленький пример, попроще, пояснее, без «теории» — ежели чесотка выдается за «теорию», это бывает нестерпимо — без мудреных слов, без непонятого для массы.

Положим, Каляев¹⁴, чтобы убить тирана и изверга, достает револьвер у крайнего мерзавца, жулика, разбойника, обещая ему за услугу принести хлеб, деньги, водку.

Можно осуждать Каляева за «делку с разбойником» в целях приобретения орудия смерти? Всякий здоровый человек скажет: нельзя. Ежели Каляеву негде было иначе достать револьвера и ежели дело Каляева действительно честное (убийство тирана, а не убийство из-за грабежа), то Каляева не порицать надо за такое приобретение револьвера, а одобрять.

Ну, а ежели один разбойник в целях совершения убийства из-за грабежа достает за деньги, за водку, за хлеб револьвер у другого разбойника, то можно ли сравнивать (не говоря уже отождествлять) *этакую* «делку с разбойником» с каляевской сделкой?

Нет. Всякий, не сошедший с ума и не заболевший чесоткой, согласится, что нельзя. Любой мужик, если бы он увидал «интеллигента», фразами отговаривающегося от столь очевидной истины, сказал бы: тебе, барин, не государством управлять, а в словесные клоуны записаться или просто в баньку сходить попариться, чесотку прогнать.

Ежели Керенский, представитель господствующего класса буржуазии, т. е. эксплуататоров, заключает сделку с эксплуататорами англо-французскими о получении от них оружия и картошки и в то же время скрывает от народа договоры, обещающие (в случае успеха) одному разбойнику Армению, Галицию, Константинополь, другому — Багдад, Сирию и проч., то трудно ли понять, что сделка эта — грабительская, мошенническая, гнусная со стороны Керенского и его друзей?

* См. настоящий том, стр. 1—10. Ред.

Нет. Это совсем не трудно понять. Любой мужик поймет, даже самый темный и безграмотный.

Ну, а если представитель класса эксплуатируемых, угнетенных, после того, как этот класс свергнул эксплуататоров, опубликовал и отменил все тайные и грабительские договоры, подвергся разбойному нападению со стороны империалистов Германии, то можно ли его осуждать за «сделку с разбойниками» англо-французами, за получение от них оружия и картошки за деньги или за лес и т. п.? Можно ли такую сделку находить нечестной, позорной, нечистой?

Нет, нельзя. Всякий здоровый человек поймет это и высмеет, как шутов гороховых, тех, кто вздумал бы «бла-а-родно» и с ученым видом доказывать, что «массы не поймут» отличия разбойной войны империалиста Керенского (и его бесчестных сделок с разбойниками о дележе общей награбленной добычи) от *каляевской* сделки большевистского правительства с разбойниками англо-французскими насчет добычи у них оружия и картошки для отпора разбойнику германскому.

Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная. В такой вещи видеть что-либо «нечистое» могут только кисейные барышни да жеманные юноши, которые «читали в книжке» и вычитали одни жеманности. Кроме этих разрядов людей, разве еще заболевшие чесоткой могут впасть в подобную «ошибку».

Ну, а немецкий рабочий поймет ли разницу между покупкой оружия Керенским у англо-французских разбойников в целях отнятия у турок Константинополя, у Австрии — Галиции, у немцев — Восточной Пруссии, — ... и покупкой оружия большевиками у тех же разбойников в целях отпора Вильгельму, когда он повел войска на социалистическую Россию, предложившую всем честный и справедливый мир, Россию, которая объявила войну законченной?

Надо полагать, что немецкий рабочий «поймет» это, во-первых, потому, что это рабочий умный и образованный, во-вторых, потому, что жить он привык в культуре и опрятности, не страдая ни русской чесоткой

вообще, ни чесоткой революционной фразы в особенности.

Есть ли разница между убийством с целью грабежа и убийством насильника?

Есть ли разница между войной двух групп хищников из-за дележа добычи и войной справедливой, за освобождение от нападения хищника на народ, свергнувший хищников?

Не зависит ли оценка того, хорошо или дурно я поступаю, приобретая оружие у разбойника, от цели и назначения этого оружия? От употребления его в нечестивой и подлой или в справедливой и честной войне?

Уф! И скверная же болезнь чесотка. И тяжкое же ремесло человека, которому приходится парить в баньке чесоточных...

P. S.* Северо-американцы в своей освободительной борьбе конца XVIII века против Англии пользовались помощью конкурента и такого же, как Англия, колониального разбойника, государств испанского и французского. Говорят, нашлись «левые большевики», севшие писать «ученый труд» о «нечистой сделке» этих американцев...

Написано 22 февраля 1918 г.

*Напечатано 22 февраля 1918 г.
в вечернем выпуске
газеты «Правда» № 33
Подпись: Карпов*

Печатается по тексту газеты

МИР ИЛИ ВОЙНА?

Ответ германцев, как видят читатели, ставит нам условия мира еще более тяжкие, чем в Брест-Литовске¹⁵. И тем не менее, я абсолютно убежден в том, что только полное опьянение революционной фразой способно толкать кое-кого на отказ подписать эти условия. Именно потому я и начал статьями в «Правде» (за подписью Карпов) о «революционной фразе» и о «чесотке» * беспощадную борьбу с революционной фразой, что я видел и вижу в ней теперь наибольшую угрозу нашей партии (а следовательно, и революции). Революционные партии, строго проводящие революционные лозунги, много раз уже в истории заболели революционной фразой и гибли от этого.

До сих пор я старался внушить партии бороться с революционной фразой. Теперь я должен делать это открыто. Ибо — увы! — мои самые худшие из предположений оправдались.

8-го января 1918 года я прочел на собрании около 60 человек виднейших партийных работников Питера свои «тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» (17 тезисов, которые завтра же будут напечатаны)¹⁶. В этих тезисах (§ 13) я уже объявил войну революционной фразе, сделав это в самой мягкой и товарищеской форме (глубоко осуждаю теперь эту свою мягкость). Я сказал, что политика отказа от предлагаемого мира «отвечала бы, может быть, потребности человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным

* См. настоящий том, стр. 1—10; 17—20. *Ред.*

соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции».

В тезисе 17-м я писал, что, если мы откажемся подписать предлагаемый мир, то «сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир».

Оказалось еще хуже, ибо наша отступающая и демобилизующаяся армия вовсе отказывается сражаться.

Только безудержная фраза может толкать Россию, при таких условиях, в данный момент на войну, и я лично, разумеется, ни секунды не остался бы ни в правительстве ни в ЦК нашей партии, если бы политика фразы взяла верх.

Теперь горькая правда показала себя так ужасающе ясно, что не видеть ее нельзя. Вся буржуазия в России ликует и торжествует по поводу прихода немцев. Только слепые или опьяненные фразой могут закрывать глаза на то, что политика революционной войны (*без армии...*) есть вода на мельницу нашей буржуазии. В Двинске русские офицеры ходят уже с погонами.

В Режице буржуа, ликуя, встретили немцев. В Питере, на Невском, и в буржуазных газетах («Речь»¹⁷, «Дело Народа», «Новый Луч» и проч.) смакуют свой восторг по поводу предстоящего свержения Советской власти немцами.

Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть.

Мы вынуждены пройти через тяжкий мир. Он не останавливает революции в Германии и в Европе. Мы примемся готовить революционную армию не фразами и возгласами (как готовили ее те, кто с 7-го января не сделал ничего для того даже, чтобы попытаться остановить бегущие наши войска), а *организационной работой*, делом, созданием серьезной, всенародной, могучей армии.

Написано утром 23 февраля 1918 г.

Напечатано 23 февраля 1918 г.

в вечернем выпуске
газеты «Правда» № 34

Подпись: Ленин

Печатается по тексту газеты

**РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ФРАКЦИЙ
БОЛЬШЕВИКОВ И «ЛЕВЫХ» ЭСЕРОВ ВЦИК
23 ФЕВРАЛЯ 1918 г.¹⁸**

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Ленин говорит в защиту подписания предложений немцев. Он начинает с того, что Советская власть должна смотреть правде в глаза, что Советская власть должна констатировать полную невозможность сопротивления германцам. Он указывает на ссылку предыдущих ораторов, отрицающих подписание договора, но то, что мы можем организовать армию в ближайшее время, совершенно неосновательно; армия не желает воевать, и никто ее не сможет заставить, если же мы приступим к организации армии, если мы соберем небольшую горсточку отважных борцов, которых бросим в пасть империализма, то этим самым мы оторвем от себя энергичных и идейных борцов, которые добыли нам свободу.

Далее Ленин говорит, что наш русский пролетариат совершенно неповинен, если германская революция опоздала. Она придет, но ее еще нет, и для нас самым лучшим исходом является выигрыш времени; если мы подпишем в данный момент мирный договор, то мы сможем в дальнейшем, путем энергичной организованной работы, путем проведения железных дорог, путем приведения в порядок продовольственного вопроса, создать крепкую и прочную армию на защиту своей революции, а до того времени безусловно социалистическая революция в Германии подоспеет.

*Напечатано 24 февраля 1918 г.
в газете «Известия Советов Рабочих,
Солдатских и Крестьянских
Депутатов гор. Москвы
и Московской области» № 32*

Печатается по тексту газеты

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 23 ФЕВРАЛЯ 1918 г.¹⁹

Товарищи, условия, которые предложили нам представители германского империализма, неслыханно тяжелы, безмерно угнетательские, условия хищнические. Германские империалисты, пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь. И при таком положении мне приходится, чтобы не скрывать от вас горькой правды, которая является моим глубоким убеждением, сказать вам, что иного выхода, как подписать эти условия, у нас нет. И что всякое иное предложение является наклеиванием либо вольным, либо невольным еще худших зол и полного дальнейшего (если тут можно говорить о степенях) подчинения Советской республики, порабощения ее германскому империализму, либо это является печальной попыткой отговориться словами от грозной, безмерно тяжелой, но несомненной действительности. Товарищи, вы прекрасно знаете все, а многие из вас и по личному опыту, что на Россию свалилась тяжесть империалистической войны, по причинам всем понятным, неоспоримым, более грозная и тяжелая, чем на другие страны; вы знаете поэтому, что наша армия так истерзана, измучена была войной, как никакая другая; что все те клеветы, которые бросали на нас буржуазная печать и партии, им помогавшие или враждебные Советской власти, будто бы большевики разлагали войска, — являются вздором. Я напомню вам еще раз ту прокламацию, которую Крыленко, когда он еще был прапорщиком при Керенском, разослал войскам, уезжая в Петроград, и которая была перепечатана в «Правде» и в которой он говорил следующее: никаких бунтов, мы к этому не зовем, мы зовем вас к организован-

ным политическим действиям, стремитесь держаться как можно организованнее. Вот какова была пропаганда одного из самых горячих и близких к армии представителей большевиков. Все, что можно было сделать для того, чтобы удержать эту неслыханно, неизмеримо уставшую армию, все, что возможно было сделать для того, чтобы сделать ее сильнее, было сделано. И если теперь мы видим, как при полном воздержании моем, например, в течение последнего месяца от изложения моего взгляда, который мог показаться пессимистическим, если мы видели, что по отношению к армии мы говорили в течение последнего месяца все, что можно было сказать, и делали все, что можно было сделать, чтобы облегчить положение, действительность показала нам, что воевать после трех лет войны наша армия ни в коем случае не может и не хочет. Вот основная причина, простая, очевидная, в высшей степени горькая и тяжелая, но совершенно ясная, что, живя рядом с хищником-империалистом, мы вынуждены подписать условия мира, когда он ставит нам колено на грудь. Вот почему я говорю в полном сознании, какую ответственность я беру на себя, и повторяю, что от этой ответственности ни один представитель Советской власти не имеет права уклониться. Конечно, приятно и легко бывает говорить рабочим, крестьянам и солдатам, приятно и легко бывало наблюдать, как после Октябрьского переворота революция шла вперед, а когда приходится признавать горькую, тяжелую, несомненную истину — невозможности революционной войны, — теперь от этой ответственности уклоняться непозволительно и надо взять это на себя прямо. Я считаю себя обязанным, считаю необходимым выполнить свой долг и прямо сказать то, что есть, и поэтому я убежден, что трудящийся класс России, который знает, что такое война, чего она трудящимся стоила, до какой степени изнурения и истощения она их довела, в этом я не сомневаюсь ни секунды, они с нами вместе сознают всю неслыханную тяжесть, грубость, гнусность этих условий мира и тем не менее оправдают наше поведение. Они скажут: вы должны были, вы взяли предложить условия мира немедленного и справедливого, вы должны были использовать все, что возможно было, для отсрочки мира, чтобы посмотреть, не прижмут ли другие страны, не придет ли на помощь к нам

европейский пролетариат, без помощи которого нам прочной социалистической победы добиться нельзя. Мы сделали все, что возможно, для того, чтобы затянуть переговоры, мы сделали даже больше, чем возможно, мы сделали то, что после брестских переговоров объявили состояние войны прекращенным, уверенные, как были уверены многие из нас, что состояние Германии не позволит ей зверского и дикого наступления на Россию. На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение, и поражению надо уметь смотреть прямо в лицо. Да, революция шла до сих пор по линии восходящей от победы к победе; она теперь понесла тяжелое поражение. Германское рабочее движение, начавшееся так быстро, оказалось прервано на время. Мы знаем, что основные причины этого не устранены и что они разрастаются и будут неминуемо шириться, потому что затягивается мучительная война, потому что зверство империализма обнажается все глубже и наглее, раскрывая глаза наиболее чуждым, казалось бы, политиком или не способным понять социалистическую политику массам. Вот почему сложилось то отчаянное, трагическое положение, которое заставляет нас сейчас принять мир и заставит трудящиеся массы сказать: да, они поступили правильно, они сделали все, что могли, чтобы предложить мир справедливый и оттянуть его заключение, они должны были подчиниться миру, самому угнетательскому и несчастному, потому что иного выхода у страны нет. Их положение таково, что они вынуждены давать бой не на живот, а на смерть Советской республике; если теперь не продолжают своих замыслов идти на Петроград и Москву, то потому только, что они связаны кровопролитной и грабительской войной с Англией, что есть еще внутренний кризис. Когда мне указывают на то, что немецкие империалисты могут завтра, послезавтра представить еще худшие условия, то я говорю, что надо быть к этому готовыми; естественно, что, живя рядом со зверскими хищниками, Советская республика должна ждать нападения. Если теперь мы не можем ответить войной, то потому, что нет сил, потому, что и воевать можно только с народом. Если успехи революции заставляют многих из товарищей говорить противное, то это не есть массовое явление, это не есть выражение воли и мнения настоящих масс; если вы пойдете к настоящему

трудящемуся классу, к рабочим и крестьянам, то вы увидите и услышите один ответ, что мы не можем вести войну ни в коем случае, нет физических сил, мы захлебнулись в крови, как говорил один из солдат. Эти массы поймут нас и оправдают, когда мы подпишем этот вынужденный и неслыханно тягостный мир. Может быть, отдых для подъема масс займет не мало времени, но те, которым приходилось переживать долгие годы революционных битв в эпоху подъема революции и эпоху, когда революция падала в пропасть, когда революционные призывы к массам не находили у них отклика, знают, что все же революция всегда поднималась вновь; поэтому мы говорим: да, сейчас массы не в состоянии вести войну, сейчас каждый представитель Советской власти обязан сказать всю горькую правду в лицо народу, пройдет время неслыханной тяготы и трехлетней войны и отчаянной разрухи царизма, и народ увидит в себе силу и возможность дать отпор. Перед нами стоит сейчас угнетатель; на угнетение лучше всего, конечно, ответить революционной войной, восстанием, но, к сожалению, история показала, что на угнетение не всегда можно отвечать восстанием; но отказ от восстания не означает еще отказа от революции; не поддавайтесь провокации, которая исходит из буржуазных газет, противников Советской власти; да, у них нет иного слова, как «похабный мир» и криков «позор!» по поводу этого мира, а на самом деле эта буржуазия встречает с восторгом немецких завоевателей. Они говорят: «вот немцы, наконец, придут и дадут нам порядок», вот чего они хотят и травят криками «похабный мир, позорный мир». Они хотят, чтобы Советская власть дала бой, неслыханный бой, зная, что у нас сил нет, и тащат в полное порабощение к немецким империалистам, чтобы устроить сделку с немецкими полицейскими, но они выражают только свои классовые интересы, потому что знают, что крепнет Советская власть. Эти голоса, эти крики против мира — лучшее доказательство в моих глазах того, что отрекающиеся от этого мира не только тешили себя непоправимыми иллюзиями, поддавались на провокацию. Нет, надо смотреть губительной истине прямо в лицо: перед нами угнетатель, поставивший колено на грудь, и мы будем бороться всеми средствами революционной борьбы. Но сейчас мы находимся в отчаянно трудном положении, наш союзник

не может поспешить на помощь, международный пролетариат не может прийти сейчас, но он придет. Это революционное движение, не имеющее сейчас возможности дать военный отпор неприятелю, поднимается и этот отпор даст позже, но даст его. (Аплодисменты.)

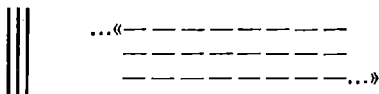
*Краткий отчет
опубликован 26 февраля 1918 г.
в газете «Правда» № 35*

*Впервые полностью напечатано
в 1928 г. в Собрании Сочинений
В. Ленина (В. Ульянова),
том XX, часть II*

Печатается по стенограмме

В ЧЕМ ОШИБКА? ²⁰

Виднейшие и наиболее ответственные противники заключения сепаратного мира на брестских условиях изложили сущность своих доводов следующим образом:

Здесь выдвинуты наиболее концентрированные, важнейшие доводы, изложенные почти в виде резолюции. Для удобства разбора доводов, мы перенумеровали каждое отдельное предложение.

При рассмотрении этих доводов сразу бросается в глаза основная ошибка авторов. Они ни звука не говорят о конкретных условиях революционной войны в данный момент. То, что для сторонников мира является главным и основным соображением, именно невозможность воевать для нас *сейчас*, это как раз и обходится. В ответ — в ответ хотя бы на мои тезисы*, хорошо известные авторам с 8-го января, — приводятся исключительно *общие* соображения, абстракции, неизбежно превращающиеся в фразу. Ибо всякое общее историческое соображение, применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, становится фразой.

Возьмите первое положение. Вся его «соль» — упрек, восклицание, декламация, стремление «пристыдить» противника, апелляция к чувству. Вот-де какие вы дурные: на вас наступают империалисты, «провозглашая» своей целью подавление пролетарской революции, а вы отвечаете согласием заключить мир! Но ведь наш-то довод

* См. Сочинения, 4 под., том 26, стр. 401—408. Ред.

заведомо для авторов состоит в том, что, отказываясь от тяжкого мира, мы *как раз* *облегчаем* врагу подавление пролетарской революции. И этот наш довод подкреплён (в моих, например, тезисах) рядом конкретнейших указаний на состояние армии, на ее классовый состав и т. д. Авторы все конкретное обошли, и у них получилась пустая фраза. Ибо если враг «провозглашает» своей целью подавить революцию, то плох тот революционер, который выбором заведомо невозможной формы сопротивления как раз и достигает перехода от «провозглашения» к *осуществлению* целей врага.

Второй довод: «попреки» усиливаются. Вы-де даёте согласие на мир при первом же натиске врага... Неужели авторы серьёзно полагают, что это может быть убедительно для тех, кто с января месяца, задолго до «натиска», анализировал соотношение сил и конкретные условия войны в данный момент? Неужели это не фраза, если возражением против анализа считают «попреки»?

Согласие на мир при данных условиях, говорят нам, «является капитуляцией передового отряда международного пролетариата перед международной буржуазией».

Опять фраза. Общие истины надуваются так, что становятся неверны и превращаются в декламацию. Германская буржуазия не есть «международная», ибо англо-французские капиталисты *приветствуют* наш отказ подписать мир. «Капитуляция», вообще говоря, вещь дурная, но эта почтенная истина не разрешает каждого отдельного положения, ибо капитуляцией можно назвать также отказ от боя при явно невыгодных условиях, а *такая* капитуляция — обязанность серьёзного революционера. Капитуляцией, вообще говоря, было и согласие идти в III Думу, подписание мира со Столыпиным, как выражались в те времена наши «левые» декламаторы.

Передовым отрядом мы являемся в смысле революционного почина, это бесспорно, но чтобы мы были передовым отрядом в смысле военной схватки с силами передового империализма, это ...*

Написано 23 или 24 февраля 1918 г.

Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI

Печатается по рукописи

* На этом рукопись обрывается. Ред.

НЕСЧАСТНЫЙ МИР

Троцкий был прав, когда сказал: мир может быть трижды несчастным миром, но не может быть похабным, позорным, нечистым миром мир, заканчивающий эту стократ похабную войну.

Невероятно, неслыханно тяжело подписывать несчастный, безмерно тяжелый, бесконечно унижительный мир, когда сильный становится на грудь слабому. Но непозволительно впадать в отчаяние, недопустимо забывать, что история знает примеры еще больших унижений, еще более несчастных, тяжелых условий мира. И все же народы, задавленные зверски-жестокими победителями, умели оправиться и воспрянуть.

Наполеон I раздавил и унизил Пруссию неизмеримо сильнее, чем Вильгельм давит и унижает теперь Россию. Наполеон I был в течение ряда лет полнейшим победителем на континенте, его победа над Пруссией была много решительнее, чем победа Вильгельма над Россией. А через немного лет Пруссия оправилась и в освободительной войне, не без помощи разбойничьих государств, ведших с Наполеоном отнюдь не освободительную, а империалистскую войну, свергла иго Наполеона.

Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских* отношений с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов)

* Империализмом я называю здесь грабеж чужих стран вообще, империалистской войной — войну хищников за раздел такой добычи.

эпоху вперед от феодализма — к «свободному» капитализму.

Теперь история шагает вперед еще быстрее, трагедии целых народов, раздавливаемых и раздавленных империалистской войной, неизмеримо ужаснее. Сплетение империалистских и национально-освободительных течений, движений и стремлений тоже налицо, с той громадной разницей, что национально-освободительные движения неизмеримо слабее, империалистские — неизмеримо могущественнее. Но история идет вперед неуклонно, и в недрах всех передовых стран зреет — несмотря ни на что зреет — революция социалистическая, революция бесконечно более глубокая, народная, могучая, чем прежняя буржуазная революция.

Поэтому, еще и еще раз: всего более недопустимо отчаяние. Невыносимо тяжелы условия мира. А все же история возьмет свое, на помощь нам придет — пусть даже не так скоро, как нам всем хотелось бы, — придет зреющая неуклонно социалистическая революция в других странах.

Нас осадил, нас придавил и унизил хищник — мы сумеем вынести все эти тяготы. Мы не одиноки в мире. У нас есть друзья, сторонники, вернейшие помощники. Они запаздали — в силу ряда условий, от их воли не зависящих, — но они придут.

За работу организации, организации и организации. Будущее, несмотря ни на какие испытания, — за нами.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б) 24 ФЕВРАЛЯ 1918 г.

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

1

Обсуждается вопрос о посылке делегации в Брест для подписания мирного договора.

Ленин считает, что необходимо сохранить преемственность с предыдущей делегацией, а так как одного тов. Карахана недостаточно, то очень желательно, чтобы поехали гг. Иоффе и Зиновьев.

2

А. А. Иоффе категорически отказывается ехать, заявляя, что «подписание мира — это смерть всей брестской политики».

Ленин говорит, что он не настаивает на поездке Иоффе в качестве уполномоченного для подписания договора, но считает нужным поездку тов. Иоффе как консультанта. Несомненно, немцы прислали свой ответ в ультимативной форме, боясь оппозиции с нашей стороны, а видя наше согласие подписать мир, они могут согласиться и на переговоры. Ввиду этого и необходим консультант, знающий все дело. Если окажется, что нужно только подписать, то, конечно, не о чем разговаривать, и консультант даже и не появится на заседании.

3

Ленин говорит, что Радек, являясь противником заключения мира, соглашался, однако, ехать, но поляки запретили ему ехать.

4

В дальнейших прениях Л. Д. Троцкий заявляет, что в Бресте надо будет только подписать мир и А. А. Иоффе там будет не нужен, так как в ответе немцев уже есть формулировка по важнейшим вопросам.

Ленин считает, что он неправ, так как несомненно при подписании договора нужны специалисты, а у нас таких нет, хотя бы по торговому договору. Мог бы ехать Красин, но он уехал на некоторое время в Стокгольм. Мы подписываем договор со стиснутыми зубами, о чем делегация заявляет, но мы не знаем ситуации, не знаем, что может случиться к тому времени, как делегация придет в Брест, а потому Иоффе, как консультант, необходим. Вообще надо иметь в виду, что мы даем делегации поручение вступить в переговоры, если только есть к тому возможность.

5

При дальнейшем обсуждении намечаются кандидатуры Г. Е. Зиновьева и Г. Я. Сокольникова. Последний предлагает послать Зиновьева, а Зиновьев — его.

Ленин считает, что надо послать обоих, что если вопрос идет только о подписании мира, то они оба смогут тотчас уехать, столковавшись о дальнейшем с Чичериним.

6

Г. Я. Сокольников заявляет, что он в Брест не поедет и в случае восстановления — выходит из ЦК.

Ленин просит товарищей не нервничать и указывает, что в делегации может поехать тов. Петровский как народный комиссар.

7

В дальнейшем ЦК обсуждает заявление Троцкого об уходе с поста Наркоминдела.

Ленин указывает, что это неприемлемо, что смена политики — это кризис. Что запрос о политике разослан по провинции²¹ и что полемизировать немного отнюдь не вредно.

Он вносит практическое предложение: ЦК просит тов. Троцкого отложить свое заявление до следующего заседания ЦК, до вторника. (Поправка — до возвращения делегации из Бреста.)

8

Ленин предлагает поставить на голосование следующее заявление: ЦК, не считая возможным в настоящий момент принять отставку тов. Троцкого, просит его отсрочить это его решение впредь до возвращения делегации из Бреста или впредь до изменения фактического положения дел.

Принимается при 3 воздержавшихся.

9

После принятия этого предложения Л. Д. Троцкий заявляет, «что он внес свое заявление, что оно не принято и потому он вынужден устраниваться от появления в официальных учреждениях».

Ленин предлагает голосовать: ЦК, выслушав заявление тов. Троцкого, вполне мирясь с отсутствием тов. Троцкого во время решений в Совете Народных Комиссаров по иностранным делам, просит тов. Троцкого не отстраняться от других решений.

Принято.

10

Далее ЦК обсуждает заявление Г. И. Ломова, М. С. Урицкого, В. М. Смирнова, Г. Пятакова и др. об уходе с ответственных партийных и советских постов.

Ленин предлагает принять: ЦК просит товарищей, подавших заявление, отсрочить свое решение впредь до возвращения делегации из Бреста и обсудить это решение ЦК в группе.

11

Ленин вносит 2 предложения:

1) Признавая законным требование четверки, ЦК просит их обсудить предложение ЦК и отсрочить свое заявление как ввиду близости съезда, так и ввиду сложности политической обстановки.

2) Гарантируя товарищам напечатание их заявлений в «Правде», ЦК просит их пересмотреть их решение и обсудить, не находят ли они возможным остаться как на ответственных постах, так и в ЦК.

Предложения Ленина принимаются.

ЗАМЕТКА О НЕОБХОДИМОСТИ ПОДПИСАТЬ МИР

Не подписать мира в данный момент, это значит объявить вооруженное восстание или революционную войну против германского империализма. Это либо фраза, либо провокация русской буржуазии, которая жаждет прихода немцев. На деле мы сию минуту воевать не можем, ибо армия против войны, армия воевать не может. Неделя войны с немцами, перед которыми просто бежали наши войска, с 18 по 24 февраля 1918 г., вполне доказала это. Мы в плену у германского империализма. Не фраза о вооруженном восстании против немцев сию минуту, а систематическая, серьезная, неуклонная работа подготовки революционной войны, создание дисциплины, армии, упорядочение железных дорог и продовольствия. Такова точка зрения большинства ЦИК, в том числе Ленина (и большинство ЦК большевиков) и Спиридоновой, Малкина (меньшинство ЦК левых эсеров).

Написано 24 февраля 1918 г.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

Печатается по рукописи

ПОЗИЦИЯ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) В ВОПРОСЕ О СЕПАРАТНОМ И АННЕКСИОНИСТСКОМ МИРЕ ²³

Дорогие товарищи!

Организационное бюро ЦК считает необходимым обратиться к вам с разъяснением мотивов, побудивших ЦК согласиться на условия мира, предложенные германским правительством. Организационное бюро обращается к вам, товарищи, с этим разъяснением в целях широкого осведомления всех членов партии о точке зрения ЦК, представляющего в периоды между съездами всю партию. Организационное бюро считает необходимым указать, что единогласия в ЦК по вопросу о подписании условий мира не было. Но раз принятое решение должно быть поддержано всей партией. В ближайшие дни предстоит партийный съезд и на нем лишь можно будет разрешить вопрос, насколько правильно ЦК выражал действительную позицию всей партии. До съезда все члены партии во имя партийного долга, во имя сохранения единства в наших собственных рядах, проводят в жизнь решения своего центрального руководящего органа, ЦК партии.

Безусловная необходимость подписания в данный момент (24-го февраля 1918 г.) захватного, невероятно тяжелого мира с Германией вызывается прежде всего тем, что у нас нет армии, что мы обороняться не можем.

Все знают, почему после 25 октября 1917 г., после победы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, мы все стали оборонцами, мы за защиту отечества.

Недопустимо, с точки зрения защиты отечества, давать себя вовлечь в военную схватку, когда не имеешь армии и когда неприятель вооружен до зубов, подготовлен великолепно.

Нельзя Советской социалистической республике вести войну, имея заведомо огромное большинство выбирающих в Советы рабочих, крестьянских и солдатских масс против войны. Это было бы авантюрой. Другое дело, если эта война закончится, хотя бы архитяжким миром, и германский империализм потом опять пожелает вести наступательную войну против России. Тогда большинство Советов наверно будет за войну.

Вести войну теперь значит объективно поддаваться на провокацию русской буржуазии. Она прекрасно знает, что Россия сейчас беззащитна и будет разгромлена даже ничтожными силами германцев, которым достаточно перерезать главные железнодорожные линии, чтобы голодом взять Питер и Москву. Буржуазия хочет войны, ибо хочет свержения Советской власти и соглашения с немецкой буржуазией. Триумф буржуев в Двинске и Режице, в Вендене и в Гапсале, в Минске и в Дриссе, при вступлении немцев, яснее ясного подтверждает это.

Защита революционной войны в данный момент неминуемо сбивается на революционную фразу. Ибо без армии, серьезнейшей экономической подготовки вести современную войну против передового империализма для разоренной крестьянской армии — вещь невозможная. Сопrotивление германскому империализму, который раздавит нас, взяв в плен, безусловно необходимо. Но пустой фразой было бы требование: сопротивляться именно посредством вооруженного восстания и именно сейчас, когда такое сопротивление заведомо безнадежно для нас, заведомо выгодно и для германской и для русской буржуазии.

Такой же фразой является защита революционной войны сию минуту доводами о поддержке международного социалистического движения. Если мы облегчим германскому империализму своим несвоевременным принятием боя с ним разгром Советской республики, то повредим, а не поможем германскому и международному рабочему движению и делу социализма. Надо всесторонней, настойчивой, систематической работой помогать только революционным интернационалистам внутри всех стран, но идти на авантюру вооруженного восстания, когда оно заведомо есть авантюра, недостойно марксиста.

Если Либкнехт победит в 2—3 недели (это возможно), он, конечно, выпутает нас из всех трудностей. Но было бы

просто глупостью и превращением в издевку великого лозунга солидарности трудящихся всех стран, если бы мы вздумали ручаться перед народом, что Либкнехт непременно и обязательно победит в ближайшие недели. Именно, рассуждая так, превращают в пустейшую фразу великий лозунг: «Мы ставили карту на мировую революцию».

Положение дела, объективно, похоже на лето 1907 года. Тогда нас задавил и взял в плен русский монархист Столыпин, теперь немецкий империалист. Тогда лозунг немедленного восстания оказался пустой фразой, охватившей, к сожалению, всю партию эсеров. Теперь, в данную минуту, лозунг революционной войны явно есть фраза, увлекающая левых эсеров, которые повторяют доводы правых эсеров. Мы в плену у германского империализма, нам предстоит трудная и долгая борьба за свержение этого застрельщика всемирного империализма; эта борьба есть, безусловно, последний и решительный бой за социализм, но начинать эту борьбу с вооруженного восстания в данный момент против застрельщика империализма есть авантюра, на которую никогда не пойдут марксисты.

Систематическая, неуклонная, всесторонняя подготовка обороноспособности страны, самодисциплины везде и повсюду, использование тяжкого поражения для повышения дисциплины во всех областях жизни, в целях экономического подъема страны и упрочения Советской власти — вот задача дня, вот подготовка революционной войны на деле, а не на словах.

В заключение Организационное бюро считает необходимым указать, что, поскольку до сих пор наступление германского империализма не прекращено, все члены партии должны организовать дружный отпор. Если нельзя подписанием мира, хотя бы и крайне тягостного, получить время для подготовки к новым битвам, наша партия должна указывать на необходимость напряжения всех сил для самого откровенного сопротивления.

Если можно выиграть время, получить хотя бы и короткую передышку для организационной работы, мы обязаны добиться этого. Если отсрочки нам не дано, наша партия должна призывать массы к борьбе, к самой энергичной самозащите. Мы уверены, что все члены партии исполнят свой долг перед партией, перед рабочим классом своей страны, перед народом и пролетариатом. Сохраняя

Советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его неизменно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии. И большего удара для дела социализма теперь, чем крушение Советской власти в России, нет и не может быть.

С товарищеским приветом

Организационное бюро ЦК РСДРП(большевиков)

Написано 24 февраля 1918 г.

*Напечатано 26 февраля 1918 г.
в газете «Правда» № 35*

Печатается по тексту газеты

ТЯЖЕЛЫЙ, НО НЕОБХОДИМЫЙ УРОК

Неделя с 18 по 24 (11) февраля 1918 г. войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской — и международной — революции.

27-го февраля 1917 г. русский пролетариат совместно с пробужденною ходом военных событий частью крестьянства и с буржуазией свергнул монархию. 21-го апреля 1917 г. он свергнул единовластие империалистской буржуазии, передвинул власть в руки мелкобуржуазных соглашателей с буржуазией. 3-го июля городской пролетариат, стихийно поднявшись на демонстрацию, тряхнул правительство соглашателей. 25-го октября он свергнул его и установил диктатуру рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Надо было отстоять эту победу в гражданской войне. Это заняло около трех месяцев, начиная с победы над Керенским под Гатчиной, продолжая победами над буржуазией, юнкерами, частью контрреволюционного казачества в Москве, Иркутске, Оренбурге, Киеве, кончая победой над Калединым, Корниловым и Алексеевым в Ростове-на-Дону.

Пожаром пролетарского восстания вспыхнула Финляндия. Огонь перекинулся на Румынию.

Победы на внутреннем фронте дались сравнительно легко, ибо неприятель не обладал никаким перевесом ни техники, ни организации, не имея притом под ногами никакой экономической базы, никакой опоры в массах населения. Легкость побед не могла не вскружить головы многим из руководителей. Являлось настроение: «шапками закидаем».

Смотрели сквозь пальцы на гигантское разложение быстро демобилизующейся армии, уходящей с фронта. Упивались

революционной фразой. Перенесли эту фразу на борьбу против всемирного империализма. Приняли временную «свободу» России от его натиска за нечто нормальное, тогда как на деле эта «свобода» объяснялась только перерывом в войне германского хищника с англо-французским. Приняли начало массовых стачек в Австрии и Германии за революцию, которая будто бы уже избавила нас от серьезной опасности со стороны германского империализма. Вместо серьезной, деловой, выдержанной работы содействия германской революции, которая рождается особенно тяжелым и трудным путем, являлось маханье руками: «Где уж им, германским империалистам, — мы вместе с Либкнехтом спихнем их сразу!».

Неделя 18—24 февраля 1918 года, от взятия Двинска до взятия (отбитого потом назад) Пскова, неделя военного наступления империалистской Германии на Советскую социалистическую республику, явилась горьким, обидным, тяжелым, но необходимым, полезным, благодетельным уроком. Как бесконечно назидательно было сравнение двух групп телеграмм и телефонных сообщений, стекавшихся за эту неделю в центре правительства! С одной стороны, безудержный разгул «револютивной» революционной фразы — штейнберговской фразы, можно бы сказать, припоминая шедевр в этом стиле, речь «левого» (гм... гм...) эсера Штейнберга в субботнем заседании ЦИК²³. С другой стороны, мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве.

Горький, обидный, тяжелый, — необходимый, полезный, благодетельный урок!

Три вывода сделает сознательный, думающий рабочий из этого исторического урока: о нашем отношении к защите отечества, к обороноспособности страны, к революционной, социалистической, войне; об условиях нашего столкновения с мировым империализмом; о правильной постановке вопроса о наших отношениях к международному социалистическому движению.

Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали *на деле* наш разрыв с империализмом. Мы расторгли и опубликовали

грязные и кровавые империалистские договоры-заговоры. Мы свергли *свою* буржуазию. Мы дали свободу угнетавшимся *нами* народам. Мы дали землю народу и рабочий контроль. Мы — за защиту Советской социалистической республики России.

Но именно потому, что мы — за защиту отечества, мы требуем *серьезного* отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны. Мы объявляем беспощадную войну революционной фразе о революционной войне. К ней надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны, с налажения железных дорог (ибо без них современная война есть пустейшая фраза), с восстановления всюду и везде строжайшей революционной дисциплины и самодисциплины.

Преступление, с точки зрения защиты отечества, — принимать военную схватку с бесконечно более сильным и готовым неприятелем, когда заведомо не имеешь армии. Мы обязаны подписать, с точки зрения защиты отечества, самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир — не для того, чтобы «капитулировать» перед империализмом, а чтобы учиться и готовиться воевать с ним серьезным, деловым образом.

Пережитая неделя подняла русскую революцию на неизмеримо более высокую ступень всемирно-исторического развития. История шагнула вперед, за эти дни, на несколько ступенек вверх сразу.

До сих пор перед нами стояли мизерные, презренно-жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги, какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский, банды юнкеров и буржуйчиков. Теперь против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним *надо* бороться. С ним *надо уметь* бороться. Доведенная трехлетней войной до неслыханной разрухи крестьянская страна, начавшая социалистическую революцию, должна уклониться от военной схватки — пока можно, хотя бы ценой тягчайших жертв, от нее уклониться — именно для того, чтобы иметь возможность сделать что-либо серьезное к тому моменту, когда вспыхнет «последний решительный бой».

Этот бой вспыхнет лишь тогда, когда разразится социалистическая революция в передовых империалистских

странах. Такая революция, несомненно, зреет и крепнет с каждым месяцем, с каждой неделей. Этой зреющей силе *надо* помогать. Ей надо *уметь* помогать. Ей не поможешь, а повредишь, отдав на разгром соседнюю Советскую социалистическую республику в такой момент, когда в ней заведомо нет армии.

Не надо превращать в фразу великий лозунг: «Мы ставим карту на победу социализма в Европе». Это — истина, если иметь в виду долгий и трудный путь победы социализма до конца. Это — бесспорная, философски-историческая истина, если брать всю «эру социалистической революции» в ее целом. Но всякая абстрактная истина становится фразой, если применять ее к *любому* конкретному положению. Бесспорно, что «в каждой стачке кроется гидра социальной революции». Вздорно, будто от каждой стачки можно сразу шагнуть к революции. Если мы «ставим карту на победу социализма в Европе» в том смысле, что берем на себя ручательство перед народом, ручательство в том, что европейская революция вспыхнет и победит непременно в несколько ближайших недель, непременно до тех пор, пока немцы успеют дойти до Пптера, до Москвы, до Киева, успеют «добить» наш железнодорожный транспорт, то мы поступаем не как серьезные революционеры-интернационалисты, а как авантюристы.

Если Либкнехт победит буржуазию в 2—3 недели (это не невозможно), он выпутает нас из всех трудностей. Это бесспорно. Но если мы определим свою сегодняшнюю тактику в борьбе с сегодняшним империализмом надеждой на то, что Либкнехт наверное должен победить именно в ближайшие недели, то мы будем заслуживать только насмешки. Мы превратим величайшие революционные лозунги современности в революционную фразу.

Учитесь у тяжелых, но полезных уроков революции, товарищи-рабочие! Готовьтесь серьезно, напряженно, неуклонно к защите отечества, к защите социалистической Советской республики!

**ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ОБ ЭВАКУАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ²⁴**

- 1) Выбрать местом нахождения Москву.
- 2) Эвакуировать каждому ведомству только минимальное количество руководителей центрального административного аппарата, не более 2—3 десятков человек (плюс семьи).
- 3) Во что бы то ни стало и немедленно вывезти Государственный банк, золото и Экспедицию заготовления государственных бумаг.
- 4) Начать разгрузку ценностей Москвы.

Написано 26 февраля 1918 г.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

Печатается по рукописи

СТРАННОЕ И ЧУДОВИЩНОЕ

В резолюции, принятой 24 февраля 1918 г., Московское областное бюро²⁵ нашей партии вынесло недоверие Центральному Комитету, отказалось подчиняться тем постановлениям его, «которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией», и в «объяснительном тексте» к резолюции заявило, что «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время»*.

Во всем этом ничего не только чудовищного, но и странного нет. Совершенно естественно, что товарищи, резко расходящиеся с ЦК в вопросе о сепаратном мире, резко порицают ЦК и выражают убеждение в неизбежности раскола. Это все законнейшее право членов партии, это вполне понятно.

Но вот что странно и чудовищно. К резолюции приложен «объяснительный текст». Вот он полностью:

«Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, причем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. *В интересах международ-*

* Вот полный текст резолюции: «Обсудив деятельность ЦК, Московское областное бюро РСДРП выражает свое недоверие ЦК, ввиду его политической линии и состава, и будет при первой возможности настаивать на его пере выборах. Сверх того, Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией». Резолюция принята единогласно.

ной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы попрежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России».

Подчеркнуты здесь нами те слова, которые... странны и чудовищны.

В этих словах гвоздь.

Эти слова доводят до абсурда всю линию авторов резолюции. Эти слова с необычайной ясностью вскрывают корень их ошибки.

«В интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти»... Это странно, ибо нет даже связи между посылками и выводом. «В интересах международной революции целесообразно идти на военное поражение Советской власти» — такой тезис был бы верен или неверен, но его нельзя было бы назвать странным. Это — первое.

Второе: Советская власть «становится теперь чисто формальной». Вот это уже не только странно, но прямо чудовищно. Ясно, что авторы зашли в дебри сугубой путаницы. Приходится распутывать.

По первому вопросу мысль авторов состоит, очевидно, в том, что в интересах международной революции целесообразно идти на возможность поражения в войне, которое ведет к утрате Советской власти, т. е. к победе буржуазии в России. Высказывая эту мысль, авторы косвенно признают правильность высказанного мной в тезисах (от 8 января 1918 г., напечатанных в «Правде» от 24 февраля 1918 г.)*, именно, что непринятие условий мира, предложенного нам Германией, приведет Россию к поражению и к свержению Советской власти.

Итак, *la raison finit toujours par avoir raison* — правда всегда берет верх! Мои «крайние» противники, москвичи, грозящие расколом, должны были — именно потому, что они открыто договорились до раскола, — договорить также до конца свои конкретные соображения, те самые, которые предпочитают обходить люди, отделяющиеся

* См. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 401—408. *Ред.*

общими фразами о революционной войне. Вся суть моих тезисов и моих доводов (как увидит всякий, кто пожелает внимательно прочесть мои тезисы от 7 января 1918 г.) состоит в указании на необходимость принять архитяжкий мир *сейчас*, в данную минуту, при одновременной серьезной *подготовке* революционной войны (а также именно *в интересах* этой серьезной подготовки). Всю суть моих доводов обходили или не замечали, не хотели замечать те, кто ограничивался общими фразами о революционной войне. И вот теперь я должен от всей души поблагодарить именно моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они сорвали «заговор молчания» по поводу *сути* моих доводов. Москвичи *первые* ответили на них.

И каков же был их ответ?

Ответ состоял в *признании правильности* моего *конкретного* довода: да, признались москвичи, нам действительно предстоит поражение, если мы сейчас примем бой с немцами*. Да, это поражение действительно приведет к падению Советской власти.

Еще и еще раз: от всей души благодарю моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они разорвали «заговор молчания» против *сути* моих доводов, т. е. именно против моего *конкретного* указания на условия войны, в случае, если мы ее примем тотчас, и за то, что они безбоязненно признали *правильность* моего *конкретного* указания.

Далее. В чем же состоит опровержение моих доводов, *правильность* которых по существу москвичи вынуждены были признать?

В том, что в интересах международной революции *надо* идти на утрату Советской власти.

Почему этого требуют интересы международной революции? Здесь гвоздь, здесь самая суть аргументации для тех, кто хотел бы опровергнуть мои доводы. И как раз по этому, самому важному, основному, коренному, пункту ни в резолюции, ни в объяснительном тексте не сказано ни единого словечка. О том, что общеизвестно и бесспорно, составители резолюции нашли время и место поговорить — и о

* На контрвопросение, что уклониться от боя было все равно нельзя, ответ дан фактами: 8-го января мои тезисы прочтены; к 15 января мы *могли* иметь мир. Передышка была бы обеспечена наверняка (а для нас и самая краткая передышка имела гигантское значение — как материальное, так и моральное, ибо немец должен бы был объявить *новую* войну), если бы не революционная фраза.

«беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России» (средствами и приемами такой политики, которая ведет к утрате Советской власти?), и о борьбе против всех умеренных оппортунистических элементов партии, а о том, что как раз является спорным, о том, что касается как раз существа позиции противников мира, — ни звука!

Странно. Чрезвычайно странно. Не потому ли умолчали об этом авторы резолюции, что они чувствовали по этому пункту свою особую слабость? Ясно высказать, *почему* (этого требуют интересы международной революции), значило бы, пожалуй, разоблачить себя...

Как бы там ни было, приходится нам *искать* тех доводов, которыми *могли* руководиться авторы резолюции.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами? Такое мнение было высказано некоторыми противниками мира на одном питерском совещании, но поддержало его ничтожное меньшинство тех, кто возражал против сепаратного мира²⁶. Ясно, что это мнение ведет к отрицанию целесообразности брестских переговоров и к отрицанию мира «даже» на условии возврата Польши, Латвии и Курляндии. Неверность подобных взглядов (отвергаемых большинством, например, из питерских противников мира) бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам. Помогать социалистической революции в международном

масштабе, идя на возможность поражения этой революции в данной стране, — такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает.

Может быть, авторы резолюции полагают, что революция в Германии уже началась, что там она достигла уже открытой общенациональной гражданской войны, что потому мы должны отдать свои силы на помощь немецким рабочим, должны погибнуть сами («утрата Советской власти»), *спасая* немецкую революцию, которая начала уже свой решительный бой и попала под тяжелые удары? С этой точки зрения, мы, погибая, отвлекли бы часть сил германской контрреволюции и этим спасли бы германскую революцию.

Вполне допустимо, что при таких предпосылках не только «целесообразно» (как выразились авторы резолюции), но и прямо *обязательно* было бы идти на возможность поражения и на возможность утраты Советской власти. Но ясно, что эти предпосылки налицо не имеются. Германская революция зреет, но заведомо не дошла еще до взрыва ее в Германии, до гражданской войны в Германии. Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а *помешали*, идя на возможность утраты Советской власти. Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России Советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 году.

Как ни верти, логики в рассуждениях автора не найти. Разумных доводов за то, что «в интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти», нет.

«Советская власть становится теперь чисто формальной» — вот то чудовищное положение, до которого договорились, как мы видели, авторы московской резолюции.

Раз, дескать, германские империалисты будут брать с нас дань, раз они будут запрещать нам пропаганду и агитацию против Германии, то и Советская власть теряет значение, «становится чисто формальной», таков, вероятно, ход «мысли» авторов резолюции. Говорим: «вероятно», ибо ничего ясного и точного в подкрепление рассматриваемого тезиса авторы не дали.

Настроение глубочайшего, безысходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти. Все равно, спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть, — таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы «экономические» доводы, в которые иногда облачают подобные мысли, сводятся к тому же безысходному пессимизму: где уж, дескать, тут Советская республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно погибать!

Чувство, понятное при том архитяжком положении, в котором Россия находится. Но «понятно» оно не в среде сознательных революционеров. Характерно оно именно, как доведение до абсурда взглядов москвичей. Французы 1793-го года никогда не сказали бы, что их завоевания, республика и демократизм, становятся чисто формальными, что надо идти на возможность утраты республики. Они были полны не отчаяния, а веры в победу. Звать же к революционной войне и в то же самое время в официальной резолюции говорить «идти на возможность утраты Советской власти», значит разоблачать себя до конца.

Пруссия и ряд других стран в начале XIX века, во время наполеоновских войн, доходили до несравненно, неизмеримо больших тяжестей и тягот поражения, завоевания, унижения, угнетения завоевателем, чем Россия 1918-го года. И, однако, лучшие люди Пруссии, когда Наполеон давил их пятой военной сапога во сто раз сильнее, чем смогли теперь задавить нас, не отчаивались, не говорили о «чисто формальном» значении их национальных политических учреждений. Они не махали рукой, не поддавались чувству: «все равно погибать». Они подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем Брестский, умели выжидать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и освободились в конце концов (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями).

Почему бы не могла подобная вещь повториться в нашей истории?

Почему бы нам впадать в отчаяние и писать резолюции — ей-же-ей, более позорные, чем самый позорный мир, — резолюции о «становящейся чисто формальной Советской власти»?

Почему тяжчайшие военные поражения в борьбе с колосами современного империализма не смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке, привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, когда не имеешь армии, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять?

Почему должны мы впадать в отчаяние от первого же неслыханно тяжкого мирного договора, когда другие народы умели твердо выносить и горшие бедствия?

Стойкость ли пролетария, который знает, что приходится подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом, тем не менее, во что бы то ни стало, подниматься снова и снова, накапливая силы при *всяких* условиях, — стойкость ли пролетария соответствует этой тактике отчаяния, или бесхарактерность мелкого буржуа, который у нас, в лице партии левых эсеров, побил рекорд фразы о революционной войне?

Нет, дорогие товарищи из «крайних» москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть, скажут они, не *становится* и не *станет* чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пекове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов.

Никогда никакое иностранное завоевание не сделает «чисто формальным» народное политическое учреждение (а Советская власть не только политическое учреждение, во много раз более высокое, чем виданные когда-либо истории). Напротив, иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если... если она не пойдет на авантюры.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ.

Подписание незамеримо более тяжкого и позорного мира, чем Брестский, бывало в истории (примеры указаны выше) — и не вело к потере престижа власти, не делало ее формальной, не губило ни власти, ни народа, а закаляло народ, *учило* народ тяжелой и трудной науке готовить серьезную армию даже при отчаянно-трудном положении под пятой сапога завоевателя.

Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти. Возможно, что иная эпоха — как была эпоха наполеоновских войн — будет эпохой освободительных *войн* (именно войн, а не одной войны), навязываемых завоевателями Советской России. Это возможно.

И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, — позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне *серьезно*. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе.

«Правда» № № 37 и 38;
28 февраля и 1 марта 1918 г.
Подпись: Н. Лени н

Печатается по тексту
газеты «Правда»

НА ДЕЛОВУЮ ПОЧВУ

Революционный подъем, вызванный предательским набегом германских белогвардейцев на русскую революцию, налицо. Отовсюду идут телеграммы о готовности стать на защиту Советской власти и сражаться до последнего человека. Иного отношения к своей рабоче-крестьянской власти и нельзя было ожидать.

Но одного энтузиазма недостаточно для ведения войны с таким противником, как германский империализм. Было бы величайшей наивностью, даже преступлением, легкомысленное отношение к данной, *настоящей, упорной, кровавой* войне.

Войну надо вести по-настоящему, или ее совсем не вести. Середины тут быть не может. Раз нам германские империалисты ее навязывают, наша священная обязанность трезво оценить наше положение, учесть силы, проверить хозяйственный механизм. Все это должно делаться со скоростью военного времени, ибо всякое промедление в нашем теперешнем положении поистине «смерти подобно». Ганнибал у ворот, — об этом мы не должны забывать ни на минуту.

Для ведения войны *по-настоящему* необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены. Это настолько ясно, что не требует пояснения.

В каком положении находится тыл нашей революционной армии? — В самом плачевном, чтобы не сказать больше. Предшествующей войной наш транспорт окончательно расстроен, товарообмен между городом и деревней

нарушен, прямым и непосредственным результатом чего является голод в больших городах.

Под ударом неприятеля наша армия перестраивается самым коренным образом. Старой армии, знакомой с условиями ведения войны при современных условиях, нет. Вконец измученная предшествующей войной, смертельно уставшая от трех с половиной годичного сидения в окопах, она в боевом отношении представляет нулевую величину. Красная Армия — безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный. Для того, чтобы ее не сделать пушечным мясом для германских орудий, ее необходимо обучить, дисциплинировать.

Перед нами колоссальные трудности. Все местные Советы должны немедленно, вслед за отправленной телеграммой о готовности бороться с внешним врагом, сообщить, сколько вагонов хлеба отправлено в Петроград, какое количество войск они способны послать на фронт немедленно, какое количество красноармейцев обучается. Все оружие и снаряды должны быть взяты под учет, должно быть немедленно возобновлено производство нового оружия и снарядов. Железные дороги должны быть освобождены от мешочников и хулиганов. Всюду должна быть восстановлена строжайшая революционная дисциплина. Только при соблюдении *всех* этих условий можно будет говорить *серьезно* о войне. А иначе все разговоры о «самой революционной войне» будут *фразой*. А фраза вредна всегда, в данный критический момент она может сыграть роковую роль.

Я глубоко убежден, что наша революция справится с колоссальными трудностями настоящего момента. Она уже проделала грандиозную работу, но для успешного завершения нашего дела надо увеличить энергию стократ.

Только тогда мы победим.

ПРОЕКТ ПРИКАЗА ВСЕМ СОВДЕПАМ²⁷

Мы полагаем, что завтра, 3/III, будет подписан мир, но донесения наших агентов в связи со всеми обстоятельствами заставляют ожидать, что у немцев возьмет верх партия войны с Россией в ближайшие дни. Поэтому безусловный приказ: демобилизацию красноармейцев затягивать; подготовку подрыва железных дорог, мостов и шоссе усилить; отряды собирать и вооружать; эвакуацию продолжать ускоренно; оружие вывозить в глубь страны.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Написано 2 марта 1918 г.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

Печатается по рукописи

СЕРЬЕЗНЫЙ УРОК И СЕРЬЕЗНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Наши горе-«левые», выступившие вчера с собственной газетой «Коммунист»²⁸ (надо бы добавить: коммунист до-марксовской эпохи), увертываются от урока и уроков истории, увертываются от своей ответственности.

Напрасные увертки. Увернуться им не удастся.

Увертывающиеся из кожи лезут вон, громоздят газетные столбцы без числа, трудятся в поте лица своего; не жалуют «даже» типографской краски, чтобы представить «теорию» «передышки» беспочвенной и плохой «теорией».

Увы! Их потуги бессильны опровергнуть факт. Факты — упрямая вещь, как говорит справедливая английская поговорка. Факт тот, что с 3-го марта, когда в 1 час дня прекращены были германцами военные действия, и до 5-го марта, 7 час. вечера, когда я пишу эти строки, мы имеем передышку и мы *уже* воспользовались этими двумя днями для *деловой* (не фразами, а делами проявляющей себя) защиты социалистического отечества. Это — факт, который будет становиться с каждым днем все более и более очевидным для массы. Это — факт, что в момент, когда панически бежит, бросая пушки и не успевая взрывать мостов, фронтальная армия, неспособная воевать, защитой отечества и *повышением* его обороноспособности является не болтовня о революционной войне (болтовня — при таком паническом бегстве армии, *ни одного* отряда которой сторонники революционной войны *не удержали*, — прямо позорная), а отступление в порядке для спасения остатков армии, использование в этих целях каждого дня передышки.

Факты — упрямая вещь.

Наши горе-«левые», увертываясь от фактов, от их уроков, от вопроса об ответственности, стараются *скрыть* от читателя недавнее, совсем свежее, имеющее историческую важность, прошлое и *замазать* его посредством ссылок на давно прошедшее и несущественное. Пример: К. Радек вспоминает в своей статье про то, как он писал в декабре (в декабре!) о необходимости помочь армии продержаться, писал в «докладной записке Совету Народных Комиссаров». Я этой записки не имел возможности прочесть, и я спрашиваю себя: отчего же не печатает ее *целиком* Карл Радек? Отчего не разъясняет он точно и прямо, что именно понимал он тогда под «компромиссным миром»? Отчего не вспоминает он более близкого прошлого, когда он писал в «Правде» о своей (худшей из всех) иллюзии насчет возможности заключения мира с германскими империалистами при условии возврата Польши?

Отчего?

Оттого, что горе-«левые» вынуждены затушевывать факты, вскрывающие *их*, «левых», ответственность за сеяние иллюзий, которые на деле *помогли* германским империалистам и *помешали* росту и развитию революции в Германии.

Н. Бухарин пытается теперь даже отрицать тот факт, что он и его друзья утверждали, будто немец не сможет наступать. Однако очень и очень многие знают, что это — факт, что Бухарин и его друзья утверждали это, что, сея такую иллюзию, они *помогли* германскому империализму и *помешали* росту германской революции, которая ослаблена теперь тем, что у великороссийской Советской республики отняли, при паническом бегстве крестьянской армии, тысячи и тысячи пушек, сотни и сотни миллионов богатств. Я это предсказал ясно и точно в тезисах от 7 января*. Если Н. Бухарин вынужден теперь «отпираться», тем хуже для него. Все, кто помнит слова Бухарина и его друзей насчет невозможности наступления для немцев, пожмут плечами по поводу того, что Н. Бухарину пришлось «отпираться» от своих собственных слов.

А для тех, кто их не помнит, для тех, кто их не слышал, сошлемся на документ, немножечко более ценный, интересный и поучительный *сейчас*, чем декабрьские писания

* См. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 401—408. *Ред.*

К. Радека. Этот документ, к сожалению скрытый «левыми» от их читателей, есть результаты голосований (1) 21 января 1918 г. на совещании ЦК нашей партии с теперешней «левой» оппозицией; и (2) голосования ЦК 17 февраля 1918 г.

21-го января 1918 г. по вопросу о том, разорвать ли переговоры с немцами немедленно, *за* голосовал (из сотрудников горе-«левого» «Коммуниста») один Стуков. Против все остальные.

По вопросу, *допустимо* ли идти на подписание аннексионистского мира в случае разрыва германцами переговоров или ультиматума их, *против* голосовали только Оболенский (когда же напечатаны будут «его» тезисы? отчего молчит о них «Коммунист»?) и Стуков. *За* голосовали все остальные.

По вопросу о том, *надо* ли в таком случае подписать предложенный мир, *против* голосовали только Оболенский, Стуков, остальные «левые» *воздержались!* Факт.

17-го февраля 1918 г. по вопросу о том, кто *за* революционную войну, Бухарин и Ломов «в такой постановке отказываются от участия в голосовании». *За* не голосует никто. Факт!

По вопросу о том, надо ли «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере (именно так!) не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на немецкое рабочее движение», *за* голосуют Бухарин, Ломов и Урицкий из нынешних сотрудников «левой» газеты.

По вопросу о том, «заключаем ли мы мир, если мы будем иметь, как факт, немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит», *воздержались* Ломов, Бухарин и Урицкий.

Факты — упрямая вещь. А факты говорят, что Бухарин отрицал возможность германского наступления, сеял иллюзии, которыми *на деле*, вопреки своему желанию, *помогал* германским империалистам, *мешал* росту германской революции. В этом и состоит суть революционной фразы. Шел в комнату, попал в другую.

Н. Бухарин упрекает меня в том, что я не разбираю конкретно условий теперешнего мира. Однако нетрудно понять, что для моей аргументации и по сути дела в этом не было и нет никакой надобности. Достаточно было

доказать, что действительной, несфантазированной дилеммой для нас является одна: либо *такие* условия, оставляющие хотя бы на несколько дней передышку, либо положение Бельгии и Сербии. И этого Бухарин не опроверг хотя бы для Питера. Это его коллега М. Н. Покровский признал.

А что новые условия хуже, тяжелее, унижительнее худых, тяжелых и унижительных брестских условий, *в этом виноваты*, по отношению к великой Российской Советской республике, *наши горе-«левые»* Бухарин, Ломов, Урицкий и К°. Это исторический факт, доказанный вышеприведенными голосованиями. От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам *давали* брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, *доведя* до худших условий. Это факт. И ответственность за это вы с себя не снимете.

В моих тезисах от 7 января 1918 г. предсказано с полнейшей ясностью, что в силу состояния нашей армии (которое не могло измениться от фразерства *«против»* усталых крестьянских масс) Россия *должна будет* заключить *худший* сепаратный мир, если не примет Брестского.

«Левые» попались в ловушку буржуазии российской, которой *надо* было втянуть нас в войну, *наиболее* для нас невыгодную.

Что «левые эсеры», высказываясь за войну *сейчас*, заведомо разошлись с крестьянством, это факт. И этот факт говорит за *несерьезность* политики левых эсеров, как несерьезна была кажущаяся «революционной» политика всех эсеров летом 1917 года.

Что наиболее сознательные и передовые рабочие быстро сбрасывают с себя угар революционной фразы, показывает пример Питера и Москвы. В Питере уже отрезвились лучшие рабочие районы: Выборгский и Василеостровский. Петроградский Совет рабочих депутатов не стоит за войну *сейчас*, он понял необходимость *готовить* и готовит ее²⁹. В Москве на городской конференции большевиков 3 и 4 марта 1918 года уже победили противники революционной фразы³⁰.

До каких чудовищных самообольщений договорились «левые», видно из одной фразы в статье Покровского, в которой говорится: «Если воевать, то воевать нужно

теперь» (курсив Покровского), ... «когда — слушайте! слушайте! — когда еще не демобилизована российская армия вплоть до вновь образованных частей».

А кто не отмахивается от фактов, тот знает, что величайшей *помехой* для отпора немцам и в Великороссии, и на Украине, и в Финляндии в феврале 1918 г. была *наша недеобилизованная армия*. Это факт. Ибо она не могла не бежать панически, увлекая за собой и красноармейские отряды.

Кто хочет учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них, тот вспомнит хотя бы войны Наполеона I с Германией.

Много раз Пруссия и Германия заключали с завоевателем *вдесятеро* более тяжелые и унижительные (чем наш) мирные договоры, вплоть до признания иноземной полиции, вплоть до обязательства давать свои войска на помощь завоевательным походам Наполеона I. В своих договорах с Пруссией Наполеон I угнетал и дробил Германию *вдесятеро* сильнее, чем Гинденбург и Вильгельм придавили нас теперь. И тем не менее в Пруссии находились люди, которые не *фанфаронили*, а подписывали архи-«позорные» мирные договоры, подписывали их в силу неимения армии, подписывали *вдесятеро* более угнетательские и унижительные условия, а потом *все же* поднимались на восстание и на войну. Так было не раз, а много раз. История знает таких несколько мирных договоров и несколько войн. Несколько случаев передышки. Несколько новых объявлений войны завоевателем. Несколько случаев союза *угнетенной* нации с угнетающей, которая была конкурентом завоевателя и такой же завоевательницей (к сведению сторонников «революционной войны» без взятия помощи от империалистов!).

Так шла история.

Так было. Так будет. Мы вступили в эпоху *ряда* войн. Мы идем к новой *отечественной* войне. Мы придем к ней в условиях назревающей социалистической революции. И на этом тяжелом пути русский пролетариат и русская революция сумеют излечиться от фанфаронства, от революционной фразы, сумеют принимать и архитяжкие мирные договоры, сумеют подниматься снова.

Мы заключили *Тильзитский мир*. Мы придем и к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы

после Тильзитского мира 1807-го года пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 годах. Расстояние, отделяющее наш Тильзитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее.

Долой фанфаронство! За серьезную работу, дисциплину и организацию!

Написано 5 марта 1918 г.

Напечатано 6 марта 1918 г.

в газете «Правда» № 42

Подпись: В. Ленин

Печатается по рукописи

СЕДЬМОЙ СЪЕЗД РКП(б)³¹**6—8 МАРТА 1918 г.**

*Впервые полностью напечатано
в 1923 г. в книге «Седьмой съезд
Российской коммунистической пар-
тии. Стенографический отчет.
6—8 марта 1918 года»*

*Печатается по тексту книги:
«Протоколы съездов и конференций
Всесоюзной коммунистической пар-
тии (б). — Седьмой съезд.
Март 1918 года», 1928, сверенному
со стенограммой и с текстом
книги издания 1923 г.*

1

ДОКЛАД О ВОЙНЕ И МИРЕ
7 МАРТА

Политический отчет мог бы состоять из перечисления мероприятий ЦК, но для настоящего момента насущен не такой отчет, а очерк нашей революции в целом; только он и может дать единственно марксистское обоснование всем нашим решениям. Мы должны рассмотреть весь предыдущий ход развития революции и выяснить, почему дальнейшее ее развитие изменилось. В нашей революции мы имеем такие переломы, которые будут иметь громадное значение для революции международной, а именно — Октябрьскую революцию.

Первые успехи февральской революции были обусловлены тем, что за пролетариатом шла не только деревенская масса, но и буржуазия. Отсюда легкость победы над царизмом, чего не удалось нам достигнуть в 1905 году. Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в февральскую революцию повторило опыт 1905 года — нам пришлось провозгласить принцип Советской власти. Массы учились задачам революции из собственного опыта борьбы. События 20—21 апреля — своеобразное сочетание демонстрации с чем-то вроде вооруженного восстания. Этого было достаточно для падения буржуазного правительства. Начинается длительная соглашательская политика, вытекающая из самого существа мелкобуржуазного правительства, ставшего у власти. Июльские события не могли еще осуществить диктатуру пролетариата — массы еще не были подготовлены. Поэтому ни одна из ответственных организаций и не призывала их к этому. Но в смысле разведки в стане врагов июльские события имели огромное значение. Корниловщина и последующие

события, как практические уроки, сделали возможной октябрьскую победу. Ошибка желавших разделить и в октябре власть³² — в том, что они не связали октябрьской победы с июльскими днями, наступлением, корниловщиной и т. д., и т. д., что подвело многомиллионные массы к сознанию того, что Советская власть стала неизбежна. Далее следует наше триумфальное шествие по всей России, сопутствуемое стремлением всех к миру. Мы знаем, что односторонним отказом от войны мы не получим мира; это указывалось нами еще на Апрельской конференции*. Солдаты так ясно осознали в эпоху с апреля по октябрь, что соглашательская политика все затягивает войну, ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами. Вот на этой почве необходимо было во что бы то ни стало перейти поскорее к активной политике мира, необходимо было взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев, доходя даже до ареста членов земельных комитетов. И вот эта политика, этот лозунг «власть Советам», насаждаемые нами в сознание широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратили последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны, и к чему тогда в значительной части социалистических кругов относились с недоверием или даже с насмешкой, именно превращение империалистской войны в войну гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом для одной из самых больших и самых отсталых стран, участвовавших в войне. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении. Война с ними

* См. Сочинения, 4 изд., том 24, стр. 233—234. Ред.

постепенно, с переходом на сторону большевиков широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, превратилась в победное триумфальное шествие революции. Это мы видели в Питере, на Гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались, это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашения с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, пропедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 1917-го года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы,

и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма политической власти была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно-признанную, утвердившуюся в Российском государстве, — в Российскую Советскую республику. Она родилась сразу, родилась так легко потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни была партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту форму пролетарской власти. Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. Республика Советов родилась сразу. Но оставалось еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция, — у нас не было и не могло быть сомнения, что в дальнейшем социалистическая революция станет перед гигантской трудности задачами.

Во-первых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения на «ура», подобно тому как нам удавалось решить задачи гражданской войны. Этого решения не допу-

скала самая суть дела. Если мы так легко побеждали наших калединцев и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий предreshен был всем объективным предыдущим развитием, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо «Совет существует как организация профессиональная» написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», — то совсем не так обстояло дело в отношении задач организационных. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы это разложение преодолеть и победить те увеличивающие его элементы, которые смотрели на революцию как на способ отделаться от старых пут, сорвав с нее, что можно. Появление в большом числе этих элементов было неизбежно в мелкобуржуазной стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба в сто раз более трудная, никакой эффективной позиции не обещающая, — борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоит тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не сможем ограничиться триумфальным шествием с развернутыми знаменами, каким шли против калединцев. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

И то же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся первоначальным триумфальным шествием революции молодых товарищей, когда перед последней конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи, — международный вопрос. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле³³, — если мы получили так легко все это, то только потому, что счастливо сложившиеся условия на короткий момент прикрыли

нас от международного империализма. Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской республикой и по своему объективному положению и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, — не мог в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узко национальной, к мировой. Эта задача стала перед нами во всей своей невероятной трудности. Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно: почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после Октября мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу. А между тем это было так только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. А отдельным империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, дошли до невероятных пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре: наша революция попала как раз — это парадоксально, но это справедливо — в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистских стран в виде уничтожения миллионов людей, когда война измучила народы неслыханными бедствиями, когда на четвертом году войны воюющие страны подошли к тупику, к распутию, когда встал объективно вопрос: смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы?

Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно наброситься одна на другую, ни соединиться против нас, — только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии партийные работники интеллигенты-сверхчеловеки, которые дали себя увлечь этим триумфальным шествием, которые сказали: с международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет. Вот в этом — расхождение между объективным положением русской революции, которая только воспользовалась временной заминкой международного империализма, так как временно застопорила машина, которая должна была двигаться против нас, как железнодорожный поезд движется против тачки и дробит ее, — а машина застопорила потому, что столкнулись две группы хищников. Там и тут росло революционное движение, но во всех без исключения империалистских странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию. Это объективное положение создало то, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом в истории. От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неизмеримо

уоставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к партии большевиков, которые перед всей буржуазкей не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние армии создало гигантский кризис. Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная ею до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который еще пока оставался и остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять было нельзя. Лежал смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций, тогда как последнее могло быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки нашей партии — интеллигенция и часть рабочих организаций — попытались отделаться прежде всего фразами, отговорками: так быть не должно. Этот мир был слишком невероятной перспективой, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с развернутыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы могли уступить, принять унижительные условия. Никогда. Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать».

Такова была первая отговорка, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение; приходится при неслыханно трудной организационной работе пройти ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов, — а не в начале начал, — какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были

суждены, международная социалистическая революция придет, — ибо она идет; созреет, — ибо она зреет, и созреет. Наше спасение от всех этих трудностей — повторяю — во всевропейской революции. Исходя из этой истины, совершенно абстрактной истины, и руководясь ею, мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, — то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка — непосредственный шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это «кажливый божий раз на этом месте» мы слышали и набили оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы отбросили потому, что как несомненно то, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяком является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда созреет мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, — настолько совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодняшнюю трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение, — я могу делать какие угодно глупости». «Либкнехт выручит потому, что он все равно победит». Он даст такую великолепную организацию, наметит все заранее так, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение в Западной Европе, — и благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев, тогда как на его победу в Западной Европе требовались десятки лет. Итак, совершенно никчемная авантюра — перенесение старого метода решения вопроса борьбы триумфальным шествием на новый исторический период, который наступил, который перед нами поставил не гнилушек Керенского и Корнилова, а поставил международного хищника — империализм Германии, где революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было утверждение, что враг против революции не решится

наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Объективное соотношение сил соответствовало тому, что получения передышки будет мало. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что она может разразиться сейчас, и нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Когда им говорят, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, — мы вынуждены были, хотя несколько не забыли о том, что около нашего смиренного домашнего зверя лежит тигр, — они не хотят понять. Если мы вынуждены были демобилизовать армию, то мы отнюдь не забыли, что путем одностороннего приказа втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не были против этой демобилизации? Что же мы — совершенно с ума сошли? Нисколько. Офицеры, не большевики, говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт, неприглядную горькую действительность, а не прятаться или надвигать себе на глаза шапку и отделяваться гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, — это как можно скорее демобилизовать ее. Это — большая часть организма, которая испытывала неслыханные мучения, истерзанная лишениями войны, в которую она вошла технически неподготовленной и вышла в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, вынесших такие неслыханные страдания. В сотнях резолюций с полной откровенностью, даже в течение первого периода русской революции, солдаты говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать окончание войны, можно было проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность прокладывала себе дорогу. Это — большая

часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, чем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, — демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию — это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни войны, ни подписания мира». Но если немец наступит? «Нет, он не сможет наступать». А вы имеете право ставить на карту не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том: не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Но мы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, — мы все знаем, что порвали с империалистами не на словах, а на деле: разрушили тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир, так что все народы могли увидеть на деле все наши намерения. Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской республики, могли идти на эту авантюру, которая принесла свои плоды? А это факт, потому что тот тяжелый кризис, который переживает наша партия, в связи с образованием в ней «левой» оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Никким образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в данный момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем, является то, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссий, в достаточном количестве расколов, — вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ — проверка всего

фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать. Из вашей тактики вытекало, что можно объявить состояние войны прекращенным. Вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, — когда мы в любой город приходим, провозглашаем Советскую власть, и девять десятых рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. А кто с кем должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютна истина, что без немецкой революции мы погибли, — может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более далеких местах, в которые нам, быть может, предстоит перебраться и до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петрограда до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, — мы погибнем. Тем не менее, это ни на каплю не колеблет нашей уверенности в том, что мы самое трудное положение должны уметь вынести без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России — стране Николая и Распутина, когда громадной части населения было совершенно все равно, какие там народы на окраинах живут, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко, это значило — перышко поднять.

А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку, — неправильно, нелесо. Тут мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Это факт. Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно, — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, но это нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необы-

чайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра, и когда начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она нас очень больно побила, — а за битого двух небитых дают. Поэтому я считаю, что после того, как история нас на этой надежде, — что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура», — очень больно побила, этот урок войдет благодаря нашим советским организациям в сознание масс всей Советской России очень быстро. Они все шевелятся, собираются, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас происходят не старые дореволюционные споры, которые оставались внутри узкопартийных кругов, а все решения выносятся на обсуждение масс, требующих проверки их опытом, делом, никогда не дающих себя увлечь легкими речами, никогда не дающих сбить себя с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от трудностей, стоящих перед нами, можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика: он, конечно, может отговориться от вопросов о том, что армии нет, от того, что революция в Германии не наступает. Массы миллионные, — а политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика, — миллионы знают, что такое армия, видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, — если брать не отдельных лиц, а настоящую массу, — что воевать мы не можем, что всякий человек на фронте все, что мыслимо было, вынес. Масса поняла истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший, унижительный мирный договор. Это неизбежно, пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее по домам. До тех пор больной не выздоровеет. А немецкого хищника мы «на ура» не возьмем, не скинем, как скинули Керенского, Корнилова. Вот урок, который массы вынесли без оговорок, которые пытались преподнести им некоторые, желающие отделаться от горькой действительности.

Сначала сплошное триумфальное шествие в октябре, ноябре, — потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником, русская революция готова принять условия грабительского договора. Да, повороты истории очень тяжелы, — у нас все такие повороты тяжелы. Когда в 1907 году мы подписали неслыханно позорный внутренний договор со Столыпиным, когда мы вынуждены были пройти через хлев столыпинской Думы, принимали на себя обязательства, подписывая монархические бумажки³⁴, мы переживали то же самое в маленьком масштабе, по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежащие к лучшему авангарду революции, говорили (у них тоже не было тени сомнения в своей правоте): «Мы — гордые революционеры, мы верим в русскую революцию, мы в легальные столыпинские учреждения никогда не пойдём». Пойдите. Жизнь масс, история — сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, так вас история ваставит. Это были очень левые, от которых при первом повороте истории ничего, как от фракции, кроме дыму, не осталось. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти из этого положения снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась потому, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Тут надо уметь отступать. Невероятно горькой, печальной действительности фразой от себя не закрыть; надо сказать: дай бог отступить в полупорядке. Мы в порядке отступить не можем, — дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы большая часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров: он преодолет болезнь. Но нельзя требовать, чтобы он преодолел ее сразу, моментально, нельзя остановить бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии, — это было принято за обидное предложение: «нас хотят сослать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны». Предлагая это, я, право, не рассчитывал на от-

правку фракционных врагов в ссылку: это было предложение посмотреть на то, что армия начала неслыханно бежать. И раньше мы это знали, и раньше нельзя было закрывать глаза на то, что там разложение дошло до неслыханных фактов, до продажи наших орудий немцам за гроши. Это мы знали, как знаем и то, что армию нельзя удержать, и отговорка, что немец не наступит, была величайшей авантюрой. Если европейская революция опоздала родиться, нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить сейчас нельзя. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно.

Дело происходит так, что гражданская война началась как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм сгнил совершенно и что поднимаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, — я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться. Так точно, если народу говорить, что гражданская война в Германии придет, и вместе с тем ручаться, что вместо столкновения с империализмом будет полевая международная революция, то народ скажет, что вы обманываете. Этим вы только в своем понимании, в своих желаниях проходите через те трудности, которые история преподнесла. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить. А вы это измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Нет, вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, — так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра, — тогда что? Тогда масса

скажет вам: вы поступили как авантюристы, — вы ставили карту на этот счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными оставаться в том положении, которое оказалось вместо международной революции, которая придет неизбежно, но которая сейчас еще не созрела.

Наступил период тягчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая демобилизовала свою армию, должна была демобилизоваться. То, что я предсказывал, наступило целиком: вместо Брестского мира мы получили мир гораздо унижительней, по вине тех, кто не брал его. Мы знали, что по вине армии заключаем мир с империализмом. Мы сидели за столом рядом с Гофманом³⁵, а не с Либкнехтом, — и этим мы помогли немецкой революции. А теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали свои миллионные богатства, — пушки, снаряды, — а это должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, — это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы оказались добычей неприятеля в несколько дней.

Получивши этот урок, мы наш раскол, кризис наш изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник: всемирная революция. Когда нам говорят о ратификации этого Тильзитского мира, неслышанного мира, более унижительного, грабительского, чем Брестский, я отвечаю: безусловно, — да. Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения тактики октября — ноября внутри одной страны, этого триумфального периода революции, перенесения с помощью нашей фантазии на ход событий мировой революции — эта попытка обречена на неудачу. Когда говорят, что передышка — это фантазия, когда газета, называемая «Коммунист», — должно быть, от Коммуны, — когда эта газета наполняет столбец за столбцом, пытаюсь опровергать теорию передышки, тогда я говорю: мне много пришлось пережить фракционных столкновений, расколов, так что я имею большую практику, но должен сказать, что вижу ясно, что старым способом — фракционных партийных расколов — эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше.

Жизнь шагает очень быстро. На этот счет она действует великолепно. История гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере начнет разочаровываться в его идеях, потому что жизнь показывает, что передышка — это факт. Вот сейчас мы подписываем мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, — потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли, потому что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армию не могут, они ее не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, — тяжелый удар, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов под ударами империализма. Между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединяться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться, создавать армию, способную не бежать, а идти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась и нельзя ручаться, что она придет завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и путиловцы, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины, когда мы переживали то, что брали назад не сданное, причем это состояло в том, что телеграфист приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне

из Комиссариата путей сообщения: «Занята следующая станция, мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет. Телеграфист занимает свое место». Вот, что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны³⁶. Ее описали нам матросы, путиловцы, которых надо взять на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унижительная правда, но она во сто раз полезнее, она понимается русским народом.

Я предоставляю увлекаться международной полевой революцией потому, что она наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие, хоть один час в течение суток, учились сражаться. Это немного потруднее, чем нарисовать прекрасную сказку. Это есть сейчас, этим вы помогаете немецкой революции, международной революции. Сколько нам дали дней передышки, — мы не знаем, но она дана. Надо скорее демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции³⁷.

Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже тридцать — сорок раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительный, долгий период освобождения, которое только что создало, подняло Советскую власть на три ступени своего развития, — только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотрительная борьба. Позорный мирный договор поднимает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, они апеллируют к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчишки были перед глазами. Что они говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Их газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир — это позор, война — это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я — с точки зрения крестьянина.

Если я беру мир, когда армия бежит, не может не бежать, не теряя тысячи людей, так я возьму его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий

серьезный крестьянин и рабочий потому, что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История знает, — на это я ссылался не раз, — история знает освобождение немцев от Наполеона после Тильзитского мира; я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что там было: обязательства давать наши войска на помощь завоевателю для завоевания других народов, — а до этого история доходила, и до этого дело дойдет и у нас, если мы будем только надеяться на международную полевую революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до этой формы военного рабства. И пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман — Наполеон — ловил немцев на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро.

Последняя война дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу — организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы — погибший народ и вечно будем лежать в рабстве.

Так, и только так, шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не униженного. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более униженному, а в Питере и в Москве, на следующем этапе, нам предпишут мир в четыре раза унижительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья³⁸, мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: пусть русский народ поймет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все тильзитские миры. Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, возвратиться к войне, — и это,

может быть, предстоит на-днях. Каждый человек должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой, если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах; не в Нарве, а под Нарвой; не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петроград. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнений. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому что я — оборонец, потому что я стою за подготовку армии — пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную большую армию.

Мы не знаем, какова будет передышка, — будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, она продлится всего несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать потому, что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на нескольких фронтах. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что надо разбить Советскую республику, а с другой стороны — тем, что у него на целом ряде фронтов война, а с третьей стороны — тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает, он не может, как утверждают,сию минуту взять Питер, взять Москву. Но он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда факт болезни армии налицо, когда мы пользуемся каждым моментом, во что бы то ни стало, хотя бы для дня передышки, мы говорим, что всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, пытаться ее подымать для новой войны, — всякий такой революционер нас оправдает,

всякий позорный договор признает правильным, ибо последнее — в интересах пролетарской революции и обновления России, освобождения ее от больного органа. Подписывая этот мир, как понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции; всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей военной помощи: мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными.

Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву, а потом перейдем в наступление: на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, для которого, может быть, понадобится много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир потому, что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак; он видит, он поймет, что надо воздержаться, что этот лозунг нужно провести, — в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда Советов.

Надо уметь работать на новом пути. Это неизмеримо тяжелее, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советскую власть, если мы глупейшей авантюрой сами не сорвем ее. Придет время, когда народ скажет: я не позволю больше себя мучить. Но это может случиться, если мы не пойдем на эту авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унижительном договоре, который мы подписали на днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Немецкий народ по своей монархической организации был связан в 1807 году, когда подписал свой Тильзитский мир, после нескольких унижительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии. Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет. Перед нами вырисовывается эпоха тяжчайших поражений, она налицо, с ней надо уметь считаться, нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев: этого нечего прикрашивать; это действительно Тильзитский мир. Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим. (Аплодисменты.)

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ВОЙНЕ И МИРЕ
8 МАРТА

Товарищи, позвольте мне начать с замечаний сравнительно мелких, с конца. Тов. Бухарин в конце своей речи дошел до того, что сравнил нас с Петлюрой. Если он считает, что это так, то как же может он оставаться в одной партии с нами? Разве это не фраза? Конечно, если бы это действительно было так, мы не сидели бы в одной партии. То, что мы вместе, доказывает, что на девять десятых с Бухариным согласны. Правда, он прибавил немного революционных фраз о том, что мы хотели предать Украину. Я уверен, что о таких заведомых пустяках говорить не стоит. Я вернусь к товарищу Рязанову и здесь я хочу отметить, что подобно тому, как исключение, случающееся раз в десять лет, лишь подтверждает правило, так и ему случилось сказать нечаянно серьезную фразу. (Аплодисменты.) Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. Это почти философское рассуждение. На этот раз вышло так, что у тов. Рязанова получилась совершенно серьезная, правда, фраза, в которой вся суть: я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом. Все остальное — только разговоры: необходимость революционной войны, подъем крестьянства и пр. Когда тов. Бухарин изображает дело так, что насчет возможности войны двух мнений быть не может, и говорит: «спросите любого военного» (я записал с его слов), раз он так ставит вопрос, что спрашивает любого военного, то я ему отвечу: таким любым военным оказался французский офицер, с которым мне пришлось беседовать. Этот французский офицер, смотря на меня, конечно,

злыми глазами, — ведь я продал немцам Россию, — говорил: «Я роялист, я сторонник монархии и во Франции — сторонник поражения Германии, не подумайте, что я сторонник Советской власти, — как же подумаешь, если он монархист, — но я был за то, чтобы вы подписали договор в Бресте, потому что это необходимо»³⁹. Вот вам «спросите любого военного». Любой военный должен был сказать то, что я говорил: надо было подписать договор в Бресте. Если теперь из речи Бухарина вытекает, что наши разногласия очень уменьшились, то это потому, что главный пункт разногласий его сторонники спрятали.

Когда теперь Бухарин громит нас за то, что мы деморализовали массы, он абсолютно прав, только он себя громит, а не нас. Кто провел эту кашу в ЦК? — Вы, тов. Бухарин. (Сме х.) Как вы не кричите «нет», а правда возьмет верх: мы в своей товарищеской семье, мы на своем собственном съезде, скрывать нечего, и придется говорить правду. А правда состоит в том, что в ЦК было три течения. 17 февраля Ломов и Бухарин не голосовали. Я просил голосование воспроизвести, размножить, всякий член партии зайдет в секретариат, если пожелает, и посмотрит голосование — историческое голосование 21-го января, которое показывает, что колебались-то они, а мы нисколько не колебались, мы говорили: «возьмем мир в Бресте, — лучшего не получите, — чтобы готовить революционную войну». Сейчас мы уже выиграли пять дней, чтобы эвакуировать Питер. Сейчас выпущено воззвание Крыленко и Подвойского⁴⁰, которые не были в числе левых и которых Бухарин третировал, говоря, что «вытаскивают» Крыленко, как будто мы выдумали то, что Крыленко докладывал. Мы с этим абсолютно согласны; ведь вот как обстоит дело, ведь это военные доказывали то, что я говорил, а вы отговариваетесь тем, что немец не наступит. Разве можно это положение сравнить с октябрем, когда дело было не в технике? Нет, если вы хотите считаться с фактами, так считайтесь с тем, что разногласия касались того, что нельзя начать войну, когда она заведомо невыгодна. Когда тов. Бухарин начал заключительное слово громовым вопросом: «возможна ли война в ближайшем будущем?», он меня очень удивил. Я отвечаю без колебаний: возможна, — а сейчас надо принять мир. Тут никакого противоречия нет.

После этих коротких замечаний я перейду к детальным ответам предыдущим ораторам. По отношению к Радеку я должен сделать исключение. Но было другое выступление — тов. Урицкого. Что там было, кроме Каноссы, «предательства», «отступили», «приспособились»? Ну, что это таксе? Разве это не из газеты лево-эсеровской ваша критика? Тов. Бубнов читал нам заявление, поданное в ЦК цекистами, считающими себя очень левыми, которые провели полностью пример демонстрации перед всем миром: «поведение ЦК наносит удар международному пролетариату». Разве это не фраза? «Демонстрировать перед всем миром бессилие!». Чем мы демонстрируем? Тем, что предложили мир? Тем, что армия побсжала? Разве мы не доказали, что начать войну с Германией сейчас, не приняв Брестского мира, значит показать миру, что наша армия больна, не желает идти на бой? Совершенно пустое, когда Бубнов утверждает, что это колебание целиком было создано нами, — это было потому, что наша армия больна. Когда бы то ни было, передышку надо было дать. Если бы следовали правильной стратегии, мы имели бы месяц передышки, а так как вы последовали стратегии неправильной, мы имеем только пять дней передышки, — и это хорошо. История войны показывает, что для того, чтобы остановить армию, бегущую в панике, достаточно иногда бывает даже дней. Кто не берет, не подписывает сейчас дьявольский мир, тот — человек фразы, а не стратегии. Вот в чем горе. Когда мне цекисты пишут: «демонстрация бессилия», «предательство» — это вреднейшая, пустейшая ребячья фраза. Демонстрировали мы бессилие тем, что попробовали воевать, когда нельзя было демонстрировать, когда наступление на нас было неизбежно. Что касается псковских крестьян, то мы привезем их на съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевший паническим бегством солдат начнет выздоравливать и скажет: «Да, теперь я понял, что это не та война, которую большевики обещали прекратить, — это новая война, которую немцы ведут против Советской власти». Тогда наступит оздоровление. Но вы ставите вопрос, который решить нельзя. Никто не знает срока передышки.

Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда

он начал переговоры в Бресте, великолепно использовав их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из семи дней он пять украл⁴¹. Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отменяла это, об этом не стоит вспоминать, но смешно, что Бухарин говорит: «жизнь покажет, что мы были правы». Я был прав, потому что я писал об этом еще в 1915 году: «Надо готовиться вести войну, она неизбежна, она идет, она придет»*. Но надо было мир взять, а не хорохориться зря. И тем более надо было мир взять, что война придет, а сейчас мы, по меньшей мере, облегчаем эвакуацию Питера, мы ее облегчили. Это факт. Когда тов. Троцкий выдвигает новые требования: «обещайте, что не подпишете мир с Винниченко», я говорю, что ни в коем случае такого обязательства на себя не возьму⁴². Если бы съезд взял обязательство, ни я, ни один из моих единомышленников, никто ответственности за это на себя не возьмет. Это значило бы вместо ясной линии маневрирования, — отступая, когда можно, иногда наступая, — вместо этого связать себя снова формальным решением. Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылался на прусскую историю. Некоторые, определенно, как дети, думают: подписал договор, значит проданся сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил. В истории бывали случаи, когда войны следовали одна за другой, все это мы забыли, мы видим, старая война превращается в ...**. Если вам угодно, связывайте себя формальными соображениями навсегда и давайте тогда

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 368. *Ред.*

** В стенограмме несколько слов отсутствует. *Ред.*

ответственные посты левым всерам. Мы на себя ответственности за это не возьмем. Тут нет ни тени желания раскола. Я убежден, что жизнь вас научит. 12 марта — не за горами — вы получите большой материал⁴³.

Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная точка зрения. Чтобы показать конкретно, я возьму пример: два человека идут, на них нападают десять человек, один борется, другой бежит — это предательство; но если две армии по сто тысяч и против них пять армий; одну армию окружили двести тысяч, другая должна идти на помощь, но знает, что триста тысяч расположены так, что там ловушка: можно ли идти на помощь? Нет, нельзя. Это не предательство, не трусость: простое увеличение числа изменило все понятия, каждый военный это знает, — тут не персональное понятие: поступая так, я сберегаю свою армию, пусть ту возьмут в плен, я свою обновлю, у меня есть союзники, я выжду, союзники придут. Только так можно рассуждать; но когда к соображениям военным припутываются другие, тут ничего, кроме фразы, нет. Так политику вести нельзя.

Все, что может быть сделано, мы сделали. Тем, что мы подписываем договор, мы сберегли Питер, хотя бы на несколько дней. (Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать.) В договоре приказано вывести из Финляндии наши войска, войска заведомо негодные, но нам не запрещено ввозить оружие в Финляндию. Если бы Питер пал несколько дней назад, то паника охватила бы Питер, и мы ничего бы не вывезли, а за эти пять дней мы помогли нашим финским товарищам, — я не скажу, сколько, они это сами знают.

Слова о том, что мы предали Финляндию, являются самой ребяческой фразой. Мы именно тем и помогли, что во-время отступили перед немцами. Не погибнет никогда Россия, если провалится Питер, тут тысячу раз прав тов. Бухарин, а если маневрировать по-бухарински, тогда можно хорошую революцию загубить. (Смех.)

Мы ни Финляндии, ни Украины не предали. В этом нас не упрекнет ни один сознательный рабочий. Мы помогаем, чем можем. Мы из наших войск ни одного хорошего человека не увели и не уведем. Если вы говорите, что Гофман поймает, накроет, — конечно, он может, в этом

я не сомневаюсь, но во сколько дней он это сделает, — он не знает и никто не знает. Кроме того, соображения ваши, что поймает, накроет, есть соображения политического соотношения сил, о котором буду говорить дальше.

Выяснив, почему я абсолютно не могу принять предложение Троцкого — так вести политику нельзя, — я должен сказать, что примером того, насколько товарищи на нашем съезде ушли от фразы, которая фактически осталась у Урицкого, показал Радек. Я его никоим образом не могу обвинить за это выступление во фразе. Он сказал: «Ни тени предательства, ни позора нет, потому что ясно, что вы отступили перед военной подавляющей силой». Это оценка, которая всю позицию Троцкого разбивает. Когда Радек сказал: «Стиснув зубы, надо готовить силы», это правда, — тут я целиком подписываюсь: не хорохорюсь, а стиснув зубы готовиться.

Стиснув зубы, не хорохорюсь, а готовь силы. Революционная война придет, в этом у нас разногласий нет; разногласия относительно Тильзитского мира — подписывать ли? Хуже всего, это больная армия, да, и потому в ЦК должна быть одна твердая линия, а не разногласия или средняя линия, которую поддержал и тов. Бухарин. Не розовые краски я рисую насчет передышки; никто не знает, сколько будет продолжаться передышка, и я не знаю. Смешны потуги, которые стараются из меня выжать, сколько будет продолжаться передышка. Благодаря сохраненным магистралям мы помогаем и Украине и Финляндии. Используем передышку, маневрируя, отступая.

Немецкому рабочему уже сказать нельзя, что русские капризничают, ведь теперь ясно, что идет германо-японский империализм, и это будет ясно всем и каждому; кроме желания душить большевиков, у немца есть желание душить и на Западе, все перепуталось, и в этой новой войне придется и нужно уметь маневрировать.

Касаясь речи тов. Бухарина, я отмечаю, что, когда у него нехватает аргументов, он выдвигает нечто от Урицкого и говорит: «Договор нас шельмует». Тут аргументы не нужны: если мы ошельмованы, мы должны были бы собрать бумаги и убежать, но, хотя мы и «ошельмованы», я не думаю, чтобы наши позиции были поколеблены. Тов. Бухарин пытался анализировать классовую основу наших

позиций, но вместо этого рассказал анекдот о покойном эконоомисте-москвиче. Когда нашли в нашей тактике связь с мешочничеством, то, — ей-богу, смешно, забыли, что отношение класса в целом, — класса, а не мешочников, — показывает нам, что русская буржуазия и все ее прихвостни — делонародовцы и новожиженцы — втравливают нас в эту войну всеми силами. Ведь этот классовый факт вы не подчеркиваете. Объявлять сейчас войну Германии, значит поддаваться на провокацию русской буржуазии. Это не ново, потому что это есть вернейший, — я не говорю: абсолютно верный, ничего абсолютно верного не бывает, — вернейший путь сбросить нас сейчас. Когда тов. Бухарин говорил: жизнь за них, все кончится тем, что мы признаем революционную войну, — он праздновал легкую победу, ибо неизбежность революционной войны мы предсказывали еще в 1915 году. Наши разногласия были в том, что немец: наступит или нет; что нам надо было объявить состояние войны прекращенным; что надо в интересах революционной войны отступить физически, отдавая страну, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предписывают самый что ни на есть гнусный мирный договор. Наши разногласия исчезнут все, раз мы эту тактику признаем.

3

РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ И МИРЕ⁴⁴

Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижайший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику.

Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистских государств (как с Запада, так и с Востока) против Советской России. Историческая неизбежность таких наступлений при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных, классовых, а равно международных отношений, может в каждый, самый близкий момент, даже в несколько дней, привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Советской Республики в особенности.

Поэтому съезд заявляет, что первой и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне, для создания везде и повсюду строжайше связанных и желез-

ной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и особенно в критические моменты жизни народа, — наконец, для всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям.

Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию.

Съезд уверен, что с точки зрения интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим.

В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готова неизбежное и полное поражение империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран.

*Впервые напечатано 1 января 1919 г.
в газете «Коммунар» № 1*

*Печатается по тексту газеты,
сверенному с рукописью*

4

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВОК ТРОЦКОГО
К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ ⁴⁵
8 МАРТА (УТРОМ)

I

Товарищи, в своей речи я уже говорил, что ни я, ни мои сторонники не считаем возможным принятие этой поправки. Мы никоим образом ни в одном стратегическом маневре связывать себе руки не должны. Все зависит от соотношения сил и момента наступления на нас тех или иных империалистических стран, от момента, когда оздоровление нашей армии, несомненно начинающееся, дойдет до того, что мы будем в состоянии и обязаны будем не только отказаться от подписания мира, но и объявить войну. Я согласен вместо тех поправок, которые предлагает тов. Троцкий, принять следующие:

Во-первых, сказать, — и это я буду безусловно отстаивать, — что настоящая резолюция не публикуется в печати, а сообщается только о ратификации договора.

Во-вторых, в формах публикации и содержании ЦК предоставляется право внести изменения в связи с возможным наступлением японцев.

В-третьих, сказать, что съезд дает полномочия ЦК партии как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии признает для этого момент подходящим.

Это полномочие порвать договоры в любой момент мы должны дать ЦК, но это никоим образом не значит, что мы порываем сейчас, в том положении, которое сегодня существует. Сейчас мы ничем не должны себе связывать рук. Слова, которые предлагает внести тов. Троцкий, соберут голоса тех, кто против ратификации вообще, голоса — за среднюю линию, которая снова создаст то

положение, когда ни один рабочий, ни один солдат ничего не поймет в нашей резолюции.

Мы сейчас постановим необходимость ратификации договора и дадим полномочия Центральному Комитету объявить войну в любой момент, потому что на нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск — это вполне возможно, но во всяком случае ни в отношении разрыва мирного договора, ни в отношении объявления войны мы не должны стеснять свое центральное учреждение ничем. Украинцам финансовую помощь мы даем, помогаем, чем можем. Во всяком случае, нельзя связывать себя тем, что мы никакого мирного договора не подпишем. В эпоху растущих войн, сменяющих одна другую, растут новые комбинации. Мирный договор есть одно живое маневрирование — либо мы на этом условии лавирования стоим, либо заранее формально связываем себе руки так, что нельзя будет двинуться: нельзя ни мириться, ни воевать.

II

Я, кажется, говорил: нет, я этого принять не могу. Эта поправка создает намек, выражает то, что хочет сказать тов. Троцкий. Намеки не следует ставить в резолюции.

Первый пункт говорит о том, что мы принимаем ратификацию договора, считая необходимым воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику. Говоря о передышке, мы не забываем, что наступление на нашу республику продолжается. Вот моя мысль, которую я подчеркнул в заключительном слове.

5

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОПРАВКИ РАДЕКА
К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ
8 МАРТА (УТРОМ)

Я лишен возможности ответить сейчас на полемику тов. Радека, — поскольку я не голосую, у меня нет мотивов голосования. В обычном порядке я ответить не могу, не хочу задерживать съезд просьбой дать мне слово для ответа на эту полемику. Напоминаю поэтому только сказанное в заключительном слове, а во-вторых, выражаю свой протест против того, чтобы слово по мотивам голосования превращалось в полемику, отвечать на которую я не в состоянии.

6

ДОПОЛНЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязывает всех членов партии хранить эту резолюцию в тайне. В печать дается только — и притом не сегодня, а по указанию ЦК — сообщение, что съезд за ратификацию.

Кроме того съезд особо подчеркивает, что ЦК-ту дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистскими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну.

Печатается по рукописи

7

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОПРАВКИ ЗИНОВЬЕВА
К ДОПОЛНЕНИЮ К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ
8 МАРТА**

Я думаю, товарищи, что надобности в этой поправке, которую вносит тов. Зиновьев, нет⁴⁶. Я надеюсь, что в зале только члены партии, я думаю, что можно принять, ввиду государственной важности вопроса, решение взять личную подписку с каждого находящегося в этой зале.

Это вовсе не такая излишняя мера, мы находимся в условиях, когда военные тайны становятся для Российской республики очень важными вопросами, самым существенным. Если мы в печати скажем, что съезд признал ратификацию, то тогда недоразумения быть не может. Я только предлагаю не голосовать этого сейчас потому, что могут быть изменения: сегодня еще должны придти сведения, у нас приняты специальные меры, чтобы нас информировали с северо-востока и юга, — эти известия могут кое-что изменить. Раз съезд согласится, что мы должны маневрировать в интересах революционной войны, даст даже полномочия ЦК объявить войну, — ясное дело, что в этом у нас согласие обеих частей партии, спор только и состоял в том, продолжать ли без всякой передышки войну или нет. Я полагаю, что, внося такую поправку, я говорю вещь бесспорную для большинства и для оппозиции; думаю, что иных толкований быть не может. Я считаю более практическим подтвердить лишь о том, что надо держать ее в тайне. Кроме того, принять дополнительные меры и взять на этот счет личную подписку с каждого находящегося в зале.

8

ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ
8 МАРТА

I

Нельзя ли, ввиду того, что была роздана резолюция, сейчас же принять решение, что всякий, получивший резолюцию, приносит ее на этот стол немедленно и тут же. Это есть одна из мер сохранения военной тайны.

II

Я прошу проголосовать. Наши партийные центры состоят из взрослых людей, которые поймут, что сообщения, содержащие военную тайну, делаются устно. Я поэтому вполне настаиваю, чтобы немедленно все тексты резолюций, имеющиеся на руках, положить сюда на этот стол.

9

ДОКЛАД О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОГРАММЫ⁴⁷
И ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ⁴⁸
8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ)

Товарищ, по вопросу об изменении названия партии, как вы знаете, с апреля 1917 г. в партии развернулась довольно обстоятельная дискуссия, и поэтому в Центральном Комитете сразу удалось достигнуть не вызывающего, кажется, больших споров, а может быть, даже почти никаких, решения: именно, Центральный Комитет предлагает вам переменить название нашей партии, назвав ее Российской коммунистической партией, в скобках — большевиков. Это добавление мы все признаем необходимым, потому что слово «большевик» приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе, которая следит за развитием событий в России в общих чертах. Что название «социал-демократическая партия» научно неправильно, это уже также было разъяснено в нашей прессе. Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма, — буржуазного демократизма, — оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свой прообраз только в Парижской Коммуне, а про Парижскую Коммуну Энгельс выражался, что Коммуна не была государством в собственном смысле слова⁴⁹. Одним словом, поскольку сами трудящиеся массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, сле-

довательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять.

С другой стороны, начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот почему название коммунистической партии является единственно научно правильным. Возражение, что оно может подать повод к смешению нас с анархистами, в Центральном Комитете было сразу отвергнуто, потому что анархисты никогда не называют себя просто коммунистами, но с известными добавлениями. В этом отношении имеются всякие разновидности социализма, однако они не ведут к смешению социал-демократов с социал-реформистами и с социалистами национальными и т. п. партиями.

С другой стороны, важнейшим доводом за перемену названия партии является то, что до сих пор старые официальные социалистические партии во всех передовых странах Европы не отделались от того угара социал-шовинизма и социал-патриотизма, который привел к полному краху европейского социализма, официального, во время настоящей войны, так что до сих пор почти все официальные социалистические партии являлись настоящим тормозом рабочего революционного социалистического движения, настоящей помехой ему. И наша партия, симпатии к которой в массах трудящихся во всех странах в настоящее время, безусловно, чрезвычайно велики, — наша партия обязана выступить с возможно более решительным, резким, ясным, недвусмысленным заявлением о том, что она свою связь с этим старым официальным социализмом рвет, и для этого перемена названия партии будет средством, наиболее способным достичь цели.

Дальше, товарищи, гораздо более трудным вопросом явился вопрос о теоретической части программы, о практической и политической части ее. Что касается до теоретической части программы, то мы имеем некоторые

материалы, а именно, изданы были московский и петербургский сборники о пересмотре партийной программы⁵⁰; в двух главных теоретических органах нашей партии: «Просвещении»⁵¹, выходившем в Петербурге, и «Спартаке»⁵², выходившем в Москве, были помещены статьи, обосновывавшие то или иное направление изменения теоретической части программы нашей партии. В этом отношении известный материал имеется. Намечались две основных точки зрения, которые, на мой взгляд, не расходятся, по крайней мере, коренным образом, принципиально; одна точка зрения, которую я защищал, состоит в том, что нам выкидывать старую теоретическую часть нашей программы нет оснований, и это было бы даже неправильно. Нужно только дополнить ее характеристикой империализма, как высшей ступени развития капитализма, а затем — характеристикой эры социалистической революции, исходя из того, что эта эра социалистической революции началась. Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, объективное положение империалистических стран, вступавших в эту войну, доведших до голода, разорения, одичания самые передовые страны, — положение объективно безвыходное. И тут надо сказать то, что тридцать лет тому назад, в 1887 г., говорил Фридрих Энгельс, оценивая вероятную перспективу европейской войны. Он говорил о том, как короны будут дюжинами валяться в Европе, и никто не захочет поднимать их, он говорил о том, какая неимоверная разруха станет судьбой европейских стран и как конечным результатом ужасов европейской войны может быть лишь одно — он выразился так: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой»⁵³. На этот счет Энгельс выражался чрезвычайно точно и осторожно. В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лжеумствования, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «либо

победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой», т. е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса, и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо, каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении. Итак, вот одна точка зрения, что мы должны старую программу оставить, дополнив ее характеристикой империализма и начала социальной революции.

Я эту точку зрения выразил в проекте программы, который был мною напечатан*. Другой проект был напечатан тов. Сокольниковым в московском сборнике. Другая точка зрения выражена была в наших беседах, в частности — тов. Бухариным, в печати — тов. В. Смирновым в московском сборнике. Эта точка зрения состояла в том, что надо либо совершенно вычеркнуть, либо почти удалить старую теоретическую часть программы и заменить новой, характеризующей не историю развития товарного производства и капитализма, как делала наша программа, а современную стадию высшего развития капитализма — империализм — и непосредственный переход к эре социальной революции. Мне не думается, чтобы эти две точки зрения расходились коренным образом и принципиально, но я буду отстаивать свою точку зрения. Мне кажется, что теоретически неправильно вычеркнуть старую программу, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Неверного в ней ничего нет. Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, а он привел к империализму. Это общая всемирно-историческая перспектива, и основы социализма забывать не следует. Каковы бы дальнейшие перипетии борьбы ни были, как бы много частных зигзагов нам

* См. Сочинения, 4 изд., том 24, стр. 421—425. Ред.

ни пришлось преодолеть (а их будет очень много, — мы видим на опыте, какие гигантские изломы делает история революции, и только еще у нас; дело куда как пойдет сложнее и быстрее, темп развития будет более бешеным, и повороты будут более сложными, когда революция превратится в европейскую), — для того, чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, — в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной, — чтобы не затеряться в этих изломах, чтобы в периоды шагов назад, отступлений, временных поражений или когда нас история, или неприятель отбросит назад, чтобы не затеряться, важно на мой взгляд и теоретически единственно правильно будет старую основную программу нашу не выкидывать. Ибо мы находимся сейчас только на первой переходной ступени от капитализма к социализму у нас, в России. История нам не дала той мирной обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу видим, как гражданская война много затруднила в России и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн — войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало. Поэтому выбросить все, что относится к характеристике товарного производства вообще, капитализма вообще, — мы не имеем оснований.

Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция, от того, как она легко, быстро или медленно справится со своими врагами и выйдет на торную дорогу социалистического развития. Этого мы не знаем, а программа марксистской партии должна исходить из абсолютно точно установленных фактов. Только в этом — сила нашей программы, которая через все перипетии революции подтвердилась. Только на этом базисе марксисты свою программу должны строить. Мы должны исходить из абсолютно точно установленных фактов, состоящих в том, что развитие обмена и товарного производства во всем мире стало преобладающим историческим явлением, привело к капитализму, а капитализм перерос в империализм — это абсолютно непреложный факт, нужно это прежде всего в программе установить. Что этот империализм начинает эру социальной революции, — это тоже факт, который для нас очевиден, о котором мы должны ясно сказать. На виду всего мира, констатируя этот факт в своей программе, мы факел социальной революции поднимаем не в смысле только агитационной речи, — поднимаем, как новую программу, говоря всем народам Западной Европы: «Вот то, что мы с вами вынесли из опыта капиталистического развития. Вот каков был капитализм, вот как он пришел к империализму, и вот та эра социальной революции, которая начинается и в которой первая роль по времени выпала на нашу долю». Мы выступим перед всеми цивилизованными странами с этим манифестом, который не будет только горячим призывом, который будет абсолютно точно обоснованным, получающимся из фактов, всеми социалистическими партиями признаваемых. Тем яснее будет противоречие между тактикой этих партий, теперь изменивших социализму, и теми теоретическими предпосылками, которые все мы разделяем, которые в плоть и кровь каждого сознательного рабочего перешли: развитие капитализма и переход его в империализм. Накануне империалистских войн съезды в Хемнице и в Базеле дали в резолюциях такую характеристику империализма, противоречие между

которой и теперешней тактикой социал-предателей — вопиющее⁵⁴. Мы должны поэтому это основное повторить, чтобы тем яснее показать трудящимся массам Западной Европы, в чем обвиняют их руководителей.

Вот то основное, по которому я считаю такое построение программы единственно теоретически правильным. Отбросить, как будто старый хлам, характеристику товарного производства и капитализма — это не вытекает из исторического характера происходящего, ибо дальше первых ступеней перехода от капитализма к социализму мы не пошли, и наш переход усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет. Следовательно, не только возможно, но неизбежно, что в Европе эти переходные стадии будут иными; и поэтому фиксировать все внимание на тех национальных специфических переходных ступенях, которые для нас необходимы, а в Европе могут не стать необходимыми, это будет теоретически неправильно. Мы должны начать с общей базы развития товарного производства, перехода к капитализму и перерождения капитализма в империализм. Этим мы теоретически занимаем, укрепляем позицию, с которой нас ни один, не изменивший социализму, не собьет. Из этого дается столь же неизбежный вывод: эра социальной революции начинается.

Делаем это мы, оставаясь на почве непреложно установленных фактов.

Дальше, нашей задачей является характеристика советского типа государства. Я по этому вопросу старался изложить теоретические взгляды в книге «Государство и революция»*. Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствовавшим официальным социализмом Западной Европы, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и создания Советов в России. В наших Советах еще масса грубого, недоделанного, это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто присматривался к их работе, но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии социализма — это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне это было на несколько недель, в одном

* См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 353—462. Ред.

городе, без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили гениальным чутьем проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Народными массами, несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что есть пережиток мелкобуржуазного характера нашей страны, — несмотря на все это, новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране, в нескольких нациях. Этот тип Советской власти себя показал, если он перебросился на столь отличную во всех отношениях страну, как Финляндия, где нет советов, но тип власти опять-таки новый, пролетарский. Так это доказательство того, что теоретически представляется бесспорным, что Советская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой демократией, — демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы.

В России это едва только начато, и начато плохо. Если мы сознаем, что плохого в том, что мы начали, мы это преодолеем, если история даст нам возможность поработать над этой Советской властью сколько-нибудь порядочное время. Поэтому мне кажется, что характеристика нового типа государства должна занять выдающееся место в нашей программе. К сожалению, нам пришлось работать теперь над программой в условиях работы правительства, в условиях такой невероятной спешки, что нам не удалось даже созвать свою комиссию, выработать официальный проект программы. То, что роздано товарищам делегатам, названо лишь черновым наброском*, и всякий это ясно увидит. В нем вопросу о Советской власти посвящено довольно большое место, и мне кажется, что тут международное значение нашей программы должно

* См. настоящий том, стр. 127—132. *Ред.*

сказаться. Было бы крайне ошибочным, мне кажется, если бы мы международное значение нашей революции ограничивали призывами, лозунгами, демонстрациями, воззваниями и т. д. Этого мало. Мы должны конкретно показать европейским рабочим, за что мы взялись, как взялись, как это понимать, это толкнет их конкретно на вопрос, как социализма добиться. Тут они должны посмотреть: русские берутся за хорошую задачу, и если берутся плохо, то мы сделаем это лучше. Для этого как можно больше конкретного материала нужно дать и сказать, что нового мы создать попытались. В Советской власти мы имеем новый тип государства; постараемся обрисовать его задачи, конструкцию, постараемся объяснить, почему этот новый тип демократии, в котором так много хаотического, несуразного, что составляет в нем живую душу — переход власти к трудящимся, устранение эксплуатации, аппарата для подавления. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса, аппарат должен быть связан с массами, должен ее представлять, как Советы. Они гораздо ближе к массам, они дают возможность стоять ближе к ней, они дают больше возможности воспитывать эту массу. Мы знаем прекрасно, что русский крестьянин стремится к тому, чтобы учиться, но мы хотим, чтобы он учился не из книг, а из собственного опыта. Советская власть есть аппарат — аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача. Но исторически важно то, что мы беремся за ее решение, и решение не только с точки зрения лишь нашей одной страны, но и призывая на помощь европейских рабочих. Мы должны сделать конкретное разъяснение нашей программы именно с этой общей точки зрения. Вот почему мы считаем, что это есть продолжение пути Парижской Коммуны. Вот почему мы уверены, что, вставши на этот путь, европейские рабочие сумеют нам помочь. Им лучше сделать то, что мы делаем, причем центр тяжести с формальной точки зрения переносится на конкретные условия. Если в старое время было особенно важно такое требование, как гарантия права собраний, то наша точка зрения на право собраний состоит в том,

что никто теперь не может помешать собраниям, и Советская власть должна обеспечить только вал для собраний. Для буржуазии важно общее прокламирование широко-вещательных принципов: «Все граждане имеют право собираться, но собираться под открытым небом, — помещений мы вам не дадим». А мы говорим: «Поменьше фраз и побольше сути». Необходимо отобрать дворцы, — и не только Таврический, но и многие другие, — а о праве собраний мы молчим. И это надо распространить на все остальные пункты демократической программы. Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций. Вот почему, если мы эти наши задачи конкретно и ясно выскажем, мы толкнем все европейские массы на обсуждение этого вопроса и на практическую его постановку. Мы, может быть, делаем плохо то, что необходимо делать, но мы толкаем массы на то, что они должны делать. Если то, что делает наша революция, не случайность, — а мы в этом глубоко убеждены, — не продукт решения нашей партии, а неизбежный продукт всякой революции, которую Маркс назвал народной, т. е. такой, которую творят народные массы сами своими лозунгами, своими стремлениями, а не повторением программы старой буржуазной республики, — если мы это ставим так, то мы достигнем самого существенного. И здесь мы подходим к вопросу о том, следует ли уничтожать различия между программами максимум и минимум. И да и нет. Я не боюсь этого уничтожения, потому что та точка зрения, которая была еще летом, теперь не должна иметь место. Я говорил «рано» тогда, когда мы еще не взяли власти, — теперь, когда мы эту власть взяли и ее испытали, — это не рано*. Мы должны теперь вместо старой программы писать новую программу Советской власти, несколько не отрекаясь от использования

* См. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 142—146. Ред.

буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад, — утопия.

Исторически отрицать нельзя, что Россия создала Советскую республику. Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, — если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, — мы будем идти к тому, что опытом завоевано, — к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе. Вместо программы-минимум мы введем программу Советской власти. Характеристика нового типа государства должна занять видное место в нашей программе.

Ясно, что мы сейчас не можем выработать программу. Мы должны выработать основные ее положения и сдать в комиссию или в Центральный Комитет для выработки основных тезисов. Даже проще: разработка возможна на основании той резолюции о Брест-Литовской конференции, которая дала уже тезисы*. На основании опыта русской революции должна быть сделана такая характеристика Советской власти и затем предложение практических преобразований. Здесь, мне кажется, в исторической части нужно заметить, что сейчас начата экспроприация земли и производства. Мы здесь ставим конкретную задачу организации потребления, универсализации банков, превращения их в сеть государственных учреждений, всю страну охватывающих и дающих нам общественное счетоводство, учет и контроль, проведенный самим населением, лежащий в основе дальнейших шагов социализма. Я думаю, что эта часть, наиболее трудная, должна быть формулирована в виде конкретных требований нашей Советской власти, — что мы сейчас же сделать хотим, какие реформы намерены провести в области банковской политики, в деле организации производства продуктов, организации обмена, учета и контроля, введения трудовой повинности и пр. Когда удастся, мы дополним, какие шаги, шажки и полушажки мы сделали в этом отношении. Тут должно быть совершенно точно, ясно определено то, что у нас начато, то, что не доделано. Мы все прекрасно знаем, что громадная часть начатого нами не доделана.

* См. настоящий том, стр. 94—95. Ред.

Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся. Эту правду мы покажем европейскому пролетариату и скажем: это надо делать, — чтобы они говорили: то-то и то-то русские делают плохо, а мы сделаем лучше. И, когда это стремление увлечет массы, тогда социалистическая революция будет непобедима. На глазах у всех совершается империалистическая война, насквозь грабительская. Нужно обнажать это, обрисовать войну, как объединение империалистов против социалистического движения. Вот те общие соображения, которыми я считаю необходимым поделиться с вами, и на основании которых я делаю практическое предложение сейчас обменяться основными взглядами по этому вопросу и затем выработать, может быть, несколько основных тезисов здесь же, а сейчас, если это будет признано трудным, отказаться от этого и сдать вопрос о программе Центральному Комитету или особой комиссии, которой поручить, на основании имеющихся материалов и на основании стенографических или подробных секретарских отчетов съезда, составить программу партии, которая должна сейчас же изменить свое название. Мне кажется, мы можем осуществить это в настоящее время, и я думаю, что все согласится с тем, что при той неподготовленности нашей программы в редакционном отношении, на которой застали нас события, сейчас ничего другого сделать нельзя. Я уверен, что за несколько недель мы можем это сделать. У нас достаточно теоретических сил во всех течениях нашей партии, чтобы в несколько недель получить программу. В ней, конечно, может быть много ошибочного, не говоря уже о редакционных и стилистических неточностях, потому что у нас нет месяцев для того, чтобы за эту работу засесть со спокойствием, необходимым для редакторской работы.

Все эти ошибки мы исправим в процессе нашей работы в полной уверенности, что мы даем возможность Советской власти осуществить эту программу. Если мы, по крайней мере, формулируем точно, не отходя от действительности, то, что Советская власть есть новый тип государства, форма диктатуры пролетариата, что демократии мы поставили иные задачи, что задачи социализма мы перевели из общей абстрактной формулы «экспроприации

экспроприаторов» в такие конкретные формулы, как национализация банков⁵⁵ и земель, — это и будет существенную часть программы.

Земельный вопрос придется преобразовать в том смысле, что мы здесь видим первые шаги того, как мелкое крестьянство, желающее стать на сторону пролетариата, желающее помочь ему в социалистической революции, как оно при всех своих предрассудках, при всех своих старых воззрениях поставило себе практическую задачу перехода к социализму. Мы не навязываем этого другим странам, но это факт. Крестьянство не словами, а делами показало, что оно желает помочь и помогает пролетариату, завоевавшему власть, осуществить социализм. Напрасно приписывают нам то, что мы хотим насильно ввести социализм. Мы будем справедливо делить землю, с точки зрения преимущественно мелкого хозяйства. При этом мы даем предпочтение коммунам и крупным рабочим артелям. Мы поддерживаем монополизацию торговли хлебом. Мы поддерживаем, — так говорило крестьянство, — экспроприацию банков и фабрик. Мы готовы помочь рабочим в осуществлении социализма. Я думаю, нужно издать основной закон о социализации земли на всех языках. Это издание состоится, — если уже не состоялось⁵⁶. Эту мысль выскажем конкретно в программе, — ее нужно выразить теоретически, не отходя ни на шаг от конкретно констатированных фактов. На Западе это претворится иначе. Может быть, мы делаем ошибки, но мы надеемся, что пролетариат Запада их исправит. И мы обращаемся к европейскому пролетариату с просьбой помочь нам в нашей работе.

Нашу программу мы можем таким образом разработать в несколько недель, и ошибки, которые мы сделаем, — их поправит жизнь, — мы их сами исправим. Они все будут легки, как перышко, по сравнению с теми положительными результатами, которые будут достигнуты.

Первая страница
рукописи В. И. Ленина
«Резолюция об изменении
названия партии
и партийной программы». —
Март 1918 г.

(1)

Сюда подробно изложено
впредь нашу партию (Рис. Д. Рубин
Нармина Бонотиевков) Российской
Коммунистической Партии с доба-
влением в скобках "Бонотиевков".

Сюда подробно изложена
программа нашей партии, перера-
ботанная непрерывно затем и
дополненная ее характерной
манерой и направлением
этой ^{используя} социалистической револю-
ции. Затем изложены коммуни-
стической частью нашей программы

10

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ
НАЗВАНИЯ ПАРТИИ И ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ

Съезд постановляет именовать впредь нашу партию (Российскую социал-демократическую рабочую партию большевиков) *Российской коммунистической партией* с добавлением в скобках «большевиков».

Съезд постановляет изменить программу нашей партии, переработав теоретическую часть или дополнив ее характеристикой империализма и начавшейся эры международной социалистической революции.

Затем изменение политической части нашей программы должно состоять в возможно более точной и обстоятельной характеристике нового типа государства, Советской республики, как формы диктатуры пролетариата и как продолжения тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской Коммуной. Программа должна указать, что наша партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если ход борьбы отбросит нас назад, на известное время, к этой, превзойденной теперь нашею революцией, исторической ступени. Но во всяком случае и при всех обстоятельствах партия будет бороться за Советскую республику, как высший по демократизму тип государства и как форму диктатуры пролетариата, свержения ига эксплуататоров и подавления их сопротивления.

В том же духе и направлении должна быть переработана экономическая, в том числе и аграрная, а равно педагогическая и прочие части нашей программы. Центр тяжести должен состоять в точной характеристике начатых нашей Советской властью экономических и других преобразований с конкретным изложением ближайших конкретных

задач, поставленных себе Советскою властью и вытекающих из сделанных уже нами практических шагов экспроприации экспроприаторов.

Съезд поручает особой комиссии составить, по возможности безотлагательно, на основании изложенных указаний, программу нашей партии и утвердить ее, как программу нашей партии.

«Правда» № 45, 9 марта 1918 г.

Печатается по рукописи

11

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ВОПРОСУ
О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ
8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ)

Товарищи, позвольте мне огласить проект резолюции, которая формулирует несколько иное предложение, по существу несколько, однако, схожее с тем, что говорил предыдущий оратор. Я бы предложил вниманию съезда следующую резолюцию. (Читает.)*

Товарищи, это предложение отличается тем, что я хотел бы сначала защитить мою мысль об ускорении издания программы и поручить прямо ЦК издать ее или поручить ему создание особой комиссии.

Темп развития такой бешеный, что нам откладывать дело не следует. При трудностях настоящего времени мы получим программу, в которой будет много ошибок, но это не беда, — следующий съезд исправит ее, хотя это будет слишком быстрое исправление программы, но жизнь шагает так быстро, что если нужно будет сделать ряд исправлений программы, — сделаем. Теперь наша программа будет строиться не столько по книжкам, сколько из практики, из опыта Советской власти. Поэтому я думаю, что в наших интересах, чтобы мы обратились к международному пролетариату не с горячими призывами, с увещательными митинговыми речами, не с криками, а с точной конкретной программой нашей партии. Пусть программа будет менее удовлетворительна, чем та, которая получилась бы при обработке в нескольких комиссиях, при утверждении съездом.

Я бы хотел надеяться, что эту резолюцию мы сможем принять единогласно, потому что я обошел то разногласие,

* См. настоящий том, стр. 115—116. РвЭ.

на которое указывает тов. Бухарин; я формулировал его так, что оставил вопрос открытым. Мы можем надеяться на то, что если не произойдет слишком крупных изменений, то мы в состоянии будем получить новую программу, которая будет точным документом для всероссийской партии, и не получится того гадкого положения, в котором я себя чувствовал, когда на предыдущем съезде один левый швед меня спрашивал: «а какая программа вашей партии, — такая же, как у меньшевиков?»⁵⁷. Надо было видеть, какие большие глаза сделал этот швед, который ясно понимал, как мы гигантски далеко ушли от меньшевиков. Такое чудовищное противоречие мы оставить не можем. Я думаю, что это принесет практическую пользу для международного рабочего движения, и то, что мы завоюем, будет, несомненно, выше того, что программа будет наделена ошибками.

Вот почему я предлагаю ускорить это, несколько не боясь того, что съезду ее придется исправлять.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МГЕЛАДЗЕ
О ПРИВЛЕЧЕНИИ КРУПНЕЙШИХ ПАРТИЙНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ К ВЫРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ
8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ)

При тех условиях, в которых Россия находится сейчас, — в состоянии гражданской войны, откромсовывания частей, — это недопустимо. Само собой разумеется, что при малейшей возможности комиссия, которая будет исправлять, будет печатать немедленно, и всякий раз местные организации могут высказаться, должны высказаться, но формально связывать себя тем, что на будущее время будет неосуществимо, будет еще большей отяжкой, чем съезд.

13

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОПРАВКИ ЛАРИНА
К НАЗВАНИЮ ПАРТИИ⁵⁸
8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ)

Товарищи, я согласен с тов. Лариным в том, что использование изменения названия и выкидывания слова рабочей партии действительно будет, но считаться с этим нельзя. Тогда мы слишком впадем в мелочи, если с каждым злом будем считаться. Ведь мы возвращаемся к хорошему старому образцу, который всемирно известен. Мы все знаем «Манифест коммунистической партии», его знает весь мир, ведь исправление не в том состоит, что пролетариат есть единственный до конца революционный класс, что все остальные классы, в том числе трудящееся крестьянство, могут быть революционными, лишь поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. Это — такая основа, такое всемирно известное положение Коммунистического манифеста⁵⁹, что тут сколько-нибудь добросовестных недоразумений не может быть, а за недобросовестными, за кривотолками все равно не угонишься. Вот почему надо вернуться к старому, хорошему, безусловно правильному образцу, который сыграл свою историческую роль, обойдя весь мир, все страны; мне кажется, отступить от этого лучшего образца нет оснований.

14

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОПРАВКИ ПЕЛЬШЕ
К РЕЗОЛЮЦИИ О ПРОГРАММЕ ПАРТИИ
8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ)

Мне кажется, что предыдущий оратор неправ⁶⁰. Массы не такие дети и понимают, что борьба чрезвычайно серьезна. Они видели, как раньше нас отбрасывали назад, хотя бы в июле. Выкинуть эти слова невозможно. Ни в коем случае не следует делать вид, будто бы мы буржуазных парламентских учреждений совершенно не ценим. Они — громадный шаг вперед по сравнению с предыдущим. Так что, выкидывая эти слова, мы создаем впечатление того, чего еще нет, — абсолютной прочности достигнутой ступени. Мы знаем, что этого еще нет. Это будет, когда международное движение поддержит. Я готов вычеркнуть слова «ни в коем случае», можно оставить слова «партия не откажется от использования», но открывать дорогу чисто анархическому отрицанию буржуазного парламентаризма мы не можем. Это — ступени, непосредственно связанные одна с другой, всякое отбрасывание назад может вернуть нас к этой ступени. Я не считаю, чтобы у масс это вызвало надлом. Если понимать под массами совершенно политически необразованных людей — они не поймут, а члены партии и сочувствующие поймут это, поймут, что мы не считаем завоеванные позиции окончательно укрепленными. Если мы гигантским напряжением воли разовьем энергию всех классов, укрепим эту позицию, тогда мы прошлого не станем вспоминать. Но для этого нужна поддержка Европы. А теперь сказать, что мы можем работать при худших условиях, — никакого надлома масс не получится.

15

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВКИ БУХАРИНА
К РЕЗОЛЮЦИИ О ПРОГРАММЕ ПАРТИИ⁶¹
8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ)

I

Я никак не могу согласиться с поправкой тов. Бухарина. Программа характеризует империализм и начавшуюся эру социальной революции. Что эра социальной революции началась, — это абсолютно точно установлено. Что же хочет тов. Бухарин? — Характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, т. е. коммунизм. Тут неточности у него. Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать — дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства — ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко, и сказать это — значит ничего не сказать, кроме того, что сказать, что почва слаба под ногами. К этому придем в конце концов, если мы придем к социализму. То, что мы сказали, над этим поработать хватит с нас. Если бы мы это сделали, это было бы гигантской исторической заслугой. Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем. Сказать, что эра социальной революции началась, что мы то-то сделали и то-то сделать хотим, — это мы знаем, мы скажем, и это покажет европейским рабочим, что мы, так сказать, не преувеличиваем свои силы нисколько: вот что мы начали делать, что собираемся сделать. Но чтобы мы сейчас знали, как будет выглядеть законченный социализм, — мы этого не знаем. Теоретически, в теоретических сочинениях, в статьях, в речах, в лекциях мы будем развивать те мысли, что борьба против анархистов ведется Каутским неправильно, но

в программу мы ставить этого не можем, потому что нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится. Дальше ничего мы сказать не можем, и надо быть как можно осторожнее и точнее. В этом будет состоять, и только в этом, обаятельная сила нашей программы. А если мы малейшие претензии заявим на то, чего мы не можем дать, — это ослабит силу нашей программы. Они будут подозревать, что наша программа — это только фантазия. Программа есть характеристика того, что мы начали делать, и следующие шаги, какие хотим сделать. Дать характеристику социализма мы не в состоянии, и эта задача формулирована была неправильно.

II

Так как формулировки не было в письменной форме, то недоразумение, конечно, возможно. Но тов. Бухарин меня не убедил. Название нашей партии достаточно ясно выражает, что мы идем к полному коммунизму, что выставляем такие абстрактные положения, что каждый из нас будет работать по способностям, а получать по потребностям, без всякого военного контроля и насилия. Об этом сейчас говорить рано. Когда еще государство начнет отмирать? Мы до тех пор успеем больше, чем два съезда собрать, чтобы сказать: смотрите, как наше государство отмирает. А до тех пор слишком рано. Заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы.

16

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ
О ВЫБОРАХ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ⁶²
8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ)

Ломов чрезвычайно остроумно сослался на мою речь, в которой я требовал, чтобы Центральный Комитет был способен вести однородную линию. Это не означает, чтобы все в Центральном Комитете имели одно и то же убеждение. Так считать, значило бы идти к расколу, потому я предложил съезду не принимать такого заявления, чтобы дать возможность товарищам, посоветовавшись с своими местными организациями, обдумать свое решение. Я тоже был в Центральном Комитете в таком положении в то время, когда принималось предложение о том, чтобы мира не подписывать, и молчал, несколько не закрывая глаза на то, что ответственности я за это не принимаю. У каждого члена Центрального Комитета есть возможность сложить с себя ответственность, не выходя из его состава и не устраивая скандала. Конечно, при известных условиях это, товарищи, допустимо, иногда это неизбежно, но чтобы это было необходимо теперь при этой организации Советской власти, которая дает нам возможность проверять себя, насколько мы не теряем контакта с массами, — в этом я сомневаюсь. Я думаю, что, если возникнет вопрос о Винниченко, товарищи могут защищать свою точку зрения, не выходя из Центрального Комитета. Если мы будем стоять на точке зрения подготовки к революционной войне и на точке зрения маневрирования, то для этого нужно войти в Центральный Комитет, можно заявить, что разногласия возникли снизу, заявить об этом мы имеем абсолютное право. Нет и тени опасности, что история возложит ответственность на Урицкого и Ломова за то, что они не отрекутся от звания членов

Центрального Комитета. Нужно сделать попытку найти некоторую узду, чтобы вывести из моды выход из Центрального Комитета. Нужно сказать, что съезд выражает надежду на то, что товарищи будут формулировать свое несогласие своими протестами, но не выходами из Центрального Комитета, и, считаясь с этим своим заявлением, отклонят снятие кандидатур группы товарищей и произведут выборы, приглашая их взять свои заявления обратно.

17

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ПОВОДУ
ОТКАЗА «ЛЕВЫХ КОММУНИСТОВ» ВОЙТИ В ЦК

Съезд считает, что отказ от вхождения в ЦК при теперешнем положении партии особенно нежелателен, ибо, будучи вообще принципиально недопустимым для желающих единства партии, такой отказ теперь вдвойне грозил бы единству партии.

Съезд заявляет, что не выходом из ЦК, а соответственным заявлением может и должен каждый снимать с себя ответственность за шаги Ц.К.-та, им не разделяемые.

Поэтому съезд, в твердой надежде, что, посоветовавшись с массовыми организациями, товарищи откажутся от своего заявления, производит выборы, не считаясь с этим заявлением.

Печатается по рукописи

ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ

Взять за основу мой проект* (брошюра, стр. 19 и слл.).

Теоретическую часть оставить, выкинув последний абзац первой части (стран. 22 брошюры, со слов: «На очередь дня» до слов: «содержание социалистической революции»**, т. е. 5 строк вон).

В следующем абзаце (стр. 22), начинающемся со слов: «Выполнение этой задачи», внести изменение, указанное в статье «К пересмотру партийной программы», «Просвещение» (№ 1—2, сентябрь — октябрь 1917), стр. 93***.

В этом же абзаце два раза поставить вместо «социал-шовинизма»:

(1) *оппортунизма* и социал-шовинизма»;

(2) «между *оппортунизмом* и социал-шовинизмом, с одной стороны, и революционно-интернационалистической борьбой пролетариата за осуществление социалистического строя, с другой».

Дальше придется переделать все, примерно, следующим образом:

Революция 25 октября (7 ноября) 1917 г. осуществила в России диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством или полупролетариями.

* Название партии просто: «Коммунистическая партия» (без добавления «Российская»), а в скобках: (партия большевиков).

** См. Сочинения, 4 изд., том 24, стр. 432. *Ред.*

*** См. Сочинения, 4 изд., том 24, стр. 432 и том 26, стр. 142. *Ред.*

Эта диктатура ставит перед коммунистической партией в России задачу довести до конца, завершить начатую уже экспроприацию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик, заводов, железных дорог, банков, флота и прочих средств производства и обращения в собственность Советской республики;

использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян, давший уже отмену частной собственности на землю, и закон о той переходной форме от мелкого крестьянского хозяйства к социализму, которую современные идеологи ставшего на сторону пролетариев крестьянства назвали социализацией земли, для постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию;

закрепить и развить дальше федеративную республику Советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип государства, соответствующий, на основании опыта Парижской Коммуны 1871 года, а равно опыта русских революций 1905 и 1917—1918 годов, переходному периоду от капитализма к социализму, т. е. периоду диктатуры пролетариата;

всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы, парализуя попытки империалистских буржуазных государств, вмешаться во внутренние дела России или объединиться для прямой борьбы и войны против социалистической Советской республики, перенести революцию в более передовые и вообще во все страны.

ДЕСЯТЬ ТЕЗИСОВ О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Укрепление и развитие Советской власти

Укрепление и развитие Советской власти, как формы, — опытом уже проверенной, массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы, — диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев).

Укрепление и развитие должны состоять в осуществлении (более широком, всеобщем и планомерном осуществлении) тех заданий, которые исторически на эту форму государственной власти, на этот новый тип государства, ложатся, именно:

(1) объединение и организация угнетенных капитализмом трудящихся и эксплуатируемых масс и только их, т. е. только рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, при автоматическом исключении эксплуататорских классов и богатых представителей мелкой буржуазии;

(2) объединение наиболее деятельной, активной, сознательной части угнетенных классов, их авангарда, который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством не теоретически, а практически.

(4) (3) Уничтожение парламентаризма (как отделение законодательной работы от исполнительной); соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления с законодательством.

(3) (4) Более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма.

(5) Создание вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа (Советы = вооруженные рабочие и крестьяне). Организованность всенародного вооружения, как один из первых шагов к полному осуществлению вооружения всего народа.

(6) Более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва.

(7) Тесная связь (и непосредственная) с профессиями и с производительными — экономическими единицами (выборы по заводам, по местным крестьянским и кустарным округам). Эта тесная связь дает возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования.

(8) (Отчасти, если не целиком, входит в предыдущее) — возможность устранить бюрократию, обойтись без нее, начало реализации этой возможности.

(9) Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения.

(10) Дальнейшее развитие советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член Совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, наряду с участием в собраниях Совета; — а

затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно как к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления.

Выполнение этих задач требует:

а) в области политической: развить Советскую республику.

Преимущества Советов («Просвещение», с. 13—14)*; [шесть пунктов];

распространение советской конституции, *по мере* прекращения сопротивления эксплуататоров, на *все* население;

федерация наций, как переход к *сознательному* и более тесному единству трудящихся, научившихся *добровольно* подниматься выше национальной розни;

обязательно беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров; нормы «общей» (*т. е.* буржуазной) демократии подчиняются этой цели, уступают ей:

«Свободы» и демократия *не* для всех, а *для* трудящихся и эксплуатируемых масс в интересах их освобождения от эксплуатации; беспощадное подавление эксплуататоров;

центр тяжести передвигается *от* формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свержающих эксплуататоров, напр., *от признания* свободы собраний к *передаче* всех лучших зал и помещений рабочим, *от признания* свободы слова к передаче всех лучших типографий в руки рабочих и т. д.

Краткий перечень этих «свобод» из старой программы-минимум.

[Вооружение рабочих и разоружение буржуазии].

Переход *через* Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и *поголовно* всех граждан к непосредственному и *ежедневному* несению своей доли тягот по управлению государством.

* См. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 79. Ред.

б) В области экономической:

Социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе управляют *рабочие организации* (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и т. д.) под общим руководством Советской власти, единственно *суверенной*.

Тоже — транспорт и распределение (сначала государственная монополия «торговли», затем замена, полная и окончательная, «торговли» — планомерно-организованным *распределением* через союзы торгово-промышленных служащих, под руководством Советской власти).

— Принудительное объединение *всего* населения в потребительско-производительные коммуны.

Не отменяя (временно) денег и не запрещая отдельных сделок купли-продажи отдельными семьями, мы должны прежде всего сделать обязательным, по закону, проведение всех таких сделок через потребительски-производительные коммуны.

— Немедленный приступ к полному осуществлению всеобщей трудовой повинности, с наиболее осторожным и постепенным распространением ее на мелкое, живущее своим хозяйством без наемного труда крестьянство;

первой мерой, первым шагом к всеобщей трудовой повинности должно быть введение потребительски-рабочих (бюджетных) книжек (обязательное введение) для всех богатых (= лиц с доходом свыше 500 р. в месяц, затем для владельцев предприятий с наемными рабочими, для семей с прислугой и пр.).

Купля-продажа допустима и не через свою коммуну (при поездках, на базарах и т. п.), но с обязательной записью сделки (если она выше известной суммы) в потребительско-рабочие книжки.

— Полное сосредоточение банкового дела в руках государства и всего денежно-торгового оборота в банках. Универсализация банковых текущих счетов: постепенный переход к обязательному ведению текущих счетов в банке сначала крупнейшими, а затем и *всеми* хозяйствами страны. Обязательное держание денег в банках и переводы денег *только* через банки.

— Универсализация учета и контроля за всем производством и распределением продуктов, причем этот учет

и контроль должны осуществляться сначала рабочими организациями, затем *поголовно* всем населением.

— Организация соревнования между различными (всеми) потребительско-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, для постепенного выравнивания *всех* заработных плат и жалований во *всех* профессиях и категориях.

— Неуклонные, систематические меры к (переходу к *Massenspeisung**) замене индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей.

В области педагогической

старые пункты, плюс.

В области финансовой

замена косвенных налогов прогрессивным подоходным и поимущественным налогом, а равно отчислением (определенного) дохода от государственных монополий. В связи с этим перевод натурой хлеба и других продуктов рабочим, ваятым за счет государства определенными видами общественно-необходимых работ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Поддержка революционного движения социалистического пролетариата в передовых странах в первую голову.

Пропаганда. Агитация. Братанье.

Беспощадная борьба с оппортунизмом и социал-шовинизмом.

Поддержка демократического и революционного движения во всех вообще странах, особенно в колониях и в зависимых.

Освобождение колоний. Федерация, как переход к добровольному слиянию.

* — общественному питанию. Ред.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА НАШИХ ДНЕЙ ⁶³

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и моручая, ты и бессильная
— Матушка-Русь! ⁶⁴

История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала; из бездн страданий, мучений, голода, одиночания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира; — неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неопикуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы.

России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашательства с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие

страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран.

И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унижительный мир — дань за то, что мы посмели вырваться, хотя бы на самое короткое время, из железных тисков империалистической войны. Хищник давит и душит и рвет на части Россию с тем большим остервенением, чем более грозно встает перед ним призрак рабочей революции в его собственной стране.

Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир. Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природ-

ных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили. Идти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической.

Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впасть в отчаяние. Неправда, будто у нас нет выхода и остается только выбирать между «бесславной» (с точки зрения шляхтича) смертью, каковой является тягчайший мир, и «доблестной» смертью в безнадежном бою. Неправда, будто мы предали свои идеалы или своих друзей, подписав «Тильзитский» мир. Мы ничего и никого не предали, ни одной лжи не осветили и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли, всем, что было в нашем распоряжении. Полководец, который уводит в глубь страны остатки разбитой или заболевшей паническим бегством армии, который защищает это отступление, в случае крайности, тягчайшим и унижайшим миром, не совершает измены по отношению к тем частям армии, которым он помочь не в силах и которые отрезаны неприятелем. Такой полководец исполняет свой долг, выбирая единственный путь к спасению того, что можно еще спасти, не соглашаясь на авантюры, не прикрашивая перед народом горькой правды, «отдавая пространство, чтобы выиграть время», пользуясь *всякой*, хотя бы даже минимальной, передышкой, чтобы собрать силы, чтобы дать вздохнуть или полечиться армии, которая заболела разложением и деморализацией.

Мы подписали «Тильзитский» мир. Когда Наполеон I принудил Пруссию, в 1807 году, к Тильзитскому миру, завоеватель разбил все армии немцев, занял столицу и все крупные города, ввел свою полицию, принудил побежденных давать вспомогательные корпуса для ведения новых грабительских войн завоевателем, раздробил Германию, заключая с одними немецкими государствами союзы против других немецких государств. И тем не менее, даже после *такого* мира, немецкий народ устоял, сумел собраться с силами, сумел подняться и завоевать себе право на свободу и самостоятельность.

Для всякого, кто хочет думать и умеет думать, пример Тильзитского мира (который был лишь одним из многих тяжелых и унижительных договоров, навязывавшихся немцам в ту эпоху) показывает ясно, как ребячески наивна мысль, будто при всяких условиях тягчайший мир есть бездна гибели, а война — путь доблести и спасения. Эпохи войн учат нас, что мир играл нередко в истории роль передышки и собирания сил для новых битв. Тильзитский мир был величайшим унижением Германии, и в то же время поворотом к величайшему национальному подъему. Тогда историческая обстановка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к *буржуазному* государству. Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов, при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью.

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм вырос теперь до социализма.

И потому, если Россия идет теперь — а она бесспорно идет — от «Тильзитского» мира к национальному подъему, к великой отечественной войне, то выходом для этого подъема является не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции. Мы сборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отече-

ства», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма.

«Ненависть к немцу, бей немца» — таков был и остался лозунг обычного, т. е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали придти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они *придут* на помощь к нам».

Да, учись у немца! История идет зигзагами и круглыми путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо научиться. Это как раз то, чего нехватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала придти, через ряд тяжелых испытаний, к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной.

11 марта 1918 г.

«Известия ВЦИК» № 46,
12 марта 1918 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту брошюры:
Н. Ленин. «Главная задача
наших дней», Москва, 1918

**РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ
РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ
И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ
12 МАРТА 1918 г.**

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Товарищи! Годовщину русской революции нам придется справлять в такую минуту, когда революция переживает тяжелые дни, когда многие готовы впасть в уныние и разочарование. Но если мы посмотрим на окружающее, если мы вспомним, что сделала революция за этот год и как складывается международное положение, то ни у кого из нас, я уверен, не останется места ни для отчаяния, ни для уныния. Не должно быть места сомнению, что дело международной социалистической революции, начатой в октябре, несмотря на трудности и препятствия, несмотря на все усилия ее врагов, победит.

Товарищи, припомните, какими путями шла русская революция... Как в феврале, благодаря соединению пролетариата с буржуазией, увидевшей, что при царизме существование даже буржуазного общества невозможно, в несколько дней, благодаря сотрудничеству рабочих и наиболее просвещенной части крестьянства, именно солдат, переживших все ужасы войны, — как им удалось в несколько дней столкнуть монархию, которая в 1905, 1906, 1907 гг. сопротивлялась несравненно более тяжелым ударам и потопила в крови революционную Россию. И когда после февральской победы у власти оказалась буржуазия, развитие революции пошло с невероятной быстротой,

Русская революция дала то, чем она резко отличается от революций в Западной Европе. Она дала революционную массу, приготовленную 1905 годом к самостоятельному выступлению; она дала Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органы, неизмеримо более демо-

кратические, чем все предшествующие, позволившие воспитывать, облагородить рабочую, солдатскую и крестьянскую бесправную массу, вести ее за собой, и, благодаря этим обстоятельствам, русская революция в несколько месяцев проделала ту эпоху соглашательства с буржуазией, которая в Западной Европе занимала целые долгие десятилетия. Буржуазия обвиняет теперь рабочий класс и его представителей — большевиков — в том, что армия оказалась не на высоте своего положения. Но мы теперь видим, что, если бы тогда, в марте, в апреле, у власти стояли не соглашатели, не буржуазия, которая выторговывала себе местечки, ставила у власти капиталистов и оставляла в то же время армию раздетой, голодной, когда у власти стояли такие господа, как Керенский, которые называли себя социалистами, а на деле во всех карманах прятали тайные договоры, обязующие русский народ воевать до 1918 года, тогда, может быть, можно было спасти русскую армию и революцию от тех невероятно тяжелых испытаний и унижений, через которые мы должны были пройти. Если бы тогда власть перешла к Советам, если бы соглашатели, вместо того, чтобы помогать Керенскому гнать армию в огонь, если бы они тогда пришли с предложением демократического мира, тогда армия не была бы так разрушена. Они должны были сказать ей: стой спокойно. Пусть в одной руке у нее будет разорванный тайный договор с империалистами и предложение всем народам демократического мира, и пусть в другой руке будет ружье и пушка, и пусть будет полная сохранность фронта. Вот когда можно было спасти армию и революцию. Подобный жест, даже перед таким врагом, как немецкий империализм, если бы даже на помощь ему выступила вся буржуазия, все капиталисты всего мира, все представители буржуазных партий, — он все-таки мог бы всегда помочь делу. Он мог поставить врага в такое положение, что он видел бы, с одной стороны, предлагаемый ему демократический мир и разоблаченные договоры, а с другой стороны — ружье. Теперь мы не имеем такого крепкого фронта. Без артиллерии укрепить его мы не можем. Восстановление его слишком трудно, оно идет слишком медленно, потому что нам не приходилось еще иметь дела там с врагом. Одно дело была борьба с идиотом Романовым или хвастуном Керенским, а здесь мы имеем дело

с врагом, который организовал все свои силы и всю хозяйственную жизнь страны для защиты от революции. Мы знали, что вместо того, чтобы порвать империалистические договоры, власть Керенского в июне 1917 года бросила солдат в наступление, после чего их силы окончательно ослабели. И когда теперь со стороны буржуазии кричат о неслыханном развале и о национальном позоре, думают ли они, что революция, рожденная войной, рожденная неслыханным разрушением, что она может идти так спокойно, гладко, мирно, без мучений, без терзаний, без ужасов? Если кто-нибудь представлял себе такое рождение революции, то это или пустые слова, или так может рассуждать кто-нибудь из мягкотелых интеллигентов, не понимающий значения этой войны и революции. Да, так рассуждают они. Но мы ясно видим, как через весь этот процесс идет величайший народный подъем, чего не видят люди, которые кричат о национальном позоре.

Как бы то ни было, но мы вырвались из войны. Мы не говорим, что мы вырвались, ничего не отдавши, не заплативши дани. Но мы вырвались из войны. Мы дали передышку народу. Мы не знаем, насколько эта передышка будет продолжительна. Может быть, она будет очень непродолжительна, потому что и с запада и с востока на нас направляются империалистские хищники и новая война неминуемо начнется. Да, мы не закрываем глаз на то, что у нас все разрушено. Но народ сумел избавиться от царского правительства, от буржуазного правительства и создать советские организации, которые только теперь, когда вернулись с фронта солдаты, дошли до последнего деревенского захолустья. И необходимость и значение их понял самый низший слой, самый угнетенный, подавленная масса, над которой издевались цари, помещики, капиталисты, которой редко удавалось вложить свою душу, свое творчество в дело. Она достигла того, что Советская власть стала не только достоянием крупных городов и фабричных местностей, она проникла во все глухие углы. Каждый крестьянин, который видел со стороны власти до сих пор только угнетение и грабежи, видит теперь у власти правительство бедняков, правительство, которое выбирается им самим, которое вывело его из угнетения и, несмотря на все неслыханные препятствия и трудности, сумеет вывести его и дальше.

Товарищи! если нам теперь приходится переживать дни тяжелого поражения и угнетения, когда на голову русской революции наступил сапог прусских помещиков и империалистов, то я уверен, что, как бы в отдельных кругах ни велико было возмущение и негодование, в глубине народной массы идет процесс созидания, накопления энергии, дисциплины, который даст нам твердость вынести все удары, и доказывает, что мы не предали и не предадим революцию. Если же нам и пришлось пережить эти испытания и поражения, то это случилось потому, что история не устроена так гладко и мило, чтобы все трудящиеся поднялись одновременно с нами во всех странах. Мы не должны забывать, с каким врагом мы имеем дело. Враги, с которыми нам приходилось иметь дело до сих пор, — и Романов, и Керенский, и русская буржуазия — тупая, неорганизованная, некультурная, вчера целовавшая сапог Романова и после этого бегавшая с тайными договорами в кармане, — разве все они чего-нибудь стоят против той международной буржуазии, которая все, что завоевано человеческим умом, превратила в орудие для подавления воли трудящихся и всю свою организацию приспособила для истребления людей?

Вот какой враг обрушился на нас в момент, когда мы окончательно разоружились, когда мы прямо должны сказать: у нас армии нет, а страна, которая лишилась армии, и должна принять неслыханно позорный мир.

Мы никому не изменяем, мы никого не предаем, мы не отказываем в помощи своим братьям. Но мы должны будем принять неслыханно тяжелый мир, мы должны будем принять ужасные условия, мы должны будем принять отступление, чтобы выиграть время, пока оно есть, чтобы подошли союзники, а союзники у нас есть. Как ни велика ненависть к империализму, как ни сильно чувство, законное чувство негодования и возмущения против него, мы должны сознавать, что мы теперь оборонцы. Мы не защищаем тайных договоров, мы защищаем социализм, мы защищаем социалистическое отечество. Но, чтобы иметь возможность защищать его, мы должны были пойти на самые тяжкие унижения. Мы знаем, что бывают такие полосы в истории каждого из народов, когда приходится уступать перед напором более сильного нервами противника. Мы получили отсрочку, и мы должны

воспользоваться ею, чтобы армия сколько-нибудь отдохнула, чтобы она поняла в массе — не в головах тех десятков тысяч, которые в крупных городах ходят на митинги, а в миллионах и в десятках миллионов, которые разбежались по деревням, — чтобы они поняли, что старая война кончилась, начинается новая война, война, на которую мы отвечали предложением мира, война, в которой мы уступили, чтобы побороть наше отсутствие дисциплины, нашу вялость, нашу дряблость, при которых мы могли победить царизм и русскую буржуазию, но не европейскую международную буржуазию. Если мы сумеем побороть их, мы выиграем, потому что союзники у нас есть, и мы в этом уверены.

Как ни бесчинствуют теперь международные империалисты, видя наше поражение, а внутри их стран зреют их враги и союзники для нас. Мы знали и знаем твердо, что в немецком рабочем классе процесс этот идет может быть медленнее, чем мы этого ожидали, чем мы, может быть, желаем, но несомненно, что растет возмущение против империалистов, растет число союзников в нашей работе и они придут к нам на помощь.

Сумейте дать силы, сумейте дать лозунг, введите дисциплину, это наша обязанность перед социалистической революцией. При этих условиях мы сумеем удержаться, пока союзный пролетариат придет к нам на помощь, а вместе с ним мы победим всех империалистов и всех капиталистов.

***IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ
ВСЕРОССИЙСКИЙ
СЪЕЗД СОВЕТОВ ⁶⁵***

14—16 МАРТА 1918 г.

1

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ
ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЯ ВИЛЬСОНА ⁶⁶

Съезд выражает свою признательность американскому народу и в первую голову трудящимся и эксплуатируемым классам Северо-Американских Соединенных Штатов по поводу выражения президентом Вильсоном своего сочувствия русскому народу, через съезд Советов, в те дни, когда Советская социалистическая республика России переживает тяжелые испытания.

Ставши нейтральной страной, Российская Советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистской войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся.

Написано 13 или 14 марта 1918 г.

*Напечатано 15 марта 1918 г.
в газете «Правда» № 49*

Печатается по рукописи

2

ДОКЛАД О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА
14 МАРТА

Товарищи, нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт в развитии русской и не только русской, а и международной революции, и для того, чтобы правильно решить вопрос о том тягчайшем мире, который заключили представители Советской власти в Брест-Литовске и который Советская власть предлагает утвердить, или ратифицировать, для того, чтобы правильно решить этот вопрос, более всего необходимым является для нас уразуметь исторический смысл того поворота, у которого мы стали, понять, в чем состояла главная особенность развития революции до сих пор и в чем состоит основная причина того тяжкого поражения и той эпохи тяжелых испытаний, которые мы пережили.

Мне кажется, что главным источником разногласий в среде советских партий по данному вопросу является именно то, что некоторые слишком поддаются чувству законного и справедливого негодования по поводу поражения Советской республики империализмом, слишком поддаются иногда отчаянию и, вместо того, чтобы учесть исторические условия развития революции, как они сложились перед настоящим миром и как они рисуются нам после мира, вместо этого пытаются ответить относительно тактики революции на основании непосредственного чувства. Между тем, весь опыт всех историй революций учит нас, что, когда мы имеем дело со всяким массовым движением или с классовой борьбой, в особенности такой, как современная, развертывающейся не только на всем протяжении одной, хотя и громадной страны, а захватывающей все международные отношения, — в этом случае в основу

своей тактики, прежде всего и больше всего, необходимо класть учет объективного положения, рассматривать аналитически, каков был ход революции до сих пор и почему он так грозно, так круто, так невыгодно для нас изменился.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на развитие нашей революции, то мы ясно увидим, что до сих пор она переживала период сравнительной и в значительной мере кажущейся самостоятельности и временной независимости от международных отношений. Тот путь, которым шла наша революция с конца февраля 1917 г. до 11 февраля текущего года, когда началось немецкое наступление, — этот путь в общем и целом был путем легких и быстрых успехов. Если мы взглянем на развитие этой революции в международном масштабе, с точки зрения развития только русской революции, то мы увидим, что пережили за этот год три периода. Первый период, когда рабочий класс России вместе со всем, что было передовым, сознательным, подвижным в крестьянстве, поддержанный не только мелкой буржуазией, но и буржуазией крупной, в несколько дней смел монархию. Этот головокружительный успех объясняется тем, что русский народ, с одной стороны, из опыта 1905 года извлек гигантский запас революционной боеспособности, с другой стороны, тем, что Россия, как особенно отсталая страна, особенно пострадала от войны и особенно рано пришла в состояние полной невозможности продолжать эту войну при старом режиме.

За коротким бурным успехом, когда создалась новая организация, — организация Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — последовали для нашей революции долгие месяцы переходного периода, — периода, когда власть буржуазии, сразу подорванная Советами, поддерживалась и укреплялась мелкобуржуазными соглашательскими партиями — меньшевиками и эсерами, поддерживавшими эту власть. Это была власть, поддерживавшая империалистскую войну, империалистские тайные договоры, кормившая рабочий класс обещаниями, власть, которая ровно ничего не делала, которая поддерживала разруху. В этот долгий для нас, для русской революции период скопляли свои силы Советы; это был долгий для русской революции период и короткий — с точки зрения международной, потому что в большинстве

центральных стран период изживания мелкобуржуазных иллюзий, период переживания соглашательства различных партий, фракций, оттенков занимал не месяцы, а долгие, долгие десятилетия, — этот период, с 20 апреля и до возобновления империалистской войны Керенским в июне, носившим в кармане тайный империалистский договор, — имел решающую роль. В этот период мы пережили июльское поражение, пережили корниловщину и только на опыте массовой борьбы, только тогда, когда широчайшие массы рабочих и крестьян не из проповеди, а из собственного опыта увидели всю тщету мелкобуржуазного соглашательства, — только тогда, после долгого политического развития, после долгой подготовки и перемены в настроении и взглядах партийных группировок создавалась почва для Октябрьского переворота, и наступил третий период русской революции в ее первой, оторванной или временно отделенной от международной, полосе.

Этот третий период, октябрьский, период организации, наиболее трудный и в то же время период наиболее крупных и наиболее быстрых триумфов. С октября наша революция, отдавшая власть в руки революционного пролетариата, установившая его диктатуру, обеспечившая ему поддержку громадного большинства пролетариата и беднейшего крестьянства, с октября наша революция шла победным, триумфальным шествием. По всем концам России началась гражданская война в виде сопротивления эксплуататоров, помещиков и буржуазии, поддержанных частью империалистической буржуазии.

Началась гражданская война, и в этой гражданской войне силы противников Советской власти, силы врагов трудящихся и эксплуатируемых масс, оказались ничтожными; гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти.

Этот период победного, триумфального шествия диктатуры пролетариата и Советской власти, когда она при-

влекла на свою сторону безусловно, решительно и бесповоротно гигантские массы трудящихся и эксплуатируемых в России, ознаменовал собой последний и высший пункт развития русской революции, которая все это время шла как бы в независимости от международного империализма. Это было причиной, почему страна, наиболее отставшая и наиболее подготовленная к революции опытом 1905 года, так быстро, так легко, так планомерно выдвигала к власти один класс за другим, изживая отдельные политические составы, и наконец пришла к тому политическому составу, который являлся последним словом не только русской революции, но и западноевропейских рабочих революций, ибо Советская власть упрочилась в России и приобрела бесповоротные симпатии трудящихся и эксплуатируемых, потому что уничтожила старый угнетательский аппарат государственной власти, потому что она в основе создала новый и высший тип государства, каким в зародыше была Парижская Коммуна, низвергнувшая старый аппарат и поставившая на его место непосредственно вооруженную силу масс, заменившая демократизм буржуазно-парламентарный демократизмом трудовых масс за исключением эксплуататоров и систематически подавлявшая их сопротивление.

Вот что сделала русская революция за этот период, вот почему сложилось в небольшом авангарде русской революции впечатление о том, что этот триумфальный ход, это быстрое шествие русской революции может рассчитывать на дальнейшую победу. И в этом состояла ошибка, потому что период, когда русская революция развивалась, передавая в России власть от одного класса к другому и изживая классовое соглашательство в пределах одной России, — этот период мог исторически существовать только потому, что величайшие гиганты хищников мирового империализма были временно приостановлены в своем наступательном движении против Советской власти; ужиться рядом революция, которая в несколько дней свергла монархию, в несколько месяцев исчерпала все попытки соглашательства с буржуазией и в несколько недель в гражданской войне победила всякое сопротивление буржуазии, — такая революция, революция социалистической республики, могла ужиться среди империалистических держав, в обстановке мировых хищников,

рядом со зверями международного империализма лишь постольку, поскольку буржуазия, находясь в мертвой схватке борьбы друг с другом, была парализована в своем наступлении на Россию.

И вот начался тот период, который приходится так наглядно и так тяжело чувствовать, — период тягчайших поражений, тягчайших испытаний для русской революции, период, когда, вместо быстрого, прямого и открытого наступления на врагов революции, нам приходится испытывать тягчайшие поражения и отступать перед силой, неизмеримо большей, чем наша сила, — перед силой международного империализма и финансового капитала, перед силой военной мощи, которую вся буржуазия, с ее современной техникой, со всей организацией, сплотила против нас в интересах грабежа, угнетения и удушения мелких народностей; нам приходилось думать об уравнивании сил, нам пришлось стать перед задачей неизмеримо трудной, нам пришлось видеть в прямой стычке не такого врага, как Романов и как Керенский, которые не могут быть взяты всерьез, — нам пришлось встретиться с силами международной буржуазии во всем ее военно-империалистическом могуществе, стать лицом к лицу с мировыми хищниками. И понятно, что, ввиду запоздания помощи со стороны международного социалистического пролетариата, нам пришлось принять на себя столкновение с этими силами и понести тягчайшее поражение.

И эта эпоха — эпоха тяжелых поражений, эпоха отступлений, эпоха, когда мы должны спасать хотя бы небольшую часть позиции, отступая перед империализмом, выжидая время, когда изменятся международные условия вообще, пока подспеют к нам те силы европейского пролетариата, которые имеются, которые зреют, которые не могли так легко, как мы, справиться со своим врагом, ибо было бы величайшей иллюзией и величайшей ошибкой забывать, что русской революции легко было начать и трудно делать дальнейшие шаги. Это неизбежно было так, потому что нам приходилось начать с самого гнилого, отсталого политического строя. Европейской революции приходится начать с буржуазии, приходится иметь дело с врагом, неизмеримо более серьезным, в условиях, неизмеримо более тяжелых. Европейской революции будет

неизмеримо труднее начаться. Мы видим, что ей неизмеримо труднее проломить первую брешь в том строе, который ее давит. Ей будет гораздо легче войти во вторую и третью ступень своей революции. И не может быть иначе в силу того соотношения сил между революционными классами и реакционными, которое имеется в настоящее время на международной арене. Вот тот основной поворот, который постоянно упускается из виду людьми, смотрящими на теперешнее положение, на необычайно тяжелое положение революции не с точки зрения исторической, а с точки зрения чувства и возмущения. И опыт истории говорит нам, что всегда, во всех революциях, — в течение такого периода, когда революция переживала крутой перелом и переход от быстрых побед к периоду тяжелых поражений, — наступал период псевдореволюционной фразы, всегда приносившей величайший вред развитию революции. И вот, товарищи, лишь тогда, если мы поставим своей задачей учесть тот перелом, который бросил нас от быстрых, легких и полных побед к тяжелым поражениям, лишь тогда мы в состоянии будем правильно оценить нашу тактику. Вопрос этот, — неизмеримо трудный, неизмеримо тяжелый вопрос, — который представляет из себя результат переломного пункта в развитии в настоящее время революции, — от легких побед внутри к необычайно тяжелым поражениям извне, — и переломный пункт во всей международной революции, от эпохи пропагандистско-агитационной деятельности русской революции при выжидательном положении империализма, от той эпохи — к наступательным действиям империализма против Советской власти, ставит особенно тяжело и особенно остро вопрос перед всем международным западноевропейским движением. Если мы не забудем этого исторического момента, нам нужно будет разобраться в том, как сложился основной круг интересов России в вопросе о теперешнем, тягчайшем, так называемом, похабном мире.

Мне случалось не раз в полемике против тех, кто отказывался от необходимости принять этот мир, мне случалось не раз встречать указания на то, что точка зрения подписания мира выражает будто бы собою интересы только усталых крестьянских масс, деклассированных солдат, и так далее, и тому подобное. И я всегда по поводу

таких ссылок и таких указаний удивлялся тому, как забывают товарищи классовый масштаб национального развития. Люди, исключительно подыскивающие свои объяснения, — как будто партия пролетариата, бравшая власть, заранее не рассчитывала на то, что только союз пролетариата и беднейшего крестьянства, т. е. большинства крестьянства России, что только подобный союз в состоянии дать власть в России революционной власти Советов — большинства, настоящего большинства народа, — что без этого бессмысленна всякая попытка установить власть, особенно в трудные повороты истории. Как будто бы можно было теперь отделаться от этой всеми нами признанной истины и обойтись презрительным упоминанием насчет усталого состояния крестьян и деклассированных солдат. Относительно усталого состояния крестьянства и деклассированных солдат мы должны сказать, что страна допустит сопротивление, что беднейшее крестьянство лишь в тех пределах может пойти к сопротивлению, в каких это беднейшее крестьянство способно направить свои силы на борьбу.

Когда мы брали власть в октябре, ясно было, что ход событий приходит к этому с неизбежностью, что поворот к большевизму Советов означает поворот во всей стране, что власть большевизма неизбежна. Когда мы, сознавая это, шли на взятие власти в октябре, мы совершенно ясно и отчетливо говорили себе и всему народу, что это переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, что пролетариат знает, что крестьянство его поддержит, а в чем, — вы сами знаете: в его активной борьбе за мир, в его готовности продолжать дальнейшую борьбу против крупного финансового капитала. В этом мы не ошибаемся, и никто не может, оставаясь сколько-нибудь в пределах классовых сил и классовых отношений, отвлечься от той несомненной истины, что мы не можем спрашивать от мелкокрестьянской страны, давшей так много и для европейской и для международной революции, вести борьбу при условии того тяжелого и самого тяжелого условия, когда помощь со стороны западноевропейского пролетариата, несомненно, идет к нам, — это доказали факты, забастовки и т. д., — но когда помощь эта, идущая к нам, несомненно, запоздала. Вот почему я говорю, что подобного рода ссылки на усталость крестьянских масс и т. д.

представляют из себя просто результат отсутствия доводов и полной беспомощности тех, кто к этим доводам прибегает, полное отсутствие у них всякой возможности охватить все классовые отношения в целом, в их общем масштабе — революции пролетариата и крестьянства в его массе; только тогда, если мы при каждом крутом повороте истории оцениваем соотношение классов в целом, всех классов, а не выбираем отдельные примеры и отдельные казусы; только тогда мы чувствуем себя стоящими прочно на анализе вероятных фактов. Я вполне понимаю, что русская буржуазия теперь толкает нас на революционную войну тогда, когда она для нас совершенно невозможна. Этого требуют классовые интересы буржуазии.

Когда они только кричат: похабный мир, ни слова не говоря о том, кто довел армию до этого положения, я вполне понимаю, что это буржуазия с делонародовцами, меньшевиками черетелевцами, черновцами и их подголосками (аплодисменты), я вполне понимаю, что это буржуазия кричит о революционной войне. Этого требуют ее классовые интересы, этого требуют ее стремления к тому, чтобы Советская власть сделала фальшивый ход. Это понятно от людей, которые, с одной стороны, наполняют страницы своими контрреволюционными писаниями... (Голоса: «Закрыли все».) Еще, к сожалению, не все, но закроем все. (Аплодисменты.) Хотел бы я посмотреть на тот пролетариат, который позволит контрреволюционерам, сторонникам буржуазии и соглашателям с ней, продолжать использовать монополию богатств для одурманивания народа своим, буржуазным опиумом. Такого пролетариата не было. (Аплодисменты.)

Я совершенно понимаю, что со страниц подобных изданий несетя сплошной вой, вопль и крик против похабного мира, я совершенно понимаю, что за эту революционную войну стоят люди, которые в то же время, от кадетов до правых эсеров, встречают немцев при их наступлении и торжественно говорят: вот немцы, и пускают своих офицеров гулять с погонями в местностях, занятых нашествием германского империализма. Да, от таких буржуа, от таких соглашателей меня несколько не удивляет проповедь революционной войны. Они хотят, чтобы Советская власть попала в западню. Они показали себя, эти буржуа

и эти соглашатели. Мы их видели и видим живьем, мы знаем, что вот в Украине украинские Керенские, украинские Черновы и украинские Церетели, — вот они, господа Винниченки. Эти господа, украинские Керенские, Черновы, Церетели, скрыли от народа тот мир, который они заключили с германскими империалистами, и теперь, при помощи германских штыков, пытаются свергнуть Советскую власть на Украине. Вот что сделали те буржуа и те соглашатели и их единомышленники. Вот что сделали эти украинские буржуа и соглашатели, пример которых стоит перед нами воочию, которые скрыли и скрывают от народа свои тайные договоры, которые с немецкими штыками идут против Советской власти. Вот чего хочет русская буржуазия, вот куда толкают сознательно или бессознательно подголоски буржуазии Советскую власть: они знают, что принять империалистскую войну с могучим империализмом она сейчас никак не может. Вот почему лишь в этой международной обстановке, лишь в этой общей классовой обстановке мы поймем всю глубину ошибки тех, кто, подобно партии левых эсеров, дал себя увлечь теорией, обычной во всех историях революций в тяжелые моменты и состоящей наполовину из отчаяния, наполовину из фразы, когда, вместо того, чтобы трезво взглянуть на действительность и оценить с точки зрения классовых сил задачи революции по отношению к внутренним и внешним врагам, вас призывают решать серьезный и тягчайший вопрос под давлением чувства, только с точки зрения чувства. Мир невероятно тяжел и позорен. Мне самому случалось не раз в своих заявлениях и в речах называть его Тильзитским миром, который завоеватель Наполеон навязал прусскому и германскому народам после ряда тягчайших поражений. Да, этот мир представляет из себя тягчайшее поражение и унижает Советскую власть, но, если вы, из этого исходя, этим ограничиваясь, апеллируете к чувству, возбуждаете негодование, пытаетесь решить величайший исторический вопрос, вы впадаете в то смешное и жалкое положение, в котором однажды была вся партия эсеров, когда в 1907 году, при ситуации, несколько схожей в известных чертах, она равным образом апеллировала к чувству революционера, когда, после тягчайшего поражения нашей революции в 1906 и 1907 году, Столыпин предписал нам законы

о третьей Думе, — позорнейшие и тягчайшие условия работы в одном из самых гнусных представительных учреждений, когда наша партия, после небольшого колебания внутри себя (колебаний по этому вопросу было больше, чем теперь), решила вопрос так, что мы не имеем права поддаваться чувству, что, как ни велико наше возмущение и негодование против позорнейшей третьей Думы, а мы должны признать, что тут не случайность, а историческая необходимость развивающейся классовой борьбы, у которой дальше нехватило сил, которая их соберет даже в этих позорных условиях, которые были предписаны. Мы оказались правы. Те, которые пытались увлечь революционной фразой, увлечь справедливостью, поскольку она выражала чувство трижды законное, те получили урок, который не будет забыт ни одним думающим и мыслящим революционером.

Революции не идут так гладко, чтобы обеспечить нам быстрый и легкий подъем. Не было ни одной великой революции, даже в рамках национальных, которая не переживала бы тяжелого периода поражений, и нельзя к серьезному вопросу массовых движений, развивающихся революций относиться так, чтобы, объявляя мир цохабным, унижительным, революционер не мог с ним помириться; недостаточно привести агитационные фразы, осыпать нас порицаниями по поводу этого мира, — это заведомая азбука революции, это заведомый опыт всех революций. Наш опыт с 1905 года, — а если мы чем богаты, если благодаря чему-нибудь пришлось русскому рабочему классу и беднейшему крестьянству взять на себя труднейшую и почетнейшую роль начала международной социалистической революции, так именно потому, что русскому народу удалось, благодаря особому стечению исторических обстоятельств, в начале XX века проделать две великие революции, — то надо учиться опыту этих революций, надо уметь понять, что, лишь принимая во внимание изменения соотношений классовых связей одного государства с другим, можно установить заведомо, что мы не в состоянии принять бой сейчас; мы должны считаться с этим, сказать себе: какова бы ни была передышка, как бы ни был непрочен, как бы ни был короток, тяжел и унижителен мир, он лучше, чем война, ибо он дает возможность вздохнуть народным массам, потому что он дает

возможность поправить то, что сделала буржуазия, которая теперь кричит везде, где имеет возможность кричать, особенно под защитой немцев в занятых областях.

Буржуазия кричит о том, что ведь большевики разложили армию, что армии нет и в этом виноваты большевики, но посмотрим на прошлое, товарищи, посмотрим, прежде всего, на развитие нашей революции. Разве вы не знаете, что бегство и разложение нашей армии началось задолго до революции, еще в 1916 году, что всякий, кто видел армию, должен это признать? И что же сделала наша буржуазия, чтобы предотвратить это? Разве не ясно, что единственный шанс на спасение от империалистов был тогда в ее руках, что этот шанс представлялся в марте — апреле, когда советские организации могли взять власть простым движением руки против буржуазии, и, если бы тогда Советы взяли власть, если бы буржуазная интеллигенция и мелкобуржуазная, с эсерами и меньшевиками, вместо того, чтобы помогать Керенскому обманывать народ, прятать тайные договоры и вести армию в наступление, если бы она тогда пришла на помощь армии, снабдив ее вооружением, продовольствием, заставив буржуазию помогать отечеству при содействии всей интеллигенции, не отечеству торгашей, не отечеству договоров, помогающих истреблять народ (аплодисменты), если бы Советы, заставив буржуазию помогать отечеству трудящихся, рабочих, помогли раздетой, разутой, голодной армии, — только тогда мы имели бы, может быть, десятимесячный период, достаточный, чтобы дать армии вздохнуть и дать единодушную поддержку, чтобы она, ни на шаг не отступая от фронта, предлагала всеобщий демократический мир, разорвав тайные договоры, но держалась на фронте, не отступая ни на шаг. Вот в чем был шанс на мир, который рабочие и крестьяне давали и одобряли. Это тактика защиты отечества, не отечества Романовых, Керенских, Черновых, отечества с тайными договорами, отечества продажной буржуазии, а отечества трудящихся масс. Вот кто привел к тому, что переход от войны к революции и от русской революции к международному социализму проходит с такими тяжелыми испытаниями. Вот почему такой пустой фразой звучит такое предложение, как революционная война, когда мы знаем, что армии у нас нет, когда мы знаем, что удержать армию было

невозможно, и люди, знакомые с делом, не могли не видеть, что наш указ о демобилизации не выдуман, а что он является результатом очевидной необходимости, простой невозможности удержать армию. Удержать армию было нельзя. И прав оказался тот офицер, не большевик, который говорил еще до октябрьского переворота, что армия воевать не может и не будет⁶⁷. Вот к чему привели месяцы торговли с буржуазией и все речп о необходимости продолжения войны; какими бы благородными чувствами они ни диктовались со стороны многих революционеров, или немногих революционеров, они оказались пустыми революционными фразами, отдающими себя на посвягательства международного империализма, чтобы он ограбил еще столько и еще больше, как он уже успел сделать после нашей тактической или дипломатической ошибки — после неподписания Брестского договора. Когда мы говорили противникам подписания мира: если бы передышка была сколько-нибудь продолжительна, вы поняли бы, что интересы оздоровления армии, интересы трудящихся масс стоят выше всего и что мир должен быть заключен ради этого, — они утверждали, что передышки быть не может.

Но наша революция отличалась от всех предыдущих революций именно тем, что она подняла жажду строительства и творчества в массах, когда трудящиеся массы в самых захолустных деревнях, приниженные, задавленные, угнетаемые царями, помещиками, буржуазией, поднимаются, и этот период революции завершается только теперь, когда происходит деревенская революция, которая строит жизнь по-новому. И ради этой передышки, как бы она ни была непродолжительна и мала, мы обязаны, если мы ставим интересы трудящихся масс выше интересов буржуазных вояк, которые машут саблей и призывают нас на бой, мы обязаны были подписать этот договор. Вот чему учит революция. Революция учит, что, когда мы делаем дипломатические ошибки, когда мы полагаем, что немецкие рабочие придут к нам завтра на помощь, в надежде, что Либкнехт победит сейчас (а мы знаем, что так или иначе Либкнехт победит, это неизбежно в развитии рабочего движения (а плоды сменты)), это значит, что, в увлечении, революционные лозунги трудного социалистического движения превращаются в фразу:

И ни один представитель трудящихся, ни один честный рабочий не откажется принести величайшую жертву для помощи социалистическому движению Германии, потому что за все это время на фронте он научился различать между германскими империалистами и измученными немецкой дисциплиной солдатами, по большей части нам сочувствующими. Вот почему я говорю, что русская революция практически исправила нашу ошибку, исправив ее этой передышкой. По всей вероятности, она будет очень непродолжительна, но мы имеем возможность хотя бы кратчайшей передышки, чтобы армия, которая измучена, изголодалась, прониклась сознанием того, что она получила возможность передохнуть. Для нас ясно, что период старых империалистских войн окончился и грозят новые ужасы начала новых войн, но периоды таких войн были во многих исторических эпохах, причем наибольшее обострение они приобретали перед их окончанием. И нужно, чтобы это поняли не только на митингах в Петрограде и Москве; надо, чтобы поняли это в деревнях многие десятки миллионов, чтобы возвратившаяся с фронта наиболее просвещенная часть деревни, которая пережила все ужасы войны, помогла это понять и громадная масса крестьян и рабочих убедилась в необходимости революционного фронта и сказала, что мы поступили правильно.

Нам говорят, что мы предали Украину и Финляндию, — о, какой позор! Но произошло такое положение, что мы отрезаны от Финляндии, с которой мы заключали раньше молчаливый договор до начала революции и заключили теперь формальный. Говорят, что мы отдаем Украину, которую идут губить Чернов, Керенский и Церетели; нам говорят: предатели, вы предали Украину! Я говорю: товарищи, я достаточно видывал виды в истории революции, чтобы меня могли смутить враждебные взгляды и крики людей, которые отдаются чувству и не могут рассуждать. Я вам приведу простой пример. Представьте, что два приятеля идут ночью, и вдруг на них нападают десять человек. Если эти негодяи отрезают одного из них, — что другому остается? — броситься на помощь он не может; если он бросится бежать, разве он предатель? А представьте, что речь идет не о личностях или областях, в которых решаются вопросы непосредственного чувства, а встречаются пять армий по сто тысяч человек, которые

окружают армию в двести тысяч человек, а другая армия должна идти к ней на помощь. Но если эта армия знает, что она наверное попадет в ловушку, она должна отступить; она не может не отступить, хотя бы даже для прикрытия отступления понадобилось подписать похабный, поганый мир, — как угодно ругайте, а все же подписать его необходимо. Нельзя считаться с чувством дуэлянта, который вынимает шпагу и говорит, что я должен умереть, потому что меня заставляют заключить унижительный мир. Но мы все знаем, что как ни решайте, а армии у нас нет, и никакие жесты не спасут нас от необходимости отступить и выиграть время, чтобы армия могла вздохнуть, и с этим согласится всякий, кто смотрит на действительность, а не обманывает себя революционной фразой.

Если мы знаем это, — наш революционный долг подписать хотя и тяжелый, архитяжелый и насильнический договор, ибо мы этим достигнем лучшего положения и для нас и для наших союзников. Мы потеряли разве, что мы подписали 3 марта мирный договор? Всякий, кто пожелает взглянуть на вещи с точки зрения массовых отношений, а не с точки зрения дворянчика-дуэлянта, тот поймет, что, не имея армии или имея заболевший остаток армии, принимать войну, называть эту войну революционной есть самообман, есть величайший обман народа. Наш долг сказать правду народу: да, мир тягчайший, Украина и Финляндия гибнут, но мы должны идти на этот мир, и на него пойдет вся сознательная трудовая Россия, потому что она знает неприкрашенную правду, она знает, что такое война, она знает, что ставить на карту все, считаясь с тем, что сейчас вспыхнет немецкая революция, есть самообман. Подписав мир, мы получили то, что наши финляндские друзья получили от нас, — передышку, помощь, а не гибель.

Я знаю примеры в истории народов, когда подписывался гораздо более насильнический мир, когда мир этот отдавал на милость победителя жизнеспособные народы. Сравним этот наш мир с миром Тильзитским; Тильзитский мир был навязан победоносным завоевателем Пруссии и Германии. Этот мир был настолько тяжел, что не только были захвачены все столицы всех германских государств, не только были отброшены пруссаки к Тильзиту, что равносильно тому, если бы нас отбросили к Омску или Томску.

Мало того, — наибольший ужас заключался в том, что Наполеон заставил побежденные народы давать вспомогательные войска для своих войн, и, когда, тем не менее, обстановка сложилась так, что немецким народам приходилось вынести натиск завоевателя, когда эпоха революционных войн Франции сменилась эпохой империалистских завоевательных войн, тогда ясно обнаружилось то, чего не хотят понять увлеченные фразой люди, которые изображают подписание мира, как падение. С точки зрения дворянчика-дуэлянта эта психология понятна, но не с точки зрения рабочего и крестьянина. Последний проделал тяжелую школу войны, и он научился считать. Бывали испытания и тяжелее, и выходили из них народы более отсталые. Бывал заключаем мир и более тяжелый, и заключаем немцами в эпоху, когда они не имели армии, или их армия бывала больна, как больна наша армия. Они заключили тягчайший мир с Наполеоном. И этот мир не был падением Германии, — наоборот, он явился поворотным пунктом, национальной защитой и подъемом. И мы стоим накануне такого поворотного пункта, и мы переживаем условия аналогичные. Надо смотреть правде в лицо и гнать от себя фразу и декламацию. Надо говорить, что если это нужно, то мир необходимо заключить. Война освободительная, война классовая, война народная займет место наполеоновской. Система наполеоновских войн изменится, мир будет сменять войну, война сменять мир, и из каждого нового тягчайшего мира всегда вытекала более широкая подготовка к войне. Самый тяжелый из мирных договоров — Тильзитский — вошел в историю, как поворотный пункт к тому времени, когда у немецкого народа начался поворот, когда он отступал до Тильзита, до России, а на самом деле выигрывал время, выжидал, когда международная ситуация, позволившая одно время восторжествовать Наполеону, такому же грабителю, как теперь Гогенцоллерн, Гинденбург, пока эта ситуация не изменилась, пока не оздоровилось сознание измученного десятилетними наполеоновскими войнами и поражениями немецкого народа, и пока он снова не воскрес к новой жизни. Вот чему учит нас история, вот почему преступны всякое отчаяние и фраза, вот почему всякий скажет: да, старые империалистические войны кончаются. Исторический поворот наступил.

С октября наша революция была сплошным триумфом, а теперь начались долгие и трудные времена, мы не знаем, какие долгие, но знаем, что это долгий и трудный период поражений и отступлений, потому что таково соотношение сил, потому что отступлением мы дадим народу отдохнуть. Дадим возможность, чтобы каждый рабочий и крестьянин понял ту правду, которая даст ему возможность понять, что наступают новые войны империалистов-хищников против угнетенных народов, когда рабочий и крестьянин поймет, что мы должны встать на защиту отечества, ибо мы с октября стали оборонцами. С 25 октября мы сказали открыто, что мы за защиту отечества, ибо у нас есть это отечество, из которого мы изгнали Керенских и Черновых, ибо мы тайные договоры уничтожили, мы буржуазию подавили, пока еще плохо, но мы научимся делать это лучше.

Товарищи, есть еще более важное различие между состоянием русского народа, потерпевшего тяжчайшие поражения от завоевателей Германии, и народом немецким, есть величайшее различие, о котором надо сказать, хотя я говорил о нем вкратце в предыдущей части своей речи. Товарищи, когда немецкий народ сто с лишком лет тому назад попал в период тяжчайших завоевательных войн, в период, когда он должен был отступать и подписывать один позорный мир за другим, прежде чем немецкий народ проснулся, — тогда дело обстояло так, немецкий народ был только слабым и отсталым, — только таким. Против него стояла не только военная сила и мощь завоевателя Наполеона, против него стояла страна, которая была выше его в отношении революционном и политическом, выше Германии во всех отношениях, которая поднялась неизмеримо выше других стран, которая сказала последнее слово. Она была неизмеримо выше народа, который прозябал в подчинении империалистов и помещиков. Народ, который был, повторяю, только слабым и отсталым народом, он сумел научиться из горьких уроков и подняться. Мы в лучшем положении: мы не только слабый и не только отсталый народ, мы тот народ, который сумел, — не благодаря особым заслугам или историческим предначертаниям, а благодаря особому сцеплению исторических обстоятельств, — сумел взять на себя честь поднять знамя международной социалистической революции. (Аплодисменты.)

Я прекрасно знаю, товарищи, и я прямо говорил не раз, что это знамя в слабых руках, и его не удержат рабочие самой отсталой страны, пока не придут рабочие всех передовых стран им на помощь. Те социалистические преобразования, которые мы совершили, они во многом несовершенны, слабы и недостаточны: они будут указанием западноевропейским передовым рабочим, которые скажут себе: «русские начали не так то дело, которое нужно было начать», но важно то, что наш народ по отношению к немецкому народу не только слабый и не только отсталый народ, а народ, поднявший знамя революции. Если буржуазия какой угодно страны наполняет все столбцы своих изданий клеветами на большевиков, если в этом отношении сливаются голоса печати империалистов Франции, Англии, Германии и т. д., понося большевиков, то нет ни одной страны, где можно было бы собрать заседание рабочих и где имена и лозунги нашей социалистической власти вызывали бы взрывы негодования. (Голос: «Ложь».) Нет, не ложь, а правда, и всякий, кто бывал в Германии, в Австрии, в Швейцарии и Америке в последние месяцы, вам скажет, что это не ложь, а правда, что величайший энтузиазм встречают среди рабочих имена и лозунги представителей Советской власти в России, что, вопреки всякой лжи буржуазии Германии, Франции и т. д., рабочие массы поняли, что как мы ни слабы, а здесь, в России, делается их дело. Да, наш народ должен вынести тягчайшую ношу, которую он взвалил на себя, но народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть. И я повторяю: ни один сознательный социалист, ни один думавший над историей революции рабочий не может оспорить того, что, при всех недостатках Советской власти, — которые я слишком знаю и превосходно оцениваю, — что Советская власть является высшим типом государства, прямым продолжением Парижской Коммуны. Она поднялась на ступень вперед остальных европейских революций, и поэтому мы не стоим в столь тяжелых условиях, как немецкий народ сто лет тому назад; изменение в этом отношении сил между грабителями и использование конфликта и удовлетворение требований грабителя Наполеона, грабителя Александра I, грабителей английской монархии — только это оставалось тогда, как единственный шанс, угнетенным крепостным правом, и,

тем не менее, немецкий народ не пал от Тильзитского мира. А мы, я повторяю, находимся в лучших условиях, так как у нас есть величайший союзник во всех западноевропейских странах — международный социалистический пролетариат, который с нами, что бы ни говорили наши противники. (Аплодисменты.) Да, этому союзнику не легко поднять свой голос, как не легко было сделать это нам до конца февраля 1917 года. Этот союзник живет в подполье, в условиях военно-каторжной тюрьмы, в которую превращены все империалистические страны, но он знает нас и понимает наше дело; ему трудно двинуться к нам на помощь, поэтому советским войскам нужно много времени и много терпения и тяжелых испытаний, чтобы дождаться того времени, — мы будем сберегать малейшие шансы на то, чтобы оттянуть время, ибо время работает за нас. Наше дело крепнет, силы империалистов слабеют, и, каковы бы ни были испытания и поражения от «тильзитского» мира, мы начинаем тактику отступления, и, повторяю еще раз: нет сомнений, что как сознательный пролетариат, так и сознательные крестьяне за нас, и мы сумеем не только героически наступать, а и героически отступать и подождем, когда международный социалистический пролетариат придет на помощь, и начнем вторую социалистическую революцию уже в мировом масштабе. (Аплодисменты.)

«Правда» («Социал-Демократ»)
№ № 47 и 48; 16 и 17 марта 1918 г.

Печатается по стенограмме,
сверенной с текстом газеты «Правда»

3

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПО ДОКЛАДУ О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА
15 МАРТА**

Товарищи, если бы я хотел найти подтверждение тому, что было сказано в первой моей речи относительно характера предлагаемой нам революционной войны, то доклад представителя левых эсеров дал бы мне самое лучшее и наглядное подтверждение, и я думаю, что будет наиболее целесообразно, если я приведу по стенограмме его речь и мы увидим, какие доводы приводят они в подтверждение своих положений.

Вот вам образец того, на какие доводы они опираются. Здесь говорилось о волостном сходе. Те, кому кажется это собрание волостным сходом, могут прибегать к таким доводам, но ясно, что здесь люди повторяют наши слова, а продумать их не умеют. Люди повторяют то, чему большевики учили левых эсеров, когда они еще были в среде правых, и когда они говорят, то видно, что они заучили то, что мы говорили, но на чем это было основано, не поняли и теперь повторяют. Церетели и Чернов были оборонцами, а теперь мы оборонцы, мы «изменники», мы «предатели». Приспешники буржуазии говорят здесь о волостном сходе, — они делают глазки, когда они это говорят, — но всякий рабочий прекрасно понимает цели того оборончества, которым руководились Церетели и Чернов, и те побуждения, которые заставляют нас быть оборонцами.

Если мы поддержим русских капиталистов, которые хотели получить Дарданеллы, Армению, Галицию, как это было написано в тайном договоре, то это будет оборончество в духе Чернова и Церетели и это оборончество было опозорено тогда, а теперь наше оборончество почетно. (Аплодисменты.)

И когда я рядом с подобными доводами встречаю два раза в стенограмме речи Камкова повторенное слово, что большевики, это — приказчики германского империализма (рукоплескания справа), слово резкое, — я очень рад, что все те, кто политику Керенского проводил, аплодисментами это подчеркивают. (Аплодисменты.) И уж, конечно, товарищи, не мне возражать против резких слов. Никогда я против этого возражать не буду. Только, чтобы быть резким, нужно на это иметь право, а право на резкость дает то, чтобы слово не расходилось с делом. И вот такое маленькое условие, которое многие интеллигенты не ценят, а рабочие и крестьяне и на волостных сходах, — это так мизерно, волостной сход, — они это и на волостных сходах и в советских организациях улавливали, и у них сходится и слово и дело. Но мы ведь знаем прекрасно, что они, левые эсеры, сидели в партии правых эсеров до октября, когда те участвовали в дележке выгоды, когда те были приказчиками, потому что им было обещано место министра за то, что ты молчишь о всех тайных договорах. (Аплодисменты.) Но никак нельзя назвать приказчиками империализма людей, которые провозгласили ему войну делом, порвали договоры, на риск, связанный с этим, пошли, — пошли на затягивание переговоров в Бресте, зная, что это страну губит, вытерпели военное наступление, ряд неслыханных поражений и ни капли не скрывали от народа.

Здесь Мартов уверял, что он не прочел договора. Пусть верит ему, кто хочет. Мы знаем, что эти люди привыкли много газет читать, но договор не читали. (Аплодисменты.) Пусть верит, кто хочет. Но я вам скажу, что если партия эсеров знает прекрасно, что мы уступаем насилью, нами же разоблаченному полностью, что мы делаем это сознательно, открыто говоря, что мы сейчас не можем сражаться, но уступаем, — история знает ряд позорнейших договоров и ряд войн, — когда люди в ответ на это преподносят слово «приказчики», то эта резкость их разоблачает, когда они уверяют, что снимают ответственность, что они делают, — разве это не лицемерие, когда люди снимают ответственность, а продолжают быть в правительстве? Я утверждаю, что, когда они говорят, что снимают ответственность, — нет, они ее не снимают, и напрасно они думают, что это волостной сход. Нет, это все, что есть лучшего

и честного среди трудящихся масс. (Аплодисменты.) Это вам не буржуазный парламент, куда раз в год или два выбирают людей, чтобы они сидели на местах и чтобы они получали жалованье. Это — люди, посланные с мест, а завтра они будут на местах, завтра они расскажут, что если голоса партии левых эсеров тают, то это заслуженно, потому что эта партия, которая ведет себя так, является тем же мыльным пузырем в крестьянстве, каким она оказалась в рабочем классе. (Аплодисменты, голоса «Правильно».)

Дальше я вам процитирую еще одно место из речи Камкова, чтобы показать, как к этому отнесется всякий представитель трудящихся и эксплуатируемых масс. «Когда здесь товарищ Ленин вчера утверждал, что товарищи Церетели и Чернов и другие разлагали армию, неужели мы не найдем мужества сказать, что мы с Лениным тоже разлагали армию». Попал пальцем в небо. (Аплодисменты.) Он слышал, что мы были пораженцами, и вспомнил об этом тогда, когда мы пораженцами быть перестали. Не во-время вспомнил. Заучили словечко, погремушка революционная есть, а подумать над тем, как дело обстоит, не умеют. (Аплодисменты.) Я утверждаю, что из тысячи волостных сходов, где Советская власть укрепилась, что из тысячи этих сходов более чем в девятистах есть люди, которые скажут партии левых эсеров, что она никакого доверия не заслуживает. Они скажут, подумайте: мы разлагали армию и теперь должны вспомнить об этом. Но как мы разлагали армию? Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в «Правде» воззвание, которое Крыленко, тогда еще преследуемый, опубликовал по армии: «Почему я еду в Питер». Он сказал: «К бунтам мы вас не зовем». Это не было разложением армии. Разлагали армию те, кто объявил эту войну великой.

Разлагали армию Церетели и Чернов, потому что народу говорили великолепные слова, которые разные левые эсеры привыкли кидать на ветер. Слова весят легко, а русский народ на волостных сходах привык продумывать и брать всерьез. Если же ему говорили, что мы стремимся к миру и обсуждаем условия империалистической войны, то я спрашиваю: а как же с тайными договорами и с июньским наступлением? Вот чем разлагали армию. Если ему

говорили о борьбе с империалистами, о защите отечества, он спрашивал себя: а берут ли где-нибудь за шиворот капиталистов, — вот чем разлагали армию, и вот почему я сказал, и никто не опроверг, что спасение армии было бы в том, если бы власть мы взяли в марте и апреле, и если бы вместо бешеной ненависти эксплуататоров за то, что мы их подавили, — они совершенно законно нас ненавидят, — если бы вместо этого они интересы отечества трудящихся и эксплуатируемых поставили выше интересов отечества Керенского и тайных договоров Рябушинского и видов на Армению, Галицию, Дарданеллы, — в этом было бы спасение, и в этом отношении, начиная с великой русской революции, а в особенности с марта, когда вышло половинчатое воззвание к народам всех стран⁶⁸, правительство, издавшее воззвание, звавшее свергнуть банкиров всех стран, а само делившее с банкирами доходы и выгоды, — вот что разлагало армию, и вот почему армия не могла стоять. (Аплодисменты.)

И я утверждаю, что мы, начиная с этого возвания Крыленко, которое не было первым⁶⁹ и которое я вспоминаю потому, что оно особенно запомнилось мне, мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт, — чем скорее вы возьмете власть, тем легче ее удержите, и говорить теперь, что мы против гражданской войны, а за восстание, — как это недостойно и какая это презренная болтовня людей. Когда это пойдет в деревни и когда там солдаты, которые войну видали не так, как интеллигенты, и которые знают, что так легко картонным мечом махать, когда они скажут, что им, разутым, раздетым и страдающим, в критический момент помогли тем, что погнали в наступление, — они теперь говорят им, что ничего, что не будет армии, а будет восстание. Народ гнать против регулярной армии с высшей техникой — это преступно и этому мы учили как социалисты. Ведь война многому научила, не только тому, что люди страдали, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины; этому научила война, и прекрасно, что научила. Учиться надо тому, что без машины, без дисциплины жить в современном обществе нельзя, — или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным. Ведь годы мучительнейшего страдания научили крестьян, что такое война. И когда всякий со

своими речами пойдет в волостные сходы, когда партия левых эсеров пойдет туда, то она понесет вполне заслуженное ею наказание. (Аплодисменты.)

Еще пример, еще цитата из речи Камкова. (Читает.)

Удивительно легко иногда бывает вопросы ставить; только есть одно изречение, — оно невежливое и грубое, — которое про такие вопросы говорит, — из песни слова не выкинешь, — я напомню: один дурак может больше спрашивать, чем десять умных ответить.

Товарищи, в этой цитате, которую я вам прочел, меня приглашают ответить на вопрос: неделю, две или больше будет передышка? Я утверждаю, что на всяком волостном сходе и на каждой фабрике человека, который от имени серьезной партии с подобным вопросом будет выступать к народу, его народ высмеет и прогонит вон, потому что на всяком волостном сходе поймут, что нельзя задавать вопросы о том, чего нельзя знать. Это поймут любой рабочий и крестьянин. (Аплодисменты.) Если вы хотите ответ непременно получить, то я вам скажу, что, конечно, любой из пишущих в газетах или выступающий на митингах левый эсер скажет, от чего зависит этот срок: от того, когда наступит Япония, с какими силами, какое встретит сопротивление; от того, насколько увязнет немец в Финляндии, в Украине; от того, когда придет наступление на всех фронтах; от того, как оно разовьется; от того, как внутренний конфликт в Австрии и Германии пойдет дальше, и еще от многих других причин. (Аплодисменты.)

И поэтому, когда с победным видом в серьезном собрании задают такой вопрос: ответьте мне, какая передышка, — я говорю, что таких людей будут гнать с рабочих и крестьянских собраний те, кто понимает, что после мучительной трехлетней войны всякая неделя передышки есть величайшее благо. (Аплодисменты.) И я утверждаю, что как бы нас ни ругали здесь теперь, что если бы завтра собрали все те ругательные слова, которые сыпались по нашему адресу от правых, почти правых, околоправых, левых эсеров, кадетов, меньшевиков, если их все собрать и напечатать, если получится сотни пудов, все это будет для меня весить, как перышко по сравнению с тем, что у нас, в большевистской фракции, девять десятых ее представителей сказали: мы войну знаем и мы

видим, что теперь, когда мы эту короткую передышку делали, это — плюс в оздоровлении нашей больной армии. И на каждом крестьянском собрании девять десятых крестьян скажут то, что знает всякий интересующийся делом, и ни одно предложение практическое, когда мы чем-нибудь сможем помочь, мы не отвергли и не отвергаем.

Мы получили возможность передохнуть, хотя бы даже на двенадцать дней, благодаря той политике, которая пошла против революционной фразы и «общественного» мнения. Когда Камков и левые эсеры заигрывают с вами и делают глазки, то, с одной стороны, они делают глазки вам, а, с другой стороны, обращаются к кадетам: зачите нам, ведь мы же душою с вами. (Голос с места: «Ложь».) И когда один из представителей эсеров, кажется, даже не левых, а сверх-левых, максималист, говорил о фразе, он говорил, что фразой является все то, что относится к чести. (Голос: «Правильно».) Ну, конечно, из правого лагеря закричат «правильно»; этот возглас мне приятнее, чем возглас «ложь», хотя и последний никакого впечатления на меня не производит. Но если бы я обвинял их во фразах, не давши никакого ясного и точного подтверждения, но ведь я привел два примера и взял я их не из вымысла, а из живой истории.

Вспомните, разве представители эсеров не оказались в таком же положении, когда в 1907 году давали подписку Столыпину, что будут служить верой и правдой монарху Николаю II? Я надеюсь, что я за долгие годы революции кое-чему научился, и, когда меня поносят за предательство, я говорю: нужно разобраться предварительно в истории. Если мы хотели повернуть историю, — а оказывается, повернулись мы, а история не повернулась, — казните нас. Историю не убедишь речами, и история покажет, что мы были правы, что мы вынесли рабочие организации в Великую Октябрьскую революцию 1917 г., но только благодаря тому, что мы пошли выше фразы и сумели смотреть на факты, учиться у них, и когда теперь, 14—15 марта, выяснилось, что, если бы воевали, мы помогли бы империализму, мы добились бы транспорт и потеряли Петроград, — мы видим, что бросать слова и махать картонным мечом бесполезно. Но когда подходит ко мне Камков и спрашивает: «надолго ли эта передышка?», на это ответить нельзя, потому что не было международной объективной

революционной ситуации. Не может быть долгой передышки реакции теперь, потому что объективная ситуация везде революционная, потому что везде рабочие массы негодуют, на краю терпения, на краю истощения от войны, это факт. Из этого факта вырваться нельзя, и поэтому я доказывал вам, что был период, что революция шагала вперед, и мы шагали вперед и за нами петушком поспедали левые эсеры. (Аплодисменты.) А теперь наступил период, когда приходится отступать перед подавляющей силой. Это — характеристика совершенно конкретная. Мне на нее никто не ответит. Исторический анализ это должен утвердить. Вот насчет волостного схода наш марксист, почти марксист, Мартов пройдет; он пройдет насчет того, что закрыли газеты; он похвалится, что угнетенные и обиженные газеты закрыли за то, что они помогают свергнуть Советскую власть, он пройдет... Об этом он не помолчит. Таких вещей он вам преподнесет, а попытка ответить на мой в упор поставленный исторический вопрос, правда это или нет, что мы с октября шли триумфальным шествием или нет... (Голоса справа: «Нет».) Вы скажете, что «нет», а эти все скажут, что «да». Я спрошу: а теперь можем ли мы идти в наступление победным шествием на международный империализм? Не можем, и все это знают. Когда это, — прямую, простую фразу, — говорят прямо в лицо, чтобы люди учились революции, — революция мудрая, трудная и сложная наука, — чтобы учились и рабочие и крестьяне, которые делают ее, враги кричат: трусы, предатели, бросили знамя, отделиваются словами, машут руками. Нет. Таких революционеров фразы много видели все истории революций, и ничего, кроме смрада и дыма, от них не осталось. (Аплодисменты.)

Другой пример, товарищи, который я привел, это был пример Германии, Германии, подавленной Наполеоном, Германии, выдавшей позорные мирные договоры и вперемежку с ними войны. Меня спрашивают: долго ли мы будем договоры соблюдать? Но если бы дитя трех лет спрашивало меня о том: а будете ли вы соблюдать договор или нет? — то это было бы и мило и наивно. Но когда взрослый Камков из партии левых эсеров спрашивает это, знаю, немногие взрослые рабочие и крестьяне поверят в наивность, но большинство скажет: «Не лицемерьте». Ибо исторический пример, который я привел, говорит яснее ясного, что осво-

бодительные войны народов, потерявших армию, — а это бывало не раз, — народов, задавленных до полной потери всей земли, задавленных до того, что они вспомогательные корпуса отдавали завоевателю для новых завоевательных походов, — это из истории вычеркнуто быть не может, и вы не выскоблите этого ничем. Но если левый эсер Камков, возражая мне, говорил, как я видел из стенограммы: «вот в Испании были же революционные войны», так он меня подтверждал, ведь он себя этим бил. Как раз Испания и Германия подтверждают мой пример, что решить вопрос об историческом периоде завоевательных войн на основании того, что «будете ли вы соблюдать договор, и когда вы нарушите, когда вас проймают...» ведь это же детей достойно, а история говорит, что всякий договор вызывается приостановкой борьбы и изменением соотношения сил, что бывали мирные договоры, которые через несколько дней лопались, что бывали мирные договоры, которые через месяц лопались, что бывали периоды во много лет, когда Германия и Испания заключали мир и через несколько месяцев его нарушали, и нарушали по нескольку раз, и в ряде войн народы учились, что значит вести войны. Когда Наполеон вел германские войска, чтобы душить другие народы, он их научил революционной войне. Вот как шла история.

Вот почему я говорю вам, товарищи, я глубоко убежден в том, что решение, вынесенное девятью десятками нашей большевистской фракции, будет вынесено девятью десятками всех сознательных трудящихся рабочих и крестьян России. (Аплодисменты.)

У нас есть проверка того, правду ли я сказал, или я ошибаюсь, ибо вы приедете на места и каждый из вас расскажет местным Советам, и везде будут местные решения. Я скажу в заключение: не поддавайтесь на провокацию. Буржуазия знает, что она делает, буржуазия знает, почему она ликовала в Пскове, ликовала на-днях в Одессе, буржуазия Винниценков, украинских Керенских, Церетели и Чернова. Она ликовала потому, что она прекрасно поняла, какую гигантскую ошибку дипломатии, в учете момента, сделала Советская власть, попытавшись вести войну при бегущей больной армии. Буржуазия вас тянет в западню на войну. Не только наступать, но и отступать приходится. Это всякий солдат знает. Поймите, что

буржуазия и вас и нас тянет в западню. Поймите, что вся буржуазия и все ее вольные и невольные пособники подстраивают эту западню. Вы сумеете перенести самые тяжелые поражения и самые трудные позиции сохранять и, отступая, выигрывать время. Время работает за нас. Обожравшись, империалисты лопнут, а в их чреве растет новый гигант; он растет медленнее, чем мы хотим, но он растет, он придет к нам на помощь, и, когда мы увидим, что он начинает свой первый удар, тогда мы скажем: кончилась пора отступления, начинается эпоха мирового наступления и эпоха победы мировой социалистической революции. (Бурные, долго не смолкаемые аплодисменты.)

«Правда» № 49, 19 марта 1918 г.

Печатается по стенограмме,
сверенной с текстом газеты «Правда»

4

РЕЗОЛЮЦИЯ О РАТИФИКАЦИИ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3-го марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получавшего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его действиях, а корыстно-классовое использование их.

Съезд признает также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную очередную и неотложную задачу текущего момента — повышение дисциплины и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны как наследие мучительнейшей войны, но которые в то же время являются первой помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества.

Теперь, после октябрьского переворота, после свержения политической власти буржуазии в России, после разрыва и опубликования нами всех тайных империалистических договоров, после аннулирования иностранных займов, после предложения рабочим и крестьянским правительством справедливого мира всем без изъятия народам, Россия, вырвавшись из тисков империалистической войны, вправе заявить, что она не участвует в ограблении и подавлении чужих стран.

Российская Советская Федеративная Республика отныне, единодушно осуждая грабительские войны, признает свое право и свою обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав.

Съезд признает поэтому безусловным долгом всех трудящихся масс напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоюбого пола военным знаниям и военному делу.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что Советскую власть, которая стойко выполняла все обязанности международной солидарности рабочих всех стран в их борьбе против ига капитала за социализм, будет делаться и впредь все, что в наших силах, для содействия международному социалистическому движению, для обеспечения и ускорения пути, ведущего человечество к избавлению от ига капитала и от наемного рабства, к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами.

Съезд глубочайше убежден, что международная рабочая революция не за горами и что полная победа социалистического пролетариата обеспечена, несмотря на то, что империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения.

ЗАМЕТКА О ПОВЕДЕНИИ «ЛЕВЫХ КОММУНИСТОВ»

Несколько товарищей, называющих себя «левыми коммунистами», заняли после заключения Брестского мира положение «оппозиции» в партии, и их деятельность вследствие этого все больше скатывается к совершенно нелояльному и недопустимому нарушению партийной дисциплины.

Тов. Бухарин отказался принять должность члена ЦК, на какую назначил его партийный съезд.

Тт. Смирнов, Оболенский, Яковлева ушли со своих должностей народных комиссаров и управляющего делами Высшего совета народного хозяйства.

Это совершенно нелояльные, нетоварищеские, нарушающие партийную дисциплину поступки, и такое поведение было и остается *шагом к расколу* со стороны названных товарищей...*

*Написано во второй половине
марта 1918 г.*

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

Печатается по рукописи

* На этом рукопись обрывается. Ред.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК СТАТЬИ «ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»⁷⁰

СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

ГЛАВА X

...^{*} Советская пресса отдавала непомерно много места и внимания тем мелочам политики, тем личным вопросам политического руководства, которыми капиталисты всех стран старались отвлекать внимание народных масс от действительно серьезных, глубоких и коренных вопросов их жизни. И в этом отношении нам предстоит еще почти заново решить задачу, для решения которой есть налицо все материальные предпосылки, нет только сознания необходимости этой задачи и готовности решить ее. Это, именно, задача — превратить прессу из органа преимущественно сообщения политических новостей дня в серьезный орган экономического воспитания масс населения. Нужно будет добиться, и мы добьемся того, что пресса, обслуживающая советские массы, будет уделять меньше места вопросам о личном составе политического руководства, или о девятистепенных политических мероприятиях, составляющих обыденную деятельность, рутинную работу всех политических учреждений. На первое же место пресса должна будет ставить вопросы труда в их непосредственно практической постановке. Пресса должна стать органом трудовой коммуны в том смысле, чтобы предавать гласности как раз то, что старались скрыть от массы руководители капиталистических предприятий. Для капиталиста внутренняя организация его предприятия представляла собою нечто, коммерческой тайной защищенное от глаз посторонней публики, — нечто такое, где, кажется, хотели

^{*} Начало стенограммы не сохранилось. Ред.

быть всевластными и единовластными, защищенными не только от критики, не только от постороннего вмешательства, но и от постороннего глаза. Наоборот, для Советской власти именно организация труда в отдельных крупнейших предприятиях и в отдельных деревенских общинах является самым главным, коренным и злободневным вопросом всей общественной жизни. Нашим первым и главным средством для повышения самодисциплины трудящихся и для перехода от старых, никуда не годных, приемов работы или приемов отлынивания от работы в капиталистическом обществе, — главным средством должна являться пресса, вскрывающая недочеты хозяйственной жизни каждой трудовой коммуны, беспощадно клеймящая эти недочеты, открыто вскрывающая все язвы нашей хозяйственной жизни и, таким образом, апеллирующая к общественному мнению трудящихся для излечения этих язв. Пусть у нас будет вдесятеро меньше газетного материала (может быть, было бы хорошо, если его будет в 100 раз меньше), газетного материала, посвященного, так называемой, злобе дня, — но пусть у нас будет распространенная в сотнях тысяч и миллионах экземпляров печать, знакомящая все население с образцовой постановкой дела в немногих опережающих другие трудовых коммунах государства. Каждая фабрика, каждая артель и земледельческое предприятие, каждое селение, переходящее к новому земледелию с применением закона о социализации земли, является теперь в смысле демократических основ Советской власти самостоятельной коммуной с внутренней организацией труда. В каждой из этих коммун повышение самодисциплины трудящихся, умение их сработаться с руководителями-специалистами, хотя бы из буржуазной интеллигенции, достижение ими практических результатов в смысле повышения производительности труда, экономии человеческого труда, сбережения продуктов от того неслыханного расхищения, от которого мы страдаем непомерно в настоящее время, — вот что должно составить содержание большей части материала нашей советской печати. Вот на каком пути мы можем и должны достигнуть того, чтобы сила примера стала в первую голову моральным, а затем — и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России.

При капиталистическом обществе были неоднократно примеры устройства трудовых коммун со стороны людей, которые надеялись мирно и безболезненно убедить человечество в преимуществе социализма и обеспечить его введение. Со стороны революционных марксистов такая точка зрения и такие приемы деятельности вызывают вполне законные насмешки, потому что в обстановке капиталистического рабства достигнуть каких-нибудь коренных изменений путем изолированных примеров было бы, действительно, совершенно пустым мечтанием, на практике приводившим либо к безжизненным предприятиям, либо к превращению этих предприятий в союзы мелких капиталистиков.

Эта привычка относиться с насмешкой и с пренебрежением к значению примера в массовом народном хозяйстве сказывается иногда и теперь у людей, которые не продумали коренного изменения, наступившего со времени завоевания политической власти пролетариатом. Теперь, когда земля перестала быть частной собственностью, когда фабрики и заводы почти перестали быть частной собственностью и, несомненно, перестанут быть таковою в самом ближайшем будущем — (ввести соответственные декреты — это не представит для Советской власти при теперешнем ее положении решительно никакого труда), — теперь значение примера трудовой коммуны, решающего лучше, чем какие бы то ни было другие способы, организационные задачи, приобрело гигантское значение. Нам надо именно теперь позаботиться о том, чтобы масса необыкновенно ценного материала, который имеется налицо в виде опыта новой организации производства в отдельных городах, в отдельных предприятиях, в отдельных деревенских общинах, — чтобы этот опыт стал достоянием масс.

Мы до сих пор находимся еще под значительным давлением старого общественного мнения буржуазии. Если посмотреть на наши газеты, то легко убедиться в том, какое непомерно большое место уделяем мы еще вопросам, поставленным буржуазией, — вопросам, которыми она хочет отвлечь внимание трудящихся от конкретных практических задач социалистического переустройства. Мы должны превратить, — и мы превратим, — прессу из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи —

в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому. Предприятия или деревенские общины, которые не поддаются никаким призывам и требованиям относительно восстановления самодисциплины и повышения производительности труда, будут выдвигаться на черную доску социалистическими партиями и будут либо переводиться в разряд больных предприятий, относительно которых приходится принимать меры к их оздоровлению путем особых приспособлений — особых шагов и узаконений, — либо будут переводиться в разряд штрафованных предприятий, которые подлежат закрытию и участники которых должны быть преданы народному суду. Введение гласности в этой области, само по себе, будет уже громадной реформой и послужит к привлечению широких народных масс к самостоятельному участию в решении этих вопросов, всего более затрагивающих массы. До сих пор так мало удалось сделать в этом отношении именно потому, что то, что держалось в отдельных предприятиях, в отдельных общинах скрытым от общественности, остается по-старому тайной, что было понятно при капитализме и что совершенно нелепо, бессмысленно в обществе, желающем осуществить социализм. Сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность на земли и на фабрики, — не только потому, что здесь будут, может быть, следовать хорошему примеру, но и потому, что лучший пример организации производства будет сопровождаться неизбежным облегчением труда и увеличением суммы потребления для тех, кто эту лучшую организацию провел. И здесь в связи с вопросом о значении прессы, как органа экономической реорганизации и перевоспитания масс, мы должны также коснуться вопроса о значении прессы в деле организации соревнования.

Организация соревнования должна занять видное место среди задач Советской власти в экономической области. Буржуазные экономисты не раз выступали в своей критике социализма с заявлением о том, будто социалисты отрицают значение соревнования или не дают места ему в их системе, или, как они выражались, в их плане общественного устройства. Нечего и говорить, насколько нелепо

это обвинение, не раз уже опровергавшееся в социалистической печати. Буржуазные экономисты смешивали, как и всегда, вопрос об особенностях капиталистического общества с вопросом об иной форме организации соревнования. Нападки социалистов никогда не направлялись на соревнование как таковое, а только на конкуренцию. Конкуренция же является особенной формой соревнования, свойственного капиталистическому обществу и состоящего в борьбе отдельных производителей за кусок хлеба и за влияние, за место на рынке. Уничтожение конкуренции, как борьбы, связанной только с рынком производителей, несколько не означает уничтожения соревнования, — напротив, именно, уничтожение товарного производства и капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а в человеческих формах. Именно в настоящее время в России при тех основах политической власти, которые созданы Советской республикой, при тех экономических свойствах, которые характеризуют Россию с ее необъятными пространствами и гигантским разнообразием условий, — именно теперь у нас организация соревнования на социалистических началах должна представить собою одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества.

Мы стоим за демократический централизм. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма. Противники централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию, как средства борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм несколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, — даже федерация несколько не противоречит демократическому централизму. Сплошь и рядом федерация при действительно демократическом строе, а тем более при советской организации государственного устройства, является лишь переходным шагом к действительно демократическому цен-

трализму. На примере Российской Советской республики особенно наглядно показывается нам как раз, что теперь федерация, которую мы вводим и которую мы будем вводить, послужит именно вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство.

И вот, подобно тому, как демократический централизм отнюдь не исключает автономии и федерации, так он несколько не исключает, а напротив, предполагает полнейшую свободу различных местностей и даже различных общин государства в выработке разнообразных форм и государственной, и общественной, и экономической жизни. Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией. Наша задача теперь — провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства транспорта и т. п., а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почину, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели. Поэтому задача организовать соревнование состоит из двух сторон: с одной стороны, она требует проведения демократического централизма так, как он обрисован выше, с другой стороны, — она означает возможность нахождения наиболее правильного, наиболее экономного пути к реорганизации экономического строя России. Говоря вообще, этот путь известен. Он состоит в переходе к крупному, на машинной индустрии построенному хозяйству, в переходе к социализму. Но конкретные условия и формы этого перехода неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма. И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той

или иной трудовой коммуне государства. Чем больше будет такого разнообразия, — конечно, если оно не перейдет в оригинальничание, тем вернее и тем быстрее будет обеспечено как достижение нами демократического централизма, так и осуществление социалистического хозяйства. Нам остается теперь только организовать соревнование, т. е. обеспечить гласность, которая давала бы возможность всем общинам государства ознакомлять относительно того, как именно пошло экономическое развитие в различных местностях, — обеспечить, во-вторых, сравнимость результатов движения к социализму в одной и в другой коммуне государства, — обеспечить, в-третьих, возможность практического повторения опыта, проделанного в одной общине, другими общинами, — обеспечить возможность обмена теми материальными силами, — и человеческими силами, — которые проявили себя с наилучшей стороны в соответственной области народного хозяйства или государственного управления. Придавленные капиталистическим строем, мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы таятся в массе трудящихся, в разнообразии трудовых коммун большого государства, в интеллигентских силах, которые до сих пор работали, как мертвые безгласные исполнители предначертаний капиталистов, какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества. Наше дело состоит только в том, чтобы расчистить дорогу всем этим силам. И если мы поставим организацию соревнования, как нашу государственную задачу, — то, при условии проведения советских принципов государственного порядка, при условии уничтожения частной собственности на землю, на фабрики, на заводы и пр., — результаты должны будут показать себя неизбежно и подскажут нам дальнейшие формы строительства.

ГЛАВА XI

Резолюция Чрезвычайного съезда Советов, упомянутая мною вначале, говорит, между прочим, о необходимости создания стройной и крепкой организации*. В настоящее время организованность как советских учреждений, так

* См. настоящий том, стр. 173. *Ред.*

и экономических единиц, действующих в пределах России, чрезвычайно невысока. Можно сказать, что преобладает состояние громадной дезорганизации.

Но было бы неправильно оценивать это состояние, как состояние развала, краха и упадка. Если буржуазная пресса делает такую оценку, то — понятно, что интересы класса капиталистов заставляют людей смотреть таким образом или, вернее, заставляют их делать вид, что они смотрят так. На самом же деле всякий человек, способный сколько-нибудь исторически взглянуть на вещи, не усомнится ни на минуту в том, что теперешнее состояние дезорганизации есть состояние перехода, — перехода от старого к новому, — есть состояние роста этого нового. Переход от старого к новому, если он проходит так круто, как проходит он в России с февраля 1917 года, предполагает, конечно, гигантское разрушение обветшалого и омертвевшего в общественной жизни. И понятно, что поиски нового не могут дать сразу тех определенных, установившихся, почти застывших и окоченевших форм, которые раньше складывались веками и веками держались. Теперешние советские учреждения и те экономические организации, которые характеризуются понятием рабочего контроля в промышленности, — эти организации находятся еще в периоде брожения и полной неустановленности. В этих организациях преобладает, естественно, сторона, так сказать, дискуссионная или сторона митинговая над стороной деловой. Иначе быть не может, потому что без привлечения к общественному строительству новых слоев народа, без пробуждения активности широких масс, доселе спавших, ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи. Бесконечные дискуссии и бесконечные митингования, — о чем так много и так озлобленно говорит буржуазная печать, — являются необходимым переходом совершенно еще неподготовленных к общественному строительству масс, — переходом от исторической спячки к новому историческому творчеству. Нет решительно ничего страшного в том, что этот переход местами затягивается, или в том, что обучение масс новой работе идет не с той быстротой, о которой может мечтать человек, привыкший работать в одиночку и не понимающий, что значит поднять сотни, тысячи и миллионы к самостоятельной политической жизни. Но, понимая это, мы

должны также понять и наступающий в этом отношении перелом. Пока советские учреждения не распространились по всей России, пока социализация земли и национализация фабрик оставалась исключением из общего правила, — до тех пор естественно, что и общественное заведывание народным хозяйством не могло еще выйти (если взять дело в общенациональном масштабе) из стадии предварительной дискуссионной подготовки, из стадии обсуждения, из стадии истолковывания. Теперь как раз наступает перелом, советские учреждения распространились по всей России. С Великороссии они перекинулись на громадное большинство других национальностей России. Социализация земли в деревне и рабочий контроль в городах перестали быть исключениями, стали, наоборот, правилами.

С другой стороны, крайне критическое и даже отчаянное положение страны в смысле обеспечения хотя бы простой возможности существования для большинства населения, в смысле обеспечения его от голода, — эти хозяйственные условия настоятельно требуют достижения определенных практических результатов. Деревня могла бы прокормиться своим хлебом, — это несомненно, — но она сможет прокормиться им только в том случае, если действительно с абсолютной строгостью произойдет учет всего имеющегося хлеба и если с величайшей экономией и бережливостью сумеют распределить его между всем населением. А для правильного распределения нужна правильная постановка транспорта. А транспорт как раз всего более разрушен войною. И для восстановления транспорта в стране, отличающейся такими громадными расстояниями, как Россия, — всего более нужна стройная, крепкая организация, а, может быть, действительно миллионы людей, работающих с правильностью часового механизма. Теперь наступил как раз тот переломный пункт, когда мы должны, нисколько не останавливая подготовки масс к участию их в государственном и экономическом управлении всеми делами общества, нисколько не мешая подробнейшему обсуждению ими новых задач (напротив, всячески помогая им производить это обсуждение, чтобы самостоятельно додуматься до правильных решений), в то же самое время мы должны начать строго отделять две категории демократических функций: с одной стороны —

дискуссии, митингования, с другой стороны — установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое, дисциплинированное, добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы. К этому нельзя было перейти сразу, требовать этого было бы педантством или даже злостной провокацией несколько месяцев тому назад. Этого преобразования, вообще говоря, нельзя провести никаким декретом, никаким предписанием. Но настало время, когда центральным пунктом всей нашей революционной преобразовательной деятельности является осуществление именно этого преобразования. Теперь оно подготовлено, теперь условия для него созрели и теперь дальше откладывать и дальше ждать нельзя. Недавно при обсуждении вопроса о реорганизации и о правильной постановке железнодорожного транспорта возник вопрос о том, насколько единоличная распорядительная власть (власть, которую можно было бы назвать властью диктаторской) совместима с демократическими организациями вообще, с коллегиальным началом в управлении — в особенности, и — с советским социалистическим принципом организации — в частности. Несомненно, что очень распространенным является мнение, будто о таком совмещении не может быть и речи, — мнение, будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления. Нет ничего ошибочнее этого мнения.

Демократический принцип организации — в той высшей форме, в которой с проведением Советами предложений и требований активного участия масс не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только в контроле за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении, — это значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь. Но из этого вовсе не следует, чтобы допустим был малейший хаос или малейший беспорядок насчет того, кто ответствен в каждом отдельном случае за определенные исполнительные функции, за проведение в жизнь определенных

распоряжений, за руководство определенным процессом общего труда в известный промежуток времени. Масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции. Но это несколько не означает, чтобы процесс коллективного труда мог оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя. Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи. Вот почему в переживаемый нами момент, когда Советская власть и диктатура пролетариата достаточно укрепились, когда главные линии сопротивляющегося неприятеля, т. е. сопротивляющихся эксплуататоров, достаточно разрушены и обезврежены, когда подготовка масс населения функционированием советских учреждений к самостоятельному участию во всей общественной жизни достаточно произведена, — в настоящий момент на очередь выдвигаются задачи строжайше отделить дискуссии и митингования от беспрекословного исполнения всех предписаний руководителя. Это значит — отделить необходимую, полезную и вполне признаваемую любым Советом подготовку масс к проведению известной меры и к контролю за проведением этой меры, — отделить от самого этого проведения. Массы могут теперь, — это им обеспечивают Советы, — взять в свои руки всю власть и — укреплять эту власть. Но для того, чтобы не получилось того многовластия и той безответственности, от которых мы невероятно страдаем в настоящее время, — для этого нужно, чтобы для каждой исполнительской функции мы знали в точности, какие именно лица, быв выбранны на должность ответствен-

ных руководителей, несут ответственность за функционирование всего хозяйственного организма в целом. Для этого нужно, чтобы как можно чаще, при малейшей к тому возможности, определялись выборные ответственные лица для единоличного распоряжения всем хозяйственным организмом в целом. Необходимо добровольное исполнение распоряжений этого единоличного руководителя, необходим переход от той смешанной формы дискуссий, митингования, исполнения и — в то же самое время — критики, проверки и исправления — к строго правильному ходу машинного предприятия. К этой задаче в громадном большинстве трудовые коммуны России, рабочие и крестьянские массы уже подходят и уже подошли. Задача Советской власти — взять на себя роль истолкователя наступающего теперь перелома и — узаконителя его необходимости.

ГЛАВА XII

Лозунг практицизма и деловитости пользовался небольшой популярностью среди революционеров. Можно сказать даже, что не было среди них менее популярного лозунга. Вполне понятно, что, пока задача революционеров состояла в разрушении старого капиталистического общества, они должны были относиться к такому лозунгу с отрицанием и с насмешкой. Ибо на практике под этим лозунгом пряталось тогда в той или иной форме стремление примириться с капитализмом, или ослабить натиск пролетариата на основы капитализма, ослабить революционную борьбу против капитализма. Совершенно понятно, каким образом дело должно было измениться в корне после завоевания власти пролетариатом, после обеспечения этой власти, после приступа к работе по созданию в широком масштабе основ нового, т. е. социалистического общества. Мы и теперь, как было отмечено выше, не вправе ни на волос ослабить ни своей работы по убеждению массы населения в правильности наших идей, ни своей работы по разрушению сопротивления эксплуататоров. Но главное в исполнении этих двух функций нами уже сделано. Главным и очередным является теперь лозунг именно практичности и именно деловитости. Отсюда вытекает, что привлечение к работе буржуазной интеллигенции

является теперь очередной, назревшей и необходимой задачей дня. Было бы до смешного нелепо, если бы в таком привлечении усматривали бы какое-то шатание власти, какое-то отступление от принципов социализма, или какой-то недопустимый компромисс с буржуазией. Высказывать такое мнение, значило бы повторять без всякого смысла слова, относящиеся к совершенно иному периоду деятельности революционных пролетарских партий. Напротив, именно во исполнение наших революционных задач, именно во имя того, чтобы эти задачи не остались утопией, или невинным пожеланием, а превратились бы действительно в реальность, — были бы осуществлены немедленно, — именно, во имя такой цели, мы должны теперь поставить, как свою первую, очередную и главнейшую задачу, именно практичность и деловитость организационной работы. Дело идет сейчас именно о том, чтобы со всех сторон приняться за практическое возведение того здания, план которого мы уже давно начертили, почву под которое мы достаточно энергично отвоевывали и достаточно прочно отвоевали, материал для которого мы в достаточном количестве собрали и которое надо теперь, — окружив его подсобными лесами, одевшись в рабочую одежду, не боясь испачкать ее во всяких вспомогательных материалах, строго исполняя предписания руководящих практической работой лиц, — надо это здание строить, строить и строить.

До какой степени остаются иногда непонятными указанные выше перемены в постановке наших задач, — это видно между прочим из недавней дискуссии о роли профессиональных союзов⁷¹. Был высказан взгляд (который поддерживался меньшевиками, разумеется с явно провокаторскими целями, т. е. с целью провоцировать нас на шаги, выгодные лишь для буржуазии), был выражен взгляд, что профессиональные союзы в интересах сохранения и укрепления классовой самостоятельности пролетариата не должны становиться государственными организациями. Этот взгляд прикрывался благовидными и достаточно привычными и достаточно заученными словами о борьбе труда против капитала, о необходимости классовой самостоятельности пролетариата. На самом же деле этот взгляд был и остается либо буржуазной провокацией самого грубого пошиба, либо — крайним недомыслием,

рабским повторением лозунгов вчерашнего дня, что показывает анализ изменившихся условий сегодняшней полосы истории. Вчера главной задачей профессиональных союзов была борьба против капитала и отстаивание классовой самостоятельности пролетариата. Вчера лозунгом дня было недоверие к государству, ибо это было государство буржуазное. Сегодня государство становится и стало пролетарским. Рабочий класс становится и стал господствующим классом в государстве. Профессиональные союзы становятся и должны стать государственными организациями, на которые в первую очередь ложится ответственность за реорганизацию всей хозяйственной жизни на началах социализма. Поэтому применять к теперешней эпохе лозунги старого профессионализма — значило бы отречься от социалистических задач рабочего класса.

То же самое приходится сказать и о кооперативах. Кооператив есть лавочка, и какие угодно изменения, усовершенствования, реформы не изменяют того, что это лавочка. К такому взгляду приучила капиталистическая эпоха. И нет сомнения, что эти взгляды были правильным выражением сущности кооперативов, пока они оставались небольшим привеском к механизму буржуазного строя. Но в том-то и дело, что положение кооперативов в корне принципиально меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм. Задача Советской власти после того, как буржуазия экспроприрована политически и экономически, состоит явным (главным) образом в том, чтобы распространить кооперативные организации на все общество, чтобы превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива. Если от этой задачи мы будем отмахиваться ссылкой на классовый характер рабочих кооперативов, то мы окажемся реакционерами, тянущими назад от эпохи, наступившей после завоевания

политической власти пролетариатом, к эпохе, имевшей место до такого завоевания. Рабочий класс при существовании капитализма проявлял две тенденции в своей политической и экономической деятельности. С одной стороны, это была тенденция удобно и сносно устроиться при капитализме, что было осуществимо лишь для небольшой верхней прослойки пролетариата. С другой стороны, это была тенденция стать во главе всех трудящихся и эксплуатируемых масс для революционного ниспровержения господства капитала вообще. Понятно, что, когда эта вторая тенденция победила, когда капитал низвергнут и когда надо начать строить всенародный социалистический кооператив, — понятно, что наш взгляд на задачи и условия кооперативного движения меняется коренным образом. Мы должны вступить в соглашение с кооперативами буржуазными, как и с кооперативами пролетарскими. Мы не можем бояться. Было бы смешно с нашей стороны бояться соглашения с буржуазными кооперативами, ибо мы теперь господствующая власть. Нам нужно такое соглашение, чтобы найти практически осуществимые, удобные, подходящие для нас формы перехода от частичных раздробленных кооперативов к единому всенародному кооперативу. Как государственная власть, мы не можем бояться соглашения с буржуазными кооперативами, ибо такое соглашение будет неизбежно подчинением их нам. В то же самое время мы должны понять, что мы представляем из себя новую государственную пролетарскую власть, что рабочий класс стал господствующим теперь в государстве классом. Поэтому рабочие кооперативы должны стать во главе движения, переводящего отдельные кооперативы в единый всенародный кооператив. Рабочий класс должен не замыкаться от остальных частей населения, а наоборот — руководить всеми частями населения без изъятия в деле перевода их к поголовному объединению в единый всенародный кооператив. Какие практические, непосредственно осуществимые, переходные меры нужны для этого, — это вопрос другой. Но надо ясно сознать и непрекаемо решить, что все дело теперь именно в этом практическом переходе, что пролетарская государственная власть должна за него взяться, всякие реформы его на опыте проверить и во что бы то ни стало этот переход осуществить.

ГЛАВА XIII

Особенно следует отметить при обсуждении вопроса о восстановлении дисциплины и самодисциплины трудящихся ту важную роль, которая выпадает теперь на долю судов. Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их подголоски меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно. На место старого суда она стала создавать новый народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, — и только этих классов, — в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся. Мы были бы смешными утопистами, если бы воображали себе, что подобная задача осуществима на другой день после падения власти буржуазии, т. е. в первой стадии перехода от капитализма к социализму, или — без принуждения. Без принуждения такая задача совершенно не выполнима. Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине. У нас сделано еще непомерно мало, вернее, почти ничего не сделано для этой цели. А мы должны добиться организации подобных судов в самом широком масштабе с распространением их деятельности на всю трудовую жизнь страны. Лишь подобные суды, при условии участия в них самых широких масс трудящегося и эксплуатируемого населения, сумеют в демократических формах сообразно с принципами Советской власти

добиться того, чтобы пожелания дисциплины и самодисциплины не остались голыми пожеланиями. Лишь подобные суды сумеют добиться того, чтобы у нас была революционная власть, которую мы все признаем на словах, говоря о диктатуре пролетариата, и вместо которой мы слишком часто видим вокруг себя нечто киселеобразное. Впрочем, правильнее было бы сравнить то общественное состояние, в каком мы находимся, не с киселем, а с переплавкой металла при выработке более прочного сплава.

Продиктовано 28 марта 1918 г.

*Впервые напечатано 14 апреля 1929 г.
в газете «Правда» № 86*

*Печатается по стенографической
записи*

К ДЕКРЕТУ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРИБУНАЛАХ ⁷³

А

ЧЛЕНАМ КОЛЛЕГИИ КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ
И КОПИЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦИК

30/III 1918.

Декрет о советских трибуналах, по моему мнению, совершенно неправилен и подлежит коренной перделке.

Неправильно отменять декрет о трибуналах печати, без предварительной сводки (и обсуждения) итогов их работы.

Неправильно учреждение должности единоличного «трибуна», стоящего вне коллегии Комиссариата юстиции. Получается нечто вроде худших прецедентов «генерал-прокурора».

Вместо обращения внимания на реформы учреждений, реформы мелкие или почти словесные («трибун»), надо обратить внимание на практические результаты работ коллегии юстиции в деле создания действительно революционного, скорого и беспощадно строгого к контрреволюционерам, хулиганам, лодырям и дезорганизаторам суда.

Ленин

Б

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВНАРКОМА

СНК поручает Комиссариату юстиции переработать проект декрета о трибуналах в направлении устранения единоличной власти «трибуна» и сосредоточения центра тяжести не на мелких изменениях созданных с октября 1917 г. учреждений, а на практических результатах работы по созданию судов, действительно скорых и действительно революционно-беспощадных к контрреволюционерам, взяточникам и дезорганизаторам, нарушителям дисциплины.

Переработанный проект напечатать и внести в ЦИК.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ»

Большинство статей, собранных в настоящем издании, помещено было в заграничном «Социал-Демократе» (Центр. Орг. РСДРП Партии — большевиков), который выходил с конца 1914 года по начало 1917 года в Швейцарии. Только одна большая журнальная статья взята из журнала «Коммунист»⁷³ (вышел только один выпуск в 1915 г., в Швейцарии).

Для правильного понимания связи между отдельными статьями надо иметь в виду хронологическую последовательность их помещения в газете.

Статьи делятся на две основные категории. Часть посвящена оценке войны и вытекающих из этой оценки задач политики. Другая часть рассматривает внутривнутрипартийные отношения, ту борьбу фракций, которая долго казалась близоруким людям «хаосом» или «личным конфликтом» и которая на деле привела теперь, как видит всякий, к размежеванию действительных социалистов от лакеев буржуазии, господ Либерданов⁷⁴, Мартовых и К^о.

Понятно, что первая часть или первая категория статей имеет несравненно большее значение. Без знакомства с этими статьями не обойдется ни один сознательный рабочий, желающий *понять* развитие идей международной социалистической революции и ее первой победы 25 октября 1917 года.

Н. Ленин

Написано в марте 1918 г.

*Напечатано в 1918 г. в сборнике:
«Против течения».*

*Изд. Петроградского Совета
рабочих и солдатских депутатов*

Печатается по тексту сборника

ТЕЗИСЫ БАНКОВОЙ ПОЛИТИКИ ⁷⁸

1. Составить отчет полученного в частных банках, включая в отчет ликвидацию всех дел каждого частного банка.

(а) Прежнему персоналу служащих (с правом Комиссариата государственного банка отвести некоторых из них) каждого частного банка дается ультимативное поручение в кратчайший срок привести в порядок все дела банка и составить баланс в окончательной форме, во-первых, на 14 декабря 1917 г. ⁷⁶, во-вторых, на последний день операций.

(б) Частные банки, выполняя эту функцию составления отчетов и ликвидации всех дел банков, действуют исключительно как отделения единого Народного банка Российской республики и лишь в целях ликвидации, никаких новых операций не производя.

2. Всей деятельностью составления отчетов руководит Комиссариат государственного банка.

Приглашается возможно большее число опытных сотрудников, в том числе и бывших служащих Государственного и частных банков.

3. Банковая политика, не ограничиваясь национализацией банков, должна постепенно, но неуклонно направляться в сторону превращения банков в единый аппарат счетоводства и регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом.

4. Экстренные меры для открытия возможно большего числа отделений Народного банка по всей стране.

Наиболее целесообразное размещение этих отделений внутри городов и по деревням в интересах больших удобств для публики.

Использовать, как отделения Народного банка, существующие отделения бывших частных банков.

5. Объявление неприкосновенности вкладов (каковая, что само собою разумеется, отнюдь не умаляет прав государства на взимание налогов).

6. Свободный чековый оборот.

7. Полное сохранение рабочего контроля по отношению к выдаче денег из банков.

8. Нормировка выдач денег на потребительные цели сохраняется.

Вводится ряд облегчений для публики в целях ускорения взносов денег в банки и выдачи денег из банков, а равно упрощения формальностей.

9. Принятие мер к тому, чтобы население держало все деньги, не безусловно необходимые на потребительские цели, в банках. Подготовка закона и практических шагов к принудительному осуществлению этого принципа.

10. Все отделения Народного банка в пределах Федеративной Российской Советской Республики руководствуются точно в своей деятельности инструкциями и директивами центрального управления, не имея права устанавливать каких-либо местных правил и ограничений. Исключения допускаются лишь с согласия центрального управления.

Написано в марте или апреле 1918 г.

*Впервые напечатано в 1926 г.
в журнале «Пролетарская Революция»
№ 6 (53)*

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ НА МИТИНГЕ
В АЛЕКСЕЕВСКОМ МАНЕЖЕ
7 АПРЕЛЯ 1918 г.⁷⁷**

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

(Появление Ленина на трибуне встречается бурными аплодисментами.) Мы переживаем теперь, — говорит Ленин, — самые тяжелые месяцы революции. Идет голод, в полном напряжении сил мы должны с ним бороться, бороться при условии постоянного злорадного внимания со стороны правых эсеров и меньшевиков. Их тактика — это тактика Дутова и Корнилова, тактика юнкеров, восставших в Москве против Советской власти. В этом отношении меньшевики, стремящиеся свергнуть Советскую власть, — на их стороне, на стороне буржуазии, и тем самым они предают нас. Когда мы применяем расстрелы, они обращаются в толстовцев и льют крокодиловы слезы, крича о нашей жестокости. Они забыли, как вместе с Керенским гнали рабочих на бойню, спрятав в кармане тайные договоры. Они забыли об этом и превратились в кротких христиан, пекущихся о милосердии.

Без оружия мы не сможем подавить своих врагов, это они отлично понимают, но все же стараются дискредитировать нас.

Нам приходится налаживать народное хозяйство, и это гигантское дело тем труднее, что наша революция первая пошла так далеко по пути социального преобразования. Чтобы облегчить эту трудную задачу, нам необходимо учиться, но учиться не по книгам, а на деле, на опыте. Для строительства народного хозяйства пригодна только Советская власть, и поэтому я предлагаю вам проводить в Советы по всей стране тысячи наших товарищей. Помимо того, нам нужно выработать товарищескую дисциплину.

Рабочие и крестьяне должны понять, что земли и фабрики являются их достоянием, и относиться к ним бережно, как к своему добру.

Только теперь, оглядываясь назад, видя всю беспомощность буржуазии и ничтожество саботирующей интеллигенции, я убеждаюсь в том, какой громадный шаг вперед мы сделали. И чтобы дальше успешно идти вперед, нам необходимо сбросить с себя невежество и халатность, а сделать это гораздо труднее, нежели свергнуть идиота Романова или дурачка Керенского.

Нас душит Германия, на нас наступает Япония⁷⁸. И вот в это тяжелое время меньшевики и правые эсеры, эти ласковые агнцы, кричат о нашей жестокости, забывая о том, что они поставили виселицу для тов. Шаумяна⁷⁹. В ответ им я могу сказать: да, мы не отрицаем насилия, производимого нами над эксплуататорами.

Эти слезы меньшевиков и правых эсеров, вызванные нашей жестокостью, — это их последняя попытка принять участие в политической жизни страны и вместе с тем символ их слабости. Мы с ними будем бороться беспощадно. Мы должны теперь расплачиваться за все наследие царизма, за времена николаевщины и керенщины. Когда же мы победим деворганизацию и апатию, то в непрестанной работе мы достигнем великой победы социализма. (Шумные аплодисменты.)

*«Известия Саратовского Совета» № 71,
13 апреля 1918 г.*

*Печатается по тексту газеты
«Известия Саратовского Совета»*

ДИРЕКТИВЫ ВЛАДИВОСТОКСКОМУ СОВЕТУ ⁸⁰

В Иркутск (для Владивостока) надо телеграфировать по прямому проводу:

Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел.-дор. материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье. Извещайте нас два раза в неделю точно, сколько именно локомотивов и вагонов вывезено, сколько осталось. Без этого мы не верим и не будем верить ничему. Денежных знаков у нас теперь нет, но со второй половины апреля будет много, но помощь нашу мы обусловим вашими практическими успехами в деле вывоза из Владивостока вагонов и паровозов, в деле подготовки взрыва мостов и прочее.

Ленин

7 апреля

Напечатано в 1934 г. в сборнике:
В. И. Ленин. «Из эпохи
гражданской войны»

Печатается по рукописи

РЕЧЬ ПО ФИНАНСОВОМУ ВОПРОСУ НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 18 АПРЕЛЯ 1918 г.

В настоящий момент ясно одно, что финансовую проблему мы в ближайшее время не разрешим, не введем финансовый аппарат в обычное русло. Это ясно для всех. Но нужно сказать, что до сих пор к сожалению все мы ничего не делаем на этой кафедре для того, чтобы хотя бы найти те вехи, по которым можно будет ввести финансовый аппарат в то русло, в котором он должен находиться. Тов. Гуковский предложил нам план. Хороший ли план, худой ли, я не буду останавливаться на этом. Для меня только ясно одно, что даже самый лучший план в настоящее время в области финансовой, самый лучший план — сейчас невозможно выполнить, потому что фактически у нас не организован тот аппарат, который выполнит этот финансовый план. Если бы мы пытались провести в жизнь какое-нибудь налоговое обложение, мы сейчас наткнулись бы на то, что отдельные области в настоящее время проводят налоговое обложение, кто как вздумает, кому как придется, кому как позволяют местные условия. В этом отношении Советы, которые являются властью на местах, в настоящее время не связаны между собою. С одной стороны, этим самым они оторваны от центральной власти, а с другой стороны, Советы не организованы настолько, чтобы они имели возможность фактически провести то, что будет выработано нами здесь. Возьмем какой-нибудь пример. Мне лично приходилось видеть Советы, которые не только не могли бы провести в жизнь этот финансовый план, который мы намечаем здесь, но которые даже у себя на местах сплошь да рядом не имеют той власти, какую иметь надлежит. Очень часто благодаря

той политике, которую мы сейчас переживаем, очень часто Советы эти не пользуются своей властью, не имеют возможности пользоваться ею, потому что фактически власть находится в руках отдельных групп, которые часто враждуют с Советами, не подчиняются Советам и в распоряжении которых к несчастью находится определенная штыковая сила. Для того, чтобы не быть голословным, я приведу пример. Вот здесь недалеко от Москвы, в Рязанской губернии, я наблюдал такого рода явление. Совет есть. Помимо Совета есть Военно-революционный комитет. Военно-революционный комитет считает себя автономным от Совета и проводит налоговое обложение сам, даже не отчитываясь перед Советом. Совет проводит налоговое обложение тоже сам. Как видите, если мы попытаемся при таком положении вещей провести план отсюда, то из этого, конечно, ничего не выйдет и, конечно, ничего не получится, потому что даже там на местах Военно-революционный комитет не подчиняется Совету, а поэтому и Совет ничего не может сделать для центральной власти. Поэтому необходимо что-то сделать. Необходимо создать иную организацию для того, чтобы все издаваемые декреты не оставались только декретами, а чтобы они могли проводиться в жизнь, не оставаясь висеть в воздухе.

*Краткий газетный отчет
опубликован 19 апреля 1918 г.
в «Известиях ВЦИК» № 77*

*Впервые полностью напечатано в 1920 г.
в книге: «Протоколы заседаний ВЦИК
4-го созыва. Стенографический отчет».
Москва*

Печатается по тексту книги

**РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ РАБОЧИХ,
КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ
ДЕПУТАТОВ
23 АПРЕЛЯ 1918 г.**

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Товарищи! Позвольте мне прежде всего приветствовать новый состав Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Вам пришлось выбрать новый состав в чрезвычайно тяжкую минуту, в тот трагический момент, когда процесс развития нашей революции вступает в наиболее опасный и тяжелый фазис. Элементы, враждебные революции, все, кто поддерживает врагов народа, все, кто волочится за буржуазией, — возлагали большие надежды на переборы нашего Совета, ибо в данное время мы переживаем чрезвычайно трудную эпоху, когда кончилось победоносное шествие революции, вступившей в полосу тягостных переживаний и даже поражений. И в этот момент пролетариат предстал опять перед нами со всей силой своей сознательности. Рабочие, учитывая всю трудность переживаемого периода, ясно понимают, что устранение великих страданий, которые выпали ныне на долю трудового народа, зависит не от нас, а от всего хода исторических событий. И рабочие с героической решимостью вынесут на плечах новые лишения, лишь бы отстоять великие завоевания Октябрьской революции.

Нет сомнения, что, наряду с тяжелыми испытаниями, революция все же вступила в полосу новых незаметных, не бросающихся в глаза побед, не менее важных, чем блестящие победы эпохи октябрьских баррикад. Перед нами во весь рост стоят два наших смертельных врага: перед нами во всеоружии готовые растерзать революцию внешние и внутренние враги, выжидающие удобный момент для нанесения окончательного удара. Внешним врагом

является вооруженный до зубов, богатый техническими силами международный империализм, который хочет выждать момент для нового разбойничьего нападения на Советскую Россию. И, помня это, необходимо с беспощадной ясностью взглянуть прямо в глаза грозной истине.

В результате реакционнейшей из войн, какую пришлось пережить нашей истерзанной стране, мы в данный момент не имеем достаточных сил для активной вооруженной борьбы с мировой реакцией, мы не имеем армии, у нас нет сил, которые мы могли бы противопоставить блестяще организованным отрядам международной контрреволюции, в руках которой имеется мощь передовой техники и идеальной дисциплины. Мы одиноки пока и окружены смертельными врагами.

В эпоху Октябрьского восстания трудового народа, когда мы перед рабочими развернули красное знамя социалистической революции, в эту эпоху мы переживали период легкого ослепительного успеха. И рабочие других стран, прислушиваясь к отдаленному гулу российской революции, понимали, что происходит в России, сознавали, что российский пролетариат делает их собственное, кровное дело. Тогда мы легко справлялись с реакционными бандами, тогда мы легко подавляли восстающие против народа остатки меньшевистских банд, которые шли против нас не открытой борьбой с оружием в руках, а с грязным оружием лжи, клеветы и неслыханного предательства. В результате нашей борьбы с контрреволюцией мы видим такую крупную победу, как тот факт, что первый по смелости контрреволюционер Корнилов убит своими же собственными, возмущившимися солдатами⁸¹.

Ведя широкую борьбу с отечественной контрреволюцией по всем фронтам, мы воспользовались заминкой международной буржуазии и нанесли во-время мощный удар по телу раздавленной ныне контрреволюции. Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена. Конечно, отдельные стычки будут, в некоторых городах вспыхнут кое-где на улицах перестрелки, вызванные частичными попытками реакционеров опрокинуть силу революции — Советскую власть, но нет сомнения, что на внутреннем фронте реакция бесповоротно убита усилиями восставшего народа. Таким образом мы пережили первую эпоху развития революции, начало которой идет

с Октябрьских дней, — эпоху опьяняющего и кое-кого опьянившего успеха.

Я опять повторяю, что теперь наступила наиболее трудная, наиболее тяжелая полоса в жизни нашей революции. Перед нами задача — стальное напряжение всех сил для применения их к новой творческой работе, ибо только железная выдержка и трудовая дисциплина поможет революционному российскому пролетариату, столь одинокому пока в своей титанической революционной работе, дождаться избавительного времени, когда международный пролетариат придет к нам на помощь.

Мы являемся одним из революционных отрядов рабочего класса, выдвинувшимся вперед, не потому, что мы лучше других рабочих, не потому, что российский пролетариат стоит выше рабочего класса иных стран, но только и только потому, что мы были одной из самых отсталых стран в мире. Мы придем к окончательной победе только тогда, когда нам удастся сломить, наконец, окончательно международный империализм, опирающийся на грандиозную силу техники и дисциплины. Но мы придем к победе только вместе со всеми рабочими других стран, всего мира.

Волею истории нам пришлось подписать тяжелый мир в Бресте, и мы не скрываем, что этот мир в любую минуту может быть предательски опрокинут многочисленными врагами революции, наступающими на нас со всех сторон, врагами, к активной борьбе с которыми мы приступить в данный момент бессильны. И знайте, что тот, кто звал бы вас сейчас к этой активной вооруженной открытой борьбе с международным хищным империализмом, — тот совершал бы акт предательства народа, тот являлся бы вольным или невольным провокатором и слугой той или иной кучки империалистов. И тот, кто выступает против тактики, которой мы придерживались в последнее время, тот — пусть он называется даже самым «левым», даже сверхлевым коммунистом — тот плохой революционер, — скажу больше — тот совсем не революционер.】 (А плоды менты.)

Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран. Наша задача — неустанное продолжение нашей тактики пролетарской борьбы.

Мы имеем одного чрезвычайно опасного тайного врага, который опаснее многих открытых контрреволюционеров; этот враг — смертельный враг социалистической революции и Советской власти, которая является небывалым еще нигде народным парламентом нового типа для бедных — враг, каким является стихия мелкого собственника. Нет сомнения, что мы подошли к преодолению наиболее трудных препятствий на пути развития социалистической революции. Перед нами в первую очередь предстоит задача — осуществление в полной мере диктатуры пролетариата во всех областях: в организации трудовой дисциплины, в производстве, в распределении продуктов производства. Враг, о котором я говорил, это стихия мелкого собственника, живущего одной мыслью: «урвал что можно, а там — хоть трава не расти», — этот враг сильнее всех Корниловых, Дутовых и Калединых, взятых вместе.

Эти мелкие кулаки, мелкие хозяйчики, собственники, говорят: «нас все время угнетали, нас давили все время — ну, как же нам не воспользоваться ныне столь удобным моментом». Это явление является серьезным препятствием, без преодоления которого победить немислимо, ибо из каждого мелкого хозяйчика, из каждого алчного хапателя растет новый Корнилов.

Наряду с этой опасностью, перед нами грозным призраком встают перспективы надвигающегося голода и массовой безработицы, но мы видим, что всякий сознательный рабочий, — а их становится все больше и больше не по дням, а по часам, — всякий сознательный рабочий, говорю я, учитывает и понимает, что в данный момент единственным средством для борьбы с грозными опасностями является стальное напряжение всех сил и мощная выдержка. И пусть помнят те, кем в минуты тяжелых переживаний нашей революции овладевает отчаяние, упадок духа и энергии, что мы всегда говорили, что от капитализма до полной победы социализма бескровным и легким путем убеждений и соглашательства нам не дойти и что только в результате бешеной борьбы мы можем достигнуть своей цели.

Диктатура пролетариата стоит за насилие над эксплуататорами. Наша дорога — выдержка, пролетарское сплочение, железная диктатура трудового народа. Нет сомнения, что Советская власть во многих случаях не проявляла достаточной решимости в борьбе с контрреволюцией, и

в таком виде она была не железо, а кисель, на котором социализма не построишь. Мы не победили мелкобуржуазной стихии. Положение разоренной, обескровленной страны, ходом истории выдвинутой впереди всех на поле мировой революции — чрезвычайно тяжело, — и нас раздавят, если мы развалу, дезорганизации и отчаянию не противопоставим железную диктатуру сознательных рабочих. Мы будем беспощадны как к нашим врагам, так и по отношению ко всем колеблющимся и вредным элементам из нашей собственной среды, которые осмелятся внести дезорганизацию в нашу тяжелую творческую работу по строительству новой жизни трудового народа.

Мы приступили к разрешению задачи, преодоление которой несет за собою полное обеспечение и укрепление социализма. Для преодоления всех трудностей, для успешной борьбы с голодом и безработицей мы будем творить невидимую, скромную, но тяжелую работу государственной важности, и кто будет идти против нас, тот явится жестоким врагом мирового пролетариата.

Выборы в Московский Совет показали, насколько отдают себе отчет в происходящих событиях рабочие, которые поняли, что Советская власть является не парадным украшением, а их собственным кровным делом. Последним актом, актом перевыборов в наш Совет, побеждены все, кто возлагал большие надежды на эти перевыборы, побеждены колеблющиеся элементы, и это дает мне уверенность и надежду в том, что мы стоим на верном пути, который приведет нас к полной победе социализма. (О в а ц и я.)

Напечатано 24 апреля 1918 г.
в газетах «Правда» № 79
и «Известия ВЦИК» № 81

Печатается по тексту газеты «Правда»,
сверенному со стенограммой и
с текстом газеты «Известия ВЦИК»

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ⁸³

Написано в марте — апреле 1918 г.

*Напечатано 28 апреля 1918 г.
в газетах «Правда» № 83 и «Известия
ВЦИК» № 85
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
брошюры: Н. Ленин. «Очередные
задачи Советской власти», изд. 2-е,
Москва, 1918, сверенному с рукописью*

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Благодаря достигнутому миру, — несмотря на всю его тягостность и всю его непрочность, — Российская Советская республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно — на задаче организационной.

Эта задача ясно и точно поставлена перед всеми трудящимися и угнетенными массами в 4-м абзаце (4-й части) резолюции, принятой 15 марта 1918 года на московском Чрезвычайном съезде Советов, — в том же абзаце (или в той же части) резолюции, где говорится о самодисциплине трудящихся и о беспощадной борьбе с хаосом и дезорганизацией*.

Непрочность достигнутого Российской Советской республикой мира обуславливается, конечно, не тем, чтобы она помышляла теперь о возобновлении военных действий; — кроме буржуазных контрреволюционеров и их подголосков (меньшевиков и проч.), ни один вменяемый политик не думает об этом. Непрочность мира обуславливается тем, что в граничащих с Россией с запада и с востока империалистских государствах, обладающих громадной военной силой, может взять верх с минуты на минуту военная партия, соблазненная моментальной слабостью России и подталкиваемая ненавидящими социализм и охочими до грабежа капиталистами.

При таком положении дела, реальной, не бумажной, гарантией мира для нас является исключительно рознь

* См. настоящий том, стр. 173. Ред.

между империалистскими державами, достигшая высших пределов и проявляющаяся, с одной стороны, в возобновлении империалистской бойни народов на Западе, а с другой стороны — в крайне обостренном империалистическом соревновании Японии и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем.

Понятно, что, защищенная столь шаткой охраной, наша Советская социалистическая республика находится в чрезвычайно непрочном, безусловно критическом международном положении. Необходимо крайнее напряжение всех наших сил, чтобы использовать предоставленную нам стечением обстоятельств передышку для излечения тягчайших ран, нанесенных всему общественному организму России войной, и для экономического подъема страны, без чего не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном повышении обороноспособности.

Понятно также, что серьезное содействие запоздавшей, в силу ряда причин, социалистической революции на Западе мы окажем лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу.

Основным условием успешного разрешения стоящей перед нами в первую очередь организационной задачи является полное усвоение политическими руководителями народа, т. е. членами Российской коммунистической партии (большевиков), а затем и всеми сознательными представителями трудящихся масс, коренного различия между прежними буржуазными и настоящей социалистической революцией в рассматриваемом отношении.

В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения. И оно выполняло эту задачу, вопреки сопротивлению рабочих и беднейших крестьян, сравнительно легко не только потому, что сопротивление эксплуатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный.

1

Тезисы о задачах Советской власти
в переходный момент.

Краткий очерк истории Советской России с момента образования Советской Республики

1. Благодаря ^{своей} государственной силе, — благодаря ко-
всю ее революционности и всю ее каторжанность, — росси-
ская советская республика получила возможность
на определенное время сосредоточить свои силы на
важнейшей задаче ¹ и труднейшей ² социаль-
но-революционной; именно: на задачу органи-
зации.

Эта задача была и тогда поставлена перед
нами труднейшей и важнейшей задачей в
4-ой главе (4-ой части) резолюции, принятой 11-го
1918 г. на московском чрезвычайном съезде советов, —
в 7-ой главе (или в 7-ой части) резолюции, где гово-
рится о самоорганизации трудящихся и о борь-
бной борьбе с классом и буржуазией.

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Тезисы о задачах Советской
власти в настоящий момент». — Март — апрель 1918 г.

Уменьшено

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — а, следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости, — победа социалистической революции будет обеспечена. Создав новый, советский, тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельнейшее участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, *обобществить* производство на деле.

Развитие партии большевиков, которая является ныне правительственной партией в России, особенно наглядно показывает, в чем состоит переживаемый нами и составляющий своеобразие настоящего политического момента исторический перелом, требующий новой ориентации Советской власти, т. е. новой постановки новых задач.

Первой задачей всякой партии будущего является — убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики. Эта задача стояла на первом плане как при царизме, так и в период соглашательства Черновых и Церетели с Керенскими и Кишкиными. Теперь эта задача, которая, конечно, далеко еще не завершена (и которая никогда не может быть исчерпана до конца), в главном решена, ибо большинство рабочих и крестьян России, как показал бесспорно последний съезд Советов в Москве, заведомо стоит на стороне большевиков.

Второй задачей нашей партии было завоевание политической власти и подавление сопротивления эксплуататоров. И эта задача отнюдь не исчерпана до конца, и ее невозможно игнорировать, ибо монархисты и кадеты, с одной стороны, их подголоски и прихвостни, меньшевики и правые эсеры, — с другой, продолжают попытки объединиться для свержения Советской власти. Но, в главном, задача подавления сопротивления эксплуататоров уже решена в период с 25 октября 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г. или до сдачи Богаевского.

На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача — организовать *управление* Россией. Разумеется, эта задача ставилась и решалась нами на другой же день после 25 октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивление эксплуататоров принимало еще форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управления не могла стать *главной, центральной*.

Теперь она стала таковой. Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*. И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять *особенности перехода* от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления*.

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить, в главных чертах, дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела *подойти вплотную* к задаче *управления*. Надо, чтобы мы оказались достойными исполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо *продумать*, что для успешного управления необходимо, *кроме* умения убедить, *кроме* умения победить в гражданской войне, *умение практически организовать*. Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это — самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой.

ОБЩИЙ ЛОЗУНГ МОМЕНТА

Очерченное выше объективное положение, созданное крайне тяжелым и непрочным миром, мучительнейшей разрухой, безработицей и голодом, которые оставлены нам в наследство войной и господством буржуазии (в лице Керенского и поддерживавших его меньшевиков с правыми эсерами), все это неизбежно породило крайнее утомление и даже истощение сил широкой массы трудящихся. Она настоятельно требует — и не может не требовать — известного отдыха. На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил; — излечение ран, нанесенных войной, поражением в войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров; — экономический подъем страны; — прочная охрана элементарного порядка. Может показаться парадоксом, но на самом деле, в силу указанных объективных условий, является совершенно несомненным, что Советская власть в данный момент может упрочить переход России к социализму только в том случае, если практически решит, вопреки противодействию буржуазии, меньшевиков и правых эсеров, именно эти самые элементарные и элементарнейшие задачи сохранения общественности. Практическое решение этих элементарнейших задач и преодоление организационных трудностей первых шагов к социализму является теперь, в силу конкретных особенностей данного положения и при существовании Советской власти с ее законами о социализации земли, рабочем контроле и проч., двумя сторонами одной медали.

Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде, — именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, станут теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента. И практическое проведение в жизнь этих лозунгов *массой* трудящихся является, с одной стороны, *единственным* условием спасения страны, до полусмерти истерзанной империалистской войной и империалистскими хищниками (с Керенским во главе), а, с другой

стороны, практическое проведение в жизнь этих лозунгов Советскою властью, ее методами, на основании ее законов, является необходимым и достаточным для окончательной победы социализма. Этого-то и не умеют понять те, кто презрительно отмахивается от выдвигания на первый план столь «избитых» и «тривиальных» лозунгов. В мелкокрестьянской стране, только год тому назад свергнувшей паризм и менее чем полгода тому назад освободившейся от Керенских, осталось, естественно, немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающими всякую долгую и реакционную войну, создано немало настроений отчаяния и беспредметного озлобления; если добавить к этому провокаторскую политику лакеев буржуазии (меньшевиков, правых эсеров и пр.), то станет вполне понятно, какие длительные и упорные усилия лучших и сознательнейших рабочих и крестьян необходимы для полного перелома настроений массы и перехода ее к правильному, выдержанному, дисциплинированному труду. Только такой переход, осуществленный массой бедноты (пролетариев и полупролетариев), и способен завершить победу над буржуазией и в особенности над наиболее упорной и многочисленной крестьянской буржуазией.

НОВЫЙ ФАЗИС БОРЬБЫ С БУРЖУАЗИЕЙ

Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия. Ясно, что это — задача неизмеримо более высокая и что без разрешения ее социализма еще нет.

Если взять масштаб западноевропейских революций, мы стоим сейчас приблизительно на уровне достигнутого в 1793 году и в 1871 году. Мы имеем законное право гордиться, что поднялись на этот уровень и в одном отношении пошли, несомненно, несколько дальше, именно: декретировали и ввели по всей России высший тип государства, Советскую власть. Но удовлетвориться достигнутым ни в каком случае мы не можем, ибо мы только начали

переход к социализму, но решающего в *этом* отношении *еще* не осуществили.

Решающим является организация строжайшего и все-народного учета и контроля за производством и распределением продуктов. Между тем, в тех предприятиях, в тех отраслях и сторонах хозяйства, которые мы отняли у буржуазии, учет и контроль нами *еще не достигнут*, а без этого не может быть и речи о втором, столь же существенном, материальном условии введения социализма, именно о повышении, в общенациональном масштабе, производительности труда.

Поэтому нельзя было бы определить задачу настоящего момента простой формулой: продолжать наступление на капитал. Несмотря на то, что капитал нами, несомненно, не добит и что продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо, такое определение было бы неточно, неконкретно, в нем не было бы учета *своеобразия* данного момента, когда в интересах успешности *дальнейшего* наступления надо «приостановить» *сейчас* наступление.

Пояснить это можно, сравнив наше положение в войне против капитала с положением того победоносного войска, которое отняло, скажем, половину или две трети территории у неприятеля и вынуждено приостановить наступление, чтобы собраться с силами, увеличить запасы боевых средств, починить и подкрепить коммуникационную линию, построить новые склады, подвести новые резервы и т. д. Приостановка наступления победоносного войска в подобных условиях является необходимой именно в интересах отвоевания у неприятеля остальной территории, т. е. в интересах полной победы. Кто не понял, что именно такова предписываемая нам объективным положением дела в настоящий момент «приостановка» наступления на капитал, тот не понял ничего в переживаемом политическом моменте.

Разумеется, о «приостановке» наступления на капитал можно говорить только в кавычках, т. е. только метафорически. В обыкновенной войне можно дать общий приказ о приостановке наступления, можно на деле остановить движение вперед. В войне против капитала движения вперед остановить нельзя, и о том, чтобы мы отказались от дальнейшей экспроприации капитала, не может быть и

речи. Речь идет об изменении *центра тяжести* нашей экономической и политической работы. До сих пор на *первом плане* стояли мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь на *первом плане* становится организация учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспроприированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах.

Если бы мы захотели теперь продолжать прежним темпом экспроприировать капитал дальше, мы, наверное, потерпели бы поражение, ибо наша работа по организации пролетарского учета и контроля явно, очевидно для всякого думающего человека, *отстала* от работы *непосредственной* «экспроприации экспроприаторов». Если мы наляжем теперь изо всех сил на работу организации учета и контроля, мы сможем решить эту задачу, мы наверстаем упущенное, мы выиграем *всю* нашу «кампанию» против капитала.

Но признание того, что приходится наверстывать упущенное, не равносильно ли признанию в некоей содеянной ошибке? — Нисколько. Приведем опять военное сравнение. Если можно разбить и оттеснить неприятеля одними отрядами легкой кавалерии, — это надо сделать. А если это можно с успехом сделать лишь до известного предела, то вполне мыслимо, что за этим пределом возникает необходимость подвоза тяжелой артиллерии. Признавая, что надо теперь наверстывать упущенное в подвозе тяжелой артиллерии, мы вовсе не признаём ошибкой победоносную кавалерийскую атаку.

Нас часто упрекали лакеи буржуазии в том, что мы вели «красногвардейскую» атаку на капитал. Упрек нелепый, достойный именно лакеев денежного мешка. Ибо «красногвардейская» атака на капитал *в свое время* предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых, капитал *тогда* сопротивлялся по-военному, в лице Керенского и Краснова, Савинкова и Гоца (Гегечкори и сейчас так сопротивляется), Дутова и Богаевского. Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами, и красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров.

Во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план методы управления взамен методов подавления и

потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было. Теперь он есть. В-третьих, тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знания и техники, ибо они либо сражались в рядах Богаевских, либо имели еще возможность оказывать систематическое и упорное пассивное сопротивление *саботажем*. А теперь мы саботаж сломали. «Красногвардейская» атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала и саботажническое сопротивление капитала.

Значит ли это, что *всегда* уместна, при *всяких* обстоятельствах уместна «красногвардейская» атака на капитал, что у нас *нет* иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства. Мы ни на минуту не откажемся от «красногвардейского» подавления господ Савиновых и Гегечкори, как и всяких других помещичьих и буржуазных контрреволюционеров. Но мы не будем так глупы, чтобы на первое место ставить «красногвардейские» приемы в такое время, когда эпоха необходимости красногвардейских атак в основном закончена (и закончена победоносно) и когда в дверь стучится эпоха использования пролетарской государственной властью буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия.

Это — своеобразная эпоха, или вернее, полоса развития, и, чтобы победить капитал до конца, надо уметь приспособить формы нашей борьбы к своеобразным условиям такой полосы.

Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом. Социализм должен *по-своему*, своими приемами — скажем конкретнее, *советскими* приемами — осуществить это движение вперед. А специалисты неизбежно являются в массе

буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами. Если бы наш пролетариат, овладев властью, быстро решил задачу учета, контроля, организации во всенародном масштабе, — (это было неосуществимо вследствие войны и отсталости России) — тогда, сломав саботаж, мы всеобщим учетом и контролем подчинили бы себе полностью и буржуазных специалистов. В силу значительного «опоздания» с учетом и контролем вообще, мы, хотя и успели победить саботаж, но обстановки, дающей в наше распоряжение буржуазных специалистов, *еще не создали*; масса саботажников «идет на службу», но лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по-старому, по-буржуазному (т. е. за высокую плату), либо по-новому, по-пролетарски (т. е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля снизу, которая неизбежно и сама собою подчинила и привлекла бы специалистов).

Нам пришлось теперь прибегнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов. Все, знакомые с делом, видят это, но не все вдумываются в значение подобной меры со стороны пролетарского государства. Ясно, что такая мера есть компромисс, отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы делом, а не словами, с карьеризмом.

Мало того. Ясно, что такая мера есть не только приостановка — в известной области и в известной степени — наступления на капитал (ибо капитал есть не сумма денег, а определенное общественное отношение), но и *шаг назад* нашей социалистической, Советской, государственной власти, которая с самого начала провозгласила и повела политику понижения высоких жалований до заработка среднего рабочего⁸³.

Конечно, лакеи буржуазии, особенно мелкого разбора, вроде меньшевиков, новожиизненцев, правых эсеров, будут хихикать по поводу признания того, что мы делаем шаг назад. Но нам нечего обращать внимание на хихиканье. Нам надо изучать особенности в высшей степени трудного и нового пути к социализму, не прикрывая наших ошибок

и слабостей, а стараясь во-время доделывать недоделанное. Скрывать от масс, что привлечение буржуазных специалистов чрезвычайно высокими заработками есть отступление от принципов Коммуны, значило бы опускаться до уровня буржуазных политиканов и обманывать массы. Открыто объяснить, как и почему мы сделали шаг назад, затем обсудить гласно, какие имеются средства наверстать упущенное, — это значит воспитывать массы и на опыте учиться, вместе с ними учиться строительству социализма. Едва ли был хоть один победоносный военный поход в истории, когда бы победителю не случилось делать отдельных ошибок, терпеть частичные поражения, временно отступать кое в чем и кое-где назад. А предпринятый нами «поход» против капитализма в миллион раз труднее самого трудного военного похода, и впадать в уныние по поводу частного и частичного отступления было бы глупо и поворно.

Подойдем к вопросу с практической стороны. Допустим, Российской Советской республике необходимы 1 000 первоклассных ученых и специалистов разных областей знания, техники, практического опыта, для руководства народным трудом в целях возможно более быстрого экономического подъема страны. Допустим, что эти «звезды первой величины» приходится оплачивать — большинство из них, конечно, тем развращеннее буржуазными нравами, чем охотнее оно кричит о развращенности рабочих, — по 25 000 р. в год. Допустим, что эту сумму (25 миллионов рублей) надо удвоить (предполагая выдачу премий за особенно успешное и быстрое выполнение важнейших из организаторски-технических заданий) или даже учетверить (предполагая привлечение нескольких сот более требовательных заграничных специалистов). Спрашивается, можно ли признать чрезмерным или непосильным для Советской республики расход пятидесяти или ста миллионов рублей в год на переорганизацию народного труда по последнему слову науки и техники? Конечно, нет. Подавляющее большинство сознательных рабочих и крестьян одобрит такой расход, зная из практической жизни, что наша отсталость заставляет нас терять миллиарды, а такой степени организованности, учета и контроля, чтобы вызвать поголовное и добровольное участие «звезд» буржуазной интеллигенции в нашей работе, мы еще не достигли.

Разумеется, вопрос имеет также другую сторону. Развращающее влияние высоких жалований неоспоримо — и на Советскую власть (тем более, что при быстроте переворота к этой власти не могло не примкнуть известное количество авантюристов и жуликов, которые вместе с бездарными или бессовестными из разных комиссаров не прочь попасть в «звезды»... казнокрадства) и на рабочую массу. Но все, что есть мыслящего и честного среди рабочих и беднейших крестьян, согласится с нами, признает, что сразу избавиться от дурного наследия капитализма мы не в состоянии, что освободить Советскую республику от «дани» в 50 или 100 миллионов рублей (дани за нашу собственную отсталость в деле организации *всенародного* учета и контроля *снизу*) можно не иначе, как организовав, подтягивая дисциплину среди самих себя, очищая свою среду от всех «хранящих наследство капитализма», «соблюдающих традиции капитализма», т. е. от лодырей, тунеядцев, казнокрадов (теперь вся земля, все фабрики, все железные дороги есть «казна» Советской республики). Если сознательные передовики рабочих и беднейших крестьян успеют, при помощи советских учреждений, в один год организовать, дисциплинировать, подтянуться, создать могучую трудовую дисциплину, тогда мы через год скинем с себя эту «дань», которую можно сократить даже раньше... ровно в меру успехов нашей, рабоче-крестьянской, трудовой дисциплины и организованности. Чем скорее мы сами, рабочие и крестьяне, научимся лучшей трудовой дисциплине и высшей технике труда, используя для этой науки буржуазных специалистов, тем скорее мы избавимся от всякой «дани» этим специалистам.

Наша работа по организации, под руководством пролетариата, всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Это положение является основным для понимания особенностей настоящего момента и вытекающих отсюда задач Советской власти. Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию такого учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за

денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности.

С социалистическими преобразованиями в этих областях мы крайне отстали (а это весьма и весьма существенные области), и отстали именно потому, что недостаточно организованы учет и контроль вообще. Разумеется, — эта задача из самых трудных, и при разрухе, созданной войною, она допускает лишь длительное решение, но нельзя забывать, что как раз здесь буржуазия — в особенности же многочисленная мелкая и крестьянская буржуазия — дает нам серьезнейший бой, подрывая налаживающийся контроль, подрывая, напр., хлебную монополию, отвоевывая позиции для спекуляции и спекулятивной торговли. То, что мы уже декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом осуществлении основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще реальностью).

Чтобы продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устранении «хвостов», в поимке и *растреле* взяточников и жуликов и т. д. Сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное, — а затем уже готовить более сложное.

Укрепить и упорядочить те государственные монополии (на хлеб, на кожу и пр.), которые уже введены, — и тем подготовить монополизацию внешней торговли государством; без такой монополизации мы не сможем «отделаться» от иностранного капитала платежом «дани». А вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

С взиманием налогов вообще, а поимущественного и подоходного налога в особенности, мы тоже чрезвычайно сильно отстали. Наложение контрибуций на буржуазию —

мера, принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения, — показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоевания (России от богатых для бедных), чем к приемам управления. Но, чтобы стать сильнее и чтобы прочнее встать на ноги, мы должны перейти к этим последним приемам, мы должны заменить контрибуцию с буржуазии постоянным и правильно взимаемым поимущественным и подходящим налогом, который даст *больше* пролетарскому государству и который требует от нас именно большей организованности, большего налажения учета и контроля.

Наше опоздание с введением трудовой повинности показывает еще раз, что на очередь дня выдвигается именно подготовительно-организационная работа, с одной стороны, долженствующая окончательно закрепить отвлеченное, а с другой стороны, необходимая, чтобы подготовить операцию, которая «окружит» капитал и заставит его «сдаться». Начать введение трудовой повинности нам следовало бы немедленно, но вводить ее с большой постепенностью и осмотрительностью, проверяя каждый шаг практическим опытом и, разумеется, первым шагом дела я введение трудовой повинности *для богатых*. Введение рабочей и потребительски-бюджетной книжки для всякого буржуа, в том числе и деревенского, было бы серьезным шагом вперед к полному «окружению» неприятеля и к созданию действительно всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

ЗНАЧЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ВСЕНАРОДНЫЙ УЧЕТ И КОНТРОЛЬ

Государство, бывшее веками органом угнетения и ограбления народа, оставило нам в наследство величайшую ненависть и недоверие масс ко всему государственному. Преодолеть это — очень трудная задача, подсиленная только Советской власти, но и от нее требующая продолжительного времени и громадной настойчивости. На вопросе об учете и контроле — этом коренном вопросе для социалистической революции на другой день после свержения буржуазии — такое «наследство» сказывается особенно остро. Пройдет неизбежно известное время, пока массы, впервые почувствовавшие себя свободными после свержения поме-

щиков и буржуазии, поймут — не из книжек, а из собственного, *советского*, опыта — поймут и *прочувствуют*, что без всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться *не может*, возврат под иго капитализма *неизбежен*.

Все навыки и традиции буржуазии вообще и мелкой буржуазии особенно, идут также против *государственного* контроля, за неприкосновенность «священной частной собственности», «священного» частного предприятия. Нам теперь особенно наглядно видно, до какой степени правильно марксистское положение, что анархизм и анархо-синдикализм суть *буржуазные* течения, в каком непримиримом противоречии стоят они к социализму, к пролетарской диктатуре, к коммунизму. Борьба за внедрение в массы идеи *советского* — государственного контроля и учета, за проведение этой идеи в жизнь, за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на «частное» дело, на кушлю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается», — эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности.

Рабочий контроль введен у нас, как закон, но в жизнь и даже в сознание широких масс пролетариата он едва-едва начинает проникать. О том, что безотчетность, бесконтрольность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство (ибо все имущество принадлежит казне, а казна — это и есть Советская власть, власть большинства трудящихся), что нерадивость в учете и контроле есть прямое пособничество немецким и русским Корнпловым, которые могут скинуть власть трудящихся *только* при условии, что мы не одолеем задачи учета и контроля, и которые, при помощи всей мужицкой буржуазии, при помощи кадетов, меньшевиков, правых эсеров «подкарауливают» нас, выжидая момент, — об этом мы недостаточно говорим в своей агитации, об этом недостаточно думают и говорят передовики рабочих и крестьян. А пока рабочий контроль не стал фактом, пока передовики-рабочие не наладили и не провели победоносного и беспощадного похода против нарушителей этого контроля или беззаботных насчет контроля, —

до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя сделать второго шага к социализму, то есть перейти к рабочему регулированию производства.

Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее. Без того, чтобы наладить строжайший всенародный, всеобъемлющий учет и контроль *хлеба и добычи хлеба* (а затем и всех других необходимых продуктов), тут не обойтись. Капитализм оставил нам в наследство массовые организации, способные облегчить переход к массовому учету и контролю распределения продуктов, — потребительные общества. В России они развиты слабее, чем в передовых странах, но все же охватили больше десяти миллионов членов. Изданный на днях декрет о потребительных обществах⁸⁴ представляет из себя чрезвычайно знаменательное явление, которое наглядно показывает своеобразие положения и задач Советской социалистической республики в данный момент.

Декрет является соглашением с буржуазными кооперативами и с рабочими кооперативами, остающимися на буржуазной точке зрения. Соглашение или компромисс состоит, во-первых, в том, что представители названных учреждений не только участвовали в обсуждении декрета, но и получили фактически право решающего голоса, ибо части декрета, встретившие решительную оппозицию этих учреждений, были отброшены. Во-вторых, по сути дела, компромисс состоит в отказе Советской власти от принципа бесплатного вступления в кооператив (единственный последовательно пролетарский принцип), а равно от объединения всего населения данной местности в *одном* кооперативе. В отступление от этого, единственно социалистического принципа, отвечающего задаче уничтожения классов, было дано право оставаться «рабочим классовым кооперативам» (которые называются в этом случае «классовыми») только потому, что они подчиняются классовым интересам буржуазии). Наконец, предложение Советской власти исключить совершенно буржуазию из правлений кооперативов было тоже весьма ослаблено, и запрещение входить

в правления распространено только на владельцев торговых и промышленных предприятий частнокапиталистического характера.

Если бы пролетариат, действуя через Советскую власть, успел наладить учет и контроль в общегосударственном масштабе, или хотя бы основы такого контроля, то надобности в подобных компромиссах не было бы. Через продовольственные отделы Советов, через органы снабжения при Советах мы объединили бы население в единый, пролетарски руководимый кооператив без содействия буржуазных кооперативов, без уступок тому чисто-буржуазному принципу, который побуждает рабочий кооператив оставаться рабочим *наряду* с буржуазным *вместо того*, чтобы подчинить себе всецело этот буржуазный кооператив, слив оба, взяв *себе все* правление, взяв *себе* в руки надзор за потреблением богатых.

Заключая такое соглашение с буржуазными кооперативами, Советская власть конкретно определила свои тактические задачи и своеобразные методы действия для данной полосы развития, именно: руководя буржуазными элементами, используя их, делая известные частные уступки им, мы создаем условия для такого движения вперед, которое будет более медленно, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммуникационной линии, с лучшим укреплением завоевываемых позиций. Советы могут (*и должны*) теперь измерять свои успехи в деле социалистического строительства, между прочим, мерилom чрезвычайно ясным, простым, практическим: в каком именно числе общин (коммун или селений, кварталов и т. п.) и насколько приближается развитие кооперативов к тому, чтобы охватывать все население.

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того как решается в главном и основном задача: экспроприровать экспроприаторов и подавить их сопротивление, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация.

Наша Советская власть находится именно в таком положении, когда, благодаря победам над эксплуататорами, от Керенского до Корнилова, она получила возможность непосредственно подойти к этой задаче, вплотную взяться за нее. И тут становится видно сразу, что если центральной государственной властью можно овладеть в несколько дней, если подавить военное (и саботажническое) сопротивление эксплуататоров даже по разным углам большой страны можно в несколько недель, то прочное решение задачи поднять производительность труда требует, во всяком случае (особенно после мучительнейшей и разорительнейшей войны) нескольких лет. Длительный характер работы предписывается здесь безусловно объективными обстоятельствами.

Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил.

Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности развертывается теперь в народных «низах» благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации.

С этой стороны дело обстоит у нас особенно плохо и даже безнадежно, если поверить людям, давшим себя запугать буржуазии или корыстно служащим ей. Эти люди не понимают, что не было и быть не может революции, когда бы сторонники старого не вопили о развале, об

анархии и т. п. Естественно, что в массах, только что сбросивших невиданно-дикий гнет, идет глубокое и широкое кипение и брожение, — что выработка массами новых основ трудовой дисциплины — процесс очень длительный, — что до полной победы над помещиком и буржуазией такая выработка не могла даже и начаться.

Но, нисколько не поддаваясь тому, часто поддельному, отчаяннию, которое распространяют буржуа и буржуазные интеллигенты (отчаявшиеся отстоять свои старые привилегии), мы никоим образом не должны прикрывать явного зла. Напротив, мы будем раскрывать его и усиливать советские приемы борьбы против него, ибо успех социализма немислим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией, этого настоящего залога возможной реставрации керенщины и корниловщины.

Наиболее сознательный авангард российского пролетариата уже поставил себе задачу повышения трудовой дисциплины. Например, и в Центральном комитете союза металлистов и в Центральном совете профессиональных союзов начата разработка соответствующих мероприятий и проектов декретов⁸⁵. Эту работу надо поддержать и двинуть ее вперед изо всех сил. На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т. д., и т. п.

Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора, — как и все прогрессы капитализма, — соединяет в себе уточненное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна

перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее. Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОРЕВНОВАНИЯ

К числу бессмыслиц, которые буржуазия охотно распространяет про социализм, принадлежит та, будто социалисты отрицают значение соревнования. На самом же деле только социализм, уничтожая классы и, следовательно, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе. И именно советская организация, переходя от формального демократизма буржуазной республики к действительному участию трудящихся масс в *управлении*, впервые ставит широко соревнование. В политической области это гораздо легче поставить, чем в экономической, но для успеха социализма важно именно последнее.

Возьмем такое средство организации соревнования, как гласность. Буржуазная республика обеспечивает ее только формально, на деле подчиняя прессу капиталу, забавляя «чернь» пикантными политическими пустяками, скрывая то, что происходит в мастерских, в торговых сделках, в поставках и пр., покровом «коммерческой тайны», ограждающей «священную собственность». Советская власть отменила коммерческую тайну, вступила на новый путь, но для использования гласности в целях экономического соревнования мы еще почти ничего не сделали. Надо систематически взяться за то, чтобы, наряду с беспощадным подавлением насквозь лживой и нагло-клеветнической буржуазной прессы, велась работа создания такой

прессы, которая бы не забавляла и не дурачила массы политическими пикантностями и пустяками, а именно вопросы повседневной экономики несла на суд массы, помогала серьезно изучать их. Каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения («по-своему» не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов. При капитализме это было «частным делом» отдельного капиталиста, помещика, кулака. При Советской власти это — не частное дело, а важнейшее государственное дело.

И мы еще почти не приступили к громадной, трудной, но зато и благодарной работе организовать соревнование коммун, ввести отчетность и гласность в процессе производства хлеба, одежды и пр., превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры — как отталкивающие, так и привлекающие. При капиталистическом способе производства значение отдельного примера, скажем, какой-либо производительной артели, неизбежно было до последней степени ограничено, и только мелкобуржуазная иллюзия могла мечтать об «исправлении» капитализма влиянием образцов добродетельных учреждений. После перехода политической власти в руки пролетариата, после экспроприации экспроприаторов дело меняется в корне и, — согласно тому, что многократно указывалось виднейшими социалистами, — сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие. Образцовые коммуны должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подтягивателями отсталых коммун. Печать должна служить орудием социалистического строительства, знакомя во всех деталях с успехами образцовых коммун, изучая причины их успеха, приемы их хозяйства, ставя, с другой стороны, «на черную доску» те коммуны, которые упорно хранят «традиции капитализма», т. е. анархии, лодырничанья, беспорядка, спекуляции. Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов, — мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и

сколько можно отдыхать, — чтобы сравнение деловых итогов хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения, чтобы выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно (сокращением на известный период рабочего дня, повышением заработка, предоставлением большого количества культурных или эстетических благ и ценностей и т. п.).

Когда новый класс выдвигается в качестве вождя и руководителя общества на историческую сцену, это никогда не обходится без периода сильнейшей «качки», потрясений, борьбы и бурь, с одной стороны, а с другой стороны, без периода неуверенных шагов, экспериментов, колебаний, шатаний насчет выбора новых приемов, отвечающих новой объективной обстановке. Гибнущее феодальное дворянство мстило побеждающей и вытесняющей его буржуазии не только заговорами, попытками восстания и реставрации, но и потоками насмешек над неумелостью, неловкостью, ошибками «выскачек», «наглецов», дерзающих брать в руки «священное кормило» государства без вековой подготовки к этому князей, баронов, дворян, знати, — точь-в-точь так, как мстят теперь рабочему классу в России за его «дерзкую» попытку взятия власти Корниловы и Керенские, Годы и Мартовы, вся эта братия героев буржуазного гешефтмахерства или буржуазного скепсиса.

Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть *своих* организаторов. Понятно, что у руководящей революционным пролетариатом партии не могло сложиться опыта и навыка больших, на миллионы и десятки миллионов граждан рассчитанных, организационных предприятий, что переделка старых, почти исключительно агитаторских навыков — дело весьма длительное. Но невозможного тут ничего нет, и раз у нас будет ясное сознание необходимости перемены, твердая решимость осуществить ее, выдержка в преследовании великой и трудной цели, — мы ее осуществим. Организаторских талантов в «народе», т. е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть — мы. Но мы

этому научимся, если примемся — со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций, — учиться этому.

Ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены, — без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных «вождей» браться за 20 дел и ни одного не доводить до конца. Пусть моськи буржуазного общества, от Белоруесова до Мартова, визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой, стараясь как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. *Только* таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления. Мы этому еще не научились. Мы этому научимся.

«СТРОЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» И ДИКТАТУРА

Резолюция последнего (московского) съезда Советов выдвигает, как первейшую задачу момента, создание «стройной организации» и повышение дисциплины*. Такого рода резолюции теперь все охотно «голосуют» и «подписывают», но о том, что проведение их в жизнь требует принуждения — и принуждения именно в форме диктатуры, — в это обычно не вдумываются. А между тем было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму. Теория Маркса против этого мелкобуржуазно-демократического и анархического вздора выступала очень давно и с полнейшей определенностью. И Россия 1917—1918 годов подтверждает теорию

* См. настоящий том, стр. 173. Ред.

Маркса в этом отношении с такой наглядностью, осязательностью и внушительностью, что только люди, безнадежно тупые или упорно решившие отвернуться от правды, могут еще заблуждаться в этом отношении. Либо диктатура Корнилова (если взять его за русский тип буржуазного Кавеньяка), либо диктатура пролетариата — об ином выходе для страны, проделывающей необычайно быстрое развитие с необычайно крутыми поворотами, при отчаянной разрухе, созданной мучительнейшей из войн, *не может быть и речи*. Все средние решения — либо обман народа буржуазией, которая не может сказать правды, не может сказать, что ей нужен Корнилов, либо тупость мелкобуржуазных демократов, Черновых, Церетели и Мартовых, с их болтовней о единстве демократии, диктатуре демократии, общедемократическом фронте и т. п. чепухе. Кого даже ход русской революции 1917—1918 годов не научил тому, что невозможны средние решения, на того надо махнуть рукой.

С другой стороны, нетрудно убедиться, что при всяком переходе от капитализма к социализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух главных направлениях. Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т. е. гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя, — означающей тысячи и миллионы случаев колебания и переметов с одной стороны на другую, — означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса. И, разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо ее всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения *не могут* иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого

рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*.

Не было ни одной великой революции в истории, когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления. Беда прежних революций состояла в том, что революционного энтузиазма масс, поддерживающего их напряженное состояние и дающего им силу применять беспощадное подавление элементов разложения, хватало не надолго. Социальной, т. е. классовой причиной такой непрочности революционного энтузиазма масс была слабость пролетариата, который *один только* в состоянии (если он достаточно многочислен, сознателен, дисциплинирован) привлечь к себе *большинство* трудящихся и эксплуатируемых (большинство бедноты, если говорить проще и популярнее) и удержать власть достаточно долгое время для полного подавления и всех эксплуататоров и всех элементов разложения.

Этот исторический опыт всех революций, этот всемирно-исторический — экономический и политический — урок и подытожил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата. И что русская революция правильно подошла к осуществлению этой всемирно-исторической задачи, это *доказало* победное шествие по всем народам и языцам России советской организации. Ибо Советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя.

Но диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер. Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо. Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двойко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савиных, Гоцов, Гегечкори, Корниловых,

заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; — с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса. Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением.

По мере того, как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, — типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд. И в этом отношении революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизнеспособность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата. Но наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как на нечто казенно-чуждое. Нет достаточного сознания того, что суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), — что суд есть *орган власти* пролетариата и беднейшего крестьянства, — что суд есть орудие *воспитания к дисциплине*. Нет достаточного сознания того простого и очевидного факта, что, если главными бедами России являются голод и безработица, то победить эти бедствия нельзя никакими порывами, а только всесторонней, всеобъемлющей, всенародной организацией и дисциплиной, чтобы увеличить производство хлеба для людей и хлеба для промышленности (топлива), во-время подвезти и правильно распределить его; — что поэтому *виноват* в мучениях голода и безработицы *всякий*, кто нарушает трудовую дисциплину в любом заводе, в любом хозяйстве, в любом деле, — что виновных в этом надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно. Мелкобуржуазная стихия, с кото-

рой нам предстоит теперь вести самую упорную борьбу, сказывается именно в том, что слабо сознание народнохозяйственной и политической связи голода и безработицы с распушенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины, — что держится прочно *мелкособственнический* взгляд: мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти.

На железнодорожном деле, которое всего, пожалуй, нагляднее воплощает хозяйственные связи созданного крупным капитализмом организма, эта борьба мелкобуржуазной стихии распушенности с пролетарской организованностью сказывается особенно выпукло. Элемент «управленский» поставляет саботажников, взяточников в большом обилии; элемент пролетарский в его лучшей части борется за дисциплину; но среди того и другого элементов, конечно, много колеблющихся, «слабых», неспособных противостоять «соблазну» спекуляции, взятки, личной выгоды, покупаемой ценой порчи всего аппарата, от правильной работы которого зависит победа над голодом и безработицей.

Характерна борьба, которая развертывалась на этой почве вокруг последнего декрета об управлении железными дорогами, декрета о предоставлении диктаторских полномочий (или «неограниченных» полномочий) отдельным руководителям⁸⁶. Сознательные (а большей частью, вероятно, бессознательные) представители мелкобуржуазной распушенности хотели видеть отступление от начала коллегиальности и от демократизма и от принципов Советской власти в предоставлении отдельным лицам «неограниченных» (т. е. диктаторских) полномочий. Среди левых эсеров кое-где развивалась прямо хулиганская, т. е. апеллирующая к дурным инстинктам и к мелкособственническому стремлению «урвать», агитация против декрета о диктаторстве. Вопрос встал действительно громадного значения: во-первых, вопрос принципиальный, совместно ли вообще назначение отдельных лиц, облакаемых неограниченными полномочиями диктаторов, с коренными началами Советской власти; во-вторых, в каком отношении стоит этот случай — этот прецедент, если хотите, — к особым задачам власти в данный конкретный момент. И на том и на другом вопросе надо очень внимательно остановиться.

Что диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов, об этом говорит непререкаемый опыт истории. С буржуазным демократизмом диктатура отдельных лиц совмещалась несомненно. Но в этом пункте буржуазные хулители Советской власти, а равно их мелкобуржуазные подголоски, проявляют всегда ловкость рук: с одной стороны, они объявляют Советскую власть просто чем-то нелепым, анархическим, диким, старательно обходя все наши исторические параллели и теоретические доказательства того, что Советы суть высшая форма демократизма, даже более: начало *социалистической* формы демократизма; с другой же стороны, они предъявляют к нам требования более высокого, чем буржуазный, демократизма и говорят: с вашим, большевистским (т. е. не буржуазным, а *социалистическим*), советским демократизмом личная диктатура абсолютно несовместима.

Рассуждения из рук вон плохие. Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, *то-есть* *принуждения* для перехода от капитализма к социализму. Форма принуждения определяется степенью развития данного революционного класса, затем такими особыми обстоятельствами, как, например, наследие долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии и мелкой буржуазии. Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между советским (*т. е.* социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц *нет*. Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплуататорского меньшинства в интересах эксплуатируемого большинства, а затем в том, что первую осуществляют — *и через отдельных лиц* — не только массы трудящихся и эксплуатируемых, но и организации, построенные так, чтобы именно такие массы будить, поднимать к историческому творчеству (советские организации принадлежат к этому рода организациям).

По второму вопросу, о значении именно единоличной диктаторской власти с точки зрения специфических задач данного момента, надо сказать, что всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производ-

ственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, *беспрекословное подчинение* единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне. И вот этот переход от одной политической задачи к другой, *по внешности* на нее совсем не похожей, составляет всю оригинальность переживаемого момента. Революция только что разбила самые старые, самые прочные, самые тяжелые окопы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера. А сегодня та же революция и именно в интересах ее развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует *беспрекословного повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса. Понятно, что такой переход немислим сразу. Понятно, что он осуществим лишь ценою величайших толчков, потрясений, возвратов к старому, громаднейшего напряжения энергии пролетарского авангарда, ведущего народ к новому. Над этим не размышляют те, кто впадает в обывательскую истерику «Новой Жизни» или «Впереда»⁸⁷, «Дела Народа» или «Нашего Века»⁸⁸.

Возьмите психологию среднего, рядового представителя трудящейся и эксплуатируемой массы, сопоставьте эту психологию с объективными, материальными условиями его общественной жизни. До Октябрьской революции он не видел еще на деле, чтобы имущие, эксплуататорские классы действительно чем-нибудь для них действительно серьезным пожертвовали, поступились в его пользу. Он не видел еще, чтобы ему дали много раз обещанную землю и волю, дали мир, поступились интересами «великодержавности» и великодержавных тайных договоров, поступились

капиталом и прибылями. Он увидел это только *после* 25 октября 1917 года, когда он сам взял это силой и силой же должен был отстаивать взятое от Керенских, Гоцов, Гегечкори, Дутовых, Корниловых. Понятно, что известное время все его внимание, все помыслы, все силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшие блага жизни, которые можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплуататоры. Понятно, что известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидел сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто «взять», хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели, к возврату Корниловых. Соответственный перелом в условиях жизни (а следовательно, и в психологии) рядовой трудящейся массы только-только начинается. И вся наша задача, задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выражателем стремления эксплуатируемых к освобождению, — осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования *об* условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора, *во время* работы.

Над «митингованием» смеются, а еще чаще по поводу него злобно шипят буржуа, меньшевики, новожиизненцы, видящие только хаос, бестолочь, взрывы мелкособственнического эгоизма. Но без митингования масса угнетенных никогда не смогла бы перейти от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной. Митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, их выпрямление, их пробуждение к новой жизни, их первые шаги на том поприще, которое они сами очистили от гадов (эксплуататоров, империалистов, помещиков, капиталистов) и которое они сами хотят научиться налаживать по-своему, для себя, на началах своей, *Советской*, а не чужой, не барской, не буржуазной власти. Нужна была именно октябрьская победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным

прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей Советской власти во время работы.

Этот переход начался теперь.

Мы успешно решили первую задачу революции, мы видели, как трудящиеся массы выработали в себе основное условие ее успеха: объединение усилий против эксплуататоров для их свержения. Такие этапы, как октябрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г., имеют всемирно-историческое значение.

Мы успешно решили вторую задачу революции: пробудить и поднять те именно общественные «низы», которые эксплуататоры столкнули вниз, и которые лишь после 25 октября 1917 г. получили всю свободу свергать их и начать осматриваться и устраиваться по-своему. Митингование именно наиболее угнетенной и забитой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков, проведение ею везде и повсюду своей советской организации — вот второй великий этап революции.

Начинается третий. Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, наметили, — закрепить в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*. Это — самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной дисциплиной* во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда.

Мы этому еще не научились.

Мы этому научимся.

Реставрация буржуазной эксплуатации грозила нам вчера в лице Корниловых, Гоцов, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их победили. Эта реставрация, та же самая реставрация грозит нам сегодня в иной форме, в виде стихии мелкобуржуазной распущенности и анархизма, мелкособственнического: «моя хата с краю», в виде будничных, мелких, но зато многочисленных наступлений

и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихию мелкобуржуазной анархии должны победить, и мы ее победим.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Социалистический характер демократизма Советского, — то есть *пролетарского*, в его конкретном, данном, применении, — состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается; во-вторых, в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов, при полной свободе отзыва выбранных; в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупнопромышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно *поголовно* население училось управлять и начинало управлять.

Таковы главные отличительные признаки получившего применение в России демократизма, являющегося более высоким *типом* демократизма, разрывом с буржуазным искажением его, переходом к социалистическому демократизму и к условиям, позволяющим начать отмирать государству.

Разумеется, стихия мелкобуржуазной дезорганизованности (которая при *всякой* пролетарской революции в той или иной мере *неизбежно* себя проявит, а в нашей революции, в силу мелкобуржуазного характера страны, ее отсталости и последствий реакционной войны, проявляется особенно сильно) не может не накладывать своего отпечатка и на Советы.

Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать. Есть мелкобуржуазная тенденция к превращению членов Советов в «парламентариев» или, с другой стороны, в бюрократов. Бороться с этим надо, привлекая *всех* членов Советов к практическому участию в управлении. Отделы Советов превращаются во многих местах в органы, сливающиеся посте-

пенно с комиссариатами. Целью нашей является *поголовное* привлечение *бедноты* к практическому участию в управлении, и всяческие шаги к осуществлению этого — чем разнообразнее, тем лучше, — должны тщательно регистрироваться, изучаться, систематизироваться, проверяться более широким опытом, узаконяться. Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся, по отбытии 8-мичасового «урока» производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма. Новизна и трудность перемены вызывает, естественно, обилие шагов, делаемых, так сказать, ощупью, обилие ошибок, колебания, — без этого никакого резкого движения вперед быть не может. Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читанного у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»⁸⁹). О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумывать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали. Естественно, что пресловутая «интеллигенция» поставляет в такие времена бесконечное количество плакальщиц по покойнику: одна плачет по Учредительному собранию, другая — по буржуазной дисциплине, третья — по капиталистическому порядку, четвертая — по культурному помещику, пятая — по империалистской великодержавности и так далее, и тому подобное.

Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или в цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно,

и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее.

Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи.

Борьба с бюрократическим извращением советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с «народом», в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи. Буржуазных парламентов даже лучшей в мире по демократизму капиталистической республики беднота никогда не считает «своими» учреждениями. А Советы — «свое», а не чужое, для массы рабочих и крестьян. Современным «социал-демократам», оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского.

Именно близость Советов к «народу» трудящихся создает особые формы отзыва и другого контроля снизу, которые должны быть теперь особенно усердно развиваемы. Например, Советы народного образования, как периодические конференции советских избирателей и их делегатов для обсуждения и контроля за деятельностью советских властей в данной области, заслуживают полнейшего сочувствия и поддержки. Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц *для определенных процессов работы*, в определенные моменты *чисто исполнительских функций*, тем разно-

образнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необыкновенно тяжелое, трудное и опасное положение в международном отношении; необходимость лавировать и отступать; период выжидания новых взрывов революции, мучительно долго зреющей на Западе; внутри страны период медленного строительства и беспощадного «подтягивания», длительной и упорной борьбы пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихией мелкобуржуазной распушенности и анархичности, — таковы, вкратце, отличительные черты особой, переживаемой нами, полосы в социалистической революции. Таково то звено исторической цепи событий, за которое нам сейчас приходится изо всех сил уцепиться, чтобы оказаться на высоте задачи впредь до перехода к следующему звену, — привлекающему к себе особой яркостью, яркостью побед международной пролетарской революции.

Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием «революционера» лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распушенность... Удивительно ли, что некоторых «революционеров», когда они слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают «громить» нас за забвение традиций Октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное?

Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма, недостает понимания того особого и особо-«неприятного» состояния, через которое неминуемо должна была пройти отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной, начавшая социалистическую революцию задолго раньше более передовых стран; — недостает выдержки в трудные минуты трудного перехода. Естественно, что «официальную» оппозицию *такого* рода чинит

нашей партии партия «левых эсеров». Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются. В стране с громадным преобладанием мелкособственнического населения над чисто пролетарским неизбежно будет сказываться — и от времени до времени крайне резко сказываться — различие между революционером пролетарским и мелкобуржуазным. Этот последний колеблется и шатается при каждом повороте событий, переходит от ярой революционности в марте 1917 года к воспеванию «коалиции» в мае, к ненависти против большевиков (или к оплакиванию их «авантюризма») в июле, к опасливому отстранению от них в конце октября, к поддержке их в декабре, — наконец, в марте и апреле 1918 года такие типы чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: «Я не из тех, кто поет гимны «органической» работе, практицизму и постепенности».

Социальный источник таких типов, это — мелкий хозяинчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасенья, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния — с другой. Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой социальной базе никакого социализма построить нельзя. Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата.

ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК⁹⁰**29 АПРЕЛЯ 1918 г.**

**Впервые напечатано в 1920 г. в книге:
«Протоколы заседаний ВЦИК 4-го
созыва. Стенографический отчет».
Москва**

**Печатается по тексту
книги, сверенному со стенограммой
и с текстом брошюры: Н. Ленин
(В. И. Ульянов). «Старые статьи
на близкие к новым темы»,
Москва, 1922**

1

ДОКЛАД
ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Товарищи! Мне, по отношению к докладу, приходится сегодня поставить вопрос несколько необычно. Дело в том, что настоящим докладом является моя статья об очередных задачах Советской власти*, которая в воскресенье появилась в двух газетах и знакомство с которой я позволяю себе предполагать у большинства присутствующих.

И поэтому я считал бы, что в настоящее время мне нет надобности повторять здесь сказанное в докладе и можно ограничиться лишь дополнениями и пояснениями к докладу. Я думаю, что наиболее подходящей формой таких пояснений будет теперь полемика, потому что вопрос, который затронут был мною в этих тезисах об очередных задачах, — есть не что иное, как развитие резолюции, принятой уже Всероссийским Чрезвычайным съездом в Москве 15 марта**, — резолюции, которая не ограничилась злободневным тогда вопросом о мире, а отметила также главную задачу текущего момента, задачу организационную, задачу самодисциплины, задачу борьбы с дезорганизацией.

И вот на этой почве, как мне кажется, обрисовались за последнее время довольно отчетливо наши политические течения или главные потоки наших политических течений; и поэтому в полемической форме, я думаю, можно наиболее наглядно подтвердить то, что я старался в форме положительной обрисовать в статье об очередных задачах.

* См. настоящий том, стр. 207—246. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 173—174. *Ред.*

Товарищи! Если вы взглянете на политические течения современной России, то перед вами прежде всего встанет задача, — и здесь, как и всегда, чтобы не ошибиться в оценке, — постараться взглянуть на все политические течения вместе взятые, ибо только так, только при этом условии мы можем обезопасить себя от ошибок при извлечении отдельных примеров. Понятно, что примеров можно найти сколько угодно в подтверждение какого угодно положения. Но дело не в этом. Только при таком условии мы можем попытаться прийти к тому, чтобы выяснить связь между судьбами политических течений в стране, взяв эти течения в целом, и между судьбами классовых интересов, которые всегда проявляют себя в больших, серьезных и крупных политических течениях, если мы рассмотрим эти течения в целом, во всей их совокупности.

И вот, бросая взгляд на крупные политические течения в России, я думаю, нельзя оспорить того, что они делятся явственно и бесспорно на три крупные группы. В первой мы имеем всю буржуазию, сплотившуюся цельно и крепко, как один человек, на самой решительной, можно сказать, бесшабашной, «оппозиции» против Советской власти, конечно, оппозиции в кавычках, потому что на самом деле здесь мы имеем бешеную борьбу, которая привлекла сейчас на сторону буржуазии все те мелкобуржуазные партии, которые были в согласии с Керенским в течение революции, это — меньшевики, новожизненцы и правые эсеры, которые перешеголяли даже буржуазию в ярости своих нападков на нас, ибо известно, что очень часто ярость нападков и звучность лая бывает обратно пропорциональна силе того политического элемента, от которого ярые нападки исходят. (Аплодисменты.)

Вся буржуазия и все их подголоски и все их слуги, типа Чернова и типа Церетели, все они сходились на бешеных нападках против Советской власти. Все они тоскуют по той приятной перспективе, которую проводили в жизнь их друзья, их политические единомышленники на Украине, заключить такой мир, который бы позволил им, при помощи немецкого штыка и отечественной буржуазии, подавить влияние большевиков. Это слишком хорошо известно. Прекрасный пример подобных же друзей мы имеем в лице Чхенкела на Кавказе. Всем и каждому это памятно из газет.

Понятно, что пролетариат, взявший власть и начавший проводить диктатуру трудящихся, диктатуру беднейших против эксплуататоров, он, конечно, ничего иного встретить не мог.

С одной стороны, мы имеем один фланг, один фронт, полный единства. Если нам иногда преподносят мечтания об едином демократическом фронте, то я, по крайней мере, в те редкие минуты, когда приходится брать в руки буржуазные газеты, в том редком случае, когда испытываешь удовольствие читать такие газеты, как «Наш Век», «Дело Народа» и т. д., все эти газеты, хотя бы просматривая, я всегда думаю, что чего же вам нужно еще для единства демократического фронта?

Все это единство демократического фронта у них самое полное, и мы можем только порадоваться этому единству, ибо, поскольку крохи этой буржуазной публицистики перепадает массам, это не есть единство демократического фронта, а единство нападок на большевиков. И это единство фронта, от Милюкова до Мартова, заслуживало того, чтобы мы ему к 1 мая преподнесли похвальный лист за прекрасную пропаганду в пользу большевиков.

Товарищи! Если вы возьмете другой противоположный лагерь, в этом лагере вы теперь увидите только нашу партию, партию коммунистов-большевиков. События сложились так, что наши союзники в течение большей части послеоктябрьского периода — левые эсеры — в настоящее время отошли от формального участия во власти. Их последний съезд озаменовал особенно наглядно крайнее колебание в этой партии, и это выявилося теперь нагляднее, чем когда-либо, хотя и в печати эта партия также выражает собою полную растерянность и полное колебание.

Если бы вы вздумали составить кривую, показывающую, как эта партия с февраля 1917 г. — конечно, до раскола эсеров между левым и правым крылом, — если бы вы вздумали составить кривую, показывающую месяц за месяцем, на чью сторону становилась эта партия, на сторону ли пролетариата или на сторону буржуазии, если бы за год эту кривую провели, то получилась бы кривая, в виде скорбного листа, просматривая который, всякий говорил бы себе: а лихорадка тут удивительная, удивительно упорная!

В самом деле, такие постоянные и непрерывные колебания, как эта партия, едва ли какая-либо другая в истории революции проделала.

И вот, если все эти три основных течения мы возьмем и взглянем на них, то для нас станет ясным, что такая группировка не случайная, что она полностью подтверждает то, что нам, большевикам, приходилось указывать в 1915 году еще из-за границы, когда стали приходиться первые известия о том, что революция в России нарастает, что она неизбежна, — и когда нам приходилось давать ответ на вопросы — в каком положении окажется партия, если еще во время войны события поставят ее у власти, и как нам тогда приходилось говорить: возможно, что революция одержит решительную победу, это может быть с точки зрения классовой, если в решающие минуты, в решающих пунктах руководящие элементы мелкой буржуазии колебнутся в сторону пролетариата*; так буквально и вышло, так шла и идет сейчас история русской революции. Конечно, из этих колебаний мелкобуржуазных элементов мы ни малейшим образом не можем почерпнуть никаких оснований для пессимизма, не говоря уже об отчаянии, — и понятно, что революция в стране, которая повернула против империалистической войны раньше других стран, революция в отсталой стране, которую события в значительной степени, благодаря отсталости этой страны, поставили, конечно, на короткое время и, конечно, в частных вопросах, впереди остальных стран, более передовых, — конечно, эта революция неизбежно осуждена на то, что она будет переживать моменты самые трудные, самые тяжелые и в ближайшем будущем самые безотрадные, — что в такие моменты она удержит свой фронт и своих пособников, что она обойдется без колеблющихся — это было бы совершенно противоестественно; это значило бы совершенно не считаться с классовым характером переворота, с природой партий и политических группировок.

И вот, если мы посмотрим теперь на сумму политических течений в России с точки зрения задач момента, с точки зрения того, как ставятся перед нами настоящие очередные и первейшие задачи, задачи организации, дисциплины,

* См. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 368. Ред.

задачи учета и контроля, тут мы увидим, что нет ни малейшей попытки оценить эту задачу по существу в лагере, который объединяет единый демократический фронт от Милюкова до Мартова. Нет и не может быть потому, что там одно злобное желание, — и, чем более злобное, тем более почетное для нас, — найти какую-либо возможность, или намек, или мечту на свержение Советской власти — и больше ничего. И вот такие представители партии левых эсеров больше всего выразили, несмотря на громадную преданность революции, обнаруженную целым рядом членов этой партии, которые проявляли всегда очень много инициативы и энергии, — они обнаружили как раз колебание по вопросу об очередных задачах текущего момента в смысле пролетарской дисциплины, учета, организованности и контроля, — тех задач, которые для социалистов стали естественными, когда власть была завоевана, когда военные атаки от Керенских и Красновых до Корниловых, Гегечкори и Алексеевых были отбиты.

Теперь, когда мы впервые вошли в сердцевину хода революции, речь идет о том, победит ли пролетарская дисциплина и организованность, или же победит стихия мелкобуржуазных собственников, которая в России особенно сильна.

Главным полем борьбы против нас для наших противников из мелкобуржуазного лагеря является поприще внутренней политики и экономического строительства; их орудие — подрыв всего того, что пролетариат декретирует и стремится осуществить в деле устройства организованного социалистического хозяйства. Здесь мелкобуржуазная стихия — стихия мелких собственников и разнузданного эгоизма — выступает решительным врагом пролетариата.

И в этой кривой, которую мелкая буржуазия дала за все события революции, мы видим самый резкий отход ее от нас; естественно, что здесь, в этом лагере мы имеем главную оппозицию очередным и текущим задачам момента в более точном смысле слова; тут оппозиция людей, которые не отказывают в принципиальном согласии с нами, которые поддерживают нас по более существенным вопросам, чем те, по которым критикуют, — оппозиция, соединенная с поддержкой.

Мы не удивимся тому, если со страниц левоэсеровской печати мы встречаем такие заявления, которые я встретил

в «Знамени Труда»⁹¹ от 25 апреля. А вот что в ней пишется: «Правые большевики — ратификаторы» (ужасно презрительная кличка). Как быть, если поставить обратную кличку про вояк? Она даст менее ужасное впечатление? Ну, вот, если приходится сталкиваться с такими течениями в большевизме, то это кое-что говорит. Мне пришлось именно 25 апреля взглянуть на тезисы в одной газете, которая дала нам политическую характеристику. Когда я прочитал этот тезис, то я подумал: нет ли здесь кого-нибудь из газеты левых коммунистов «Коммунист» или из их журнала, — так много тут похожего; но мне пришлось разочароваться, потому что оказалось, что это тезис Исува, напечатанный в газете «Вперед». (Смех, а плоды сменты.)

Вот, товарищи, когда нам приходится наблюдать такого рода политические явления, как солидарность «Знамени Труда» с особым течением большевизма, или с какими-нибудь сформулированными меньшевистскими тезисами той самой партии, которая вела политику блока с Керенским, той самой партии, в которой Церетели осуществлял соглашение с буржуазией, приходится встречать нападки, точь-в-точь совпадающие с теми, которые слышим со стороны группы левых коммунистов и из нового журнала, — тут что-то не так. Тут что-то проливающее свет на действительное значение этих нападков, а на нападки эти стоит обратить внимание уже потому, что здесь мы имеем возможность оценить главные задачи Советской власти в спорах с людьми, с которыми спорить интересно потому, что мы имеем здесь и марксистскую теорию, принимаем во внимание значение событий революции и несомненное желание доискаться правды. Тут основная почва для спора по существу дается преданностью социализму и бесспорным решением стать на сторону пролетариата, против буржуазии, какие бы ошибки, по мнению тех или иных лиц, групп или течений, ни делались при этом борющимся против буржуазии пролетариатом.

Если я говорю, что интересно спорить с ними, то я понимаю, конечно, под интересным спором с ними не полемику, а то, что вопрос этот касается спора, являющегося самым существенным, коренным вопросом современности. Не случайно то, что именно в этой линии ведутся споры. В этой линии объективно пролегал сейчас коренная задача, —

задача революционной борьбы пролетариата, которая продиктована настоящими условиями России и которая должна всемерно проводиться при всем обилии самых разнообразных мелкобуржуазных течений, при всей необходимости для пролетариата сказать себе: в этом пункте он никакой уступки сделать не может, ибо социалистическая революция, начавшаяся с того, что он власть у буржуазии отнял, продолжившаяся тем, что он всякое сопротивление буржуазии сломал, ибо он вопросы дисциплины, организации, руководства трудящихся со строгой деловитостью и знанием интересов крупной промышленности должен решить практически, ибо иначе он потерпит поражение. — Тут главная, настоящая трудность социалистической революции. — Именно поэтому так интересно, так важно, в историческом и политическом значении слова, спорить с представителями группы левых коммунистов, несмотря на то, что, беря их положение и теорию, рассматривая, мы не видим в ней, я повторяю, — и сейчас это докажу, — решительно ничего, кроме тех же мелкобуржуазных шатаний. Товарищи из группы левых коммунистов, как бы они себя ни называли, ударяют, прежде всего, по своим тезисам. Я предполагаю, что и громадному большинству собравшихся их взгляды известны, потому что в большевистских кругах мы их в сущности обсуждали, начиная с начала марта, а те, кто не интересовался большой политической литературой, не мог не знать про них, не обсуждать их в связи со спорами, развернувшимися на последнем Всероссийском съезде Советов.

И вот мы видим, прежде всего, в их тезисах то самое, что видим теперь во всей партии эсеров, то самое, что мы видим теперь и в правом лагере, и в лагере буржуазии от Милюкова до Мартова, которым особенно тяжелы эти теперешние тягости положения для России, с точки зрения потери ее великодержавности, с точки зрения превращения ее из нации старой, из государства угнетающего в страну угнетенную, с той точки зрения, где приходится решать уже не на бумаге, а на деле вопрос о том, стоит ли тяжесть пути к социализму, тяжесть начавшейся социалистической революции того, чтобы страна пережила даже самые тяжкие положения в смысле ее государственности, в смысле ее национальной независимости.

Здесь всего глубже деление между теми, для которых та государственная самостоятельность и независимость, какая для всей буржуазии есть идеал и предел, ее святая святых, — предел, его же не преjdeши, и посягать на которую есть отрицание социализма, и теми, которые говорят, что социалистическая революция в эпоху бешеной бойни империалистов за раздел мира, без тягчайшего поражения для многих наций, считавшихся прежде угнетательскими, обойтись не может. И что, как бы ни тяжело это было для человечества, на все такие испытания социалисты, сознательные социалисты пойдут.

На этой почве, всего более неприемлемой, на этой почве всего более колебались левые эсеры, и как раз на этой почве мы видим всего больше шатаний у левых коммунистов.

Сейчас они в своих тезисах, которые, как нам известно, 4 апреля они обсуждали вместе с нами⁹², и 20 апреля они опубликовали, они до сих пор все возвращаются к вопросу о мире.

Самое большое внимание они уделяют оценке вопроса о мире и таким образом тшчатся доказать, что мир это проявление психологии усталой и деклассированной массы.

До какой степени комичны их доводы, когда они приводят свои цифры, что 12 было против и 28 за заключение мира⁹³. Но не следует ли, если собрать цифры, если вспоминать голосование месяца полтора тому назад, взять цифры поближе. Если придавать политическое значение этому голосованию, то не следует ли припомнить голосование Всеукраинского съезда Советов⁹⁴, прежде чем говорить, что здоровый юг был против мира, а вот усталый, деклассированный, промышленно-ослабленный север был будто бы за мир. Не следует ли припомнить голосование большинства фракции Всероссийского съезда Советов, в которой и десятой доли не нашлось против мира. Если припоминать цифры и придавать им политическое значение, то нужно принимать в целом политическое голосование, и тогда увидите сразу, что партии, которые известные лозунги заучили, которые из этих лозунгов сделали себе фетиш, оказались на стороне мелкой буржуазии, а масса трудящихся и эксплуатируемых, масса рабочих, солдат и крестьян, не отвергала мира.

И теперь, когда нам рядом с критикой этой позиции мира преподносят, будто бы это провели усталые деклассированные массы, когда мы ясно видим, что именно деклассированная интеллигенция была против мира, когда нам дают оценку событий, которую я читаю в газетах, — этот факт показывает нам, что в вопросе о заключении мира большинство нашей партии было абсолютно право, что, когда нам говорили, что овчинка не стоит выделки, против нас уже соединились все империалисты, они нас все равно задашат, приведут к позору и т. п., — мы все-таки заключили мир. Он не только казался им позорным, он кажется никчемным. Нам говорили, что передышки вы не получите. И когда мы отвечали: нельзя знать, как сложатся международные отношения, но мы знаем, что между собою империалистические враги находятся в драке, события это подтвердили, и это признала группа левых коммунистов, наших противников идейных и принципиальных, стоящих в общем и целом на точке зрения коммунизма.

Эта одна фраза есть полное признание правильности нашей тактики и полнейшее осуждение тех колебаний по вопросу о мире, которые больше всего оттолкнули от нас известное крыло наших сторонников, как и все крыло, сгруппированное в партии левых эсеров, так и крыло, которое в нашей партии было, есть и, наверняка можно сказать, с ней останется и которое в своих колебаниях особенно наглядно обнаруживает источник этих колебаний. Да, тот мир, к которому мы пришли, непрочен в высшей степени, та передышка, которую мы получили, может быть сорвана каждый день и с запада, и с востока, — в этом нет сомнений; наше международное положение такое критическое, что мы должны напрягать все силы, чтобы продержаться, как можно дольше, пока зреет западная революция, зреющая гораздо медленнее, чем мы того ждали и желали, но несомненно зреющая; она, несомненно, впитывает и захватывает все больше и больше горючего материала.

Если мы, как отдельный отряд мирового пролетариата, первые выдвинулись вперед, то не потому, что этот отряд сильнее организован. Нет, он хуже, слабее, менее организован, чем другие, но величайшей нелепостью и педантизмом было бы рассуждать, как многие: ну да, если бы

начал дело самый организованный, а за ним пошел менее организованный, а затем третьестепенно организованный, тогда мы все охотно явились бы приспешниками социалистической революции. Но раз вышло не по книжке, раз оказалось, что передовой отряд не поддерживался другими отрядами, то наша революция осуждена на гибель. А мы говорим: нет, наша задача — видоизменение всеобщей организации; наша задача, поскольку мы одиноки, в том, чтобы революцию удержать, сохранить за нею хоть некоторую крепость социализма, каких бы слабых и умеренных размеров она ни была, пока назревает революция в других странах, пока подходят другие отряды. Но ждать от истории, что она двинет социалистические отряды разных стран в строгой постепенности и планомерности, значит понятия не иметь о революции или, по глупости своей, отречься от поддержки социалистической революции.

В тот момент, когда мы выяснили себе и доказали, что мы имеем прочную позицию в России и что мы не имеем силы против международного империализма, — наша задача одна, наша тактика определяется как тактика лавирования, выжидания и отступления. Я очень хорошо знаю, что эти слова на популярность претендовать не могут, что если их соответствующим образом вывернуть и ставить в связь со словом «коалиция», то тут для пикантных сопоставлений, для всевозможных попреков и для всякого зубоскальства открыта самая широкая дорога, но, сколько бы наши противники — буржуа — справа и наши вчерашние друзья слева, левые эсеры, и наши, — я уверен, вчерашние, сегодняшние и завтрашние друзья, — левые коммунисты, — сколько бы на это ни направляли стрел своего остроумия и какие бы доказательства своих мелкобуржуазных шатаний ни приводили, эти факты опровергать они не могут. События нас подтвердили, мы получили передышку только потому, что на Западе империалистическая бойня продолжается, а на Дальнем Востоке империалистское соревнование разгорается все шире, — только этим объясняется существование Советской республики, пока самой слабой веревочкой, за которую в этот политический момент мы держимся. Конечно, нас не бумажка, не мирный договор защитит, и не то обстоятельство, что с Японией мы не желаем воевать; верно, что она грабит,

не стесняясь никакими договорами, ни формальностями — нас защитит, конечно, не бумажный договор или «мирное состояние», — нас защитит продолжающаяся схватка между империалистами и выдержка наша, если мы сможем с точки зрения международной революции, если мы не забыли основного марксистского урока, который так наглядно подтвердила русская революция: надо учитывать силы в десятки миллионов; меньше в политике не считается, меньше политика отбрасывает, как величину, не имеющую никакого значения; если с этой стороны взглянуть на международную революцию, — дело яснее ясного: отсталая страна может легко начать, потому что гнил ее противник, потому что неорганизована ее буржуазия, но, чтобы продолжать, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки. В Западной Европе это будет иначе, там неизмеримо труднее начать, там неизмеримо легче идти дальше. Это не может быть иначе, потому что там организованность и сплоченность пролетариата неизмеримо более велики. А пока мы одиноки, мы, учитывая силы, должны сказать себе: у нас единственный шанс, пока не вспыхнула европейская революция, которая от всех трудностей нас избавит, у нас один шанс — продолжение борьбы международных гигантов-империалистов; этот шанс мы учли правильно, этот шанс мы удержали на несколько недель, но он может лопнуть завтра. Отсюда вывод: в нашей внешней политике продолжать то, что мы начали с марта, что формулируется словами: лавировать, отступать, выжидать. Когда в этом левом «Коммунисте» попадают слова «активная внешняя политика», когда берут выражение защита социалистического отечества в кавычки, долженствующие быть ироническими, тогда я говорю себе: эти люди ровно ничего не поняли в положении западного пролетариата. Если они называют себя левыми коммунистами, они сбиваются на точку зрения мелкой колеблющейся буржуазии, которая в революции видит обеспечение своеобразного порядка. Соотношения международные говорят яснее ясного: тот русский, который задумал бы, исходя из русских сил, ставить задачу свержения международного империализма, был бы человеком, сошедшим с ума. А пока там, на Западе, революция зреет, хотя она зреет теперь быстрее, чем вчера, наша задача только такая: мы, являющиеся отрядом,

оказавшимся впереди, вопреки нашей слабости, должны все делать, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях. Все остальные соображения должны подчиниться этому — использовать полностью шанс, чтобы тот момент, когда международный империализм объединится против нас, мы оттянули на несколько недель; если мы будем так делать, мы будем идти по пути, который всякий сознательный рабочий в европейских странах одобрит, ибо он знает, что то, чему мы научились только с 1905 г., а Франция и Англия учились столетиями, — он знает, как медленно нарастает революция в свободном обществе объединившейся буржуазии, он знает, что против таких сил нужно будет двинуть агитационное бюро, которое будет вести пропаганду в настоящем смысле этого слова, когда мы будем стоять рядом с восставшим немецким, французским, английским пролетариатом. До тех пор, как бы это ни было печально, как бы ни претило это революционным традициям, — тактика одна и только одна: выжидать, лавировать и отступать.

И когда говорят, что у нас нет внешней международной политики, то я говорю: всякая другая политика сознательно или бессознательно сбивается на то, чтобы сыграть роль провокации и сделать из России орудие союза с империалистами типа Чхенкели или типа Семенова.

И мы говорим: лучше пережить и претерпеть, перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тягости, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь. И она идет к нам на помощь. Медленно, но идет. И та война, которая на Западе теперь разыгрывается, революционизирует массы больше, чем прежде, и приближает час восстания.

Та пропаганда, которая до сих пор велась, говорила, что империалистическая война есть преступнейшая и реакционнейшая война из-за захватов. Но теперь подтверждается, что на западном фронте, где сотни тысяч и миллионы солдат французов и немцев, ведущих бойню, что там созревание революции не может не идти быстрее, чем раньше, хотя революция эта идет медленнее, чем мы того ожидали.

Я остановился на вопросе внешней политики больше, чем хотел, но мне кажется, что здесь мы видим наглядно, как, в сущности говоря, в вопросе внешней политики перед нами две основные линии — линия пролетарская, которая говорит, что социалистическая революция дороже всего и выше всего, и надо учесть, скоро ли возникнет она на Западе, и другая линия — буржуазная, которая говорит, что для нее государственная великодержавность и национальная независимость дороже всего и выше всего.

По вопросам внутренним мы видим то же самое со стороны группы левых коммунистов, которые повторяют основные доводы, направляющиеся против нас из лагеря буржуазии. Например, основным доводом группы левых коммунистов против нас является то, что замечается правобольшевистский уклон, который грозит революции тем, что она направится по пути государственного капитализма.

Эволюция в сторону государственного капитализма — вот зло, вот враг, с которым нас приглашают бороться.

И вот, когда я читаю эти ссылки на подобных врагов в газете левых коммунистов, я спрашиваю: что сделалось с этими людьми, как они могут из-за обрывков книжки забыть действительность? Действительность говорит, что государственный капитализм был бы для нас шагом вперед. Если бы мы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы победой. Как они могли не видеть, что мелкий собственник, мелкий капитал — наш враг. Как они могли в государственном капитализме видеть главного врага? Переходя от капитализма к социализму, они не должны забывать, что наш главный враг — это мелкая буржуазия, ее навыки, ее привычки, ее экономическое положение. Мелкий собственник прежде всего боится государственного капитализма, потому что у него одно желание — урвать, получить себе побольше, разорить, добыть крупных помещиков, крупных эксплуататоров. И в этом мелкий собственник охотно поддерживает нас.

Тут он революционер больше, чем рабочие, потому что у него больше озлобления, возмущения тем, что он вчера вышел из худшего состояния, и потому на то, чтобы добыть буржуазию, он идет охотно, но не как социалист,

чтобы, сломив сопротивление буржуазии, начать строительство социалистического хозяйства на принципах твердой трудовой дисциплины, в рамках строгой организации, при условии правильного контроля и учета, а чтобы, урвав себе побольше, использовать для себя и в своих целях плоды победы, нимало не интересуясь интересами общегосударственными и интересами класса трудящихся в целом.

Что такое государственный капитализм при Советской власти? В настоящее время осуществлять государственный капитализм — значит: проводить в жизнь тот учет и контроль, который капиталистические классы проводили в жизнь. Мы имеем образец государственного капитализма в Германии. Мы знаем, что она оказалась выше нас. Но если вы подумаете хоть сколько-нибудь над тем, что бы значило в России, Советской России, обеспечение основ такого государственного капитализма, то всякий не сошедший с ума человек и не забивший себе голову обрывками книжных истин, должен был бы сказать, что государственный капитализм для нас спасение.

Я сказал, что государственный капитализм был бы спасением для нас; если бы мы имели в России его, тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролируемое и обобществленное, а нам-то и нехватает как раз этого, нам грозит стихия мелкобуржуазного разгильдяйства, которая больше всего историей России и ее экономикой подготовлена и которая как раз этого шага, от которого зависит успех социализма, нам не дает. Я позволю себе напомнить вам, что мои слова о государственном капитализме мне приходилось писать за несколько времени до переворота, и вопиющая нелепость пугать нас государственным капитализмом. Я напомню, что в моей брошюре «Грозящая катастрофа»* я писал тогда... (Читает.)

Это я писал про революционно-демократическое государство, государство Керенского, Чернова, Церетели, Кишкина и братии, против того государства, которое стояло на буржуазной почве и с нее не сходило и не могло сойти; я говорил тогда, что государственный капитализм

* См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 295—339. Ред.

есть шаг к социализму; я писал это в сентябре 1917 г. и теперь, в апреле 1918 года, после того, как в октябре пролетариат взял власть, когда он доказал свою способность: многие фабрики и заводы конфискованы, предприятия и банки национализированы, сопротивление военное буржуазии и саботажников сломлено, — теперь, когда нас пугают капитализмом — это такая смехотворная, настолько архимахровая нелепость и выдумка, что становится удивительно, и спрашиваешь себя: как могли люди к ней придти? Они забыли ту мелочь, что в России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая сочувствует уничтожению крупной буржуазии всех стран, но не сочувствует учету, обобществлению и контролю, — в этом опасность для революции, вот где единство социальных сил, которое великую французскую революцию сгубило и не могло не сгубить, и которое может, если русский пролетариат окажется слабым, только одно может сгубить русскую революцию. Мелкая буржуазия, как мы видим, всю общественную атмосферу пропитывает мелкособственническими тенденциями, — стремлениями, которые попросту выражаются в том: у богатого взял, а до других мне дела нет.

В этом главная опасность. Если бы мелкие буржуа были подчинены другим классовым элементам, были подчинены государственному капитализму, то сознательный рабочий должен приветствовать это обеими руками, потому что государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму, а при Советской власти был бы $\frac{3}{4}$ социализма, — потому что, кто является организатором государственно-капиталистических предприятий, того можно сделать своим помощником; а левые коммунисты относятся к этому иначе, они относятся с пренебрежением, — и, когда с левыми коммунистами мы имели первое совещание 4 апреля, между прочим, доказывающее, что этот вопрос из далекой истории, имеющий долгие дискуссии, есть уже прошедшее, — я сказал, что нужно, если мы правильно понимаем свои задачи, учиться социализму у организаторов трестов.

Эти слова левых коммунистов ужасно возмутили, и один из них — т. Осинский — посвятил всю свою статью тому, чтобы эти слова разнести. Вот к чему сводится суть его аргументов. — Ведь мы не учить их хотим, а учиться у

них. — Мы «правые» большевики, — мы хотим учиться у организаторов треста, а настоящие левые коммунисты хотят учить. — Но чему же вы хотите их учить? Может быть, социализму? — Это — купцов-то, деяг-то учить социализму? (А плоды сменты.) Нет, занимайтесь, если хотите, этим делом, мы вам пособлять не станем, это дело пустое. — Нам их, этих инженеров, деяг, купцов учить нечему. — Социализму их учить нечего. — Если бы мы имели буржуазную революцию, то нам учиться у них было бы нечему, — разве только тому, что ухватить, что можно, и довольно, а больше учиться нечему. — Нет, это еще не социалистическая революция. — Это то, что было во Франции в 1793 г., это то, где социализма нет, а это только вступление к социализму.

Помещиков надо скинуть, буржуазию надо скинуть, и миллионы раз правы перед историей, будут оправданы все действия большевиков, вся их борьба, насилие против помещиков и капиталистов, экспроприация, насильственное подавление их сопротивления. В общем и целом, это была величайшая историческая задача, но это был только первый шаг. Здесь дело в том, для чего мы их подавили; для того, чтобы сказать, что теперь, подавив окончательно, мы будем кланяться их капитализму? Нет, теперь мы будем учиться у них, потому что у нас нехватает знаний, потому что этих знаний у нас нет. Знание социализма у нас есть, но знания организации в масштабе миллионном, знания организации и распределения продуктов и т. д., — этого у нас нет. Этому старые большевистские руководители не учили нас. Этим партия большевиков в своей истории похвалиться не может. Этому курса мы еще не проходили. И мы говорим, пусть он будет хоть архижуликом, но раз он организовал трест, раз это купец, который имел дело с организацией производства и распределения для миллионов и десятков миллионов, раз он обладал опытом, — мы должны у него учиться. Если мы этому у них не научимся, то мы социализма не получим, тогда революция останется на той ступени, до которой она дошла. Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет. (А плоды сменты.)

Нам нечего братья за смешную задачу — учить организаторов треста, — их учить нечему. Их нам нужно экспроприровать. За этим дело не стоит. В этом никакой трудности нет. (Аплодисменты.) Это достаточно мы показали и доказали.

И всякой рабочей делегации, с которой мне приходится иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована. Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. (Аплодисменты.) Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком. И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано.

Лучше всего стоит дело у тех рабочих, которые этот государственный капитализм проводят: у кожевников, текстилей, сахарного производства, потому что они с трезвостью пролетария знают свое производство и хотят сохранить его и сделать более крупным, — потому что в этом наибольший социализм. Они говорят: я еще сейчас с такой задачей не слажу, я капиталистов посажу, $\frac{1}{3}$ мест предоставлю им и научусь у них. И когда я читаю у левых коммунистов иронические слова: еще неизвестно, кто кого использует, то мне становится странной их недалёковидность. Конечно, если после взятия власти в октябре и после победного похода против всей буржуазии с октября по апрель, мы можем сомневаться в том, кто кого использует — рабочий организаторов треста, или делегата и выжига использует рабочих, если бы так было, то нужно складывать пожитки и убираться во-свои, предоставляя место Милюковым и Мартовым. Но это не так. И сознательный рабочий не поверит, и смешна боязнь мелкой буржуазии; они знают, что социализм начинается там, где начинается более крупное производство, что этому делу купцы и делегаты учились на собственном опыте.

И мы говорили: вот только эти материальные условия, условия крупной машинной индустрии гигантских предприятий, обслуживающих десятки миллионов, только они есть основа социализма, и научиться этому делу в стране

мелкобуржуазной, крестьянской, трудно, но можно. Революция придет ценой гражданской войны, но это тем более тяжелая штука, чем цивилизованней, чем развитей государство; в Германии господствует государственный капитализм, и потому революция в Германии будет во сто раз разорительнее и губительнее, чем в мелкобуржуазной стране, — и там будут гигантские трудности и гигантский хаос и неуравновешенность. И поэтому ни тени и ни малейшего основания для отчаяния и уныния не вижу я в том, что русская революция решила сначала легкую задачу — сшибить помещика и буржуазию, и стала теперь перед более трудной задачей социалистической: организовать всенародный учет и контроль, — той задачей, с которой настоящий социализм начинается, перед той задачей, за которую стоит большинство рабочих и сознательных трудящихся. Да, большинство рабочих, организованное лучше, прошедшее школу профессиональных союзов: оно стоит с нами вполне.

Те вопросы, что пытаются издевательски отбросить гг. из «Вперед», о сдельной плате и о системе Тэйлора, — это большинство раньше нас поставило эти вопросы в советах профессиональных союзов, раньше еще, чем пришла Советская власть с ее Советами, — они поднялись и взялись за работу, чтобы выработать нормы трудовой дисциплины. Эти люди показали, что в своей пролетарской скромности они знали обстановку фабричного труда, они схватили суть социализма лучше тех, кто швырялся революционными фразами, а на деле сознательно или бессознательно опускался на уровень мелкой буржуазии, которая стояла на точке зрения: богатого сшибить, но себя неинтересно поставить под учет и контроль организации; это мелким собственникам излишне, это им не нужно, — а в этом только и лежит залог прочности и победы нашей революции.

Товарищи, не буду касаться дальнейших подробностей и цитат из газеты «Левый Коммунист», а в двух словах скажу: впору кричать, когда люди договорились до того, что введение трудовой дисциплины будет шагом назад, — и я должен сказать, что усматриваю в этом такую неслыханную реакционную вещь, такую угрозу революции, что если бы я не знал, что это говорит группа без влияния и что на любом сознательном собрании рабочих

это опровергнуто, то я сказал бы: погибла русская революция.

Левые коммунисты пишут: «введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов в производстве, не может существенно увеличить производительность труда, но оно понизит классовую самостоятельность, активность и организованность пролетариата. Оно грозит закрепощением рабочего класса...». Это неправда; если бы это было так, наша русская революция в ее социалистических задачах, в ее социалистической сущности стояла бы у краха. Но это неправда. Это деклассированная мелкобуржуазная интеллигенция не понимает того, что для социализма главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда; об этом социалисты писали давно, об этом в далеком прошлом больше всего думали социалисты, на это направляли наибольшую заботливость и анализ, они понимали, что тут для социалистической революции начинаются действительные трудности. И до сих пор бывали революции неоднократно, которые сбрасывали беспощадно буржуазию, не менее энергично, чем мы, но когда мы дошли до того, что создали Советскую власть, этим самым мы показали, что делаем практический переход от экономического раскрепощения к трудовой самодисциплине, что наша власть это есть власть, которая должна быть действительно властью труда. Когда нам говорят, что диктатура пролетариата признается на словах, а на деле пишутся фразы, это собственно показывает, что о диктатуре пролетариата не имеют понятия, ибо это вовсе не то только, чтобы свергнуть буржуазию или свергнуть помещиков, — это бывало во всех революциях, — наша диктатура пролетариата есть обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда, учета и контроля, пролетарской Советской власти, которая более прочна, более тверда, чем прежняя. Вот чего вы не решите, вот чему мы не научили, вот что нужно рабочим, вот почему хорошо им показывать зеркало, в котором все эти недочеты явственно видны. Я считаю, что это полезная задача, ибо она всех думающих, всех сознательных рабочих и крестьян заставит направить на это все свои главные силы. Да, тем, что мы свергли помещиков и буржуазию, мы расчистили дорогу, но не построили здания социализма. И на расчищенной от одного поколения почве постоянно

в истории являются новые поколения, лишь бы почва рожала, а рождает она буржуев сколько угодно. И те, кто смотрит на победу над капиталистами, как смотрят мелкие собственники, — «они урвали, дай-ка и я воспользуюсь», — ведь каждый из них является источником нового поколения буржуев. Когда нам говорят, что введение трудовой дисциплины в связи с восстановлением руководителей-капиталистов есть будто бы угроза революции, я говорю: эти люди не поняли как раз социалистического характера нашей революции, они повторяют как раз то, что их легко объединяет с мелкой буржуазией, которая боится дисциплины, организации, учета и контроля, как чорт ладана.

Если они скажут: ведь вы тут предлагаете вводить к нам капиталистов, как руководителей, в число рабочих руководителей. Да, они вводятся потому, что в деле практики организации у них есть знания, каких у нас нет. Сознательный рабочий никогда не побоится такого руководителя, потому что он знает, что Советская власть — его власть, потому что он знает, что хочет научиться практике организации.

Мы организовали при царе тысячи и при Керенском сотни тысяч. Это ничего, это в политике не считается. Это была подготовительная работа, это был подготовительный класс. И пока передовые рабочие не научатся организовывать десятки миллионов, до тех пор они — не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут. Путь организации — путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму.

Припомните, что писали прежние социалисты о будущей социалистической революции; сомнительно, чтобы можно было перейти к социализму, не учась у организаторов треста, ибо они занимались этим производством в крупном масштабе. Нам не нужно их учить социализму, нам нужно их экспроприировать, сломить их саботаж. Эти две задачи мы выполнили. Надо заставить их подчиниться рабочему контролю. И если наши критики из левых коммунистов упрекали нас в том, что мы в нашей тактике не ведем к коммунизму, а движемся назад, то их упреки

смешны: они забывают, что мы отстали с учетом и контролем, потому что очень трудно было сломить это сопротивление и повести к себе на службу буржуазию и ее техников и ее буржуазных специалистов. А их знания, их опыт и труд нам нужны, без них невозможно на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма. Если левые коммунисты этого не заметили, то потому, что они действительной жизни не видят, а сочиняют свои лозунги из противопоставления идеальному социализму государственного капитализма. А мы должны сказать рабочим: да, это шаг назад, но мы должны помочь себе найти средство. Средство одно: организуйтесь до последнего человека, организуйте учет над производством, организуйте учет и контроль над потреблением и сделайте то, чтобы мы не бросали сотни миллионов денег из-под печатного станка, и ни одна сторублевка, неправильно попавшая в чьи-либо руки, не миновала бы назад государственной казны. Это нельзя сделать никаким порывом революции, никаким добиванием буржуазии. Это можно сделать только самодисциплиной, только организацией рабочего и крестьянского труда, только учетом и контролем. Этого еще у нас нет, и за это мы платили дань более высоким жалованьем, чем организаторы-капиталисты платили вам. Этому мы не научились, но должны учиться, это есть путь к социализму, единственный путь — обучать рабочих практическому делу управления колоссальными предприятиями, организации крупного производства и крупнейшего распределения.

Товарищи, я очень хорошо знаю, как легко говорить об учете, о контроле, дисциплине и самодисциплине, когда говорит человек, занимающий известное общественное положение. Но как много из этого можно сделать материала для острот и заявить: когда ваша партия не была у власти, то она рабочим сулила молочные реки, кисельные берега, а когда оказались эти люди у власти, тут обычное превращение, начинают говорить об учете, о дисциплине, о самодисциплине, о контроле и пр. Я очень хорошо знаю, какой это благодарный материал для публицистов типа Милюкова и Мартова.

Я хорошо знаю, какой это богатый материал для людей, которые интересуются построчными или эффектами и

склонны пользоваться малейшими доводами, которые среди сознательных рабочих встречают мало сочувствия.

В газете «Левый Коммунист» я встретил рецензию такого выдающегося публициста, как Бухарин, на мою книжку⁹⁵, и притом рецензию сочувствующую, но все, что было в ней ценного, потеряло для меня всякую ценность, когда я прочитал рецензию до конца; я увидал, что Бухарин не увидел того, что нужно было увидеть, и это случилось потому, что он писал свою рецензию в апреле, а брал в цитатах то, что уже для апреля устарело, что является вчерашним, именно то, что нужно разбить старое государство; это мы уже сделали, это — задача вчерашнего дня, и надо идти вперед и смотреть не на прошлое, а на будущее и создавать государство коммуны; он писал о том, что уже воплощено в советских организациях, а умалчивал о том, что касается учета, контроля, дисциплины. Как умоначертание этих людей, как их психология совпадает с настроенными мелкой буржуазии: богатого скинуть, а контроля не надо, так они смотрят; это их пленяет и отделяет сознательного пролетария от мелкой буржуазии и даже от самых крайних революционеров; это когда пролетарий говорит: организуемся и подтянемся, или некий маленький чумазый, число ему миллион, нас скинет.

Тут расходится сознательный пролетарий с мелким буржуа; здесь отходит революция от мелкой буржуазии. И как такие люди слепы, об этом они не говорят.

Я еще позволю себе напомнить вам несколько моих цитат; я говорил, что люди смогут обойтись без насилия, когда привыкнут так действовать; конечно, такая привычка может явиться результатом долгого воспитания.

Когда слышат это левые коммунисты, то хватаются за голову и говорят: как же мы не заметили этого; Бухарин, отчего вы этого не критиковали? Мы показали свою силу в деле подавления помещиков и буржуазии, и теперь надо показать свою силу в деле самодисциплины и организации, потому что из прошлых тысячелетних опытов это известно, и надо сказать народу, что только в этом сила нашей Советской власти, нашей диктатуры, нашего пролетарского авторитета. А мелкие буржуа от этой истины прячутся за щит революционной фразеологии.

Надо показать свою силу. Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Они не любят организации, дисциплины, они — враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу, и борьбу в ином масштабе, и борьбу тем более трудную, что она кажется ошибочной принципиально, между тем, только тут социализм начинается.

И когда я возражаю тем людям, которые говорят, что они-де социалисты, обещают рабочим сколько угодно и чем угодно пользоваться, я говорю, что коммунизм предполагает не теперешнюю производительность труда. Наша производительность слишком низка, это — факт. Капитализм нам оставляет в наследство, особенно в отсталой стране, тьму таких привычек, где на все государственное, на все казенное смотрят, как на материал, для того, чтобы злостно его попортить. Эта психология мелкобуржуазной массы чувствуется на каждом шагу. И в этой области борьба очень трудна. Только организованный пролетариат может все выдержать. Я писал: «До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социализм требует строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства»*.

Это я писал до октябрьского переворота и на этом настаиваю теперь.

В настоящее время пришла пора, когда, подавив буржуазию, сломив саботаж, мы получили возможность заняться этим делом. Пока этого не было, героями дня и героями революции были красногвардейцы, которые делали свое большое историческое дело. Они брали ружье вопреки согласию имущих классов. Они делали это великое историческое дело. Они ваяли ружье для того, чтобы скинуть эксплуататоров и обратить свое ружье в орудие для защиты рабочих, чтобы следить за мерой производства и труда и мерой потребления.

Мы этого не дали, а в этом гвоздь и основа социализма. Если кому-нибудь кажется такая работа скучной и неинтересной, то это — представителям мелкобуржуазной лениности.

* См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 441. Ред.

Если бы наша революция остановилась здесь, она бы вошла в историю не меньше революции 1793 г. Но нам скажут: то было в XVIII веке. Для XVIII века это было довольно, а для XX — этого мало. Учет и контроль — вот главное, что требуется для правильного функционирования коммунистического общества. Так я и писал до октябрьского переворота*. Повторяю, что за это дело нельзя было взяться, пока Алексеевы, Корниловы, Керенские не были подавлены. Теперь военное сопротивление буржуазии подавлено. Наша задача: всех саботажников разместить на работы под нашим контролем, под контролем Советской власти, создать органы управления, чтобы учет и контроль был строго налажен. Страна гибнет оттого, что после войны в ней нет элементарных условий для нормального существования. Наши враги, идущие на нас, страшны нам только потому, что мы не сладили с учетом и контролем. Когда слышу сотни тысяч жалоб, когда в стране голод, когда видишь и знаешь, что эти жалобы правильны, что у нас есть хлеб, а мы не можем его подвезти, когда мы встречаем насмешки и возражения со стороны левых коммунистов на такие меры, как наш железнодорожный декрет, — они два раза его упоминали, — это пустяки.

На совещании с левыми коммунистами 4 апреля я говорил: дайте ваш проект декрета, ведь вы — граждане Советской республики, члены советских учреждений, — вы не те критики со стороны, из подворотни, как буржуи-купчики и саботажники, которые критикуют, чтобы излить свою злобу. Вы, я повторяю, руководители советских организаций; попробуйте дать ваш проект декрета. Они дать его не смогут и никогда не дадут, потому что наш железнодорожный декрет правильный, потому что, вводя диктатуру, он встречает сочувствие всех масс и сознательных тружеников железнодорожного дела, — а встречает оппозицию тех управленцев, кто хапает и взятки берет; потому что с колебанием к нему относятся все те, кто колеблется между Советскою властью и ее врагами, — а пролетариат, который учился дисциплине у крупного производства, знает, что социализма не может быть, пока более крупное производство не будет организовано и пока не будет еще

* См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 444. Ред.

более строгой дисциплины. — Этот пролетариат за нас в железнодорожном движении; он пойдет на бой со стихией мелких собственников и покажет, что русская революция, умеющая одерживать блестящие победы, сумеет также победить свою собственную неорганизованность. И из лозунгов 1 мая, с точки зрения задач момента, сумеет оценить тот лозунг ЦК, который гласит: «мы победили капитал, мы победим и свою собственную неорганизованность». И только тогда мы придем к полной победе социализма! (Бурные аплодисменты.)

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПО ДОКЛАДУ ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ

Мне прежде всего приходится сказать по поводу речи тов. Бухарина: я отметил уже в первой речи, что мы на девять десятых с ним согласны, и потому я думаю, что печален факт, что на одну десятую мы с ним расходимся; он на одну десятую находится в таком положении, что ему приходится в половине своей речи отгораживаться и открепиваться решительно против всех, кто выступал за него. И как бы ни были превосходны намерения его и его группы, а фальшь их положения тем и доказывается, что ему приходится всегда тратить время на оправдания и на то, чтобы отгораживаться насчет государственного капитализма.

Товарищ Бухарин неправ совершенно; и я скажу в печати об этом, потому что вопрос этот чрезвычайно важен. Сейчас скажу в двух словах о том, что нас упрекали левые коммунисты в том, что у нас замечается уклон в сторону государственного капитализма; теперь же неправильно тов. Бухарин говорит, что при Советской власти не может быть государственного капитализма. Таким образом, он сам себе противоречит, когда говорит, что при Советской власти государственного капитализма быть не может, — это явная нелепость. Целый ряд предприятий и заводов, находящихся под контролем Советской власти и принадлежащих государству, это одно уже показывает переход от капитализма к социализму, и тов. Бухарин не хочет конкретно остановиться на этом, а вспоминает о том, как мы в левом Циммервальде⁹⁸ сидели и писали против него, но это было время царя Гороха, и вспоминать это теперь, полгода спустя после существования Советской власти, и

после опытов, что мы сделали, что могли после того, как экспроприировали, конфисковали и национализировали, после этого вспоминать, что мы писали в 1915 г., — это смешно... Теперь мы не можем не ставить вопроса о государственном капитализме и социализме, о том, как вести себя в переходной эпохе, — тут при Советской власти кусочек капитализма и социализма существует рядом. Этого вопроса т. Бухарин не хочет понять, — и мне думается, что мы не можем его выкинуть сразу, и тов. Бухарин не предлагает выкинуть и не отрицает, что этот государственный капитализм выше того остатка мелкособственных настроений и экономических условий жизни и быта, которые очень велики, и чего не опроверг тов. Бухарин, — да этого и нельзя опровергнуть, не забыв слова: марксист.

И стоять на точке зрения Ге смешно, что пролетариат зачумлен в Европе, что в Германии пролетариат испорчен⁹⁷. Эта точка зрения национальной дикости, такой тупости, что уже и не знаю, куда идти дальше. Пролетариат в Европе несколько не больше зачумлен, чем в России, а трудней там начало революции потому, что там нет во главе власти ни идиотов, вроде Романова, ни хвастунов, вроде Керенского, а есть серьезные руководители капитализма, чего в России не было.

Я перейду, наконец, к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и на мою речь. Попало здесь особенно лозунгу: «грабь награбленное», — лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то — почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов? (А плоды сменты.)

И я думаю, что история нас полностью оправдает, а еще раньше истории становятся на нашу сторону трудящиеся массы; но если лозунг «грабь награбленное» проявил себя без всяких ограничений в деятельности Советов и если окажется, что в таком практическом и коренном вопросе, как голод и безработица, мы натываемся на величайшие трудности, то тут своевременно сказать, что после слов: «грабь награбленное» начинается расхождение между пролетарской революцией, которая говорит: награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть

к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай...

И вот, когда против этого начинают вопить, крича, что — диктатура, начинают вопить о Наполеоне III, о Юлии Цезаре, говорят, что это несерьезность рабочего класса, когда обвиняют Троцкого, тут есть та каша в головах, то политическое настроение, которое выявляется именно мелкобуржуазной стихией, которая протестовала не против лозунга «грабь награбленное», а против лозунга: считай и распределяй правильно. Голода не будет в России, если мы посчитаем хлеб, проверим наличность всех продуктов, и за нарушение установленного порядка будет следовать самая жестокая кара. Вот где расхождение. Это зависит от того положения вещей, что за социалистическую революцию всерьез идет только пролетариат, а что мелкая буржуазия идет к ней колеблясь, что всегда мы видели, что всегда учитывали, и в этом колебании они против нас. Это нас не заставит колебаться, и мы будем продолжать идти своей дорогой в уверенности, что половина пролетариата пойдет за нас, потому что они прекрасно знают, как фабриканты награбленное ограбили только для того, чтобы беднота им не пользовалась.

Все это — словесные кунштюки, что, мол, диктатура, Наполеон III, Юлий Цезарь и т. д. Здесь можно на этот счет пускать песок в глаза, но на местах, на каждой фабрике, в каждой деревне превосходно знают, что мы в этом отстаем, никто оспаривать этого лозунга не будет, каждый знает, что он означает. И что мы направим все наши силы на организацию подсчета, контроля и правильного распределения, в этом также не может быть сомнений.

Бухарин нам говорил: «Я отмежевываюсь от тех, кто меня целует», а их так много, что т. Бухарину не развязаться. Нам не говорят, что предлагают, потому что не знают, что предложить. А вы знаете, что предложить? Я вам делал упреки и в печати и в речах. В вопросе о железнодорожном декрете мы имели удовольствие вспомнить 4 апреля, на что в вашем журнале имеется ссылка, и я говорил, если вы не совсем довольны этим декретом, так дайте нам новый декрет. Но об этом ни звука в номере первом, и во втором номере, корректуру которого мне любезно предоставили на просмотр, — ни звука, и в

речи т. Бухарина тоже ни звука, а совпадение полнейшее. И тов. Бухарин и тов. Мартов садятся на конька — железнодорожный декрет, — и треплют этого конька. Говорят о диктатуре Наполеона III, Юлии Цезаре и т. д., давая материал для ста номеров, которые не будут читать. Вот это поближе немножко. Это касается рабочих и железных дорог. А без железных дорог не только социализма не будет, а просто околеют все с голоду, как собаки, в то время как хлеб лежит рядом. Все это отлично знают. Почему не дали ответа? Вы глаза закрываете. Вы бросаете песок в глаза рабочим — новоизяненцы и меньшевики сознательно, т. Бухарин по ошибке, — вы заслоняете от рабочих главный вопрос, когда говорите о строительстве. Что можно строить без железных дорог? И когда я вижу купца, который говорит мне при каких-нибудь встречах или приеме делегаций, что на такой-то железной дороге замечается улучшение, так мне такая похвала в миллион раз ценнее, чем 20 резолюций коммунистов и каких угодно других и чем разные речи.

И когда деловые люди — инженеры, купцы и т. д. — говорят, что если эта власть хоть немножко, хоть сколько-нибудь сладит с железными дорогами, то мы признаем, что это власть. И эта оценка власти всего важнее. Ибо железные дороги — это гвоздь, это одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм. Чтобы соединить это для планомерной деятельности в интересах всего населения, нужны железные дороги.

Все эти фразы о диктатуре и т. д., в которых все эти Мартовы и Карелины сходились, которые два раза пережевываются кадетской печатью, все они ни к чему.

Я вам назвал в пример те рабочие организации, которые это делают, и государственный капитализм других предприятий, других отраслей промышленности; у табачников, кожевников больше государственного капитализма, чем у других, и больше порядка, и у них более обеспечен путь к социализму. И этого скрыть нельзя, нельзя пускать также такие нелепые фразы, как это делает Ге, насчет того, что винтовкой он заставит каждого. Ведь это полная нелепость и непонимание того, к чему винтовка служит. После этого можно подумать, что винтовка — плохая вещь,

если не плохая вещь голова анархиста Ге. (А плод instruments.) Винтовка очень хорошая вещь, когда нужно было капиталиста, ведущего против нас войну, расстреливать, когда нужно было поймать на воровстве воров и расстреливать. Но когда тов. Бухарин говорил, что есть люди, которые получают 4 000, что их надо поставить к стенке и расстреливать — неправильно. Да их надо найти. Ведь у нас не очень много мест, где получают они по 4 000. Их тянут здесь и там, — специалистов у нас нет, вот в чем гвоздь дела, вот почему нужно привлечь 1 000 людей, первоклассных специалистов в своих отраслях, которые ценят свое дело, которые любят крупное производство, потому что они знают, что тут повышение техники. И когда здесь говорят, что социализм можно взять без выучки у буржуазии, так я знаю, что это психология обитателя Центральной Африки. Мы не представляем себе другого социализма, как основанного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой. Социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшая фраза. Но сразу нельзя вымести буржуазную обстановку и буржуазные привычки, им нужна та организация, на которой стоит вся современная наука и техника. Для этого дела поминать винтовки есть величайшая глупость. От всенародной организованности зависит, чтобы все население платило подоходный налог, чтобы была введена трудовая новинность, чтобы каждый был зарегистрирован; пока он не зарегистрирован, надо, чтобы мы ему платили. Когда Бухарин говорил, что не видит принципа, то это сюда не относится. Маркс предполагал выкуп буржуазии, как класса. Он об Англии писал, когда у Англии не было империализма, когда был возможен мирный переход к социализму, — это совсем не является ссылкой на прежний социализм⁹⁸. Речь идет сейчас не о буржуазии, а о привлечении специалистов. Я назвал пример, можно привести тысячи. Тут просто привлечение людей, которых можно привлечь либо покупкой за высокую плату, либо идейной организацией, ибо вы тут не вычеркнете, что вся плата платится им. Мы знаем из примера, который я привел, — ведь до сих пор вы критиковали лишь молча, и ведь левые эсеры великолепно знают, что жалование платится высокое, знают это левые коммунисты и новожиженцы.

И тут они не критикуют. Вот какая у них истинная критика Советской власти! Когда они наблюдали, что их инженерам начинают платить по полторы тысячи, они об этом — молчок. Гораздо полезнее таким инженерам платить. И тут нет ни Юлия Цезаря, ни диктатуры. Это как раз политическое воспитание народных масс. А если я говорю, что мы начинаем платить по полторы-две тысячи в месяц, это — шаг назад. И тогда на сцену выступают и Юлий Цезарь, и Наполеон III, и Брест-Литовский мир, и все что угодно; а о ваших специалистах, о ваших инженерах ни звука, молчок. И когда говорят, и когда Бухарин говорит, что это не есть нарушение принципа, я говорю, что здесь есть нарушение принципа Парижской Коммуны. Государственный капитализм состоит не в деньгах, а в общественных отношениях. Если мы даем по две тысячи по железнодорожному декрету, это есть государственный капитализм. Если тов. Бухарин давал указания о циммервальдской резолюции 1915 года, то он из этой плохо-переваренной теории не вылезет. Вылезайте, т. Бухарин. Теперь т. Бухарин говорил, что я нападаю на мелкобуржуазную стихию.

Я не нападаю на трудовое крестьянство, говоря о мелкобуржуазной стихии. Оставим трудовое крестьянство — не о нем речь. Но среди крестьянства есть трудовое крестьянство и крестьянство мелкобуржуазное, которое живет как мелкий собственник на чужой счет, трудовое же крестьянство эксплуатируется другими, но оно хочет жить на свой собственный счет. Поэтому, если стали обрушиваться на трудовое крестьянство, то т. Карелин неправ. Беднота крестьянская, которая ничего не выигрывает от грабежей награбленного, она на нашей стороне. Там наши лозунги пройдут. Мы превосходно знаем и наблюдаем, как в деревнях понимают лозунг — грабь награбленное. Если туда пойдут с агитацией о диктатуре и с фразами о Брестском мире и т. д., то люди, возражающие против нас, останутся одиночками и поддержки не получают. Пролетариат, масса крестьянства, разоренного и безнадежного в смысле хозяйства индивидуального, будет на нашей стороне, потому что прекрасно понимает, что простым грабжом Россию удержать нельзя. Нам всем это хорошо известно, и каждый у себя на месте видит это и чувствует это.

Здесь мы идем вместе с экономической потребностью и настроением трудящихся масс. И поэтому, когда деклассированная интеллигенция левых коммунистов раздражается своими громами против нас, то мы должны быть уверенными, что, как бы они нас ни ругали, а этот лозунг социалистической революции — единственно правильный лозунг, который трудящимся массам нужно понять и использовать для того, чтобы мы социалистическую революцию укрепили и завершили. От этого вопроса не отвертись на любом рабочем собрании; вас будут преследовать этим декретом, этим вопросом, мы не претендуем на непогрешимость, у нас много декретов плохих. Исправьте: у вас есть различные журналы и группы литераторов, — скажите, что в железнодорожном декрете есть плохого; мы предлагали это сделать на совещании 4 апреля, а сегодня уже 29 апреля, — прошло 25 дней, а целая группа великолепных литераторов молчит, потому что они сказать ничего не могут.

Вы знаете, что наш железнодорожный декрет ухватил, при всех его ошибках, которые мы готовы исправить, ухватил самую сущность того, что нужно; он опирается на ту массу рабочих, которая верна самой строгой дисциплине, которую нужно объединить единоличной властью, которую Советы назначают и которую Советы смещают и требуют во время работы, во время труда беспрекословного исполнения в процессе, когда нужно, чтобы крупное производство работало, как машина, и чтобы в это время тысячи людей руководились одной только волей, подчинялись бы приказу одного советского руководителя. (Аплодисменты.) И по этому поводу вспоминать Наполеона и Юлия Цезаря это значит — либо сойти с ума, либо окончательно потеряться в строчках цензовой литературы, которая и состоит в том, что ругают большевиков. Железнодорожный декрет, товарищи, это шаг, который показывает, что мы стали на правильный путь, что мы вышли на дорогу. И в своей речи я сообщал вам, почему мы на эту дорогу стали; мы не рассуждали в Совете Народных Комиссаров о Наполеоне великом и Юлии Цезаре, а сотни раз рассуждали о том, как железную дорогу поправить, и мы знаем отзывы с мест, и мы знаем из массы бесед с железнодорожными организациями, что пролетарский элемент за нас, что он ищет дисциплины и ожидает порядка, он видит,

как голодают люди в центре России, а хлеб есть, но вследствие беспорядочности провоза его доставить трудно.

Но если есть колеблющиеся люди, сбитые с толку, с мелкобуржуазным настроением, которых испугала единоличная власть, которые впадают в истерику и не идут с нами, то почему? Потому ли, что есть правое крыло, потому ли, что впали в истерику, особенно левые эсеры, тут полная каша, которую никто не разберет, — и чтобы не вести бесполезных споров, мы говорим: берите коренной вопрос и конкретно к нему подходите.

Когда здесь говорят о примирении с буржуазией, как говорят Карелин и Мартов, то это пустяки. Я напомню вам из авторитетной брошюры Каутского, как он представлял себе жизнь на другой день после социальной революции. Скажу приблизительно, что он писал: организаторам треста не придется сидеть без дела. Это писал человек, понимающий, что организовать десятки миллионов людей для производства и распределения продуктов — это штучка! Мы этому не учились и учиться негде, а организаторы треста знают, что без этого социализма не будет. И нам нужно это знать. И поэтому все фразы о примирении и соглашении с буржуазией — пустая болтовня. Вы не сможете опровергнуть положения Каутского, что крупное производство нужно знать из опыта.

ШЕСТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1. Международное положение Советской республики в высшей степени трудное и критическое, ибо самые глубокие и коренные интересы международного капитала и империализма побуждают его стремиться не только к военному натиску на Россию, но и к соглашению о дележе России и удушении Советской власти.

Только обострение империалистской бойни народов на западе Европы и империалистское соревнование Японии и Америки на Дальнем Востоке парализует или сдерживает эти стремления и то лишь отчасти и лишь на известное, вероятно, короткое время.

Поэтому обязательной тактикой Советской республики должно быть, с одной стороны, крайнее напряжение всех сил для быстрейшего экономического подъема страны, повышения ее обороноспособности, создания могучей социалистической армии; с другой стороны, в международной политике обязательна тактика лавирования, отступления, выжидания до того момента, когда окончательно созреет международная пролетарская революция, зреющая теперь быстрее, чем прежде, в целом ряде передовых стран.

2. В области внутренней политики на очередь дня выдвигается в настоящий момент, согласно резолюции Всероссийского съезда Советов от 15 марта 1918 г., задача организационная. Именно эта задача, в применении к новой и высшей постановке производства и распределения продуктов на базе обобщественного крупного машинного (труда) производства, составляет главное содержание — и главное условие полной победы — социалистической революции, которая начата в России 25-го октября 1917 года.

3. С точки зрения чисто политической, гвоздем момента является то, что задача убедить трудящуюся Россию в правильности программы социалистической революции и задача отвоевать Россию от эксплуататоров для трудящихся являются, в главных и основных чертах, завершенными, и на очередь дня выдвигается главная задача, — как управлять Россией. Организация правильного управления, неуклонного проведения в жизнь постановлений Советской власти — такова насущная задача Советов, таково условие полной победы советского типа государства, каковой тип недостаточно формально декретировать, недостаточно учредить и ввести во всех концах страны, а необходимо еще практически наладить и проверять на регулярной, повседневной работе управления.

4. В области экономического строительства социализма гвоздем момента является то, что наша работа по организации всенародного и всеобъемлющего учета и контроля за производством и распределением продуктов и по введению пролетарского регулирования производства сильно отстала от работы непосредственной экспроприации экспроприаторов — помещиков и капиталистов. Это основной факт, определяющий наши задачи.

Из него вытекает, с одной стороны, что борьба с буржуазией вступает в новый фазис, а именно: центром тяжести становится организация учета и контроля. Только таким путем могут быть закреплены все те экономические завоевания против капитала и все те меры по национализации отдельных отраслей народного хозяйства, которые с октября были нами достигнуты, и только таким путем может быть подготовлено успешное завершение борьбы с буржуазией, т. е. полное упрочение социализма.

Из указанного основного факта вытекает, с другой стороны, объяснение того, почему Советской власти пришлось в известных случаях сделать шаг назад или пойти на компромисс с буржуазными тенденциями. Таким шагом назад и отступлением от принципов Парижской Коммуны было, например, введение высоких жалований для ряда буржуазных специалистов. Таким компромиссом было соглашение с буржуазными кооперативами о шагах и мерах к постепенному привлечению всего населения в кооперативы. Пока пролетарская власть не поставит вполне на ноги всенародного контроля и учета, подобного рода

компромиссы необходимы, и наша задача состоит в том, чтобы, отнюдь не замалчивая перед народом их отрицательных черт, напрягать усилия для улучшения учета и контроля, как единственного средства и пути к полному устранению всяких подобных компромиссов. В настоящий момент подобные компромиссы необходимы, как единственное (при нашем опоздании с учетом и контролем) обеспечение более медленного, но и более прочного движения вперед. При полном проведении учета и контроля за производством и распределением продуктов надобность в таких компромиссах отпадет.

5. На очередь дня становятся в особенности меры повышения трудовой дисциплины и производительности труда. Шаги, начатые уже в этом направлении, особенно профессиональными союзами, должны быть изо всех сил поддержаны, укреплены и усилены. Сюда относится, например, введение сдельной платы, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора, соразмерение заработков с общими итогами работы фабрики или с эксплуатационными результатами жел.-дор. и водного транспорта и т. д. Сюда относится также организация соревнования между отдельными производительными и потребительными коммунами, отбор организаторов и т. п.

6. Диктатура пролетариата является безусловной необходимостью при переходе от капитализма к социализму, и в нашей революции эта истина получила свое полное практическое подтверждение. Но диктатура предполагает действительно твердую и беспощадную в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов, революционную власть, а наша власть слишком мягка. Подчинение, и притом беспрекословное, во время труда, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных советскими учреждениями, снабженных диктаторскими полномочиями (как того требует, например, жел.-дор. декрет), обеспечено еще далеко и далеко недостаточно. Здесь сказывается влияние мелкобуржуазной стихии, стихии мелкобуржуазных привычек, стремлений и настроений, в корне противоречащих пролетарской дисциплинированности и социализму. Все сознательное в пролетариате должно быть устремлено на борьбу с этой мелкобуржуазной стихией, которая находит себе выражение не только прямое (в поддержке буржуазией

и ее прихвостнями: меньшевиками, правыми эсерами и т. п. всякого противодействия пролетарской власти), но и косвенное (в том историческом колебании, которое по главным вопросам политики обнаруживает как мелкобуржуазная партия левых эсеров, так и опускающееся до приемов мелкобуржуазной революционности, подражающее левым эсерам «лево-коммунистическое» течение в нашей партии).

Железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата против мелкобуржуазных шатаний — таков общий и итоговый лозунг момента.

*Написано между 30 апреля и 3 мая
1918 г.*

*Напечатано в 1918 г. в брошюре:
Н. Ленин. «Очередные задачи
Советской власти», изд. ВЦИК*

*Печатается по тексту второго
издания брошюры 1918 г.,
сверенному с рукописью*

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И В ОСОБЕННОСТИ БАНКОВОЙ ПОЛИТИКИ

- I. Доведение до конца национализации промышленности и обмена.
- II. Национализация банков и постепенный переход к социализму.
- III. Принудительное объединение населения в потребительные общества.
{+ Товарообмен}
- IV. Учет и контроль производства и распределения продуктов.
- V. Трудовая дисциплина.
{+ Налоговая политика}

Централизация.

Меры перехода к принудительным текущим счетам или к принудительному держанию денег в банках.

Принудительное объединение населения в потребительные общества и меры перехода к этому.

Условия договора с кооператорами о постепенном переходе их аппарата к объединению всего населения в потребительные общества.

Трудовая повинность, начатая сверху.

Признание безусловно необходимыми и неотложными самых беспощадных мер борьбы с хаосом, беспорядком и бездельем, самых решительных и драконовских мер поднятия дисциплины и самодисциплины рабочих и крестьян.

Превращение Государственного контроля в реальный контроль для создания летучих групп контролеров во всех областях хозяйственной жизни.

Практические условия привлечения к работе буржуазной интеллигенции и саботажников, выражающих желание работать с Советской властью.

Промышленные суды для учета производства, запасов продуктов и производительности труда.

(Немедленно и безусловно.)

1. Доведение до конца национализации промышленности.
2. Постепенный переход к поголовному объединению в потребительные общества и продуктообмен.
3. Банковая политика.
4. Трудовая дисциплина и прочее.
5. Налоговая политика (финансы).

1. Доведение до конца национализации всех фабрик, заводов, железных дорог, средств производства и обмена. Безусловная и беспощадная борьба против синдикалистского и хаотического отношения к национализируемым предприятиям. Настойчивое проведение централизации хозяйственной жизни в общенациональном масштабе. Неуклонное требование предварительных планов и смет, еженедельных отчетов и фактического повышения производительности труда. Создание и испытание на практике аппарата для управления национализируемыми отраслями промышленности.

Написано в апреле 1918 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXI*

Печатается по рукописи

НАБРОСОК ПЛАНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТ⁹⁹

Академии Наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил* России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности *самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов

* Надо ускорить *издание* этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда.

топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию.

Написано в апреле 1918 г.

*Впервые напечатано 4 марта 1924 г.
в газете «Правда» № 52*

Печатается по рукописи

В ЦК РКП

Прошу поставить на порядок дня вопрос об исключении из партии тех ее членов, которые, будучи судьями по делу (2. V. 1918) о взяточниках, при доказанной и признанной ими взятке, ограничились приговором на $\frac{1}{2}$ года тюрьмы¹⁰⁰.

Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок *позорный* для коммуниста и революционера. Подобных товарищей надо *преследовать* судом общественного мнения и *исключать из партии*, ибо им место рядом с Керенскими или Мартовыми, а не рядом с революционерами-коммунистами.

Ленин

4. V. 1918.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXI*

Печатается по рукописи

О «ЛЕВОМ» РЕБЯЧЕСТВЕ И О МЕЛКОБУРЖУАЗНОСТИ

Напечатано 9, 10 и 11 мая 1918 г.
в газете «Правда» №№ 88, 89 и 90
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту брошюры:
Н. Ленин. «Главная задача наших
дней», изд. «Прибой», Москва, 1918,
совершенно с текстом газеты «Правда»
и с текстом брошюры: Н. Ленин
(В. И. Ульянов). «Старые статьи
на близкие к новым темы», Москва,
1922

Выпуск маленькой группой «левых коммунистов» своего журнала «Коммунист»¹⁰¹ (№ 1, 20 апреля 1918) и своих «тезисов» дает превосходное подтверждение сказанному мною в брошюре «об очередных задачах Советской власти»*. Более наглядного подтверждения — в политической литературе — всей наивности той защиты мелкобуржуазной распушенности, которая иногда прячется под «левыми» лозунгами, нельзя было бы и желать. На рассуждениях «левых коммунистов» полезно и необходимо остановиться, ибо они характерны для переживаемого момента; они выясняют необыкновенно отчетливо, с отрицательной стороны, — «гвоздь» этого момента; они поучительны, ибо перед нами лучшие из непонявших момента люди, которые и по знаниям и по преданности стоят много, много выше *дюжинных* представителей одинаковой ошибки, именно, левых эсеров.

I

Как политическая — или претендующая на политическую роль — величина, группа «левых коммунистов» дала нам свои «тезисы о текущем моменте». Это — хороший марксистский обычай, давать связное и цельное изложение основ своих взглядов и своей тактики. И этот хороший марксистский обычай помог разоблачить ошибку наших «левых», ибо одна уже попытка аргументировать — а не декламировать — вскрывает несостоятельность аргументации.

* См. настоящий том, стр. 207—246. Ред.

Прежде всего бросается в глаза обилие кивков, намеков, уверток по поводу старого вопроса о том, правильно ли было заключение Брестского мира. Прямо поставить этот вопрос «левые» не решились, и они барахтаются комично, громоздя один довод на другой, вылавливая соображения, разыскивая всяческие «с одной стороны» и «с другой стороны», растекаются мыслью по всем предметам, и многим прочим, стараясь не видеть, как они побивают сами себя. Цифру: 12 голосов на съезде партии против мира, при 28 за мир, «левые» заботливо приводят, а о том, что из многих сотен голосов на большевистской фракции съезда Советов они собрали менее одной десятой, скромно умалчивают. Создают «теорию», что мир проводили «усталые и деклассированные», против мира «были рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга»... Как не посмеяться над этим? О голосовании Всеукраинского съезда Советов за мир — ни звука, о социальном и классовом характере типично мелкобуржуазного и деклассированного политического конгломерата в России, бывшего против мира (партии левых эсеров), — ни словечка. Чисто ребяческая манера забавными объяснениями «под научность» прикрывать свой крах, прикрывать факты, простая сводка которых показала бы, что именно деклассированные, интеллигентские партийные «вершки» и верхушки оспаривали мир лозунгами революционной мелкобуржуазной фразы, именно *массы* рабочих и эксплуатируемых крестьян провели мир.

Через все указанные заявления и увертки «левых», по вопросу о войне и мире, простая и ясная правда пробивает себе все же дорогу. «Заключение мира — вынуждены признать авторы тезисов — ослабило пока что стремление империалистов к международной сделке» (это изложено не точно у «левых», но останавливаться на неточностях здесь не место). «Заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистскими державами».

Вот это — факт. Вот это имеет *решающее* значение. Вот почему противники заключения мира были объективно игрушкой в руках империалистов, были в их западне. Ибо пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империали-*

лизм, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, не принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою еще более ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах. Этой простой истины не поняли в январе, феврале и марте наши «левые», они боятся признать ее открыто и теперь; она пробивает себе дорогу сквозь все их сбивчивые: «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться».

«В течение ближайшей весны и лета — пишут «левые» в своих тезисах — должно начаться крушение империалистической системы, которое, в случае победы германского империализма в текущем фазисе войны, может быть только отсрочено и выразится тогда в еще более острых формах».

Формулировка здесь еще более ребячески-неточная, несмотря на всю игру в научность. Детям свойственно «понимать» науку так, будто она может определить, в каком году, весной и летом или осенью и зимой «должно» «начаться крушение».

Это смешные потуги узнать то, чего узнать нельзя. Ни один серьезный политик никогда не скажет, когда «должно начаться» то или иное крушение «системы» (тем более, что крушение системы уже началось, а речь идет о моменте взрыва в отдельных странах). Но через детскую беспомощность формулировки пробивает себе дорогу бесспорная истина: взрывы революции в других, более передовых, странах ближе к нам теперь, месяц спустя после открывшейся с момента мира «передышки», чем они были месяц, полтора тому назад.

Значит?

Значит, были вполне правы и оправданы уже историей сторонники мира, втолковывавшие любителям эффектного, что надо уметь рассчитать соотношение сил и не помогать империалистам, облегчая им бой с социализмом, когда социализм еще слаб и когда шансы боя для социализма заведомо невыгодны.

Но о соотношении сил, об учете соотношения сил наши «левые» коммунисты, — которые любят также называть себя «пролетарскими» коммунистами, ибо у них особенно мало пролетарского и особенно много мелкобуржуазного, — не умеют думать. В этом гвоздь марксизма и

марксистской тактики, а они проходят мимо «гвоздя» с «горделивыми» фразами, вроде следующей:

...«Закрепление в массах бездеятельной «психологии мира» есть объективный факт политического момента»...

Ведь это же прямо перл! После трехлетней мучительнейшей и реакционнейшей из войн, народ получил, благодаря Советской власти и ее правильной, не сбивающейся на фразерство, тактике, маленькую-маленькую, совсем маленькую, непрочную и далеко не полную передышку, а «левые» интеллигентики, с великолепием влюбленного в себя Нарцисса, глубокомысленно изрекают: «закрепление (!!!) в массах (???) бездеятельной (!!!???) психологии мира». Разве не прав я был, когда сказал на партийном съезде, что газете или журналу «левых» следовало бы называться не «Коммунист», а «Шляхтич»?*

Разве может коммунист, сколько-нибудь понимающий условия жизни и психологию трудящихся, эксплуатируемых масс, скатываться до этой точки зрения типичного интеллигента, мелкого буржуа, деклассированного, с настроением барича или шляхтича, которая «психологию мира» объявляет «бездеятельной», а маханье картонным мечом считает «деятельностью»? Ибо это именно есть маханье картонным мечом, когда наши «левые» обходят общеизвестный и еще раз доказанный войной на Украине факт, что измученные трехлетней бойней народы воевать без передышки не могут, что война, если ее нет сил организовать в национальном масштабе, порождает сплошь да рядом психологию мелкобуржуазного развала, а не пролетарской железной дисциплины. Мы видим из журнала «Коммунист» на каждом шагу, что наши «левые» понятия не имеют о пролетарской железной дисциплине и ее подготовке, что они насквозь пропитаны психологией деклассированного мелкобуржуазного интеллигента.

II

Но, может быть, фразы «левых» о войне просто ребяческий задор, обращенный притом к прошлому и потому ни тени политического значения не имеющий? Так защищают некоторые наших «левых». Но это неверно. Если претендовать на политическое руководство, надо уметь

* См. настоящий том, стр. 82. Ред.

продумать политические задачи, а отсутствие этого превращает «левых» в бесхарактернейших проповедников шатания, имеющего объективно только одно значение: своими шатаниями «левые» *помогают* империалистам спровоцировать Российскую Советскую республику на заведомо невыгодный для нее бой, *помогают* империалистам затащить нас в западню. Слушайте:

...«Российская рабочая революция не может «сберечь себя», сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая перед натиском международного капитала, делая уступки «отечественному капиталу».

С этой точки зрения необходимы: решительная классовая международная политика, соединяющая международную революционную пропаганду словом и делом, и укрепление органической связи с международным социализмом (а не с международной буржуазией)»...

Об имеющихся здесь выпадах в область внутренней политики будет речь особо. Но посмотрите на этот разгул фразы — вместе с робостью на деле — в области политики внешней. Какая тактика *обязательна* для всякого, кто не хочет быть орудием империалистской провокации и лезть в западню в *данный* момент? На этот вопрос всякий политик должен дать ясный, прямой ответ. Ответ нашей партии известен: в *данный* момент *отступать*, избегать боя. Наши «левые» не решаются сказать обратного и стреляют в воздух: «решительная классовая международная политика»!!

Это — обман масс. Хотите воевать сейчас, так говорите это прямо. Не хотите *отступать* сейчас, так говорите прямо. Иначе вы — орудие империалистской провокации, по вашей объективной роли. А субъективная ваша «психология» есть психология вабесившегося мелкого буржуа, который хорохорится и хвастает, но прекрасно чувствует, что пролетарий *прав*, отступая и стараясь отступить организовано; — пролетарий *прав*, рассчитывая, что, пока сил еще нет, надо отступать (перед западным и восточным империализмом) хотя бы до Урала, ибо это *единственный* шанс выигрыша для периода назревания революции на Западе, революции, которая не «должна» (вопреки болтовне «левых») начаться «весной или летом», но которая с *каждым* месяцем становится все ближе и вероятнее.

«Своей» политики у «левых» нет; объявить отступление *сейчас* ненужным они *не смеют*. Они вертятся и виляют, играя словами, подсовывают вопрос о «непрерывном» избегании боя, на место вопроса об избегании боя *в данный момент*. Они пускают мыльные пузыри: «международная революционная пропаганда делом»!! Что это значит?

Это может значить только одно из двух: либо это воздревщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такого вздора нельзя, а потому и приходится «левым» коммунистам спасаться от осмеяния их всяким сознательным пролетарием под сень громкозвучащих и пустейших фраз: авось, дескать, невнимательный читатель не заметит, что это собственно такое значит: «международная революционная пропаганда делом».

Швыряться звонкими фразами — свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии-коммунисты за эту «манеру» будут карать, наверное, не меньше, как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста. Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо: возможно и даже вероятно, что военная партия возьмет еще раз верх в Германии (в смысле перехода тотчас в наступление на нас) и что Германия вместе с Японией, по формальному или молчаливому соглашению, будут делить и душить нас. Наша тактика, если мы не хотим слушать крикунов: выжидать, оттягивать, избегать боя, отступать. Если мы отбросим прочь крикунов и «подтянемся», создав действительно железную, действительно пролетарскую, действительно коммунистическую дисциплину, то мы имеем серьезные шансы выиграть много месяцев. И тогда, отступая даже (на худой из худых концов) до Урала, мы *облегчаем* нашему союзнику (международному пролетариату) возможность придти к нам на помощь, возможность «покрыть» (выражаясь спортивным языком) расстояние, отделяющее начало революционных взрывов от революции.

Такая и только такая тактика на деле укрепляет связь одного, оказавшегося на время изолированным, отряда международного социализма с прочими отрядами, а у вас, любезные «левые коммунисты», получается, по правде сказать, только «укрепление органической связи» одной

звонкой фразы с другой звонкой фразой. Плохая это «органическая связь»!

И я вам объясню, любезные, почему это несчастье с вами случилось: потому, что вы лозунги революции более заучиваете и запоминаете, чем продумываете. От этого вы слова «оборона социалистического отечества» ставите в кавычки, которые, вероятно, должны означать ваше покушение на иронию, но которые на деле показывают именно кашу в голове. Вы привыкли считать «оборончество» вещью гнусной и гадкой, вы запомнили и заучили это, вы твердили это наизусть до того усердно, что некоторые из вас договаривались до нелепости, будто защита отечества в империалистскую эпоху есть вещь недопустимая (на деле она недопустима лишь в империалистской, реакционной войне, ведомой буржуазией). Но вы не продумали, почему и когда гнусно «оборончество».

Признавать защиту отечества это значит признавать законность и справедливость войны. Законность и справедливость с какой точки зрения? Только с точки зрения социалистического пролетариата и его борьбы за свое освобождение; другой точки зрения мы не признаем. Если войну ведет класс эксплуататоров в целях укрепления своего господства, как класса, это — преступная война и «оборончество» в такой войне есть гнусность и предательство социализма. Если войну ведет пролетариат, победивший у себя буржуазию, ведет в интересах укрепления и развития социализма, тогда война законна и «священна».

Мы — оборонцы после 25 октября 1917 г. Я говорил это не раз с полной определенностью, и оспорить этого вы не решаетесь. Именно в интересах «укрепления связи» с международным социализмом *обязательно* оборонять *социалистическое* отечество. Разрушает связь с международным социализмом тот, кто стал бы относиться легкомысленно к обороне страны, в которой победил уже пролетариат. Когда мы были представителями угнетенного класса, мы не относились легкомысленно к защите отечества в империалистской войне, мы принципиально отрицали такую защиту. Когда мы стали представителями господствующего класса, начавшего организовывать социализм, мы требуем от всех *серьезного* отношения к обороне страны. Серьезно относиться к обороне страны это значит

основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны является *отступление в глубь страны* (тот, кто увидал бы в этом, на данный только случай, притянутую формулу, может прочесть у старика Клаузевица¹⁰², одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории на этот счет). А у «левых коммунистов» нет и намека на то, чтобы они понимали значение вопроса о соотношении сил.

Когда мы были принципиально врагами оборончества, мы имели право высмеивать тех, кто хотел «сберечь» свое отечество в интересах будто бы социализма. Когда мы получили право быть пролетарскими оборонцами — вся постановка вопроса в корне меняется. Нашим долгом становится осторожнейший учет сил, тщательнейшее взвешивание того, успеет ли подойти наш союзник (международный пролетариат). Интерес капитала — разбить врага (революционный пролетариат) по частям, пока еще не соединились (на деле, т. е. начав революцию) рабочие всех стран. Интерес наш — сделать все возможное, использовать даже малейший шанс, чтобы оттянуть решительный бой до момента (или «до после» момента) такого объединения революционных отрядов одной великой международной армии.

III

Переходим к злоключениям наших «левых» коммунистов в области внутренней политики. Трудно без улыбки читать такие фразы в тезисах о *текущем* моменте:

...«Планомерное использование уцелевших средств производства мыслимо только при самом решительном обобществлении»... «не капитуляция перед буржуазией и ее мелкобуржуазными интеллигентскими приспешниками, а добивание буржуазии и окончательная ломка саботажа»...

Милые «левые коммунисты», как много у них решительности... и как мало размышления! Что это значит: «самое решительное обобществление»?

Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода *от* национализации и конфискации

к обобществлению. В том-то и беда наших «левых», что они этим наивным, ревяческим сочетанием слов: «самое решительное... обобществление» обнаруживают полное непонимание ими гвоздя вопроса, гвоздя «текущего» момента. В том-то и злословие «левых», что они не заметили самой сути «текущего момента», перехода от конфискаций (при проведении коих главным качеством политика является решительность) к обобществлению (для проведения коего требуется от революционера *иное* качество).

Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого уменья нельзя*.

Нашей исторической заслугой было то, что мы были вчера (и будем завтра) решительны в конфискациях, в добывании буржуазии, в ломке саботажа. Сегодня писать об этом в «тезисах текущего момента» значит повернуться лицом к прошлому и не понять перехода к будущему.

...«Окончательная ломка саботажа»... Нашли задачу! Да саботажники у нас совершенно достаточно «сломлены». Нехватает нам совсем, совсем иного: *подсчета* того, куда и каких саботажников поставить должно, организации *своих* сил для надзора, скажем, одного большевистского руководителя или контролера за сотней идущих к нам на службу саботажников. При таком положении дел швыряться фразами «самое решительное обобществление», «добывание», «окончательная ломка» значит попадать пальцем в небо. Мелкобуржуазному революционеру свойственно не замечать, что для социализма недостаточно добывания, ломки и пр., — этого достаточно для мелкого собственника, взбесившегося против крупного, — но пролетарский революционер никогда не впал бы в такую ошибку.

Если слова, приведенные нами, вызывают улыбку, то прямо уже гомерический смех вызывает открытие, сделанное «левыми коммунистами», будто Советской республике,

при «правобольшевистском уклоне», грозит «эволюция в сторону государственного капитализма». Вот уже подлинно, можно сказать, напугали! И с каким усердием повторяют «левые коммунисты» и в тезисах, и в статьях это грозное открытие...

А того не подумали, что государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется «левый коммунист» от этих слов, и какую «убийственную критику» направит он перед рабочими против «правобольшевистского уклона». Как? В Советской *социалистической* республике переход к государственному *капитализму* был бы шагом вперед?.. Это ли не замена социализму?

Именно здесь лежит корень *экономической* ошибки «левых коммунистов». Именно на этом пункте надо поэтому подробнее остановиться.

Во-первых, «левые коммунисты» не поняли, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться социалистической республикой Советов.

Во-вторых, они обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что *не видят* мелкобуржуазной стихии, как *главного* врага социализма у нас.

В-третьих, выдвигая пугало «государственного капитализма», они обнаруживают непонимание Советского государства в его экономическом отличии от буржуазного государства.

Рассмотрим все эти три обстоятельства.

Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими.

Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

- 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;
- 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);
- 3) частнохозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия! Большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприятия и торговцы, буржуазные кооператоры) срывают у нас то здесь, то там *спекулянты*, и главным предметом спекуляции является *хлеб*.

Главная борьба разворачивается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий, вроде «государственный капитализм»? Между 4-ой и 5-ой ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против *всякого* государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это — совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень экономической ошибки «левых коммунистов». Спекулянт, мародер торговли, срыватель

монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционером, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами декламации, то теперь чисто-фразерское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эсеров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляцизм есть мелкособственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частнохозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни.

Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелкобуржуазными предрассудками. Именно таковы наши «левые коммунисты», которые на словах (и в своем искреннейшем убеждении, конечно) беспощадные враги мелкой буржуазии, а на деле ей только и помогают, ей только и служат, ее только точку зрения и выражают, воюя — в апреле 1918 года! — против... «государственного капитализма»! Попали пальцем в небо!

Мелкий буржуа имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных «правдами» и особенно неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный, как основа спекуляции и частнохозяйственного капитализма. Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников, крепко держа это свидетельство, прячет его от «государства», ни в какой социализм и коммунизм не веря, «отсизживаясь» от пролетарской бури. Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит

вопрос. Одни левые эсеры за фразерством о «трудовом» крестьянстве не видят этой простой и ясной правды, но кто же берет всерьез потонувших в фразерстве левых эсеров?

Мелкий буржуа, хранящий тыщонки, враг государственного капитализма, и эти тыщонки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тыщенок дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство. Допустим, что известное число рабочих дает в несколько дней сумму ценностей, выражаемую цифрой 1000. Допустим, далее, что 200 из этой суммы пропадает у нас вследствие мелкой спекуляции, всяческого хищения и мелкособственнического «обхода» советских декретов и советских распоряжений. Всякий сознательный рабочий скажет: если бы я мог дать 300 из тысячи, ценою создания большего порядка и организации, я бы охотно отдал триста вместо двухсот, ибо при Советской власти уменьшить потом эту «дань», скажем, до ста или до пятидесяти, будет совсем легкой задачей, раз порядок и организация будут налажены, раз мелкособственнический срыв всякой государственной монополии будет окончательно сломлен.

Этим простым цифровым примером, — который умышленно упрощен до последней степени для популярного изложения, — поясняется соотношение теперешнего положения, государственного капитализма и социализма. У рабочих в руках власть в государстве, у них полнейшая юридическая возможность «взять» всю тысячу, т. е. ни копейки не отдать без социалистического назначения. Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма.

Но многими путями мелкособственническая и частнокапиталистическая стихии подрывают юридическое положение, протаскивают спекуляцию, срывают выполнение советских декретов. Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед, *даже если бы* (и я нарочно взял такой цифровой пример, чтобы резко показать это) мы заплатили *больше*, чем теперь, ибо заплатить «за науку» стоит, ибо это полезно для рабочих, ибо победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелкособственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас

(если мы не победим ее) *безусловно*, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму. Рабочий класс, научившийся тому, как отстоять государственный порядок против мелкособственнической анархичности, научившийся тому, как наладить крупную, общегосударственную организацию производства, на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда, — извините за выражение, — все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено.

Государственный капитализм *экономически* несравненно выше, чем наша теперешняя экономика, это во-первых.

А во-вторых, в нем нет для Советской власти ничего страшного, ибо Советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты. «Левые коммунисты» не поняли этих бесспорных истин, которых, *вообще*, не понять никогда «левому эсеру», не умеющему связать в голове вообще никаких мыслей по политической экономии, но которые *вынужден* будет признать всякий марксист. С левым эсером не стоит и спорить, на него достаточно показать пальцем, как на «отталкивающий пример» пустомели, но с «левым коммунистом» спорить *надо*, ибо тут ошибку делают марксисты, и разбор их ошибки поможет *рабочему классу* найти верный путь.

IV

Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерски-буржуазному империализму*. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место *государства* военного, юнкерского, буржуазного, империалистского, *тоже государство*, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство *советское*, т. е. пролетарское, и вы получите *всю* ту сумму условий, которая дает социализм.

Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации,

подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые *даже* этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эсеров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор.

Социализм немислим, вместе с тем, без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. И история (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что *родила* к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны.

Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий *всякого...* цыпленка), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями, — конечно, если масштаб «трудного» брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Пока в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Если есть люди среди анархистов и левых эсеров (я нечаянно вспомнил речи Карелина и Ге в ЦИК), которые способны понарциссовски рассуждать, что-де не пристало нам, революционерам, «учиться» у немецкого империализма, то надо сказать одно: погибла бы безнадежно (и вполне заслуженно) революция, берущая всерьез таких людей.

В России преобладает сейчас как раз мелкобуржуазный капитализм, от которого *и* к государственному крупному капитализму *и* к социализму ведет *одна и та же*

дорога, ведет путь *через одну и ту же* промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов». Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением «капитализма» «социализму» и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас. В скобках будь сказано, это та же самая теоретическая ошибка, которая сбила с толку лучших из людей лагеря «Новой Жизни» и «Впереда»: худшие и средние из них по тупости и бесхарактерности плетутся в хвосте буржуазии, запуганные ею; лучшие — не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества, причем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство.

Именно потому, что от теперешнего экономического положения России нельзя идти вперед, не проходя через то, что *обще* и государственному капитализму и социализму (всенародный учет и контроль), пугать других и самих себя «эволюцией *в сторону* государственного капитализма» («Коммунист» № 1, стр. 8, столб. 1), есть сплошная теоретическая нелепость. Это значит как раз растекаться мыслью «в сторону» от действительной дороги «эволюции», не понимать этой дороги; на практике же это равносильно тому, чтобы тянуть назад к мелкобуржуазному капитализму.

Дабы читатель убедился, что «высокая» оценка государственного капитализма дается мной вовсе не теперь только, а давалась и *до* взятия власти большевиками, я позволю себе привести следующую цитату из моей брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в сентябре 1917 г.:

...«Попробуйте-ка подставить *вместо* юнкерски-капиталистического, вместо помещичьи-капиталистического государства государство *революционно-демократическое*, т. е. революционно разрушающее *всякие* привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный

демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!

...Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии.

...Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» (стр. 27 и 28)*.

Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь *не* о диктатуре пролетариата, *не* о социалистическом государстве, а о «революционно-демократическом». Неужели не ясно, что, *чем выше* мы поднялись над этой политической ступенькой, *чем полнее* мы воплотили в Советах социалистическое государство и диктатуру пролетариата, *тем менее* нам позволительно бояться «государственного капитализма»? Неужели не ясно, что *в материальном, экономическом, производственном смысле* мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь?

С какой стороны ни подходишь к вопросу, вывод один и тот же: рассуждение «левых коммунистов» о грозящем нам будто бы «государственном капитализме» есть сплошная экономическая ошибка и явственное доказательство полного их пленения именно мелкобуржуазной идеологией.

V

Крайне поучительно еще следующее обстоятельство.

Когда мы спорили в ЦИК с товарищем Бухариным**, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованьях специалистам «мы» (очевидно: мы, «левые коммунисты») «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды»¹⁰³ (именно от банды

* См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 332, 333. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 278. *Ред.*

капиталистов, т. е. *выкупить* у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства).

Это чрезвычайно интересное замечание вскрывает, во-первых, что Бухарин двумя головами выше левых всеров и анархистов, что он вовсе не безнадежно погряз во фразах, а, напротив, старается вдуматься в *конкретные* трудности перехода — мучительного и тяжелого перехода — от капитализма к социализму.

Во-вторых, это замечание вскрывает еще нагляднее ошибку Бухарина.

В самом деле. Вдумайтесь в мысль Маркса.

Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о культурнациональном периоде домонополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военной и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочимп. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как *часто* и *сильно* будет она меняться в ходе переворота.

Ну, а в Советской России, *после* взятия власти пролетариатом, *после* подавления военного и саботажнического сопротивления эксплуататоров, — неужели не очевидно, что *некоторые* условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: (1) полнейшим преобладанием рабочих, пролетариев, в населении вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); (2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первой в мире страной в указанном отношении); (3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; (4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов

Англии — тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии) — к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности *мирного* подчинения капиталистов Англии ее рабочим.

У нас это подчинение в данный момент обеспечено известными коренными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажнического сопротивления капиталистов). У нас, *вместо* полнейшего преобладания рабочих, пролетарией, в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро раворенным крестьянством. У нас, наконец, нет ни высокой культурности, ни привычки к компромиссам. Если продумать эти конкретные условия, то станет ясно, что мы можем и должны добиться теперь *соединения* приемов беспощадной расправы* с капиталистами некультурными, ни на какой «государственный капитализм» не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, *о приемах компромисса* или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на «государственный капитализм», способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов *крупнейших* предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятков миллионов людей.

Бухарин — превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*,

* Надо и здесь посмотреть правде в лицо: беспощадности, необходимой для успеха социализма, у нас все еще мало, и мало не потому, что нет решительности. Решительности у нас довольно. А нет умения *поймать* достаточно быстро достаточное количество спекулянтов, мародеров, капиталистов — *варушителей* советских мероприятий. Ибо это «уменьше» создается лишь *организацией* учета и контроля! Во-вторых, нет достаточной твердости в судах, которые, вместо расстрела ваяточников, назначают им полгода тюрьмы. Оба недостатка наши имеют один социальный корень: влияние мелкобуржуазной стихии, ее дряблость.

выкупить их, *если* (в виде исключения: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа.

Но Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России, — момента как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, *спереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма. Не ясно ли, что из этого своеобразного положения вытекает для данного момента именно необходимость своеобразного «выкупа», который рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым идти на службу к Советской власти и добропорядочно помогать налаживанию крупного и крупнейшего «государственного» производства? Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двоякого рода ошибок, из которых каждая по-своему мелкобуржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власть. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества, что только путем ряда попыток, — из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создастся цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы революционную работу не способны.

К счастью, история развития революционных партий и борьбы большевизма с ними оставила нам в наследство резко очерченные типы, из коих левые эсеры и анархисты

иллюстрируют собой тип плохоньких революционеров достаточно наглядно. Они кричат теперь — до истерики, захлебываясь, криком кричат — против «соглашательства» «правых большевиков». Но подумать они не умеют, *чем* плохо было *и за что* по справедливости осуждено историей и ходом революции «соглашательство».

Соглашательство времен Керенского отдавало власть империалистской буржуазии, а вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Соглашательство части большевиков в октябре — ноябре 1917 года либо боялось взятия власти пролетариатом, либо хотело *делить* власть поровну не только с «ненадежными попутчиками» вроде левых эсеров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном: в разгоне Учредилки, в беспощадном сокрушении Богаевских, в полном проведении советских учреждений, в каждой конфискации.

Теперь власть взята, удержана, укреплена в руках одной партии, партии пролетариата, даже без «ненадежных попутчиков». Говорить теперь о соглашательстве, когда нет и быть не может даже речи о разделе *власти*, об отказе от диктатуры пролетариев против буржуазии, значит просто повторять, как сорока, заученные, но непонятые слова. Называть «соглашательством» то, что, придя в положение, когда мы можем и должны управлять страной, мы стараемся привлечь к себе, не жалея денег, культурнейшие из капитализмом обученных элементов, их взять на службу против мелкобуржуазного распада, это значит вовсе не уметь думать об экономических задачах строительства социализма.

И потому — как ни хорошо аттестует тов. Бухарина то обстоятельство, что он сразу «устыдился» в ЦИК той «услуги», которую оказали ему Карелины и Ге, — все же по отношению к *течению* «левых коммунистов» остается серьезным предостережением указание на их политических соратников.

Вот вам «Знамя Труда», орган левых эсеров, в № от 25 апреля 1918 г. гордо заявляющее: «Нынешняя позиция нашей партии солидаризируется с другим течением в большевизме (Бухариным, Покровским и др.)». Вот вам меньшевистский «Вперед» от того же числа, содержащий, между прочим, следующий «тезис» небыизвестного меньшевика Иссува:

«Чуждая с самого начала истинно-пролетарского характера политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер. Под флагом национализации промышленности проводится политика насаждения промышленных трестов, под флагом восстановления производительных сил страны делаются попытки уничтожения восьмичасового рабочего дня, введения сдельной заработной платы и системы Тэйлора, черных списков и волчьих паспортов. Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Не правда ли, великолепно?

Друзья Керенского, ведшие вместе с ним империалистическую войну во имя тайных договоров, обещавших аннексии русским капиталистам, коллеги Церетели, собравшегося 11 июня обезоружить рабочих, Либерданы, которые власть буржуазии прикрывали звонкими фразами, они, они изобличают Советскую власть в «соглашении с буржуазией», в «насаждении трестов» (т. е. именно в насаждении «государственного капитализма!»), в введении системы Тэйлора.

Да, Исуву надо поднести медаль от большевиков, а его тезис выставить в каждом рабочем клубе и союзе, как образчик *провокационных речей буржуазии*. Рабочие знают теперь хорошо, по опыту знают повсюду Либерданов, Церетели, Исувов, и внимательное размышление о том, почему *подобные лакеи буржуазии* провоцируют рабочих на сопротивление системе Тэйлора и «насаждению трестов», будет архиполезно для рабочих.

Сознательные рабочие будут вдумчиво сопоставлять «тезис» друга господ Либерданов и Церетели, Исува, с следующим тезисом «левых коммунистов»:

«Введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов в производстве, не может существенно увеличить производительность труда, но оно понизит классовую самостоятельность, активность и организованность пролетариата. Оно грозит закрепощением рабочего класса, возбудит недовольство как отсталых слоев, так и авангарда пролетариата. Для проведения этой системы в жизнь, при господствующей

в пролетарской среде ненависти против «саботажников капиталистов», коммунистической партии пришлось бы опереться на мелкую буржуазию против рабочих и тем погубить себя, как партию пролетариата» («Комм.» № 1, стр. 8, столб. 2).

Вот нагляднейшее доказательство того, как «левые» попали в ловушку, поддались на провокацию Исуов и других иуд капитализма. Вот — хороший урок рабочим, знающим, что именно авангард пролетариата стоит за введение трудовой дисциплины, что именно мелкая буржуазия больше всего лезет из кожи для разрушения этой дисциплины. Такие речи, как приведенный тезис «левых», есть величайший позор и полное отречение от коммунизма на деле, полный переход на сторону именно мелкой буржуазии.

«В связи с восстановлением руководства капиталистов», вот какими словами думают «защищаться» «левые коммунисты». Никуда не годная защита, ибо «руководительство» капиталистам дается Советской властью, во-первых, при наличии рабочих комиссаров или рабочих комитетов, следящих за каждым шагом руководителя, учащихся на его руководительском опыте, имеющих возможность не только обжаловать распоряжения руководителя, но сместить его через органы Советской власти. Во-вторых, «руководительство» капиталистам дается для исполнительных функций, на время работы, условия которой определены именно Советской властью и ею же отменяются и пересматриваются. В-третьих, «руководительство» капиталистам дается Советской властью не как капиталистам, а как специалистам-техникам или организаторам за высшую оплату труда. И рабочие прекрасно знают, что организаторы действительно крупных и крупнейших предприятий, трестов или других учреждений, на девяносто девять сотых принадлежат к классу капиталистов, как и первоклассные техники, — но именно их мы, пролетарская партия, должны брать в «руководители» процесса труда и организации производства, ибо иных, знающих это дело из практики, из опыта, людей нет. Ибо рабочие, вышедшие из младенческого возраста, когда их могла сбивать «левая» фраза или мелкобуржуазная распушенность, идут к социализму именно через капиталистическое руководство трестами, через

крупнейшее машинное производство, через предприятия с оборотами в несколько миллионов в год, — только через такие производства и предприятия. Рабочие — не мелкие буржуа. Они не боятся крупнейшего «государственного капитализма», они его ценят, как их, *пролетарское*, орудие, которое их, *Советская*, власть употребит в дело против мелкособственнического распада и развала.

Этого не понимают лишь деклассированные и потому насквозь мелкобуржуазные интеллигенты, типом которых в группе «левых коммунистов» и в их журнале выступает Осинский, когда он пишет:

... «*Вся инициатива в деле организации и руководства предприятием будет принадлежать «организаторам трестов»: ведь мы не учиться их хотим, не делать их рядовыми работниками, а учиться у них» («Комм.» № 1, стр. 14, столб. 2).*

Потуги на иронию в этой фразе направлены против моих слов: «*учиться социализму у организаторов трестов.*»

Осинскому это смешно. Он хочет организаторов трестов сделать «*рядовыми работниками.*» Если бы это писал человек такого возраста, про который поэт сказал: «*Пятнадцать только лет, не более того?*»...¹⁰⁴ — тогда бы удивляться было нечему. Но от марксиста, учившегося тому, что социализм невозможен без использования завоеваний техники и культуры, достигнутых крупнейшим капитализмом, слышать такие речи несколько странно. От марксизма тут не осталось ничего.

Нет. Коммунистами достойны называться лишь те, кто понимает, что создать, или ввести социализм, *не участь* у организаторов треста, *нельзя.* Ибо социализм не есть выдумка, а есть усвоение пролетарским авангардом, завоевавшим власть, усвоение и применение того, что создано трестами. Нам, партии пролетариата, *неоткуда* взять умения организовать крупнейшее производство, по типу трестов, как тресты, — *неоткуда*, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма.

Их нам учить нечему, если не задаваться ребяческой целью «*учить*» буржуазных интеллигентов социализму: их надо не учить, а экспроприировать (что в России достаточно «*решительно*» делается), их саботаж надо *слобить*, их надо, как слой или группу, *подчинить* Советской власти. У них же нам, — если мы коммунисты не ре-

бьяческого возраста и не ребяческого понимания, — у них нам надо учиться, и есть чему учиться, ибо *опыта* самостоятельной работы по налажению крупнейших, десятки миллионов населения обслуживающих, предприятий у партии пролетариата и у авангарда пролетариата *нет*.

И лучшие рабочие России поняли это. Они начали учиться у капиталистов-организаторов, у инженеров-руководителей, у техников-специалистов. Они начали твердо и осторожно с более легкого, постепенно переходя к труднейшему. Если в металлургии и в машиностроении дело идет медленнее, то это потому, что оно труднее. А рабочие текстили, табачники, кожевники не боятся, как деклассированные мелкобуржуазные интеллигенты, «государственного капитализма», не боятся «учиться у организаторов трестов». Эти рабочие в центральных руководящих учреждениях, типа «главки» или «центротекстиля», сидят рядом с капиталистами, *учатся у них*, налаживают тресты, налаживают «государственный капитализм», при Советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма.

Такая работа передовых рабочих России, наряду с их работой по введению трудовой дисциплины, пошла и идет, не шумно, не ярко, без звона и треска, необходимого для некоторых «левых», с громадной осторожностью и постепенностью, с учетом уроков практики. В этой тяжелой работе, работе практического *ученья* строить крупнейшее производство, залог того, что мы на верном пути, — залог того, что сознательные рабочие России ведут борьбу против мелкобуржуазного распада и развала, против мелкобуржуазной недисциплинированности*, залог победы коммунизма.

VI

В заключение — два замечания.

Когда мы спорили с «левыми коммунистами» 4 апреля 1918 г. (см. № 1 «Комм.», стр. 4, прим.), я в упор поставил им вопрос: попробуйте объяснить, чем вы недовольны

* Крайне характерно, что у авторов тезисов нет ни слова о значении *диктатуры* пролетариата в экономической области жизни. Они говорят только «об организованности» и т. п. Но это признает и мелкий буржуа, чурающийся именно *диктатуры* рабочих в экономических отношениях. Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма.

в железнодорожном декрете, дайте *ваши* исправления его. Это — *ваш* долг, как советских руководителей пролетариата, иначе *ваши* слова сводятся к фразе.

Вышел 20 апреля 1918 г. «Коммунист» № 1 — в нем *ни слова* о том, как бы надо, по мнению «левых коммунистов», изменить или исправить ж.-д. декрет.

Этим молчанием «левые коммунисты» осудили себя сами. Они ограничились вылазками-намекami *против* ж.-д. декрета (стр. 8 и 16 в № 1), но ничего членораздельного на вопрос: «как же исправить декрет, если он неверен?» *не дали*.

Комментарии излишни. *Такую* «критику» ж.-д. декрета (образца нашей линии, линии твердости, линии диктатуры, линии пролетарской дисциплины) сознательные рабочие назовут либо «исувовской», либо фразой.

Другое замечание. В № 1 «Коммуниста» напечатана очень лестная для меня рецензия т. Бухарина на мою брошюру «Государство и революция». Но, как ни ценен мне отзыв людей вроде Бухарина, я должен по совести сказать, что *характер* рецензии обнаруживает печальный и знаменательный факт: Бухарин смотрит на задачи пролетарской диктатуры, повернувшись лицом к *прошлому*, а не к будущему. Бухарин заметил и подчеркнул то, что может быть общего в вопросе о государстве у пролетарского и мелкобуржуазного революционера. Бухарин «не заметил» как раз того, что отделяет первого от второго.

Бухарин заметил и подчеркнул, что старый государственный аппарат надо «разбить», «взорвать», что буржуазию надо «додушить» и т. п. Взбесившийся мелкий буржуа тоже может хотеть этого. И это, в главных чертах, *уже* сделала революция наша с октября 1917 г. по февраль 1918 г.

Но чего не может хотеть даже самый революционный мелкий буржуа, чего хочет сознательный пролетарий, чего *еще не* сделала наша революция, об этом также говорится в моей брошюре. И об этой задаче, задаче завтрашнего дня, Бухарин промолчал.

А я тем более имею оснований об этом не молчать, что, во-первых, от коммуниста следует ждать большего внимания к задачам завтрашнего, а не вчерашнего дня, а, во-вторых, моя брошюра писана *до* взятия власти большевиками, когда большевиков нельзя было угощать

вульгарно-мещанским соображением: «ну, *после того*, как захватили власть, *конечно*, запели о дисциплине»...

...«Социализм будет перерастать в коммунизм... ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без принуждения» («Гос. и рев.», стр. 77—78*. Об «элементарных условиях» речь шла, следовательно, *до* взятия власти).

...«Только тогда демократия начнет отмирать»... когда «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» (там же, стр. 84** ; о «прописях» речь шла *до* взятия власти).

...«Высшая фаза развития коммунизма» (каждому по потребностям, каждый по способностям) «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного зря, вроде как бурсаки у Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного» (там же, стр. 91)***.

...«До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления»... (там же).

...«Учет и контроль — вот главное, что требуется для налажения, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества» (там же, стр. 95)****. И контроль этот надо наладить не только за «ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки», но и за теми из рабочих, которые «глубоко развращены капитализмом» (там же, стр. 96)***** и за «тунеядцами, баричами, мошенниками и тому подобными хранителями традиций капитализма» (там же).

Знаменательно, что *этого* Бухарин не подчеркнул.

5. V. 1918.

* См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 428. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 434. *Ред.*

*** См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 441. *Ред.*

**** См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 444. *Ред.*

***** См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 445. *Ред.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК РКП (б) ПО ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ ¹⁰⁵

Немецкому ультиматуму уступить. Английский ультиматум отклонить. (Ибо война против Германии грозит непосредственно большими потерями и бедствиями, чем против Японии.)

Ввиду явного политического союза украинской контрреволюции с русской, ввести военное положение против буржуазии.

Направить все силы на защиту уральско-кузнецкого района и территории как от Японии, так и от Германии*.

С Мирбахом вести переговоры в целях выяснения того, обязуются ли заключить мир Финляндии и Украины с Россией, и всячески ускорять этот мир, сознавая, что он несет *новые* аннексии.

Принято в ЦК
в понедельник,
6.V.1918, ночью.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

Печатается по рукописи

* Начать тотчас эвакуацию на Урал всего вообще и Экспедиции заготовления государственных бумаг в частности.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕКРЕТА О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ДИКТАТУРЕ ¹⁰⁶

Переделать проект постановления следующим образом:

- 1) выкинуть ссылки на международное положение;
- 2) вставить, что после мира с Украиной у нас останется хлеба не больше как *в обрез*, чтобы не умереть с голоду;
- 3) вставить, что постановления диктатора проверяются его коллегией, имеющей право, не задерживая исполнения, обжаловать в Совет Народных Комиссаров;
- 4) — что постановления, связанные по характеру их с ведомствами Путей сообщения и Высшего совета народного хозяйства, принимаются по совещанию с соответствующими ведомствами;
- 5) юридически точнее формулировать новые права комиссара продовольствия;
- 6) сильнее подчеркнуть основную мысль о необходимости, для спасения от голода, вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба;
- 7) точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не *вывозящие их* на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются *врагами народа* и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины;
- 8) внести добавление о долге трудящихся, неимущих и не имеющих излишков крестьян объединиться для беспощадной борьбы с кулаками;
- 9) точно определить отношение делегаткомов к губпродкомам и права и обязанности первых в ведении продовольственных работ.

Написано 8 мая 1918 г.

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVIII*

Печатается по рукописи

ПРОТЕСТ ГЕРМАНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ПРОТИВ ОККУПАЦИИ КРЫМА¹⁰⁷

11. V. 1918

По поводу радио от главнокомандующего германских войск на востоке.

Народный комиссар по иностранным делам считает необходимым выразить германскому правительству свой решительный протест:

1) Ни одного разу ни в одном документе германское правительство не заявляло нам о том, будто наш флот участвовал в боях против немецких войск на Украине.

2) Поэтому соответствующее заявление в радио от 11. V. 1918 явно неверно, не находит себе подтверждения в актах германского правительства.

3) Если часть флота причисляла себя к украинскому флоту, то она и осталась в Севастополе.

3 bis) Если наш флот ушел из Севастополя, то это сделано было лишь после наступления германцев и нападения на Севастополь, следовательно, в этом случае явно нарушен был Брестский договор германцами, а не нами.

4) Факты доказывают, следовательно, что мы твердо стоим на почве Брестского договора, германцы же отступили от него, заняв весь Крым.

5) Они заняли его только германскими войсками, удалив оттуда всех украинцев.

6) Они заняли Крым после того, как германское правительство в своей собственной радио от... месяца 1918 г.¹⁰⁸ совершенно точно заявило, что считает Крым не входящим в территорию Украины.

7) Посол Германии Мирбах заявил нашему комиссару иностранных дел, что Германия не претендует на новые территориальные приобретения.

8) Если в данный момент германское правительство заняло другую позицию и предъявляет требования на Крым или на часть Крыма или на другие территориальные приобретения, то мы считали бы безусловно необходимой полную ясность в этом деле, и мы заявляем еще раз официально, что с своей стороны настаиваем на заключении точного мира с Финляндией, Украиной и Турцией, воюющей вопреки Брестскому договору о мире.

9) Мы еще раз настоятельно просим германское правительство сообщить нам, стоит ли оно на позиции желательности мира с Украиной, Финляндией и Турцией и какие шаги оно предприняло и предпримет в этих целях.

10) По вопросу о Черноморском флоте мы согласны дать всяческие новые гарантии его невмешательства в войну или его разоружения (о чем вчера, 10. V. 1918, посол Мирбах официально заявил нам), если только точные условия полного мира, т. е. мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, германское правительство нам сообщит и этот мир будет заключен, на чем мы настаиваем.

11) Мы несколько не отказываемся и от возвращения флота в Севастополь, если этот порт, — согласно заявлению Мирбаха от 10. V. 1918 в беседе с народным комиссаром иностранных дел, — не аннектируется в той или иной форме и не оккупируется Германией и если точный и полный мир с германцами, как с составной частью финских, украинских и турецких армий, будет осуществлен.

Печатается впервые, по рукописи

ТЕЗИСЫ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ¹⁰⁹

I

Множественно уже указывалась в большевистской печати и признавалась в официальных резолюциях органов высшей Советской власти крайняя непрочность международного положения Советской республики, окруженной империалистскими державами.

За последние дни, т. е. в первую треть мая 1918 г., политическое положение чрезвычайно обострилось как в силу внешних, так и в силу внутренних причин:

Во-первых, усилилось прямое наступление контрреволюционных войск (Семенова и др.) при помощи японцев на Дальнем Востоке, а в связи с этим ряд признаков указывал на возможность соглашения всей антигерманской империалистской коалиции на программе предъявления России ультиматума: либо войной с Германией, либо наше ствие японцев при нашей помощи.

Во-вторых, в германской политике вообще взяла верх после Бреста военная партия, которая с минуты на минуту могла бы и теперь взять верх по вопросу о немедленном общем наступлении против России, т. е. совершенно отбросить другую политику буржуазно-империалистских кругов Германии, стремящихся к новым аннексиям в России, но на время к миру с ней, а не к общему наступлению на нее.

В-третьих, реставрация буржуазно-помещичьего монархизма в Украине при поддержке кадетско-октябристских элементов всероссийской буржуазии и при помощи германских войск не могла не обострить борьбы против контрреволюции у нас, не могла не окрылить планов, не поднять духа у нашей контрреволюции.

В-четвертых, крайне обострилась продовольственная разруха и привела во многих местах к прямому голоду как вследствие того, что от нас отрезан был Ростов-на-Дону, так и вследствие усилий мелкой буржуазии и капиталистов вообще сорвать хлебную монополию, при недостаточно твердом, дисциплинированном и беспощадном отпоре господствующего класса, т. е. пролетариата, этим стремлениям, усилиям и попыткам.

II

Внешняя политика Советской власти никоим образом не должна быть изменяема. Наша военная подготовка еще не закончена, и потому общим лозунгом остается по-прежнему: лавировать, отступать, выжидать, продолжая эту подготовку изо всех сил.

Отнюдь не отказываясь вообще от военных соглашений с одной из империалистских коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистской державы, мы в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией. Ибо реальную важность для нее имеет отвлечение войск Германии с Запада, т. е. продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие неприемлемо, как полный крах Советской власти. Если бы ультиматум такого рода предъявила нам англо-французская коалиция, мы бы ответили отказом, ибо опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями (или может быть оттянута на более продолжительное время), чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части Европейской России.

III

При учете задач внешней политики Советской власти в данный момент требуется величайшая осторожность, осмотрительность и выдержка, чтобы несобдуманным или поспешным шагом не помочь крайним элементам военных партий Японии или Германии.

Дело в том, что в обеих этих странах крайние элементы военной партии стоят за немедленное и общео

наступление на Россию в целях занятия всей ее территории и свержения Советской власти. И с минуты на минуту эти крайние элементы могут взять верх.

Но, с другой стороны, несомненный факт, что в Германии большинство империалистской буржуазии стоит против такой политики, предпочитая в данный момент аннексионистский мир с Россией дальнейшей войне по тому соображению, что такая война отвлекла бы силы от Запада, увеличила бы и без того чувствительную уже непрочность внутреннего положения в Германии, затруднила бы получение сырья из мест, обьятых восстанием или пострадавших от разрушения железных дорог, от недосева и т. п. и т. д.

А японское стремление наступать против России сдерживает, во-первых, опасность движения и восстаний в Китае; во-вторых, некоторый антагонизм Америки, боящейся усиления Японии и надеющейся при мире добывать сырье из России более легким путем.

Разумеется, вполне возможно, что и в Японии и в Германии крайние элементы военной партии с минуты на минуту возьмут верх. Гарантий от этого быть не может, пока не вспыхнула революция в Германии. Американская буржуазия может стакнуться с японской; японская с германской. Поэтому усиленная военная подготовка наш безусловный долг.

Но пока остались хотя бы некоторые шансы на сохранение мира или на заключение, ценой известных новых аннексий или новых потерь, мира с Финляндией, Украиной и Турцией, мы никоим образом не должны делать ни одного шага, который мог бы помочь крайним элементам военной партии империалистских держав.

IV

В вопросе об усиленной военной подготовке, как и в вопросе о борьбе против голода, на первую очередь выдвигается задача организационная.

Не может быть и речи о сколько-нибудь серьезной военной подготовке без преодоления продовольственных трудностей, без обеспечения населению правильного снабжения хлебом, без введения строжайшего порядка в железнодорожный транспорт, без создания в массах трудящегося

населения (а не только в верхушках его) действительно железной дисциплины. Именно в этой области мы всего больше отстали.

Как раз полнейшим непониманием этой истины грешат больше всего левоэсеровские и анархистские элементы с их криками о «повстанческих» комитетах, с воплями: «к оружию» и т. п. Такие крики и вопли — верх тупоумия и самой жалкой, презренной и отвратительной фразы, ибо смешно говорить о «восстании» и «повстанческих комитетах», когда центральная Советская власть изо всех сил убеждает население учиться военному делу и вооружаться; — когда у нас гораздо больше оружия, чем мы умеем подсчитать и раздать; — когда именно разруха и отсутствие дисциплины мешает нам использовать наличное оружие, заставляет нас упускать дорогое время подготовки.

Усиленная военная подготовка для серьезной войны требует не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорнейшей и дисциплинированной работы в массовом масштабе. Надо дать беспощадный отпор не желающим этого понять левоэсеровским и анархистским элементам, а не давать им заражать своей истерикой кое-какие элементы нашей, пролетарски-коммунистической, партии.

V

Против буржуазии, поднявшей голову в последние дни вследствие указанных выше обстоятельств, необходима беспощадная борьба, введение военных положений, закрытие газет, арест вожakov и т. п. и т. д. Эти меры столь же необходимы, как необходим военный поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей хлебную монополию. Без железной дисциплины пролетариата ни от контрреволюции, ни от голода не спастись.

В частности надо иметь в виду, что буржуазия в последние дни с неподражаемым искусством, с ловкостью виртуоза пользовалась таким орудием против пролетарской власти, как сеяние паники. И некоторые из наших товарищей, особенно из неустойчивых по отношению к левоэсеровской и анархистской революционной фразе, дали увлечь себя, впадая в состояние паники или не соблюдая

той грани, которая отделяет законное и необходимое предупреждение против грозящих опасностей от сеяния паники.

Необходимо твердо помнить основные особенности всего современного экономического и политического положения России, в силу которых нельзя помочь делу никакими порывами. Необходимо твердо усвоить себе и добиться усвоения всеми рабочими той истины, что только выдержанная и терпеливая работа создания и восстановления железной пролетарской дисциплины с беспощадной расправой над хулиганами, кулаками и дезорганизаторами способна отстоять Советскую власть в настоящий момент, в момент одного из труднейших и опаснейших переходов, ставший неизбежным вследствие запоздания революции на Западе.

Написано 12 или 13 мая 1918 г.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

Печатается по рукописи

**ДОКЛАД О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК
И МОСКОВСКОГО СОВЕТА¹¹⁰**

14 МАЯ 1918 г.

Товарищи, позвольте познакомить вас с теперешним положением дела во внешней политике. Товарищи, за последние дни во многих отношениях наше международное положение осложнилось, ввиду того, что обострилось общее положение. На почве этого обострения провокация, умышленное сеяние паники буржуазной прессой и ее подголоском — социалистической прессой, снова делает свое черное и грязное дело восстановления корниловщины.

Я прежде всего обращаю ваше внимание на то, чем определяется в своей основе международное положение Советской республики, чтобы перейти ко внешним юридическим формам, определяющим это положение, и на этом основании обрисовать снова возникшие трудности, или, вернее, очертить тот переломный пункт, к которому мы подошли и который послужил основой обострения политического положения.

Товарищи, вы знаете, и из опыта двух русских революций подкрепили это знание с особенной силой, что самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства. Эти положения, которые являются основой всего мирозерцания марксистов и которые подтверждены для нас, русских революционеров, великим опытом обеих русских революций, — эти положения не следует ни на минуту упускать из виду, чтобы не потеряться в дебрях и в лабиринте дипломатических ухищрений, — в лабиринте, иногда даже искусственно создаваемом и запугиваемом людьми, классами, партиями и

группами, любящими или вынужденными в мутной воде ловить рыбу.

Сейчас такой момент, когда в мутной воде, несмотря на сложившееся международное положение, пытались ловить рыбу и наши контрреволюционеры: кадеты, буржуазия и помещики и их первые подголоски — правые эсеры и меньшевики.

Это положение в основных чертах сводится к тому, что Социалистическая Советская Республика Российская остается, в силу причин экономического и политического характера, ставших вам известными, не раз обрисованных нами в печати, в силу иного темпа развития, иной почвы для развития, чем на Западе, — в силу этого, наша социалистическая Советская республика остается пока оазисом среди бушующего моря империалистического хищничества. И основным экономическим фактором на Западе является то, что эта империалистическая война, истерзавшая и измучившая человечество, породила такие сложные, такие острые, такие запутанные конфликты, что сплошь да рядом, на каждом шагу, возникает положение, когда решение вопроса в пользу войны и мира, в пользу той или иной группировки, висит на волоске. Мы переживали именно такое положение в последние дни. Противоречия, конфликты, борьба, бешеная схватка, переходящая в войну между империалистическими державами, не имеющими возможности в своей политике остановить эту войну, в силу экономических условий развития капитализма в течение целого ряда десятилетий, привели к тому, что сами империалисты бессильны уже остановить эту войну. Вот что создало основные противоречия, запутало и осложнило положение.

Благодаря этим противоречиям вышло так, что общий, лежащий в основе экономического капиталистического союза, союз империалистов всех стран, союз, естественно и неизбежно для защиты капитала, не знающего отечества, доказал многими крупнейшими, величайшими эпизодами в мировой истории, что [выше интересов отечества, народа и чего угодно капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся.] Этот союз не является движущей силой политики.

Конечно, он попрежнему остается основной экономической тенденцией капиталистического строя, которая

должна проявить себя с неизбежной силой в конце концов. Исключением из этой основной тенденции капитализма является то, что империалистическая война разделила на группы, на враждебные группы, на враждебные коалиции империалистические державы, поделившие между собой в настоящее время, можно сказать, без всякого изъятия всю землю. Эта вражда, эта борьба, эта мертвая схватка говорит, под известными условиями, что союз империалистов всех стран здесь невозможен. Мы присутствуем при таком положении, когда бушующие волны империалистической реакции, империалистической бойни народов, бросаются на маленький остров социалистической Советской республики, которые готовы, кажется, вот-вот затопить его, но оказывается, что эти волны сплошь и рядом разбиваются одна о другую.

Основные противоречия между империалистическими державами привели к такой беспощадной борьбе, что, даже сознавая ее безвыходность, ни та, ни другая группа не в состоянии по произволу вырваться из железных тисков этой войны. Два главных противоречия война определила при этом, и они определили международное положение социалистической Советской республики в данный момент. Первое, это — достигшая крайней степени ожесточенности борьба между Германией и Англией на Западном фронте. Мы слышали не раз, как представители то одного, то другого из этих воюющих лагерей давали обещания и заверения и своему народу и другим народам, что вот-вот, еще одно последнее усилие, и враг будет сломлен, отечество будет защищено и интересы культуры и освободительной войны навсегда будут обеспечены. Чем дальше затягивается эта неслыханная борьба, чем глубже втягиваются в нее борющиеся стороны, тем дальше отодвигается выход из этой бесконечной войны. Ожесточенность этой схватки и делает крайне затруднительным, почти невозможным союз величайших империалистических держав против Советской республики, завоевавшей за какие-нибудь полгода своего существования горячие симпатии и самое безраздельное сочувствие всех сознательных рабочих всех стран мира.

Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран

в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России. Поход, начатый против Советской республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семенова), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну. Конечно, вполне возможно, и мы не должны забывать того, что группировки между империалистскими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права на концессии и т. п. И, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой.

Но сейчас охарактеризованное положение объясняет, почему наш социалистический остров может сохраняться среди бушующей бури, и, вместе с тем, объясняет, почему это положение столь неустойчиво и порой кажется, к великому восторгу буржуазии и панике мелкой буржуазии, волны, вот-вот, захлестнут его.

Внешней оболочкой, внешним выражением этого положения являются Брестский договор, с одной стороны, и обычаи и законы, касающиеся нейтральных стран, с другой.

Вы знаете, чего стоят договоры и чего стоят законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, как клочок бумаги.

Эти слова принято цитировать и вспоминать, как образец цинизма внешней политики империализма, но цинизм заключается не в этих словах, а в той беспощадной, жестоко беспощадной и мучительно беспощадной империалистической войне, в которой все мирные договоры и все законы о нейтральности попирались, попираются и будут попирались до тех пор, пока будет существовать капитализм.

Вот почему, когда мы подходим к вопросу, составляющему для нас самый главный вопрос, — к вопросу о Брестском мире, о возможности его нарушения и о последствиях, вытекающих для нас из такого положения, если мы хотим твердо стоять на своих социалистических ногах и не хотим дать себя скинуть проискам и провокации контрреволюционеров, какими бы они социалистическими ярлыками ни прикрывались, мы не должны забывать ни на одну минуту экономической основы всех мирных договоров, в том числе и Брест-Литовского, экономической основы всякой нейтральности, в том числе и нашей. Мы не должны забывать, с одной стороны, о положении дел в международном масштабе, о положении дел в международном империализме, по отношению к тому классу, который растет и который рано или поздно, пусть даже позднее, чем этого хотим и ожидаем, но который все же станет наследником капитализма и завоюет капитализм всего мира. А с другой стороны, мы не должны забывать отношения между собою империалистических стран, отношений между империалистическими экономическими группами.

Выяснив это положение, мы, товарищи, поймем, я думаю, без труда, какое значение имеют те дипломатические частности, подробности, даже иногда мелочи, которые больше всего сосредоточивают наше внимание за последние дни, которые за последние дни у нас на памяти. Понятно, что непрочность в международном положении является основой для паники. Она исходит от кадетов, правых эсеров и меньшевиков, поддерживающих интересы тех, кто хочет, кто стремится к тому, чтобы сеять панику. Нисколько не закрывая глаза на всю опасность и трагичность положения, анализируя экономические отношения в международном масштабе, мы должны сказать — да, вопрос о войне и мире висит на волоске, как на Западе, так и на Дальнем Востоке, потому что существуют две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет. Да, сейчас Япония не может решиться наступать целиком, хотя она, имея миллионную армию, заведомо слабую Россию взять бы могла. Когда это будет, я не знаю, и никто не может знать.

Форма ультиматума грозит войной с союзными народами и договором с Германией, но это может перемениться через несколько дней. Это может перемениться всегда, потому что американская буржуазия, теперь враждующая с Японией, может завтра столкнуться с ней, потому что японская буржуазия может завтра столкнуться с германской. У них есть основные интересы, интересы раздела земного шара, интересы помещиков, капитала, обеспечения, как они выражаются, своего национального достоинства и своих национальных интересов. Этот язык достаточно известен тем, кто имеет — я не знаю — несчастье или привычку читать газеты, вроде эсеровских. И все знают, когда нам часто говорят о национальном достоинстве, мы прекрасно знаем после опыта 1914 года, какие факты империалистического грабежа под этим скрываются. Понятно, почему, в силу этого отношения, на Дальнем Востоке положение представляет из себя нечто непрочное. Мы должны сказать одно: надо ясно смотреть на эти противоречия капиталистических интересов, надо знать, что прочность Советской республики дает все растущее сочувствие к ней громадных трудовых масс, всего трудящегося, эксплуатируемого населения всех стран.

И, вместе с тем, с минуты на минуту, со дня на день, надо быть готовым и ждать перемены международной политики в пользу политики крайних военных партий.

Положение германской коалиции для нас ясно. Большинство буржуазных партий Германии в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, по которое, конечно, очень радо «улучшить» его и получить еще несколько аннексий за счет России. Что заставляет их смотреть с этой точки зрения, — это политические и военные соображения с точки зрения германских национальных интересов, как они говорят, — империалистических интересов, это заставляет их предпочитать мир на Востоке, чтобы у них были развязаны руки на Западе, где уже много раз германский империализм обещал победу немедленно и где каждая неделя показывает или каждый месяц показывает, что эта победа, чем больше одерживают частичных побед, отходит тем дальше в неизмеримую даль. С другой стороны, мы имеем военную партию, которая не раз проявляла себя в Брестском договоре и которая, естественно, существует во всех империалистических держа-

вах, — военную партию, которая говорит себе: силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями. Это голоса крайней военной партии, она известна в истории Германии, начиная с тех пор, когда в истории начались головокружительные военные победы, она известна с 1866 года, например, когда крайняя военная партия Германии одержала победы над Австрией, превратила эту победу в полнейший разгром. Все эти столкновения, все эти конфликты неизбежны, и они вызывают то, что сейчас с этой стороны дело все висит на волоске, что, с одной стороны, буржуазное империалистическое большинство германского парламента, германские имущие классы, германские капиталисты предпочитают оставаться на почве Брестского договора, отнюдь, повторяю, не отказываясь от его улучшения. И, с другой стороны, с минуты на минуту, со дня на день надо быть готовыми, надо ждать перемены политики в интересах крайней военной партии.

Отсюда понятна непрочность международного положения, отсюда понятно, как легко на этой почве создать то или иное положение партии, и отсюда понятно, какая осмотрительность, осторожность и какая выдержка и хладнокровие требуются от Советской власти, чтобы ясно определить свою задачу. Пусть русская буржуазия мечется от ориентации французской к ориентации немецкой. Им это нравится. Они в нескольких местах видели, какая хорошая гарантия против мужика, берущего землю, и против рабочего, строящего основы социализма, находит себе место в немецкой поддержке. Они вчера, в течение долгого времени, в течение нескольких лет называли изменниками родины тех, кто осуждал империалистскую войну и раскрывал глаза на нее, а нынче они все готовы и несколько недель переменить свою политическую веру и от союза с хищниками английскими перейти к союзу с хищниками германскими против Советской власти. Пусть мечется буржуазия всех оттенков, от правых эсеров, меньшевиков и кончая левыми эсерами. Это ей так полагается. Пусть она сеет панику, потому что она сама в панике. Пусть она мечется, не зная иного пути и колеблясь между той или иной ориентацией и между нелепой фразой, не могущей учитывать того, что в революции, когда она достигает больших размеров, приходится, во имя

углубления этой революции, переживать самые различные группировки и переходы от одного к другому этапу. Мы, русские революционеры, имеем счастье перед глазами своими в течение XX века иметь опыт двух революций, из которых каждая дала нам массу в жизни самого народа запечатлевшегося опыта того, как подготавливается революционное движение, если глубоко оно, если серьезно; как показываются в этом движении различные классы, каким путем, иногда долгой эволюцией, трудным, мучительным путем идет подготовка зрелости новых классов.

Вспомните, чего стоило Советам, созданным стихийным порывом в 1905 году, чего стоило им в 1917 году вступить снова в дело, а потом, когда им пришлось пережить все мучение соглашения с буржуазией и с прикрывавшимися злейшими врагами рабочего класса, говорившими о защите революции, о красном флаге и совершившими величайшее из преступлений в июне 1917 года, — теперь, когда за нами большинство рабочего класса, вспомните, чего стоило нам после великой революции 1905 года выйти с Советами рабочего, крестьянского класса. Вспомните это и подумайте о том, в каком массовом масштабе развивается борьба, ведущаяся против международного империализма, подумайте, как труден переход к этому положению, что испытала Русская республика, когда она вышла впереди всех остальных отрядов социалистической армии.

Я знаю, есть, конечно, мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, — это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица. Трудность революции всем известна. Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть, будет переживать мучительные периоды, ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран. Наша задача заключается в выдержке и осторожности, мы должны лавировать и отступать, пока к нам не подойдут подкрепления. Переход к этой тактике неизбежен, как бы

пад ней ни смеялись называющие себя революционерами, но ничего не смыслящие в революции.

Заканчивая общие положения, я перехожу к тому, что создало в последние дни тревогу и панику и дало возможность контрреволюционерам вновь начать работу, направленную к подрыву Советской власти.

Я уже сказал, что внешней юридической формой и оболочкой всех международных отношений, которые Советская социалистическая республика имеет, явился, с одной стороны, Брест-Литовский договор, а с другой стороны, общий закон и обычай, определяющие положение нейтральной страны среди других воюющих стран, и это положение определило те трудности, которые оказались за последнее время. Из Брест-Литовского договора вытекало само собою заключение полного мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, а между тем, с каждой из этих стран мы имеем продолжение войны, и это является не результатом внутреннего развития страны, но влиянием господствующих классов этих стран. На этой почве временный выход был только во временной передышке, которая была получена при подписании Брестского мира, это была та передышка, по поводу которой так много говорилось пустых и ненужных слов, что она невозможна, но которая оказалась все-таки возможной и которая принесла в течение двух месяцев свои результаты, которая дала себя почувствовать большинству русских солдат, которая дала им возможность вернуться к себе и посмотреть, что у них сложилось, воспользоваться завоеваниями революции, воспользоваться землей, осмотреться и почерпнуть новые силы для предстоящих им новых жертв.

Понятно, что эта временная передышка стала казаться подходящей к концу, когда обострилось положение и в Финляндии, и в Украине, и в Турции, когда вместо полного мира мы получили только отсрочку того же острого экономического вопроса: война или мир? И надлежит ли нам теперь снова вступить в войну, вопреки всем мирным намерениям Советской власти и полной решимости пожертвовать так называемой великодержавностью, т. е. правом заключать тайные договоры, прятать их при помощи Черновых, Церетели и Керенских от народа, и подписывать тайные грабительские договоры и вести империалистическую, грабительскую войну? Все-таки вместо полного

мира мы получили только краткую отсрочку того же острого вопроса о войне и мире.

Вот источник, который возник из этого пункта, и опять-таки вы видите ясно, к чему сводится его конечное решение, вопрос о том, к чему приведут итоги колебаний между двумя враждебными группами, империалистскими странами, — американский конфликт на Дальнем Востоке и германо-английский — на Европейском Западе. Понятно, как эти противоречия обострились в связи с завоеванием Украины, в связи с тем положением, которое часто немецкие империалисты, особенно главная военная партия, рисовали себе так розово, так легко, и которое принесло невероятные трудности именно этой крайней военной партии Германии, которое принесло теперь временное крылатое надежд российских кадетов, меньшевиков и правых эсеров, восплававших любовью к тому, что несет Украине Скоропадский, и надеющихся теперь на то, что, дескать, это легко произойдет и в России. Эти господа ошибутся: их надежды развеются прахом, потому что... (бурные аплодисменты), потому что, говорю я, та же главная военная партия в Германии, которая слишком привыкла ставить ставку на силу меча, даже она в этом случае оказалась в положении неподдержанной большинством империалистов, буржуазных империалистических кругов, увидевших неслыханные трудности в завоевании Украины, в борьбе за подчинение целого народа, в вынужденной необходимости прибегнуть к ужасному перевороту.

Какже неслыханные трудности поставила эта главная военная партия в Германии, когда этой военной крайней партии, обязавшейся перед народом своим и перед рабочими дать высшие победы на Западном фронте, когда ей пришлось увидеть перед собой новые невероятные экономические и политические трудности, отвлечение военных сил на задачи, которые тоже вначале казались легкими, а также договор с украинскими меньшевиками и правыми эсерами, подписавшими договор о мире.

Крайняя военная партия в Германии вообразила: мы двинем большие войска и получим хлеб, а потом оказалось, что надо произвести государственный переворот. Там это оказалось легко, потому, что украинские меньшевики очень легко пошли на это. А ватем оказалось, что государ-

ственный переворот создает новые гигантские трудности, потому что надо завоевывать каждый шаг, чтобы получить хлеб и сырье, без которых Германия существовать не может и которые получать военным насилием в оккупированной стране стоит слишком больших усилий и слишком многих жертв.

Вот положение, которое создалось на Украине и которое должно было окрылить надежды российской контрреволюции. Понятно, что в этой борьбе Россия, которая не могла воссоздать своей армии, терпела и терпит все новые ущербы. И мирные переговоры вели к новым тягостным условиям, к новым открытым и прикрытым контрибуциям. Остался неясным вопрос, по какому универсалу желают определить границы Украины. Рада, которая подписала универсал, смещена. Вместо нее восстановлен помещик-гетман. И на почве этой неопределенности возник целый ряд вопросов, которые показывают, что вопросы о войне и мире остаются в прежнем положении. Частичные перемирия, которые существуют между русскими и немецкими войсками, ничего не предрешают относительно общего положения. Вопрос висит в воздухе. То же самое по отношению и к Грузии, где мы имеем долгую контрреволюционную борьбу правительства кавказских меньшевиков, долгую борьбу контрреволюционеров, называвшихся социал-демократами. А когда победа Советской власти и трудящихся масс, обошедшая всю Россию, стала охватывать и нерусские окраины, когда стало с ясностью очевидно и несомненно, что победа Советской власти, как это признали контрреволюционные представители донского казачества, не может быть задержана, когда наступили колебания для меньшевистской власти на Кавказе — Гегечкори и Жордания, поздно спохватившихся и начавших говорить о том, не поискать ли им общего языка с большевиками, когда выступил Церетели, который с помощью турецких войск пошел против большевиков, — они пожнут то, что пожала Рада. (Аплодисменты.)

Но помните, что если они, эти дельцы Кавказской рады, если они получают поддержку у германских войск, как получила эту поддержку Украинская рада, понятно, что для Советской республики России это несет новые трудности, новую неизбежность войны, новые опасности и новые неопределенности. Есть люди, которые, ссылаясь

на эту неопределенность, на эту тяжесть неопределенного положения, а действительно такое неопределенное положение бывает хуже всякого определенного положения, — есть люди, которые говорят, что эту неопределенность легко устранить, нужно только открыто потребовать соблюдения германцами Брестского договора.

Мне случалось слышать таких наивных людей, считающих себя левыми, а в действительности отражающих только уозость нашей мелкой буржуазии...*

Они забывают, что сначала надо победить, а потом можно что-нибудь требовать. Если вы не победили, враг получает возможность затягивать ответ и даже вовсе не отвечать на требования. Таков закон империалистской войны.

Вы недовольны этим. Умейте защищать ваше отечество. Для социализма, для рабочего класса, трудящегося, право на защиту отечества он имеет.

Я скажу еще только о том, что на кавказской границе это неопределенное положение создано в силу крайне непростительного колебания правительства Гегечкори, которое сначала заявило, что Брестский мир не признает, а после объявляет независимость, не сказав нам, на какую территорию это распространяется. Мы запросили многочисленными радиотелеграммами: благоволиите сообщить, на какую территорию вы претендуете. Претендовать на независимость это ваше право, но обязанность, если говорите о независимости, сказать, какова та территория, которую представляете. Это было неделю тому назад. Громадное количество радиотелеграмм было написано, но ни одного ответа не было. На этом играет германский империализм. Германии и Турции, как подсобному государству, возможно поэтому было двигаться и двигаться, ни на что не отвечая, ни на что не обращая внимания, заявляя: мы возьмем то, что сможем взять, мы не нарушаем Брестского мира, потому что закавказская армия его не признает, потому что Кавказ независим.

От кого независимо правительство Гегечкори? От Советской республики оно независимо, но от немецкого империализма оно немножечко зависимо, и это естественно. (Аплодисменты.)

* Опущена фраза, записанная в стенограмме неясно. Ред.

Вот, товарищи, то положение, которое создалось, — крайнее обострение отношений за последние дни, вот то положение, которое дало нам лишь новое и довольно наглядное подтверждение правильности той тактики, которую наша партия, Российская коммунистическая партия большевиков, в громадном большинстве вела, на которой твердо настаивала в течение последних месяцев.

Мы имеем перед собой большой опыт революции и мы научились из этого опыта тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда объективные условия это позволяют, когда опыт соглашательства показал, что массы возмущены и что натиск будет выражением этого поворота. Но нам приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призыв ко всеобщему беспощадному отпору.

Кто не закрывает себе глаза, кто не слеп, тот знает то, что мы повторяем теперь лишь сказанное нами ранее и то, что мы говорили всегда, что мы не забываем слабости русского рабочего класса по сравнению с другими отрядами международного пролетариата. Не наша воля, а исторические обстоятельства, наследие царского режима, дряблость русской буржуазии, — вот что сделало то, что этот отряд оказался впереди других отрядов международного пролетариата, и не потому, что мы этого хотели, а потому, что этого потребовали обстоятельства. Но мы должны остаться на своем посту, пока не придет наш союзник — международный пролетариат, который подойдет и неизбежно подойдет, но который подходит с неизмеримо большей медленностью, чем мы того ожидаем и хотим. Если мы увидим, что этот пролетариат идет слишком медленно в силу объективных обстоятельств, мы все же должны держаться нашей тактики выжидания и использования конфликтов и противоречий между империалистами, медленного накапливания сил, тактики удержания того оазиса Советской власти среди бушующего империалистического моря, удержания того оазиса, к которому уже сейчас устремлены взоры рабочих и трудящихся всех стран. Вот почему мы говорим себе, если крайняя военная партия может с минуты на минуту победить любую империалистическую коалицию и создать новую неожиданную империалистическую коалицию против нас, мы

во всяком случае этого дела не облегчим. Если они двинутся на нас, — да, мы теперь оборонцы, — мы сделаем все, что от нас зависит, все, что способна дипломатическая тактика сделать, сделаем все, чтобы этот момент оттянуть, сделаем все, чтобы та короткая и непрочная передышка, которую мы получили в марте, чтобы она стала более долгой, потому что твердо убеждены, что имеем за собой десятки миллионов рабочих и крестьян, знающих, что они черпают с каждой неделей, тем более с каждым месяцем этой передышки, новую силу, что они укрепляют Советскую власть, что они создают из нее нечто прочное и незыблемое, что они вносят новый дух и после истощения и усталости от изнурительной реакционной войны создадут состояние твердости и готовности идти на последний и решительный бой, когда на социалистическую Советскую республику обрушится внешняя сила.

Мы оборонцы после 25-го октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры, мы их расторгли, мы обнаружили их пред всем миром, мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы победим. Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества.

Это не дается декларацией, а дается только свержением буржуазии в своей стране, беспощадной и смертной войной, начатой там, и мы знаем, что мы победим. Это маленький островок среди окружающей империалистический мир войны, но на этом островке мы показали и доказали все, что может сделать рабочий класс. Все это знают и привнали. Мы доказали, что мы имеем право на защиту отечества, мы — оборонцы, и относимся к этой защите со всею серьезностью, которой нас научила четырехлетняя война, со всею серьезностью и осторожностью, которую понимает всякий рабочий, всякий крестьянин, выдавший солдата и узнавший, что пережил солдат в эти четыре года войны, — той осторожностью, которой могут не понимать, над которой могут хихикать и к которой могут относиться легкомысленно только революционеры на словах, а не на деле. Именно потому, что мы сторонники защиты оте-

чества, мы говорим себе: для обороны нужна твердая и крепкая армия, крепкий тыл, а для твердой и крепкой армии нужна в первую очередь твердая постановка продовольственного дела. Для этого нужно, чтобы диктатура пролетариата выражалась не только в центральной власти, это первый шаг, и только первый шаг, но диктатура должна быть во всей России, это второй шаг, и только второй шаг, — этого шага мы еще не сделали достаточно. Нам нужна, нам необходима пролетарская дисциплина, настоящая пролетарская диктатура, когда твердая и железная власть сознательных рабочих чувствуется в каждом далеком уголке нашей страны, когда ни один кулак, ни один богач и несторонник хлебной монополии не останется безнаказанным, а его найдет и покарает карающая железная рука дисциплинированных диктаторов рабочего класса, пролетарских диктаторов. (Аплодисменты.)

И мы говорим себе: к защите отечества мы относимся с осторожностью, все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем. И господа буржуа и их подголоски, которые думают, что, как в Украине, где так легко произошел переворот, так и у нас можно народить новых Скоропадских, — пусть они не забывают, что если военной партии в Германии стоило такого труда добиться переворота на Украине, то в Советской России она встретит противодействие достаточное. Да, это доказано всем, эту линию поддержала Советская власть, принесла все жертвы, чтобы упрочить положение трудящихся масс в стране.

Положение, в связи с вопросом о мире, о Финляндии, — характеризуется словами: форт Ино и Мурман. Форт Ино — защита Петрограда, по территориальному положению своему входит в состав финляндского государства. Заклячая мир с рабочим правительством Финляндии, мы, представители социалистической России, признали полное право Финляндии на всю территорию, но, с обоюдного согласия обоих правительств, форт Ино был оставлен России «для защиты совместных интересов социалистических республик», как сказано в заключенном договоре¹¹¹. Понятно, что наши войска подписали этот мир в Финляндии, подписали эти условия. Понятно, что буржуазная

и контрреволюционная Финляндия не могла не поднять из-за этого бунта. Понятно, что реакционная и контрреволюционная буржуазия в Финляндии предъявляла претензии на это укрепление. Понятно, что из-за этого вопрос обострялся не раз и продолжает стоять остро. Дело висит на волоске. Понятно, что еще большее обострение вызвал вопрос о Мурмане, на который претендовали англо-французы, потому что они вкладывали десятки миллионов на постройку порта, чтобы обеспечить свой военный тыл в их империалистической войне против Германии. Они уважают нейтральность так великолепно, что пользуются всем, что плохо лежит. Причем достаточным основанием для захватов служит то, что у них есть броненосец, а у нас нет того, чем его прогнать. Понятно, что вопрос не мог не обостриться из-за этого. Есть внешняя оболочка, есть юридическое выражение, созданное международным положением Советской республики, которое предполагает, что на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной. Англичане высадили на Мурмане свои военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому военной же силой. В результате нам предъявляют требования, носящие характер, близкий к ультиматуму, если вы не можете охранять своей нейтральности, то мы будем воевать на вашей территории.

Но уже создана рабоче-крестьянская армия, она в уездах и губерниях объединила крестьянское население, которое вернулось к своей земле, вырванной у помещиков, — им есть что защищать; которая начала строить Советскую власть и которая станет авангардом, если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага, как один человек. Мое время истекло, и я позволю себе окончить прочтением телеграммы, полученной нами по радио, от посла Советской республики в Берлине, тов. Иоффе. Эта телеграмма покажет вам, что, с одной стороны, вы имеете подтверждение от нашего посла, — правильно ли изображение международных отношений, которое я делал здесь, и что, с другой стороны, наша внешняя политика Советской республики, политика серьезная — подготовка для защиты отечества, [политика выдержанная, не позволяющая ни шагу сделать, чтобы помочь крайним партиям империалистических держав Запада и Востока]. Эта поли-

тика имеет серьезное основание и никаких иллюзий. Всегда остается возможность, что со дня на день на нас обрушится военная сила, и мы, рабочие и крестьяне, говорим себе и всему миру, и сумеем доказать, что встанем как один человек на защиту Советской республики, а потому чтение этой телеграммы, я надеюсь, будет подходящим заключением моей речи и укажет нам то, в каком духе работают представители Советской республики за границей в пользу Советов, всех советских учреждений и Советской республики.

«Последние полученные радиотелеграммы сегодня сообщают, что германская комиссия военнопленных выезжает в пятницу, 10 мая. Мы уже получили ноту германского правительства с предложением создания специальной комиссии для обсуждения всех правовых вопросов о нашем имуществе в Украине и Финляндии. Я на такую комиссию согласился, я просил Вас прислать подходящих уполномоченных, военных и юристов. Сегодня я имел разговор по поводу дальнейших продвижений, требования очистки форта Ино и отношения русских к Германии. Получил ответ: Германское Верховное командование заявляет, что никаких дальнейших продвижений больше не будет, роль Германии на Украине и Финляндии закончена, Германия согласна содействовать нашим мирным переговорам с Киевом и Гельсингфорсом и входит об этом в сношения с означенными правительствами. Вопрос о форте Ино при мирных переговорах Финляндии: по договору форты должны быть разрушены, Германия полагает, что при установлении границ можно принять наш договор с красными, белые еще ответа не дали. Официально заявляется германским правительством: Германия твердо стоит на почве Брестского договора, желает жить в мирных отношениях с нами, никаких агрессивных планов не имеет и наступления на нас никакого оказывать не будет. Русских граждан Германии, согласно моего требования, обещает сравнять с другими нейтральными».

*Газетный отчет опубликован
15 и 16 мая 1918 г. в «Правде»
№ № 93 и 94;
15 мая 1918 г. в «Известиях
ВЦИК» № 95*

Печатается по тексту книги: «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографический отчет». Москва, 1920, сверенному с текстом газеты «Петроградская Правда» № 101, 19 мая 1918 г.

ДОКЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ НА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП (б) ¹¹²

15 МАЯ 1918 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Ленин касается сначала взглядов «левых» на внешнюю политику и указывает на громадное агитационное значение брестских переговоров, так как западный пролетариат имеет возможность многое узнать, понять, кто такие большевики, какое у нас положение после революции и проч. Сейчас все спасение не в открытом разрыве Брестского договора, а в умении лавировать среди сложившихся сложных международных ситуаций благодаря противоположности интересов отдельных империалистских стран. Надо учесть отношения между Японией и Америкой, Германией и Англией, разногласия в немецкой капиталистической и военной партиях и пр. и пр. Во внутренней политике нужна пролетарская дисциплина, борьба с деревенскими кулаками, забота о хлебе, полная продовольственная диктатура и диктатура рабочего класса в стране. Возражая «левым» в вопросе о государственном капитализме, Ленин поясняет, что он для нас не страшен, так как в мучительном переходе от капитализма к социализму, который мы переживаем, главная забота — отстоять промышленность и только путем крупной организации ее, какая в настоящее время возможна только при государственном капитализме, можно наладить производство и вести точный учет производимого и потребляемого. Необходимым условием к этому является рабочий контроль. Как на пример, Ленин указывает на кожевников, на их крепкую организованность, рабочий контроль в частных предприятиях.

ДОКЛАД
НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ФИНАНСОВЫХ ОТДЕЛОВ СОВЕТОВ¹¹³
18 МАЯ 1918 г.

Финансовое положение страны критическое. Задача социалистического преобразования страны сулит целый ряд трудностей, иногда кажущихся непосильными, но я думаю, что как ни тяжела наша работа, встречающаяся на каждом шагу сопротивление мелкой буржуазии, спекулянтов и имущих классов, мы должны ее выполнить.

Вам, людям практики, людям опыта, лучше, чем кому-либо, известно, какие трудности приходится преодолевать при переходе от общих предположений и декретов к повседневной жизни. Работа предстоит гигантская, ибо сопротивление имущих классов будет отчаянное, но чем тяжелее будет работа, тем благодатнее будут ее результаты, когда мы победим буржуазию и подчиним ее контролю Советской власти. Задачи наши таковы, что из-за них стоит потрудиться и дать последний и решительный бой буржуазии, ведь от осуществления этих задач зависит успех социалистического преобразования страны.

Основные финансовые задачи, которые наметила Советская власть, требуют немедленного приложения к практической жизни, и совещание с вами будет содействовать тому, чтобы задуманные нами преобразования не оставались одними декларациями.

Мы должны во что бы то ни стало добиться прочных финансовых преобразований, но надо помнить, что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике.

От имени Совета Народных Комиссаров предлагаю вашему вниманию те задачи, которые выяснились на многочисленных совещаниях, и прошу вас детально их разработать для практического применения к жизни. Задачи эти следующие:

ФИНАНСОВАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Нам необходима финансовая централизация, необходима концентрация наших сил; без проведения в жизнь этих принципов мы не достигнем экономических преобразований, при которых каждый гражданин будет иметь кусок хлеба и возможность удовлетворять свои культурные потребности.

В данный момент необходимость централизации уже проникает в сознание народных масс; если этот поворот идет медленно, зато он будет глубже и шире; если наблюдаются стремления к децентрализации — это болезнь переходного времени, болезнь роста; она вполне естественна, так как царский и буржуазный централизм внушил ненависть и отвращение народным массам ко всякой центральной власти.

Я рассматриваю централизм, как минимум известного обеспечения трудящихся масс. Я за самую широкую автономию местных советских организаций, но вместе с тем я думаю, что для плодотворности нашей работы по сознательному преобразованию страны необходима единая, строго определенная финансовая политика и исполнение предписаний сверху донизу.

Мы ждем от вас декрета о финансовой централизации страны.

ПОДОХОДНОЕ И ПОИМУЩЕСТВЕННОЕ ОБЛОЖЕНИЕ

Вторая задача, стоящая перед нами, — правильная постановка прогрессивно-подходного и поимущественного налога. Вы знаете, что все социалисты против косвенных налогов, ибо единственно правильным с социалистической точки зрения налогом является прогрессивно-подходный и поимущественный. Не скрываю, что при введении этого налога придется встретиться с чрезвычайными трудностями; сопротивление имущих классов будет отчаянное.

Сейчас буржуазия ускользает от налогов путем подкупа и связей; мы должны закрыть для нее лазейки. Нами много намечено в этой области, расчищена почва для фундамента, но сам фундамент этого здания еще не создан. Теперь этот момент подходит.

Вопрос о подоходном налоге таков, что одних декретов для проведения его в жизнь недостаточно, нужны практические способы, опытность.

Мы полагаем, что нам надо перейти к ежемесячному взиманию подоходного налога. Доля населения, получающего доход от государственного казначейства, растет; надо принять меры, чтобы с этих лиц подоходный налог взимался путем удержаний из жалования.

Подоходный налог должен быть взимаем со всех без исключения доходов и заработков; работа печатного станка, практиковавшаяся до настоящего времени, может быть оправдана, как временная мера, и должна уступить место прогрессивно-подоходному и поимущественному обложению с очень частыми сроками взимания.

Эту меру я просил бы вас разработать детально, практически и точно определить планы, которые мы могли бы в кратчайший срок превратить в декреты и инструкции.

Касаясь вопроса о контрибуциях, Ленин говорит: Я вовсе не противник контрибуций вообще; чтобы уничтожить буржуазию, пролетариат не мог обойтись без контрибуций; это правильная мера переходного времени, но теперь переходное время кончилось и обложение имущих классов должно уступить место единому центральному государственному налогу.

Несомненно, что буржуазия будет пытаться всеми силами обходить наши законы, пускать в ход мелкий обман. Мы будем бороться против этого, чтобы вконец подорвать остатки буржуазии.

ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ

Третья задача нашей финансовой политики сводится к введению трудовой повинности и регистрации имущих классов.

Старый капитализм, основанный на свободной конкуренции, этой войной окончательно убит, — он уступил место капитализму государственному, монополизационному. Передовые страны Запада: Англия и Германия

перешли в связи с войной к строжайшему учету и контролю всего производства, они ввели трудовую повинность для неимущих классов, создав массу лазеек для буржуазии. Мы должны воспользоваться опытами этих стран, но начать с введения трудовой повинности в первую очередь не для бедных, принесших и без того достаточно жертв на алтарь войны, а для имущих, разбогатевших от войны.

На очереди проведение в жизнь рабочих налогов — бюджетных книжек прежде всего для буржуазии, дабы видно было, какую долю работы каждый из них несет на пользу страны. Контроль должен находиться в руках местных Советов. По отношению к бедным эта мера сейчас совершенно излишня, ибо им и так приходится достаточно работать, — к тому же профессиональные союзы примут все меры для поднятия производительности труда и для введения трудовой дисциплины.

Поголовный учет имущего населения, закон, обязывающий богатых иметь рабочие, налоговые и бюджетные книжки, — вот задача, которую мы должны разрешить в первую голову. Этот вопрос надо разработать практически и конкретно. Эта мера даст возможность переложить тяжесть налогов, как и следует по справедливости, на богатых.

НОВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ

Четвертая задача момента — это замена старых денежных знаков новыми. Деньги, бумажки — все то, что называется теперь деньгами, — эти свидетельства на общественное благосостояние, действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти.

Чтобы ослабить это явление, мы должны предпринять строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми. Несомненно, что на пути проведения этой меры нам придется столкнуться с чрезвычайными экономическими и политическими трудностями; предстоит тщательная подготовительная работа — подготовка нескольких миллиардов новых денег, создание в каждой волости, в каждом квартале крупного города сберегательных касс, но мы не остановимся перед этими трудностями. Мы назначим самый короткий срок, в тече-

ние которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма окажется небольшой, он получит рубль за рубль; если же она превысит норму, он получит лишь часть. Мера эта, несомненно, встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны деревенских кулаков, разбогатевших на войне и зарывших в землю бутылки, наполненные тысячами бумажных денег. Мы встретимся грудь с грудью с классовым врагом. Борьба будет тяжелая, но благодарная борьба. Среди нас нет сомнений, что нам надо взять на себя все тягости этой борьбы, ибо она необходима и неизбежна. Для проведения этой меры нужна огромная подготовительная работа: надо выработать тип декларационного листка, надо развить пропаганду на местах, определить срок обмена старых денег на новые и т. д. Но мы это сделаем. Это будет последний решительный бой с буржуазией и это даст нам возможность платить временную дань иностранному капиталу, пока не пробьет час социальной революции на Западе — и провести необходимые реформы в стране.

В заключение Ленин от имени Совета Народных Комиссаров обращается к съезду с пожеланиями плодотворной работы. (Речь Ленина неоднократно прерывается бурными аплодисментами.)

Газетный отчет опубликован
19 мая 1918 г.
в «Известиях ВЦИК» № 99

Печатается по тексту книги:
«Отчет о работах первого
Всероссийского съезда представителей
финансовых отделов обл., губ. и уездн.
Советов». Москва, 1918

**ПИСЬМО КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НАЦИОНАЛИЗИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ¹¹⁴
18 МАЯ 1918 г.**

Выслушав сообщение товарищей, избранных рабочей делегацией на конференции крупнейших металлообрабатывающих заводов, и имея в виду резолюцию конференции, я могу сказать, что в Совете Народных Комиссаров, наверное, по моему мнению, будет единодушие *в пользу* немедленной национализации, если конференция со всей энергией возьмется за обеспечение планомерной, стройной организованности работ и повышение их производительности.

Желательно поэтому, чтобы конференция: 1) немедленно выбрала Временный совет по подготовке объединения заводов; 2) дала право Центральному комитету Союза металлистов, по соглашению с Высшим советом народного хозяйства, видоизменять его, пополнять состав этого Временного совета для превращения его в *Правление* единого союза (или объединения) всех национализированных заводов; 3) одобрила или, посредством резолюции, узаконила внутренний распорядок по типу брянских правил¹¹⁵ в интересах создания строгой трудовой дисциплины; 4) наметила кандидатов из специалистов, инженеров и организаторов крупного производства для участия в Правлении, или поручила Высшему совету народного хозяйства подыскать и назначить таковых; 5) желательно, чтобы рабочие из наилучше поставленных заводов или наиболее опытные в руководстве крупным производством посылались (Временным советом или Центр. комитетом союза металл.) для содействия в правильной постановке дела в заводах менее успешных; 6) при условии строгого учета и контроля над всеми материалами из-за производительности труда —

надо достигнуть и можно будет достигнуть громадной экономии сырья и труда.

Я думаю, что при энергичной работе конференции и выбранных ею учреждений можно будет в *ближайшие дни* провести национализацию в Совнаркоме.

«Известия ВЦИК» № 99,
19 мая 1918 г.

Печатается по текст^у газеты
«Известия ВЦИК»

НАБРОСОК ТЕЛЕГРАММЫ К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ 21 МАЯ 1918 г. ¹¹⁸

Удержать Советскую власть, удержать и закрепить победу трудящихся и эксплуатируемых *над* помещиками и капиталистами можно только при строжайшей, железной власти сознательных рабочих. Только такая власть может привлечь к себе и объединить вокруг себя всех трудящихся, всю бедноту.

Товарищи-рабочие! Помните, что положение революции критическое. Помните, что спасти революцию можете *только вы*; больше никому.

Десятки тысяч отборных, передовых, преданных социализму рабочих, неспособных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков, спекулянтов, мародеров, взяточников, дезорганизаторов, — вот что необходимо.

Вот что необходимо настоятельно и неотложно.

Вот без чего голод, безработица и гибель революции неизбежны.

В организации сила рабочих и спасенье их. Это все знают. Теперь организация рабочих нужна особого рода, организация железной власти рабочих для победы над буржуазией. Товарищи-рабочие! дело революции, спасенье революции в ваших руках.

Время не терпит: за непомерно тяжелым маем придут еще более тяжелые июнь и июль, а может быть еще и часть августа.

О ГОЛОДЕ

(ПИСЬМО К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ)

Товарищи! У меня был на-днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатей, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добывающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «кто не работает, тот да не ест».

«Кто не работает, тот да не ест» — это понятно всякому трудящемуся. С этим согласны все рабочие, все беднейшие и даже средние крестьяне, все, кто видал в жизни нужду, все, кто жил когда-либо своим заработком. Девять

десятих населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине — основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы.

Но в том-то и суть, что одно дело — расписаться в согласии с этой истиной, побожиться, что разделяешь ее, губами признать ее, другое дело — уметь провести ее в жизнь. Когда сотни тысяч и миллионы людей мучаются от голода (в Питере, в неземледельческих губерниях, в Москве) — в стране, в которой миллионы и миллионы пудов хлеба прячутся богачами, кулаками и спекулянтами, — в стране, которая зовет себя социалистической Советской республикой, — тогда есть над чем серьезно и глубоко пораздумать всякому сознательному рабочему и крестьянину.

«Кто не работает, да не ест» — как провести это в жизнь? Ясно, как ясный божий день, что для проведения этого в жизнь необходима, во-первых, государственная хлебная монополия, т. е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков хлеба кем бы то ни было. Во-вторых, для этого необходим строжайший учет всех излишков хлеба и безукоризненно правильный подвоз хлеба из мест избытка в места недостатка хлеба, с заготовкой запасов на потребление, на обработку, на посев. В-третьих, для этого необходимо правильное, справедливое, не дающее никаких привилегий и преимуществ богатому, распределение хлеба между всеми гражданами государства, под контролем рабочего, пролетарского государства.

Достаточно хоть капельку подумать над этими условиями победы над голодом, чтобы понять всю бездну тупоумия презренных пустомель анархизма, которые отрицают необходимость государственной власти (и беспощадно суровой к буржуазии, беспощадно твердой по отношению к дезорганизаторам власти) для перехода от капитализма к коммунизму, для избавления трудящихся от всякого гнета и всякой эксплуатации. Именно теперь, когда наша революция подошла вплотную, конкретно, практически — и в этом ее неисчислимая заслуга — к задачам осуществления социализма, именно теперь, и как раз на вопресе о главном, на вопресе о хлебе, яснее ясного видна

необходимость железной революционной власти, диктатуры пролетариата, организации сбора продуктов, подвоза и распределения их в массовом, общенациональном масштабе, с учетом потребностей десятков и сотен миллионов людей, с расчетом условий и результатов производства на год и на много лет вперед (ибо бывают неурожайные годы, бывают необходимы для увеличения сбора хлебов мелиорации, требующие многолетних работ, и т. д.).

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то есть топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно-строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август.

Государственная хлебная монополия существует у нас по закону, но на деле ее на каждом шагу срывает буржуазия. Деревенский богатей, кулак, миросд, грабивший всю округу десятки лет, предпочитает наживаться на спекуляции, на самогонке: это ведь так выгодно для его кармана, а вину за голод он сваливает на Советскую власть. Точно так же поступают политические защитники кулака — кадеты, правые эсеры, меньшевики, открыто и тайно «работающие» против хлебной монополии и против Советской власти. Партия бесхарактерных, то есть левые эсеры, бесхарактерна и здесь: она поддается корыстным крикам и воплям буржуазии, она кричит против хлебной монополии, она «протестует» против продовольственной диктатуры, она дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаком и истерически мечется, советуя повысить твердые цены, разрешить частную торговлю и тому подобное.

Эта партия бесхарактерных отражает в политике нечто подобное тому, что бывает в жизни, когда кулак науськивает бедноту против Советов, подкупает ее, дает, например, какому-нибудь бедному крестьянину пудик хлеба

не за шесть, а за три рубля, с тем, чтобы этот развращенный бедняк сам «попользовался» спекуляцией, сам «поживился» спекулятивной продажей этого пудика за 150 рублей, сам превратился в крикуна против Советов, запрещающих частную торговлю хлебом.

Кто способен думать, кто хочет хотя бы капельку подумать, тому ясно, по какой линии идет борьба:

Либо сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворяя правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе;

— либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и путаных людей (анархистов и левых эсеров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности.

Кто вдумывается в политическую жизнь, тот не может не видеть, что кадеты с правыми эсерами и с меньшевиками стовариваются меж собой о том: русско-немецкий или русско-японский Корнилов «приятнее», коронованный или республиканский Корнилов лучше и вернее раздавит революцию.

Пора сговориться всем сознательным, всем передовым рабочим. Пора им встряхнуться и понять, что каждая минута промедления грозит гибелью страны и гибелью революции.

Полумерами не поможешь. Жалобы ни к чему не приведут. Попытки добыть хлеба или топлива «в розницу», «себе», т. е. «своему» заводу, «своему» предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело.

И вот почему я позволяю себе обратиться с письмом к вам, товарищи-питерские рабочие. Питер — не Россия. Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознатель-

ных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги.

У нас было сорок тысяч на Путиловском, — говорил мне делегат питерских рабочих, — но из них большинство было «временные» рабочие, не пролетарии, ненадежные, дряблые люди. Теперь осталось пятнадцать тысяч, но это — пролетарии, испытанные и закаленные в борьбе.

Вот такой-то авангард революции — и в Питере и во всей стране — должен кликнуть клич, должен *подняться массой*, должен понять, что в его руках спасенье страны, что от него требуется героизм не меньший, чем в январе и октябре пятого, в феврале и октябре 17-го года, что надо организовать великий *«крестовый поход»* против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий *«крестовый поход»* против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин.

Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов, — настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекал от себя и расстреливать всякого, кто «соблазнился» бы — бывает — соблазнами спекуляции и из борца за народное дело превратился в грабителя, — настолько твердых и преданных революции, чтобы организованно вынести все тяжести *похода* во все концы страны для водворения порядка, для укрепления местных органов Советской власти, для надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива.

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, не покидая насиженных мест, не идти в поход, ограничиваясь порывом — восстанием против изверга-идиота Романова или дурачка и хвастунишки

Керенского. Героизм длительной и упорной организационной работы в общегосударственном масштабе неизмеримо труднее, зато и неизмеримо выше, чем героизм восстаний. Но силу рабочих партий и рабочего класса составляло всегда то, что он смело, прямо, открыто смотрит в лицо опасности, не боится признать ее, трезво взвешивает, какие силы стоят в «его» и в «чужом», эксплуататорском, лагере. Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим *со стороны рабочих* и в общегосударственном масштабе, это — настоящее и главное преддверие социализма. Это — уже не «общереволюционная», а именно *коммунистическая* задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму.

На этот бой стоит отдать все силы: велики его трудности, но велико и то дело уничтожения гнета и эксплуатации, за которое мы боремся.

Когда народ голодает, когда безработица свирепствует все более грозно, — каждый, кто укрывает лишний пуд хлеба, каждый, кто лишает государство пуда топлива, является величайшим преступником.

В такое время — а для истинно коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо *овладеть ею практически*, надо добиться *на деле* правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо *очистить всю страну* от спрятанных или несобранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удешевления ее энергии,

для помощи местным органам Советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взяточничества, неряшливости. Эта задача не нова. Новых задач, собственно говоря, история не выдвигает, — она только увеличивает размер и размах старых задач по мере того, как увеличивается размах революции, растут ее трудности, растет величие ее всемирно-исторической задачи.

Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — Советского — переворота состоит в том, что передовой рабочий, как *руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда, «пошел в народ»*. Тысячи и тысячи лучших рабочих отдал деревне Питер, отдал ей другие пролетарские центры. Отряды борцов с Калединами и Дутовыми, продовольственные отряды — не новость. Задача только в том, что близость катастрофы, тяжесть положения обязывает сделать *вдесятеро* больше прежнего.

Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелкобуржуазного развала. Чем меньше бывало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелкособственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего.

Начав коммунистическую революцию, рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих, при нищете многих. Но рабочий класс может победить — *и, наверно, неминуемо победит, в конце концов* — старый мир, его пороки и его слабости, если против врага будут двигаемы новые и новые, все более многочисленнее, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих.

Так, именно так стоит дело теперь в России. В одиночку и вразброд не победить голода и безработицы. Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно *вдесятеро* больше *железных*

отрядов сознательного и бесконечно преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную войну против империалистских хищников.

22. V. 1918 г.

Н. Ленин

«Правда» № 101, 24 мая 1918 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ КОМИССАРОВ ТРУДА ¹¹⁷ 22 МАЯ 1918 г.

Товарищи! Позвольте мне прежде всего от имени Совета Народных Комиссаров приветствовать съезд комиссаров труда. (Бурные аплодисменты.)

На вчерашнем заседании Совета Народных Комиссаров товарищ Шляпников сообщил о том, что ваш съезд присоединился к резолюции профессиональных союзов относительно трудовой дисциплины и норм производительности. Товарищи, я думаю, что этим решением вы сделали весьма крупный шаг, касающийся не только производительности труда и условий производства, но чрезвычайно важный принципиальный шаг с точки зрения современного положения вообще. Вы имеете постоянную деловую, а не случайную связь со всеми широкими массами рабочих, и вам известно, что наша революция переживает один из самых важных и критических моментов своего развития.

Вы прекрасно знаете, что наши враги, западные империалисты, подкарауливают нас, и, может быть, будет момент, когда они обрушат на нас свои полчища. Теперь к этим внешним врагам присоединяется опасный враг — внутренний: разложение, хаос и дезорганизация, усиливаемые буржуазией вообще и мелкой в частности и разными приспешниками и прихвостнями буржуазии. Вы знаете, товарищи, что после мучительнейшей войны, в которую ввел нас царский режим и соглашатели с Керенским во главе, нам непосредственно достались в наследие разложение и крайняя разруха. Теперь подходит самый критический момент, когда голод и безработица стучатся в дверь все большего числа рабочих, когда сотни и тысячи

людей терпят муки голода, когда положение обострено тем, что хлеба нет, но он мог бы быть, когда мы знаем, что правильное распределение его зависит от правильного подвоза. Недостаток топлива, после того как от нас отрезан богатый топливом край, катастрофа железных дорог, которым, может быть, грозит приостановка движения, — вот те положения, которые создают трудности для революции, вот положения, которые наполняют ликованием сердца корниловцев всех сортов и всех цветов. Они сейчас ежедневно, может быть, ежечасно, сталкиваются, как бы использовать трудности Советской республики и пролетарской власти, чтобы снова возвести на престол Корнилова. Спор у них идет о том, какой национальности будет этот Корнилов, но он должен быть таким, который выгоден для буржуазии, — с короной ли на голове или Корнилов-республиканец. Теперь рабочие уже знают, в чем дело, и после того, что пережила русская революция после Керенского, — это нисколько их не удивит. Но сила рабочей организации, рабочей революции заключается в том, чтобы, не закрывая глаз на правду, давать себе самый точный отчет в положении дел.

Мы говорили, что война в тех размерах и в той неслыханной мучительности грозит полной гибелью европейской культуры. Единственное спасение может быть только в переходе власти в руки рабочих для организации железного порядка. Наш российский пролетариат, ходом российской революции и особого исторического положения, после 1905 года оказался на известное время далеко впереди других международных армий пролетариата. Мы сейчас переживаем ту полосу, когда во всех западноевропейских странах революция зреет, когда выясняется полная безвыходность положения для рабочих армий Германии. Мы знаем, что там, на Западе, против трудящихся стоит не гнилой режим Романова и пустых хвастунов, а поголовная организованная буржуазия, опирающаяся на все завоевания современной культуры и техники. Вот почему нам революцию было так легко начать и труднее продолжать, и вот почему там, на Западе, революцию труднее нечать, но будет легче продолжать. Наша трудность зависит от того, что мы должны все проделать усилиями российского пролетариата и удерживать положение, пока достаточно окрепнет наш союзник — международный про-

летариат всех стран. С каждым днем чувствуется, что иного выхода нет. Наше положение еще осложняется тем, что, не имея подкреплений, мы стоим лицом к лицу с разрухой железнодорожной, транспортной и продовольственной. Здесь должен быть вопрос поставлен ясно для всех.

Я надеюсь, что съезд комиссаров труда, который имеет больше, чем другие, непосредственное соприкосновение с рабочими, что этот съезд будет этапом не только в деле непосредственного улучшения тех порядков труда, которые мы должны положить в основу социализма, но что этот съезд послужит этапом для прояснения сознания рабочих по отношению к переживаемому моменту. Перед рабочим классом стоит трудная, но благодарная задача, от которой зависит решение судьбы социализма в России, а может быть, и в других странах. Вот почему так важна резолюция о трудовой дисциплине.

Теперь, когда власть укреплена в руках рабочих, теперь все дело зависит от пролетарской дисциплины и пролетарской организованности. Вопрос идет о дисциплине и диктатуре пролетариата, о железной власти. Власть, которая встречает самое горячее сочувствие, самую решительную поддержку бедноты, эта власть должна быть железной, потому что надвигаются неслыханные бедствия. Масса рабочих живет под впечатлением старого и надеется, что мы как-нибудь вырвемся из этого положения.

Но с каждым днем эти иллюзии рушатся, и становится все более очевидным, что мировая война грозит голодом и вырождением целых стран, если рабочий класс своей организованностью не победит этой разрухи. Мы видим наряду с сознательным элементом рабочего класса, всю деятельность направившим на то, чтобы новая дисциплина товарищества была положена в основу, многомиллионную массу мелкособственнического и мелкобуржуазного элемента, который смотрит на все с точки зрения своих узких интересов. Нельзя бороться с голодом и катастрофой, которые надвигаются на нас, иначе, как установлением железного порядка сознательных рабочих, — без этого мы ничего сделать не сможем. Вследствие гигантского расположения России, мы живем в таких условиях, что в одном конце страны много хлеба, а в другом ничего нет. Нечего думать, что не будет оборонительной войны, которую нам могут навязать. Нечего думать о том, чтобы прокормить

города и огромные промышленные центры без правильного подвоза. Нужно каждый пуд хлеба взять на учет, чтобы ни один пуд хлеба не пропал. Но мы знаем, что этот учет в действительности не проводится в жизнь, а остается только на бумаге. В жизни мелкие спекулянты только развращают деревенскую бедноту, внушая ей, что частной торговлей можно пополнить недостаток. При таких условиях из кризиса выйти нельзя. В России может хватить хлеба для людей и хлеба, т. е. топлива, для промышленности при самом строгом разделе всего, что у нас есть, между всеми гражданами, чтобы никто не мог взять ни одного лишнего фунта хлеба, чтобы ни один фунт топлива не оставался неизрасходованным. Только так можно спасти страну от голода. Этот урок коммунистического раздела, чтобы все было на учете, чтобы был хлеб для людей и топливо для промышленности, этот урок не из книжки — мы дошли до него путем горького опыта.

Может быть, не сразу широкая рабочая масса поймет, что мы стоим перед катастрофой. Нужен крестовый поход рабочих против дезорганизации и против укрывания хлеба. Нужен крестовый поход для того, чтобы трудовая дисциплина, о которой вы принимали решение, о которой говорили в пределах фабрик и заводов, чтобы она распространилась по всей стране, чтобы самые широкие массы поняли, что другого выхода нет. Сила сознательных рабочих в истории нашей революции всегда состояла в том, чтобы совершенно прямо смотреть в лицо самой горькой опасной действительности, не делая иллюзий, а точно учитывая силы. Мы можем рассчитывать только на сознательных рабочих; остальная масса, буржуазия и мелкие хозяйчики, против нас, они не верят в новый порядок, они ловят всякий случай обострения народной нужды. Примером может служить то, что мы видим на Украине и в Финляндии: неслыханные зверства и моря крови, которыми буржуазия и ее сторонники от кадетов до эсеров заливают города, побеждая их при помощи своих союзников. Все это показывает, что ждет впереди пролетариат, если он не выполнит своей исторической задачи. Мы знаем, как невелики в России слои передовых и сознательных рабочих. Мы знаем также цену народной нужды, мы знаем, что дойдем до того, что широкие массы поймут, что полумерами не выйти из положения и без пролетарского переворота

обойтись нельзя. Мы живем в такое время, когда разоряют страны и миллионы людей осуждают на гибель и обращают в военное рабство. Вот тот переворот, который история навязала нам не по злой воле отдельных лиц, но потому, что весь капиталистический строй ломится и трещит в основании.

Пользуйтесь, товарищи комиссары труда, каждым своим свиданием на любом заводе и фабрике, своими свиданиями с любой делегацией рабочих, пользуйтесь возможностью объяснить это положение, чтобы они знали, что нам предстоит либо гибель, либо самодисциплина, организация и возможность защищаться. Что нам предстоит возвращение корниловцев — русских, японских или немецких, — которые несут одну восьмую фунта хлеба в неделю, если сознательные рабочие не организуют крестового похода во главе со всей беднотой против хаоса и дезорганизации, которую мелкая буржуазия всюду усиливает и которую мы должны победить. Вопрос состоит в том, чтобы сознательный рабочий чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность. Сознательный рабочий должен знать, что он представитель класса. Он должен победить, если станет во главе движения против буржуазии и спекулянтов. Сознательный рабочий поймет, в чем основная задача социалиста, и тогда мы победим. Тогда найдутся силы, и мы сможем бороться. (Шумные, продолжительные аплодисменты.)

«Известия ВЦИК» № 102,
23 мая 1918 г.
«Правда» № 101, 24 мая 1918 г.

Печатается по тексту газеты «Правда»,
сверенному с текстом газеты
«Известия ВЦИК»

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

I

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВНАРКОМА¹¹⁸

СНК, вполне одобряя и приветствуя идею, легшую в основе проекта учреждения Социалистической Академии, поручает Комиссариату народного просвещения переработать этот проект на следующих основах:

- 1) — во главу угла поставить издательское общество марксистского направления;
- 2) — привлечь в особенно большом числе заграничные марксистские силы;
- 3) — одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований;
- 4) — немедленно принять меры к выяснению, сбору и использованию русских преподавательских сил.

Написано 25 мая 1918 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXI*

Печатается по рукописи

II
ДИРЕКТИВЫ КОМИССИИ

Поручить Комиссии:

- 1) рассмотреть детально устав Социалистической Академии общественных наук для внесения в СНК и затем в ЦИК;
- 2) тотчас же вступить в обмен мнений по этому вопросу, как и по вопросу о составе, с нерусскими и заграничными марксистами;
- 3) составить и обсудить список кандидатов, пригодных и согласных быть членами учредителями, а равно преподавателями, для внесения этого списка в СНК и ЦИК.

Написано 7 июня 1918 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXI*

Печатается по рукописи

ТЕЗИСЫ ПО «ТЕКУЩЕМУ» МОМЕНТУ ¹¹⁹

1) Военный комиссариат превратить в Военно-продовольственный комиссариат — т. е. сосредоточить $\frac{9}{10}$ работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны — на 3 месяца: июнь — август.

2) Объявить военное положение во всей стране на то же время.

3) Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-тилетних, хотя бы в некоторых областях, для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива.

4) Ввести расстрел за недисциплину.

5) Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба и по реальным результатам проведения сбора излишков хлеба.

6) Задачами военного похода должно быть поставлено:

а) сбор запасов хлеба на прокормление населения;

б) то же — для 3-месячного продовольственного запаса для войны;

в) охрана запасов угля, сбор их, усиление производства.

7) В отряды действующей (против кулаков и пр.) армии включить от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ (в каждый отряд) рабочих голодающих губерний и беднейших крестьян оттуда же.

8) Обязательными для каждого отряда издать две инструкции:

а) идейно-политическую, о значении победы над голодом, над кулаками, о диктатуре пролетариата, как власти трудящихся;

б) военно-организационную, о внутреннем распорядке отрядов, о дисциплине, о контроле и письменных документах контроля за каждой операцией и т. д.

9) Ввести круговую поруку всего отряда, например, угрозу расстрела десятого, — за каждый случай грабежа.

10) Мобилизовать все перевозочные средства богатых лиц в городах для работы по свозу хлеба; мобилизовать на должности писарей и приказчиков состоятельные классы.

11) В случае, если признаки разложения отрядов будут угрожающе часты, возвращать, т. е. сменять, «заболевшие» отряды через месяц на место, откуда они отправлены, для отчета и «лечения».

12) Провести и в Совете Народных Комиссаров и в Центральном Исполнительном Комитете:

(а) признание страны в состоянии грозной опасности по продовольствию;

(б) военное положение;

(в) мобилизацию армии, наряду с реформированием вышеуказанного типа, для похода за хлебом;

(г) в каждом уезде и волости с избытками хлеба составить тотчас списки богатых землевладельцев (кулаков), торговцев хлебом и т. п., с возложением на них личной ответственности за сбор всех излишков хлеба;

(д) в каждом военном отряде назначать, — хотя бы по одному на десять, примерно, человек, — людей с партийной рекомендацией РКП и левых социалистов-революционеров или профессиональных союзов.

13) При проведении хлебной монополии признать обязательными самые решительные, ни перед какими финансовыми жертвами не останавливающиеся, меры помощи деревенской бедноте и меры дарового раздела между нею части собранных излишков хлеба кулаков, наряду с беспощадным подавлением кулаков, удерживающих излишки хлеба.

Написано 26 мая 1918 г.

Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVIII

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ
СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ¹²⁰
26 МАЯ 1918 г.**

Товарищи, позвольте мне прежде всего приветствовать съезд Советов народного хозяйства от имени Совета Народных Комиссаров. (Аплодисменты.)

Товарищи, на Высший совет народного хозяйства легла теперь одна из трудных и одна из самых благодарных задач. Нет никакого сомнения, что, чем дальше будут двигаться завоевания Октябрьской революции, чем глубже пойдет этот переворот, который начат ею, чем прочнее будут закладываться основы завоеваний социалистической революции и упрочение социалистического строя, тем больше, тем выше будет становиться роль советов народного хозяйства, которым предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место, которое будет тем более прочно, чем ближе мы будем к установлению социалистического порядка, чем меньше будет надобности в аппарате чисто административном, в аппарате, ведающем собственно только управлением. Этому аппарату суждено, после того как сломлено будет окончательно сопротивление эксплуататоров, после того как трудящиеся научатся организовывать социалистическое производство, — этому аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества.

Поэтому, товарищи, когда я смотрю на опыт нашего Высшего совета народного хозяйства и местных советов, с деятельностью которых он тесно и неразрывно связан, то, несмотря на многое незаконченное, незавершенное,

неорганизованное, я думаю, у нас нет и тени основания к каким-нибудь пессимистическим выводам. Ибо задача, которую ставит себе Высший совет народного хозяйства, и задача, которую ставят себе все областные и все местные советы, — задача такая гигантская, такая всеобъемлющая, что решительно нет ничего внушающего опасения в том, что мы все наблюдаем. Очень часто, — конечно, с нашей точки зрения, может быть, и слишком часто, — пословица «семь раз примерь и один раз отрежь» не применялась. Так просто, как обстоит дело по этой пословице, к сожалению, не обстоит дело с организацией хозяйства на социалистических началах.

С отходом всей власти, — на этот раз не только политической и, главным образом, даже не политической, а экономической, т. е. касающейся самых глубоких основ повседневной человеческой жизни, — к новому классу, притом к такому, который ведет за собою впервые в истории человечества громадное большинство населения, всю массу трудящихся и эксплуатируемых, — наши задачи усложняются. — Само собою понятно, что тут при величайшей важности и величайшей трудности организационных задач, когда нам надо совершенно по-новому организовать самые глубокие основы человеческой жизни сотен миллионов людей, совершенно понятно, что здесь так просто налаживать дело, как это можно было по пословице «семь раз примерь, один раз отрежь», нет возможности. Нам, действительно, нельзя произвести предварительные многочисленные примерки, а потом отрезать и закрепить то, что окончательно примерено, приложено. Нам нужно в самом ходе работы, испытывая те или иные учреждения, наблюдая их на опыте, проверяя их коллективным общим опытом трудящихся и, главное, опытом результатов работы, нам нужно тут же, в самом ходе работы, и притом в состоянии отчаянной борьбы и бешеного сопротивления эксплуататоров, которые становятся тем более бешеными, чем ближе мы подходим к тому, чтобы окончательно вырвать последние испорченные зубы капиталистической эксплуатации, — строить наше экономическое здание. Понятно, что при таких условиях нет ни тени основания для пессимизма, хотя, конечно, это большое основание для злوبيных выходов буржуазии и обиженных в своих лучших чувствах господ эксплуататоров, если нам,

даже за короткое время, приходится иногда переделывать по несколько раз типы, уставы, органы управления различных отраслей народного хозяйства. Конечно, тому, кто слишком близко и слишком непосредственно участвует в этой работе, иногда в трехкратной переделке уставов, норм, законов управления, ну, скажем, хотя бы Главводу, конечно, бывает иногда очень невесело, и удовольствия от этого рода работы не могут быть велики. Но, если немножечко отвлечься от непосредственной неприятности чрезмерно частой переделки декретов и если посмотреть чуточку поглубже и подальше на то гигантское, всемирно-историческое дело, которое русскому пролетариату приходится выполнять пока еще собственными недостаточными силами, тогда станет сразу понятно, что даже гораздо более многократные переделки, испытание на опыте различных систем управления, различных норм налаживания дисциплины неизбежны, что в таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества.

Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспропрированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом. Мы

не можем так делать именно потому, что мы рассчитываем на совместный опыт, на опыт миллионов трудящихся.

Поэтому мы знаем, что дело организационное, которое составляет главную, коренную и основную задачу Советов, что оно неизбежно несет нам массу опытов, массу шагов, массу переделок, массу трудностей, в особенности относительно того, как поставить каждого человека на свое место, ибо здесь нет опыта, здесь приходится каждый такой шаг выработать самим, и, чем тяжелее ошибки на таком пути, тем тверже растет уверенность, что с каждым новым приростом числа членов профессиональных союзов, что с каждой новой тысячей, с каждой новой сотней тысяч людей, переходящих из лагеря трудящихся, эксплуатируемых, которые до сих пор жили по традициям, по привычке, в лагерь строителей советских организаций, растет число людей, которые должны удовлетворять и поставить дело на правильные рельсы.

Возьмите одну из второстепенных задач, на которую Совет народного хозяйства, — Высший совет народного хозяйства, особенно часто натывается, — задачу использования буржуазных специалистов. Мы все знаем, по крайней мере те, которые стоят на почве науки и социализма, что эта задача может быть осуществима лишь тогда, что она может быть осуществима лишь в той мере, в какой международный капитализм развил материальные, технические предпосылки труда, осуществленного в гигантском размере, покоящегося на данных науки, а поэтому на выработке громадного кадра научно-образованных специалистов. Мы знаем, что без этого социализм невозможен. Если мы перечитаем сочинения тех социалистов, которые в течение последнего полувека наблюдали развитие капитализма и приходили к выводу еще и еще раз, что социализм неизбежен, то они все без исключения указывали на то, что только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия. Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это. И мы

знаем, что он должен осуществить это, и в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его.

Мы должны осуществить это, опираясь на элементы, ему враждебные, так как капитал, чем крупнее он становится, тем более развивает гнет буржуазии и подавление рабочих. Когда власть оказалась в руках пролетариата и беднейшего крестьянства, когда власть ставит себе задачи при поддержке этих масс, нам приходится осуществлять эти социалистические преобразования при помощи буржуазных специалистов, тех специалистов, которые в буржуазном обществе воспитывались, которые другой обстановки не видели, которые другой общественной обстановки не могут себе представить, и поэтому даже в тех случаях, когда эти люди совершенно искренни и преданы своему делу, даже в этих случаях они полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом.

Эти трудности задачи и достижения для нас не могут быть скрыты. Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задается задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это задача величайшего труда. Если в этой области происходят эксперименты, если мы делаем неоднократные исправления частичных ошибок, это неизбежно, когда не удастся сразу в той или иной области народного хозяйства превратить специалистов из служителей капитализма в служителей трудящихся масс, в их советчиков. Если нам это не удастся сразу, это не может вызвать ни капли пессимизма, потому что задача, которую мы себе ставим, это — задача всемирно-исторической трудности и значения. Мы не закрываем глаза на то, что

нам одним — социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны, — в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить. Тот, кто отворачивается от происходящей в России социалистической революции, указывая на явное несоответствие сил, тот похож на застывшего человека в футляре, не видящего дальше своего носа, забывшего, что нет ни одного исторического переворота, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил. Силы растут в процессе борьбы, с ростом революции. Когда страна вступила на путь величайших преобразований, тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется. Этого опыта у рабочих, которые сейчас соединены в профессиональные союзы и местные организации и берутся практически за дело общенационального налаживания всего производства, этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание.

Я позволю себе указать еще на одну и, быть может, самую трудную задачу, практически решать которую приходится Высшему совету народного хозяйства. Это задача трудовой дисциплины. Собственно говоря, когда указываем на эту задачу, мы должны признать и с удовольствием подчеркнуть, что именно профессиональные союзы, их самые крупные организации — Центральный комитет союза металлистов, Всероссийский совет профессиональных союзов — высшие профессиональные организации, объединяющие миллионы трудящихся, что они первые самостоятельно взялись за решение этой задачи, а эта задача имеет всемирное историческое значение. Чтобы ее понять, нужно отвлечься от тех частных маленьких неудач, от невероятных трудностей, которые кажутся, если взять их отдельно, непреодолимыми. Нужно подняться выше и посмотреть

на историческую смену укладов общественного хозяйства. Лишь с этой точки зрения станет ясным, какую гигантскую задачу мы на себя взяли и какое гигантское значение имеет то, что на этот раз самый передовой представитель общества, трудящиеся и эксплуатируемые массы, берут на себя, на свой почин задачу, которую до сих пор всецело в крепостной России до 61 года решала кучка помещиков, которую она считала своим делом. Тогда было их делом создание общегосударственной связи и дисциплины.

Мы знаем, как крепостники-помещики создавали эту дисциплину. Это были гнет, надругательство и неслыханные каторжные муки для большинства народа. Припомните песь этот переход от крепостного права к буржуазному хозяйству. То, что вы наблюдали, хотя большинство из вас наблюдать не могло, и то, что вы знаете от старших поколений, — этот переход после 61 года к новому буржуазному хозяйству, переход от старой крепостной дисциплины палки, от дисциплины бессмысленнейшего, самого наглого и грубого надругательства и насилия над человеком, — к дисциплине буржуазной, к дисциплине голода, так называемого вольного найма, которая на самом деле была дисциплиной капиталистического рабства, — этот переход исторически казался легок, потому что от одного эксплуататора человечество переходило к другому эксплуататору, потому что одно меньшинство грабителей и эксплуататоров народного труда уступало место другому меньшинству тоже грабителей и тоже эксплуататоров народного труда, потому что помещики уступили это место капиталистам, — одно меньшинство другому меньшинству, при подавлении широких масс трудящихся и эксплуатируемых классов. И даже эта смена одной эксплуататорской дисциплины другой дисциплиной стоила годов, если не десятилетий, усилий, стоила годов, если не десятилетий, переходного времени, когда старые помещики-крепостники совершенно искренне считали, что все гибнет, что хозяйничать без крепостного права нельзя, когда новый хозяин-капиталист на каждом шагу встречал практические трудности и махал рукой на свое хозяйство, когда материальным знаком, одним из вещественных доказательств трудности этого перехода было то, что Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказывалось, что

нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей. И во всех концах России наблюдалось, что лучшие машины валялись без использования, настолько трудно было перейти от старой крепостной дисциплины к новой буржуазно-капиталистической дисциплине.

И вот вы так посмотрите на дело, товарищи, если вы не будете давать сбивать себя с толку тем людям, тем классам, той буржуазии, тем приспешникам буржуазии, вся задача которых состоит в сеянии паники, в сеянии уныния, в наведении полного уныния на всю работу и изображении ее безнадежной, которые указывают на каждый отдельный случай недисциплинированности и разложения и по этому случаю машут рукой на революцию, точно бывала на свете, точно бывала в истории хотя бы одна, действительно, великая революция без разложения, без потери дисциплины, без мучительных шагов опыта, когда масса вырабатывает новую дисциплину. Мы не должны забывать, что впервые подошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых. На быстрые успехи в этом мы не претендуем, не рассчитываем. Мы знаем, что это дело займет целую историческую эпоху. Мы начали ту историческую эпоху, когда в стране буржуазной еще мы разбиваем дисциплину капиталистического общества, разбиваем и гордимся тем, что все сознательные рабочие, все решительно трудовое крестьянство всемерно помогают разрушению, и когда в массах добровольно, по их собственному почину, растет сознание того, что они эту основанную на эксплуатации и рабстве трудящихся дисциплину должны заменить не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта, заменить новой дисциплиной объединенного труда, дисциплиной объединенных организованных рабочих и трудовых крестьян всей России, страны с десятками и сотнями миллионов населения. Эта задача гигантской трудности, но зато и задача благодарная, потому что лишь тогда, когда мы решим ее практически, лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества. (Аплодисменты.)

ОБРАЩЕНИЕ К ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАМ, ВОДНИКАМ И МЕТАЛЛИСТАМ ¹⁹²¹

Выслушав представителей железнодорожных организаций, организаций водного транспорта, представителей рабочих металлургических заводов и профессионального союза железнодорожных рабочих,

— выслушав предложение этих товарищей о разрешении их организациям, «Продпути», «Продвода» и т. д., самостоятельных заготовок,

Совет Народных Комиссаров настойчиво обращает внимание всех организованных, сознательных и думающих рабочих и трудящихся крестьян на бросающееся в глаза неразумие подобных предложений. Всякому ясно, что, разрешая отдельные самостоятельные заготовки «Продпути», «Продводу», «Продметаллу», «Продрезине» и тому подобное, мы совершенно разрушили бы все продовольственное дело, разрушили бы всякую государственную организацию рабочих и беднейших крестьян, расчистили бы полностью дорогу победе кулаков и Скоропадских.

Все рабочие и голодные крестьяне должны понять, что только общими усилиями, отрядив сотни и тысячи лучших рабочих в общие продовольственные отряды, только двинув объединенные, слитые, общие, массовые силы рабочих для борьбы за порядок, для борьбы за хлеб, можно победить голод, победить беспорядок, победить спекулянтов и кулаков.

Безумно верить тем, кто просит самостоятельных заготовок для «Продпути», для «Продвода», не думая, что в *каждом уезде* неземледельческих губерний имеются *десятки* и *сотни тысяч* голодных крестьян, месяцами не получающих вовсе хлеба.

**ОБЪЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК,
МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ,
КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ
ДЕПУТАТОВ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ¹²³
4 ИЮНЯ 1918 г.**

Газетные отчеты опубликованы
6 июля 1918 г. в «Правде» № 111
и в «Известиях ВЦИК» № 113

Печатается по тексту книги: «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографический отчет». Москва, 1920, сверенному со стенограммой и с текстом брошюры: Н. Ленин, «Борьба за хлеб», Москва, 1918

1

ДОКЛАД О БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ
4 ИЮНЯ 1918 г.

Товарищи! Темой, о которой мне приходится говорить сегодня, является величайший кризис, который обрушился на все современные страны, который в настоящий момент всего тяжелее, пожалуй, давит Россию и, во всяком случае, неизмеримо тяжелее ощущается в ней, чем в других странах. И об этом кризисе, о голоде, который надвинулся на нас, мне надо сказать сообразно поставленной перед нами задаче в связи с общим положением. А где идет речь об общем положении, нельзя, конечно, ограничиваться одной Россией, тем более, что в настоящее время тяжелее, чем прежде, мучительнее, чем прежде, связаны между собою все страны современной капиталистической цивилизации.

Везде, как в воюющих, так и в нейтральных странах, война, империалистическая война двух групп гигантских хищников, несла с собою полное истощение производительных сил. Разорение и обнищание дошло до того, что в самых передовых, цивилизованных и культурных странах, в течение не только десятилетий, но и столетий не знавших, что такое голод, война довела до голода в самом подлинном, в самом буквальном значении слова. Правда, в передовых странах, особенно в тех, в которых самый крупный капитализм давно приучил население к максимально возможному при этом способу хозяйственной организации, в таких передовых странах голод удалось правильно распределить, дольше оттянуть, сделать его менее острым, но от голода, от самого подлинного голода, страдают, например, Германия и Австрия в течение долгого времени, не говоря уже о разбитых и поработенных странах.

Теперь мы едва ли можем открыть хоть один номер газеты, не натываясь на целый ряд известий из целого ряда передовых, культурных не только воюющих, но и нейтральных стран, вроде Швейцарии, вроде некоторых скандинавских стран, без того, чтобы не встретить известий о голоде, о страшных бедствиях, обрушившихся на человечество в связи с войной.

Товарищи, для тех, кто наблюдал развитие европейского общества, уже давно было несомненно, что капитализм не сможет изжить себя мирно, что он ведет либо непосредственно к восстанию против ига капитала в широких массах, либо он ведет к тому же результату через гораздо более тяжелый, мучительный и кровавый путь войны.

Уже за много лет до войны социалисты всех стран указывали и торжественно заявляли на своих конгрессах, что война между передовыми странами будет не только величайшим преступлением, что эта война из-за дележа колоний, из-за дележа добычи капиталистов будет не только полным разрывом с приобретениями новейшей цивилизации и культуры, что она может повести и что она неминуемо поведет к подрыву самих условий существования человеческого общества. Потому что первый раз в истории самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней. При таком обращении всех производительных средств на служение делу войны мы видим, что исполняется самое горькое предсказание и что одичание, голод и полный упадок всяких производительных сил охватывают все большее и большее количество стран.

Мне вспоминается поэтому, как прав был один из великих основателей научного социализма, Энгельс, когда в 1887 году писал, что европейская война приведет не только к тому, что короны, как он выразился, дюжинами полетят с голов коронованных особ и некому будет поднимать эти короны, но что эта война поведет за собой неслыханное озверение, одичание и отсталость всей Европы, а вместе с тем война повлечет за собой либо господство рабочего класса, либо создание условий, делающих это господство необходимым¹²³. Основатель марксизма выразался на этот раз с удвоенной осторожностью, ибо он ясно видел,

что если история пойдет таким путем, то это приведет к краху капитализма, к расширению социализма, то более мучительного, более тяжкого перехода, более острой нужды и более крутого кризиса, подрывающего все производительные силы, нельзя будет себе и представить.

И вот мы видим теперь наглядно, что значат последствия затянувшейся на четвертый год империалистической бойни народов, когда чувствуется во всех, даже передовых странах, что война зашла в тупик, что из нее на почве капитализма выхода нет, что она поведет к мучительному разорению. И если нам, товарищи, если русской революции, — которая вовсе не особой заслугой русского пролетариата вызвана, а ходом общего шествия исторических событий, которыми этот пролетариат поставлен волей истории временно на первое место и стал на время авангардом мировой революции, — если нам приходится переживать особенно тяжело, особенно остро для нас мучения голода, который обрушивается на нас все тяжелее и тяжелее, то мы должны твердо усвоить себе, что эти бедствия являются прежде всего и больше всего наследством этой проклятой империалистической бойни, которая во всех странах привела к неслыханным бедствиям, и где эти бедствия только временно скрываются еще от масс и от осведомления громадного большинства народов.

Пока продолжается военный гнет, пока сохраняется еще война, пока она связана еще, с одной стороны, с надеждами на победу и на возможность выйти из этого кризиса путем победы одной из империалистических групп, а с другой стороны, определяется бешенством военной цензуры и опьянением всего народа военным угаром, только это и скрывает от массы населения большинства стран, в какую пропасть они вваливаются, в какую пропасть они наполовину свалились. И нам теперь приходится особенно остро это чувствовать, потому что нигде, как в России, нет такого вопиющего противоречия между громадностью задач, поставленных себе восставшим пролетариатом, который понял, что нельзя победить войны, всемирной войны самых могучих империалистических гигантов всего света, нельзя победить без самой могучей, столь же охватывающей весь мир, пролетарской революции.

И когда нам ходом событий пришлось занять одно из выдающихся мест в этой революции и на долгое время, по крайней мере с октября 1917 года, остаться отрезанным отрядом, которому события не позволяют с достаточною быстротою придти на помощь другим отрядам международного социализма, — нам приходится теперь переживать в десять раз более тяжелое положение. Когда мы сделали все, что было в силах непосредственно восстающего пролетариата и поддерживающего его беднейшего крестьянства для свержения своего главного противника, для того, чтобы встать на страже социалистической революции, мы видим в то же время, как на каждом шагу гнет империалистических держав-хищников, окружающих Россию, и наследство войны пригнетают нас все больше и больше. Полностью эти последствия войны еще не сказались. Перед нами теперь, летом 1918 года, может быть, один из самых трудных, из самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции, самый трудный переход не только с точки зрения международной, где мы неминуемо осуждены на политику отступлений, пока наш верный и единственный союзник, международный пролетариат, только готовится к восстанию, только назревает к нему, но не в состоянии еще выступить открыто и целостно, хотя все события Западной Европы, все бешеное озлобление последних битв на Западном фронте, весь кризис, который усиливается внутри воюющих стран, показывают, что до восстания европейских рабочих недалеко, что, как бы оно ни оттягивалось, оно придет неминуемо.

Именно в таком положении приходится испытывать величайшие трудности внутри страны, вследствие которых больше всего возбуждает ряд колебаний мучительный продовольственный кризис, мучительнейший голод, который на нас надвинулся, который ставит перед нами задачу, требующую максимума напряжения сил, наибольшую организованность, и который в то же время не позволяет нам идти к решению этой задачи старыми способами. К решению этой задачи мы пойдем с тем классом, с которым мы шли против империалистической войны, с тем классом, с которым мы свергли и империалистическую монархию и империалистическую республиканскую русскую буржуазию, с тем классом, которому приходится выковы-

вать свое оружие, развивать свои силы, создавать свою организацию в ходе растущих трудностей, растущих задач и размаха революции.

Перед нами сейчас стоит самая элементарная задача всего человеческого общежития — победить голод, уменьшить, по крайней мере, немедленно непосредственный мучительный голод, которым охвачены обе столицы и десятки уездов в земледельческой России. И приходится решать эту задачу в обстановке гражданской войны, самого бешеного, отчаянного сопротивления эксплуататоров всех рангов, всех мастей, всех цветов и ориентаций. Несомненно, при таком положении эти элементы политических партий, которые не могут порвать со старым и поверить в новое, оказываются в положении войны, использованной для одной цели: для цели восстановления эксплуататоров.

К этому вопросу, к этой связи голода с борьбой против эксплуататоров и против поднимающей голову контрреволюции нас приглашает любое известие из любого конца России. Перед нами задача — необходимость победить голод или, по крайней мере, уменьшить тяжесть до нового урожая, отстоять хлебную монополию, отстоять право Советского государства, отстоять право пролетарского государства. Все излишки хлеба мы должны собрать и добиться того, чтобы все запасы были свезены в те места, где нуждаются, и правильно распределены. Эта основная задача — сохранение человеческого общества, и в то же время невероятный труд, который решается лишь одним путем: общим, усиленным повышением труда.

В тех странах, где задача эта решается путем войны, она решается путем военного рабства, введением военного рабства для рабочих и крестьян, решается путем предоставления новых усиленных выгод для эксплуататоров. Вы не найдете, например, в Германии, где общественность задавлена, где подавляется всякая попытка протеста против войны, но где все-таки осталась социалистическая вражда к войне, вы не найдете там более обычного приема сохранения положения, как быстрого вырастания новых миллионеров, нажившихся на войне. Эти новые миллионеры отчаянно и бешено нажились.

Голод масс служит теперь во всех империалистических странах лучшим полем для развития самой бешеной

спекуляции, для наживы неслыханных богатств на нужде и голоде.

Империалистические страны это поощряют, как, например, в Германии, где лучше всего организован голод. И недаром говорят, что там — центр организованного голода, где лучше всего пайки и корки хлеба распределены между населением. Мы видим, там новые элементы миллионеров становятся бытовым явлением империалистического государства, иначе они не могут бороться с голодом. Они дают наживу вдвое, втрое, вчетверо тому, у кого хлеба много и кто умеет спекулировать и превращать организацию, нормировку, регулировку, распределение в спекуляцию. Идти по этому пути мы не желаем, кто бы нас на этот путь ни толкал сознательно или бессознательно. Мы скажем: мы стояли и будем стоять рука об руку с тем классом, с которым мы выступали против войны, вместе с которым свергали буржуазию и вместе с ним переживаем все тягости настоящего кризиса. Мы должны стоять за хлебную монополию до конца, но не так, чтобы узаконять капиталистическую спекуляцию в крупных или мелких размерах, а чтобы бороться с сознательным мажордерством.

И здесь мы видим большие трудности, более тяжелые опасности борьбы, чем когда перед нами стояли вооруженный до зубов против народа царям или вооруженная до зубов русская буржуазия, которая не считала преступлением проливать кровь тысяч и сотен тысяч русских рабочих и крестьян в июньском наступлении прошлого года, с тайными договорами в кармане, с участием в дележе добычи, и которая считает преступлением войну трудящихся против угнетателей, единственную справедливую, священную войну, о которой мы говорили в самом начале империалистической бойни и которую теперь неизбежно все события на каждом шагу связывают с голодом.

Мы знаем, как в самом начале царское самодержавие установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило. Еще бы! Оно оставалось верным своим союзникам — хлебным торговцам, спекулянтам, банковским воротилам, которые наживали на этом миллионы.

Мы знаем, как соглашатели из кадетской партии, вместе с эсерами и меньшевиками, и Керенский вводили хлебную

монополию, так как вся Европа говорила, что без монополизации удержаться дольше нельзя, и как тот же Керенский в августе 1917 года обходил тогдашний демократический закон. На то и существуют демократические законы и ловко толкуемые режимы, чтобы их обходить. И мы знаем, как тот же Керенский в августе эти цены удвоил, и тогда социалисты всех цветов против этой меры протестовали и возмущались этим фактом. Тогда не было ни одного органа печати, который не возмущался бы этим поведением Керенского и который не разоблачал бы, что тут за спиной •министров-республиканцев, кабинета меньшевиков и эсеров, были проделки спекулянтов, что им уступили, повысив хлебные цены вдвое, что ничего больше, кроме как уступки спекулянтам, тут не было. Мы знаем эту историю.

Мы сравниваем теперь, как шло дело с хлебной монополией и борьбы с голодом в капиталистических странах Европы, как шло оно у нас. Мы видим, как пользуются этим теперь контрреволюционеры. Мы должны из этого урока сделать себе твердые и непреклонные выводы. Да, ход событий привел к тому, что кризис, дошедший до мучительного голода, повел только к еще большему обострению гражданской войны, повел только к разоблачению таких партий, как партии правых эсеров и меньшевиков, отличающихся от открытой капиталистической партии кадетов тем, что кадетская партия — партия прямых черносотенцев. Кадетам нечего говорить и не нужно обращаться к народу, им не нужно прикрывать своих целей, а этим партиям, которые с Керенским соглашались и делили власть и тайные договоры, им нужно к народу обращаться. (Аплодисменты.) И им приходится поэтому время от времени, вопреки их желанию и их плану, разоблачать себя.

Когда мы видим, как на почве голода вспыхивают, с одной стороны, восстания и бунты измученных голодом людей, а с другой — бежит огоньком с одного конца России на другой полоса контрреволюционных восстаний, заведомо питаемых и денежками англо-французских империалистов, и усилиями правых эсеров и меньшевиков, тогда мы говорим себе: картина ясна, пускай кто хочет продолжает мечтать о каких-то единых фронтах.

Мы видим теперь особенно наглядно, что даже после поражения русской буржуазии в открытом военном столкновении, после того, как с октября 1917 года и до февраля и марта 1918 года все открытые стычки революционных и контрреволюционных сил показали контрреволюционерам, даже главарям донских казаков, на которых больше всего рассчитывали, что их дело потеряно, потому что большинство народа встало против них. И всякая новая попытка, даже в местностях самых патриархальных, со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых, как казаки, — везде, без исключения, всякая попытка контрреволюции приводила только к тому, что новые слои угнетенных трудящихся оказались против них не на словах, а на деле.

Уроки гражданской войны с октября по март показали, что трудящиеся массы российского рабочего класса и живущие трудом, не эксплуатирующие труда крестьяне, что они поголовно во всех концах России в гигантском большинстве стоят за Советскую власть. Но кто думал, что мы вышли на дорогу более органического развития, — должен был убедиться в своей ошибке.

Буржуазия увидела себя побежденной... И тут начинается раскол российской мелкой буржуазии: одни тянут к немцам, другие — к англо-французской ориентации, и оба направления сходятся в том, что голодная ориентация их объединяет.

Чтобы показать вам, товарищи, наглядно, как не наша партия, а ее враги и враги Советской власти объединяют спор между немецким ориентированием и англо-французским ориентированием на одной программе: вследствие голода свергнуть Советскую власть, — чтобы вам показать, как это происходит, я позволю себе вкратце процитировать отчет о последнем совещании меньшевиков. Этот отчет был помещен в газете «Жизнь»¹²⁴. (Шум, аплодисменты.)

Из этого отчета, помещенного в газете «Жизнь» в 26-м номере, мы узнаем, как докладчик по вопросу об экономической политике Череванин, критикуя политику Советской власти, предлагал компромиссное решение вопроса, а именно привлечение, в качестве практических деятелей, представителей торгового капитала на особо выгодных для них комиссионных началах. Мы узнаем из этого же

отчета, как присутствующий на заседании председатель северной продовольственной управы Громан, пользуясь, как сказано там, огромным запасом личных наблюдений и опытом всяческих наблюдений, — я добавляю от себя, только в буржуазных кругах, — делал такие выводы: «надо», он говорил, «два средства применить: первое — нынешние цены должны быть повышены, второе — должна быть назначена особая премия за срочную доставку хлеба» и т. д. (Голос: «Почему же это плохо?») Да, придется услышать, как это плохо, хотя оратор, и не получивший слова, но пользующийся им из этого угла (аплодисменты), думает вас убедить в том, что ничего плохого нет; но он, должно быть, забыл ход меньшевистской конференции. В этой же газете «Жизнь» говорится, что после Громана выступал с такой точкой зрения делегат Колокольников: «Нам предлагают принимать участие в большевистских продовольственных организациях». Не правда ли, как это плохо, вот что придется сказать, вспоминая вмешательство предыдущего оратора. И если тот же самый, не желающий угомониться и не имеющий слова, но пользующийся им, оратор кричит, что это ложь, ибо никогда Колокольников этого не говорил, то я, принимая это к сведению, предлагаю вам членораздельно и во всеуслышание повторить это опровержение. Позволю напомнить вам ту резолюцию конференции, которую предлагал там небезызвестный Мартов и которая по вопросу о Советской власти другими словами и другими оборотами говорит буквально то же самое. (Шум, крики.) Да, как бы над этим вы ни смеялись, но это остается фактом, — представители меньшевиков, в связи с продовольственным отчетом, Советскую власть называют не пролетарской, а негодной организацией.

В такой момент, когда восстание контрреволюционеров в связи с голодом и в использование голода стало на очередь дня, тут никакие опровержения и никакие хитросплетения не помогут, а факт остается налицо. Перед нами политика в указанном вопросе, прекрасно развитая и Череваниным, и Громаном, и Колокольниковым. Перед нами оживление гражданской войны, перед нами поднимающая голову контрреволюция, и я уверен, что девяносто девять сотых русских рабочих и крестьян сделали свой вывод из этих событий, — не всем еще известно

об этом, — делают и сделают, и что этот вывод будет именно таков, что, только разбивая наголову контрреволюцию, что, только продолжая политику социалистическую в вопросе о голоде, в борьбе с голодом мы победим и голод и контрреволюционеров, пользующихся этим голодом.

Товарищи, мы теперь как раз подходим к тому времени, когда Советская власть после долгой и тяжелой борьбы с тяжелыми и крупными контрреволюционными противниками победила их в ходе открытых схваток и, победив и военное сопротивление эксплуататоров, и саботажническое сопротивление всех, — взялась вплотную за работу организационную. И вся трудность борьбы с голодом, вся гигантская тяжесть этой задачи тем и объясняется, что мы здесь вплотную подошли непосредственно к задаче организационной.

Победа в восстании неизмеримо легче. Победа над сопротивляющейся контрреволюцией в миллион раз легче победы над задачей организационной, особенно там, где мы решили задачу, в которой и восставший пролетарий и мелкий собственник, широкие слои мелкой буржуазии могли идти в значительной степени вместе, в которой много еще было элементов общедемократических, общетрудовых. Мы подошли теперь от этой задачи к другой. Мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто коммунистической. Тут мы столкнулись лицом к лицу с осуществлением задачи революционно-социалистической, здесь встали перед нами необычайные трудности.

Мы этих трудностей не боимся, мы их знали, мы никогда не говорили, что легко перейти от капитализма к социализму. Это целая эпоха ожесточеннейшей гражданской войны, мучительные шаги, когда к одному отряду восставшего пролетариата одной страны подойдет пролетариат другой страны исправлять совместными усилиями ошибки. Здесь перед нами задачи организационные, захватывающие продукты всеобщего потребления, захватывающие самые глубокие корни спекуляции, захватывающие верхушки буржуазного мира и верхушки капиталистической эксплуатации, которые снять не легко одним массовым напором. Здесь перед нами мелкие и глубоко по всем странам рассыпанные корни и корешки этой буржуазной эксплуатации в лице

мелких собственников, в лице всего этого уклада жизни, привычек и настроений мелкособственнических и мелкохозяйских, когда перед нами встает мелкий спекулянт, непривычка к новому строю жизни, неверие в него, отчаяние.

Ибо это факт, что очень многие представители трудящихся масс поддались отчаянию при ощущении необыкновенных трудностей, поставленных перед нами революцией. Мы этого не боимся. Не бывало ни разу нигде, ни в одной революции, чтобы известными слоями не овладевало отчаяние.

Если масса выделяет известный авангард дисциплины, если авангард знает, что эта диктатура, что эта твердая власть поможет привлечь всю бедноту, — это долгий процесс, трудная борьба — это есть начало социалистической революции в ее полном смысле. Когда мы видим, что объединенные рабочие, масса бедноты идут против богатеев, спекулянтов, против массы людей, которым бессознательная или сознательная масса интеллигентов повторяет спекулянтские лозунги, как вот Череванины и Громаны, когда рабочие, сбитые с толку, говорят о свободной продаже хлеба, о ввозе грузового транспорта, — мы отвечаем, что это значит пойти на выручку кулакам! По этому пути мы идти не будем. Мы говорим: мы будем опираться на трудовой элемент, с которым мы одержали октябрьскую победу, и только со своим классом, только введением пролетарской дисциплины среди всех слоев трудового народа — стоящую перед нами историческую задачу — мы решим.

Нам приходится переживать гигантские трудности, собрать все излишки и запасы, правильно распределить и правильно организовать подвоз на десятки миллионов людей, поставить абсолютно регулярную работу, чтобы работа шла, как часы, победить разруху, поддерживаемую спекулянтами и неуверенными, сеющими панику. Эту задачу организации способны провести лишь сознательные рабочие, стоящие лицом к лицу с практическими затруднениями. На эту задачу стоит отдать все силы и принять решительный и последний бой. И в этом бою мы победим. (Аплодисменты.)

Товарищи, последние декреты о мероприятиях Советской власти¹²⁵ показывают нам, что путь пролетарской

диктатуры для каждого социалиста, не в насмешку называющего себя социалистом, ясно и бесспорно — путь тяжелых испытаний.

Самый коренной вопрос жизни, о хлебе, поставили последние декреты. Они все имеют три руководящие идеи: идею централизации, либо объединения всех вместе в одну общую работу под руководством центра, либо показать себя серьезными и победить всякое уныние, отбросить отдельные услуги всяких мешочников, слить все пролетарские силы, ибо в вопросе о борьбе с голодом мы опираемся на те же угнетенные классы и видим выход только в их энергичной борьбе против эксплуататоров, в объединении всей их деятельности.

Да, нам указывают, как на каждом шагу рушится хлебная монополия посредством мешочничества и спекуляции. Все чаще приходится слышать от интеллигенции: но ведь мешочники оказывают им услугу, и они все ими кормятся. Да, но мешочники кормят по-кулацки, они действуют именно так, как нужно действовать, чтобы укрепить, установить и увековечить власть кулака, чтобы тот, кто имеет власть, своей прибылью распространял ее на окружающих через отдельных лиц. А мы утверждаем, что, если бы силы тех лиц, которые в настоящее время повинны большей частью только в неверии, если бы их силы соединились, борьба была бы значительно легче. Если где-нибудь существовал такой революционер, который надеялся бы без затруднения перейти к социалистическому строю, то мы могли бы сказать, что такой революционер, такой социалист не стоит ломаного гроша.

А мы знаем, что переход от капитализма к социализму есть в высшей степени трудная борьба. Но мы готовы перенести тысячи затруднений и совершить тысячи попыток, и после тысячи попыток мы приступим к тысяча первой. Мы привлекаем теперь все советские организации к новой творческой жизни, к подъему новых сил. Мы рассчитываем победить новые трудности привлечением новых слоев, организацией деревенской бедноты, и здесь я подхожу ко второй основной задаче.

Я сказал, что первая наша мысль, это проводимая во всех декретах мысль о централизации. Только собрав весь хлеб в общие мешки, мы можем победить голод, и все равно хлеба будет только в обрез. Прежнего избытка

в России не осталось, и надо, чтобы коммунизм проник глубоко в сознание каждого, чтобы все относились к излишку хлеба, как к народному достоянию, проникались сознанием интересов трудящихся. А для того, чтобы это было достигнуто, необходим только тот способ, который предлагается Советской властью.

Когда нам говорят о других способах, мы отвечаем, как сделали мы это в заседании ВЦИК*, когда нам говорили о других путях, мы ответили: идите к Скоропадскому, к буржуазии. Учите их таким методам, как повышение хлебных цен, как блок с кулаками, — там вы встретите уши, желающие вас слышать. А Советская власть скажет одно: трудности неизмеримы, на каждую трудность отвечайте новыми и новыми усилиями организации и дисциплины. Такие трудности не преодолеваются в месяц. В истории народов бывали десятилетия, посвященные преодолению меньших трудностей, и эти десятилетия вошли в историю, как самые великие и самые плодотворные десятилетия. Никогда неудачами первого полугодия и первого года величайшей революции вы не посеете в нас уныния. Мы будем продолжать наш старый лозунг централизации, объединения, пролетарской дисциплины в общероссийском масштабе.

Когда нам будут указывать, как указывает Громан в своем докладе: «ваши отряды, которые идут собирать хлеб, они спиваются и сами превращаются в самогонщиков, в грабителей» — мы скажем: мы прекрасно знаем, как часто это бывает, в таких случаях мы это не прикрываем, не прикрашиваем, не отмахиваемся от этого якобы левыми фразами и намерениями. Да, рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносится вон. Когда гибнет старое общество, труп его нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих.

Иначе на свете не было ни одной великой революции и не может быть. Именно то, с чем мы должны бороться за сохранение и развитие ростков нового в атмосфере,

* См. настоящий том, стр. 329—345. Ред.

пропитанной миазмами разлагающегося трупа, та литературная и политическая обстановка, та игра политических партий, которые, от кадетов до меньшевиков, этими миазмами разлагающегося трупа пропитаны, все это они собираются бросать нам как палки под колеса. Иначе социалистическую революцию никогда родить нельзя, и иначе, как в обстановке разлагающегося капитализма и мучительной борьбы с ним, ни одна страна от капитализма к социализму не перейдет. И поэтому мы говорим: наш первый лозунг — централизация, наш второй лозунг — объединение рабочих. Рабочие, объединяйтесь и объединяйтесь! Это старо, это не кажется эффективным, новым, это не обещает тех шарлатанских успехов, которыми манят вас люди, как Керенский, который удвоил цены в августе 1917 года, как их удвоили и удесятерили германские буржуа, люди, которые вам обещают немедленные и непосредственные успехи, вот только окажите еще новые и новые побрякушки кулакам. Конечно, на этот путь мы не пойдем, а говорим: наше второе средство, оно старое, но в то же время вечное средство: объединяйтесь! (А плоды сменты.)

Мы в трудном положении: Советская республика переживает; может быть, один из тяжелых своих переходов. Новые слои рабочих придут к нам на помощь. У нас нет полиции, у нас не будет особой военной касты, у нас нет иного аппарата, кроме сознательного объединения рабочих. Они выведут Россию из отчаянного и гигантски трудного положения. (А плоды сменты.) Объединение рабочих, организация рабочих отрядов, организация голодных из неземледельческих голодных уездов, — их мы зовем на помощь, к ним обращается наш Комиссариат продовольствия, им мы говорим: в крестовый поход за хлебом, крестовый поход против спекулянтов, против кулаков, для восстановления порядка.

Крестовый поход, это был такой поход, когда к физической силе прибавлялась вера в то, что сотни лет тому назад пытками заставляли людей считать святым. А мы хотим и думаем, и мы убеждены, и мы знаем, что Октябрьская революция сделала то, что передовые рабочие и передовые крестьяне из беднейшего крестьянства считают теперь святым сохранение своей власти над помещиками и над капиталистами. (А плоды сменты.) Они знают, что

недостаточно физической силы для воздействия на массы населения. Нам нужна физическая сила, так как мы строим диктатуру, мы строим насилие по отношению к эксплуататорам, и всякого, кто этого не понимает, мы с презрением отбрасываем от себя, чтобы не тратить слов на то, чтобы разговаривать о форме социализма. (Аплодисменты.)

Но мы говорим: перед нами новая историческая задача. Нам нужно дать понять этому новому историческому классу, что нам нужны отряды агитаторов из рабочих. Нам нужны рабочие из различных уездов непродовольствующих губерний. Нам нужно, чтобы они шли оттуда, как сознательные проповедники Советской власти, и чтобы нашу продовольственную войну, нашу войну с кулаками, нашу войну с беспорядками они освящали, они узаконяли и делали возможным проведение социалистической пропаганды, чтобы они несли в деревню то различие между беднотой и богатыми, которое каждому крестьянину понятно и которое составляет глубочайший источник нашей силы, источник, который поднять и заставить бить, бить полной струей вещь трудная, потому что мы имеем эксплуататоров многочисленных, мы имеем подчинение себе этими эксплуататорами массы приемами разнообразнейшими, начиная с подкупа бедноты, чтобы они, представители бедноты, нажились на самогонке или продали путем спекуляции, нажив на рубль по несколько рублей. Вот какими средствами действуют кулаки и буржуазия в деревне на массы!

Бедноту мы не можем обвинять в этом, потому что знаем, что десятилетия, тысячелетия она была в рабстве, что она испытывала и крепостное право и была при тех порядках, которые оставила Россия после крепостного права. Мы должны идти к ней не только с оружием, направленным против кулаков, но и с проповедью сознательных рабочих, которые свою силу организации понесли бы туда. Объединяйтесь, представители бедноты, — вот наш третий лозунг. Это не заигрывание с кулаками и не нелепая мера повышения цен. Если мы удвоим цены, они скажут: нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят.

Это — дорога торная, дорога угождения кулакам и спекулянтам, на нее легко стать и нарисовать заманчивую

картину. Интеллигенция, называющая себя социалистами, готова малевать нам такие картины, а этой интеллигенцией хоть пруд пруди. А мы вам говорим: кто хочет идти за Советскою властью, кто ценит ее и считает ее властью трудящихся, властью эксплуатируемого класса, того мы зовем на другой путь. Эта новая историческая задача — вещь трудная. Разрешить ее — значит поднять новый слой, дать новую форму организации тем представителям трудящихся и эксплуатируемых, которые в большинстве забиты, темны и которые меньше всего объединены и которым предстоит еще объединиться.

Во всем мире передовые отряды рабочих городских, рабочих промышленных объединились, объединились поголовно. Но почти нигде в мире не было еще систематических, беззаветных и самоотверженных попыток объединить тех, кто по деревням, в мелком земледельческом производстве, в глуши и темноте оуплен всеми условиями жизни. Тут стоит перед нами задача, которая сливает в одну цель не только борьбу с голодом, а борьбу и за весь глубокий и важный строй социализма. Здесь перед нами такой бой за социализм, за который стоит отдать все силы и поставить все на карту, потому что это — бой за социализм. (Аплодисменты.)

Будем смотреть на трудящихся, как на своих сторонников на этом пути. На нем нас ждут прочные завоевания, и не только прочные, но и неотъемлемые. Вот третий знаменательный наш лозунг!

Вот эти три основных лозунга: централизация продовольственного дела, объединение пролетариата, организация деревенской бедноты. И наше обращение, обращение нашего Комиссариата продовольствия к каждому профессиональному союзу, к каждому заводскому комитету говорит: вам тяжело, товарищи, так помогайте нам, соединяйте с нашими ваши усилия, преследуйте каждое нарушение порядка, каждое отступление от хлебной монополии. Это трудная задача; но вместе с тем еще и еще раз, в сотый и тысячный раз, выступайте против мешочничества, спекуляции и кулачества, и мы победим, потому что большинство рабочих всем ходом своей жизни и всеми тяжелыми уроками наших продовольственных неудач и продовольственных испытаний приводится к этому пути. Они знают, что если в то время, пока в России еще не было

абсолютного недостатка хлеба, — если тогда недочеты продовольственных организаций выкупались посредством изолированных индивидуальных действий, то этого дальше не будет. Только общие усилия, только объединение всех, кто больше всего страдает в голодных городах и губерниях, нам поможет, и это — тот путь, на который вас зовет Советская власть: объединение рабочих, их передовых отрядов для агитации на местах, для войны за хлеб против кулаков.

Недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем, по расчету осторожных специалистов, еще теперь до 10 миллионов пудов избытка хлеба. Мы далеко не в состоянии эти избытки собрать в государственные запасы и соединить.

Давайте братья за это дело с большими усилиями. Пусть на каждом заводе, где временно берет верх отчаяние, где люди готовы от мучений голода метаться и бросаться навстречу шарлатанским лозунгам людей, которые ворочают назад к приемам Керенского, к повышению твердых цен, пусть идет сознательный рабочий и говорит: мы видим людей, которые отчаялись в Советской власти, — идите в наш отряд боевых агитаторов, не смущайтесь тем, что так много примеров, когда эти отряды распадались и спивались. Каждым таким примером мы будем доказывать не то, что рабочий класс не годен, а то, что рабочий класс не избавился пока от недостатков старого грабительского общества и избавится от них не сразу. Давайте соединим наши усилия, создадим десятки отрядов, соединим действия их и разорвем с этими недостатками. Товарищи, позвольте мне в заключение указать вам несколько телеграмм, которые получают как Советом Народных Комиссаров, так и, в особенности, нашим Комиссариатом продовольствия.

Товарищи, в связи с продовольственным кризисом, в связи с мучением голода, который охватывает собой все города, нам приходится наблюдать, говоря словами поговорки: «хорошая слава лежит, а плохая бежит». Я хочу огласить документы, которые получены органами и учреждениями Советской власти после издания декрета 13 мая о продовольственной диктатуре, в котором говорится, что мы рассчитываем на то же, на что и прежде — только

на пролетариат. Телеграммы дают указания на то, что на местах уже вступили на тот путь крестового похода против кулачества, на путь организации деревенской бедноты, на который мы призываем. Доказательством этого являются телеграммы, полученные нами.

Пусть трубят во все трубы, пусть сеют панику с черванино-громановской колокольной голоса, призывающие к уничтожению и сношению Советской власти! Кто занят работой, этим сеянием паники будет меньше всего обеспокоен: он будет останавливаться на фактах, будет видеть, что работа идет и что новые ряды объединяются, что такие ряды есть.

Образовывается новая форма борьбы против кулаков, форма союза бедноты, которой нужно помочь, которую нужно объединить. Мы должны помочь, когда предлагают нам премии за подвоз хлеба. Бедноте мы согласны дать эту премию, и мы на это уже пошли. К кулакам, преступникам, мучающим население голодом, из-за которых страдают десятки миллионов, к ним мы применяем насилие. Деревенской бедноте даем всякие премии, она имеет право на это. Крестьянская беднота впервые получила доступ к благам жизни, и мы видим, что жизнь скуднее у них, чем у рабочих. Этой деревенской бедноте мы дадим всяческие премии, мы поможем, если они нам помогут организовать ссыску хлеба, получение хлеба от кулаков, и, чтобы стало это в России реальностью, мы не должны жалеть никаких средств.

Мы на этот путь уже вступили. Всякий опыт сознательных рабочих и новые отряды будут развивать его все дальше и дальше.

Товарищи, работа пошла и работа идет. Мы не ждем головокружительного успеха, но успех будет. Мы знаем, что вступаем теперь в период новых разрушений, в полосу самых трудных, самых тяжелых периодов революции. Нам несколько не удивляет, что контрреволюция поднимает голову, увеличивается сплошь и рядом число колеблющихся, число отчаявшихся в наших рядах. Мы скажем: бросьте колебаться, проститесь с вашим настроением отчаяния, которое хочет использовать буржуазия, ибо в ее интересах сеять панику, беритесь за работу, мы стоим с нашими продовольственными декретами, с планом, опирающимся на бедноту, на единственно верном пути.

Перед новыми историческими задачами мы призываем вас еще и еще к новому подъему. Эта задача неизмеримой трудности, но повторяю еще раз, необычайно благодарная задача. Мы здесь боремся за основу коммунистического распределения, за действительное создание прочных устоев коммунистического общества. За работу все вместе. Мы победим голод и отвоюем социализм. (А п л о д и с м е н т ы.)

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ
4 ИЮНЯ 1918 г.

Товарищи, речи фракционных ораторов показали, на мой взгляд, то, что и следовало ожидать.

Несмотря на различие, существующее между большевиками и некоторыми партиями и группами, мы убедились, что громадный подъем в массах сплачивает в борьбе с голодом и сплачивает не только большевистские организации. И мы не сомневаемся, что, чем дальше пойдет борьба с голодом и чем дальше обнаружит себя прячущаяся за спину чехословацких и других банд контрреволюция, тем сильнее пойдет размежевание сторонников большевиков, трудовых рабочих и крестьянских масс, и тех врагов, как бы они ни назывались, с доводами которых мы спорим. Враги эти попрежнему приводят те же старые, избитые доводы о Брестском мире и о гражданской войне, точно за три месяца, которые прошли со времени Брестского мира, события не показали убедительно правоту тех, которые говорили, что только тактика коммунистов даст народу мир и освободит его для работы по организации и сплочению, для подготовки новых и великих войн, имеющих наступить уже в другой обстановке. События показывают полностью, что европейский пролетариат, который тогда еще не мог пойти на помощь, с каждым месяцем, без преувеличения можно сказать теперь, с каждым месяцем подходит к тому положению, когда восстание сознается вполне и станет неизбежным. События показали вполне, что был лишь один выбор, который называется насильническим, грабительским миром.

Всякий думающий чувствовал, что на III съезде Советов правые эсеры внесли контрреволюционную резолюцию;

всякий думающий должен чувствовать то же о резолюции меньшевиков, до сих пор кричащих: долой Брестский мир, и делающих вид, что как будто бы не знают на практике, что этим самым они хотят втянуть нас в войну с германской буржуазией посредством чехословацких бунтарей¹²⁶ и наемных агентов для втягивания нас в эту войну.

Не стоит останавливаться на обвинениях против коммунистов, будто они виноваты в голоде. Точно так же было и в Октябрьскую революцию. Не сошедший с ума социалист или анархист, как угодно называйте, не может решиться сказать перед любым собранием, что можно придти к социализму без гражданской войны.

Вы можете пересмотреть всю литературу всех сколько-нибудь ответственных социалистических партий, фракций и групп, и вы не найдете ни у одного ответственного и серьезного социалиста такой нелепости, что когда-нибудь социализм может наступить иначе, как через гражданскую войну, и что помещики и капиталисты добровольно будут уступать свои привилегии. Это — наивность, граничащая с глупостью. И теперь, после ряда поражений буржуазии и ее сторонников, нам приходится слышать такие признания, как, например, Богаевского, имевшего на Дону лучшую в России почву для контрреволюции, который также признал, что большинство народа против них, — а потому никакие подкобы буржуазии без иностранных штыков им не помогут. А здесь на большевиков обрушиваются за гражданскую войну. Это значит переходить на сторону контрреволюционной буржуазии, какими бы лозунгами при этом ни прикрывались.

Как до революции, так и теперь мы указываем, что, когда международный капитал бросает в порядок истории войну, когда гибнут сотни тысяч людей, когда война пересоздает нравы и приучает людей решать вопросы военной силой, в это время думать, что можно выйти из войны иначе, как превратив ее в гражданскую войну, — более чем странно. И то, что назревает в Австрии, и в Италии, и в Германии, показывает, что гражданская война произойдет там в еще более резких чертах, будет еще более острой. Иного пути для социализма нет. Кто ведет войну против социализма, тот изменяет социализму полностью.

Что касается продовольственных мероприятий, то мне указывали, что я не остановился подробно на этих мероприятиях. Но это вовсе не входило в мою задачу. Продовольственный доклад делали мои товарищи, которые специально работали над этим вопросом и работали не месяцы, а годы, изучая его не только в канцеляриях Питера и Москвы, но и на местах, и практически занимались изучением вопроса, как ссыпать хлеб, как оборудовать ссыпные пункты и т. д. Эти доклады были в ВЦИК и в Московском Совете, и там имеются материалы по этому вопросу. Что же касается деловой критики и практических указаний, то они не входили в мою задачу. Моя задача была обрисовать принципиально задачу, которая перед нами стоит, и я не слышал здесь сколько-нибудь заслуживающей внимания критики или разумного замечания, которые заслуживали принципиальной оценки. Я скажу в заключение, товарищи, что по моему убеждению, я уверен, что это будет убеждением громадного большинства, ибо задача нашего собрания не в том, чтобы принять определенную резолюцию, хотя и это, конечно, важно, так как покажет, как пролетариат умеет сплотить свои силы, но этого мало, этого бесконечно мало: нам сейчас приходится решать практические задачи.

Мы знаем, особенно товарищи-рабочие знают, как на каждом шагу практической жизни, на каждом заводе, на каждом собрании, на каждом случайном сборище на улице выставляется все тот же и более остро ставится вопрос о голоде. И потому наша главная задача должна быть в том, чтобы и это собрание, где мы собрались вместе с представителями ВЦИК, Московского Совдепа и профессиональных союзов, — чтобы и оно послужило исходным пунктом для переворота во всей нашей практической работе. Все остальное целиком надо подчинить тому, чтобы наша пропаганда, агитация, органическая работа были успешны, чтобы на первый план целиком был поставлен вопрос о борьбе с голодом, целиком был объединен с вопросом о пролетарской и беспощадно твердой войне с кулаками и спекулянтами.

Наш комиссариат продовольствия уже обратился к фабрично-заводским комитетам, профессиональным союзам и тем крупным пролетарским центрам, в которых приходится нам непосредственно действовать, к тем тесным и

многочисленным связям, объединяющим московских рабочих с сотнями тысяч организованных фабрично-заводских рабочих всех громадных промышленных районов.

Тем больше мы должны это использовать.

Положение критическое. Голод не только угрожает, он пришел. Надо, чтобы каждый рабочий, каждый партийный работник сейчас же практически поставил своей задачей переменить основное направление своей деятельности.

Все на заводы, все к массам, все должны практически взяться за работу сейчас! Она нам даст массу практических указаний, гораздо более богатых приемами, и вместе с тем она наметит и выдвинет новые силы. С этими новыми силами мы широко развернем работу, и мы твердо убеждены, что три месяца, гораздо более трудные, чем предыдущие, послужат к тому, что мы свои силы закалим, и они приведут нас к полной победе над голодом и облегчат проведение всех планов Советской власти. (Аплодисменты.)

3

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ
ПО ДОКЛАДУ О БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ
4 ИЮНЯ 1918 г.¹²⁷

Объединенное заседание обращает внимание всех рабочих и трудящихся крестьян на то, что наступивший во многих местностях страны голод требует от нас самых решительных и твердых мер борьбы с бедствием.

Враги Советской власти, помещики, капиталисты, кулаки с их многочисленными прихвостнями, хотят воспользоваться бедствием для устройства волнений, для усиления разрухи и беспорядков, для свержения Советской власти, для возврата старых порядков кабалы и рабства трудящихся, для восстановления власти помещиков и капиталистов, как это сделано на Украине.

Только крайнее напряжение всех сил рабочего класса и трудящегося крестьянства может спасти страну от голода и обеспечить завоевания революции от посягательств эксплуататорских классов.

Объединенное заседание признает безусловно и единственно правильной ту твердую политику в деле борьбы с голодом, которую повела Советская власть.

Только железный революционный порядок во всех областях жизни, особенно в железнодорожном и водном транспорте, только железная дисциплина рабочих, только их самоотверженная помощь отрядами агитаторов и воинов против буржуазии, против кулаков, только самостоятельная организация деревенской бедноты могут спасти страну и революцию.

К такой работе, дружной, объединенной, побеждающей разруху, беспорядок, разрозненные действия, настоятельно призывает Объединенное заседание всех рабочих и крестьян.

РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ УЧИТЕЛЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ ¹²⁹ 5 ИЮНЯ 1918 г.

КРАТКАЯ ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

(Съезд встречает Ленина бурными овациями.) Ленин приветствует съезд от имени Совета Народных Комиссаров и говорит, что учительство, которое раньше медленно переходило на работу с Советской властью, теперь все больше убеждается в том, что эта совместная работа необходима. Подобные превращения из противников в сторонников Советской власти очень многочисленны и в других слоях общества.

Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения. Надо освободить жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии. Нельзя ограничить себя рамками узкой учительской деятельности. Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся. Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества.

Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широкой учительской массе только начинается, и истинно народным учителям не следует замыкаться в рамки организации Всероссийского учительского союза, а идти уверенно в массы с пропагандой. Этот путь приведет к совместной борьбе пролетариата и учительства за победу социализма. (При аплодисментах всего зала Ленин покидает собрание.)

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ**ЦАРИЦЫН****НАРКОМАМ СТАЛИНУ И ШЛЯПНИКОВУ**

Получил третью депешу и записку Сталина¹²⁹. Принимаем все меры. Цюрупа говорит, что деньги будут непременно отправлены завтра, а товары сегодня же приказано грузить. Шлите маршрутные поезда с тройной охраной. Саботажников и хулиганов арестуйте и присылайте сюда.

Предсовнаркома *Ленин*

Написано не позднее 11 июня 1918 г.

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVIII*

Печатается по рукописи

О ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОТРЯДАХ ¹³⁰

РЕЧЬ НА РАБОЧИХ СОБРАНИЯХ МОСКВЫ
20 ИЮНЯ 1918 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Из моих объездов по московским рабочим кварталам я вынес твердое убеждение, что все рабочие массы проникнулись мыслью о необходимости создания продовольственных отрядов. «Недоверчиво» относятся лишь печатники, которые обычно живут лучше, чем остальные рабочие, за счет буржуазии, отравляющей бедноту своей газетной клеветой. Сознательное отношение широкой массы рабочих к такому основному вопросу русской революции, как борьба с голодом, позволяет мне думать, что социалистическая Россия благополучно изживет все временные неудачи и разруху старого режима. Даже если нам не удастся быстро покончить с чехословаками (что менее всего вероятно), то все же большие запасы хлеба, припрятанные кулаками в Воронежской, Орловской и Тамбовской губерниях, дадут нам возможность пережить последние два трудных месяца до нового урожая. Продовольственный вопрос — самый больной вопрос нашей революции. Все без исключения рабочие должны понять, что борьба за хлеб — это их дело.

Продовольственные отряды ставят своей задачей только помочь собрать у кулаков излишки хлеба, а не производить (как пытаются наши враги заранее запугать этим деревню) в ней какой-то грабеж всех и вся... За хлеб будут обязательно предоставлены мануфактура, нитки и предметы домашнего и сельскохозяйственного обихода.

Будет сделано так, чтобы к посылаемым в деревню отрядам не смогли пристать хулиганы и жулики, всегда стремящиеся половить рыбку в мутной водиче. Лучше

посылать туда поменьше людей, но чтобы они были подходящими для этого.

Правда, бывали случаи, когда в отряды проникали нестойкие, слабые духом рабочие, которых кулаки подкупали самогонкой. Но на это обращено внимание... О каждом рабочем, едущем с отрядом, необходимо иметь точные сведения об его прошлом. Необходимо справляться в заводском комитете, в профессиональном союзе, а также и в партийных ячейках — что представляет из себя человек, которому рабочий класс доверяет такое важное дело.

На многих заводах партийные товарищи не хотят принимать в отряд «беспартийных». Это — совершенно напрасно. «Беспартийный», но вполне честный, ни в чем плохом не замеченный, человек может быть весьма ценным товарищем в походе голодных за хлебом.

Вот таким сознательным отрядам Совет Народных Комиссаров окажет самую широкую помощь как деньгами, мануфактурой, — так и оружием.

Важно только, чтобы рабочие деятельно и поскорей взялись за свое кровное дело — борьбу с голодом!..

«Беднота» № 69, 21 июня 1918 г.

Печатается по тексту
газеты «Беднота»

**РЕЧЬ НА МИТИНГЕ
В СОКОЛЬНИЧЕСКОМ КЛУБЕ
21 ИЮНЯ 1918 г.**

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Наша партия задалась целью устроить сегодня в Москве как можно большее количество митингов для того, чтобы обратить внимание рабочего класса на положение, в каком находится Советская власть, и какие усилия ей нужно произвести для победы над создавшимся положением.

Вы знаете, как за последние месяцы и даже недели подняла голову контрреволюция. Правые эсеры и меньшевики обвиняют Советскую власть в том, что она предала и предаёт Россию германскому империализму.

Однако, мы хорошо видели, что происходило и происходит на Кавказе, где кавказские меньшевики заключили союз с турецким империализмом, и на Украине, где украинские правые эсеры заключили союз с германским империализмом. Мало того, товарищи, что там сведены на-нет все завоевания Советской власти, что там арестовывают и расстреливают рабочих, что там отняты все их завоевания, там они посадили Скоропадского. Все эти их мероприятия, конечно, не могут снискать им симпатий рабочего класса. Вот почему контрреволюция в настоящий момент цепляется за усталость русского народа, за голод. Она делает последние попытки для свержения Советской власти.

Теперь они ухватились за чехословаков, которые, надо сказать, вовсе не идут против Советской власти. Против Советской власти идут не чехословаки, а их контрреволюционный офицерский состав. Империализм, при помощи этого состава, стремится втянуть Россию в продолжающуюся мировую войну.

И характерно то, что, как только власть где-либо переходит в руки меньшевиков и правых эсеров, так сейчас же оказывается, что они хотят осчастливить нас каким-нибудь Скоропадским. И, как только массы убеждаются, куда привели их меньшевики и правые эсеры, последние остаются без поддержки масс.

Их оставляют. Тогда они в последней надежде прибегают к спекуляции на голоде, а когда и это не выходит, они не брезгают такими приемами, как убийство из-за угла.

Вы все знаете, что убит старый работник, расплачивавшийся за свои убеждения страданиями и лишениями, товарищ Володарский¹³¹. Конечно, быть может, им удастся убить и еще нескольких активных деятелей Советской власти, но это только укрепит ее в массах и подвинет нас на то, чтобы еще крепче держаться за наши завоевания.

В настоящее время два обстоятельства ставят Советскую республику в особенно тяжелое положение: голод и международное состояние.

Положение международное тяжело потому, что империализм немецкий, французский и английский ждут момента, чтобы вновь и вновь броситься на Советскую республику. Задачей нашей партии является свержение ига капитализма; это свержение может произойти только лишь при международной революции. Но, товарищи, вы должны сознать, что по заказу революции не делаются. Мы сознаем, что положение Российской республики создано такое, что русскому рабочему классу удалось первым свергнуть иго капитала и буржуазии, и мы сознаем, что удалось это не потому, что он более развит и идеален, а потому, что наша страна наиболее отсталая.

Капитализм окончательно будет свергнут тогда, когда в этом порыве соединятся, по крайней мере, несколько стран. И мы знаем, что во всех странах, несмотря на всю строгость цензуры, нам удалось добиться того, что на всех собраниях упоминание партии коммунистов и имени Российской республики вызывает взрывы энтузиазма. (Бурные аплодисменты.)

И пока там, на Западе, происходит мировая бойня, мы говорим, мы обеспечены. К каким бы последствиям ни привела война, она неизбежно вызовет революцию, которая явится и является нашим союзником.

Охарактеризовав тяжелое положение Советской России, окруженной врагами извне, подвергшейся натиску контрреволюции изнутри, Ленин переходит к вопросу о голоде.

Наша революция вызывает содрогание империалистских классов, которые ясно сознают, что их существование зависит от того, удержится ли их капитал или нет, а потому мы должны остаться и идти рука об руку с тем классом, с которым мы производили завоевания Октябрьской революции.

На борьбу с голодом мы идем с тем же классом.

Теперь на один, полтора или два месяца — самые трудные — нужно затратить все силы и всю энергию.

В жизни народов бывали моменты, когда государственная власть переходила к рабочему классу, но он ее не был в силах удержать. Мы же можем это сделать, потому что у нас есть Советская власть, которая объединяет рабочий класс, взявшийся за свое дело.

Как ни тяжело наше положение, какие бы заговоры правые эсеры с чехословаками ни устраивали, мы знаем, что хлеб есть даже в губерниях, окружающих центр. И этот хлеб нужно взять, сохранив и укрепив союз рабочего класса с крестьянской беднотой.

Отряды красноармейцев уходят из центра с самыми лучшими стремлениями, но иногда, прибыв на места, они поддаются соблазну грабежа и пьянства. В этом виновата четырехлетняя бойня, которая на долгое время посадила в окопы людей и заставила их, озверев, избивать друг друга. Озверение это наблюдается во всех странах. Пройдут годы, пока люди перестанут быть зверями и примут человеческий образ.

Мы обращаемся к рабочим с призывом дать свои силы.

Когда я читаю сообщение, что в Усманском уезде Тамбовской губернии продовольственный отряд из реквизированных 6 тысяч пудов хлеба 3 тысячи отдает беднейшему крестьянству, я говорю: если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что Советская власть свое дело делает. Ибо ни в одном государстве такого отряда нет! (Бурные аплодисменты.)

Буржуазия хорошо сознает свои интересы и делает все возможное, чтобы их обеспечить. Она сознает, что если

крестьяне впервые, после многих веков этой осенью получат плоды собственных трудов в виде жатвы и обеспечат трудящийся класс города, то рухнут все надежды буржуазии на реставрацию и укрепится Советская власть. Потому-то буржуазия сейчас и мечется во все стороны.

Необходимо напрячь все силы для борьбы с крестьянскими богатеями, спекулянтами и городской буржуазией.

Одно из самых больших зол нашей революции — это робость наших рабочих, которые убеждены до сих пор, что управлять государством могут только «высшие»... по части грабежа.

Но на каждой фабрике, на каждом заводе есть хорошие работники. Пусть они будут беспартийными, — вы их должны сковать и объединить, а государство сделает все возможное, чтобы обеспечить их трудную работу. (Бурные аплодисменты.)

«Известия ВЦИК» №№ 127 и 128;
22 и 23 июня 1918 г.
«Правда» № 126, 23 июня 1918 г.

Печатается по тексту газеты
«Известия ВЦИК»,
сверенному с текстом газеты «Правда»

ТЕЛЕГРАММА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОТРЯДОВ ¹³²

Ввиду позднего времени для приезда на съезд делегата Комиссариата продовольствия прошу сообщить съезду следующее: члены съезда, стоящие за Советскую власть, должны помнить, во-первых, что монополия на хлеб осуществляется одновременно с монополией на мануфактуру и прочие главнейшие продукты потребления, во-вторых, что требование отмены монополии хлеба есть политический шаг контрреволюционных слоев, стремящихся вырвать из рук революционного пролетариата систему монопольного регулирования цен, как одно из важнейших средств постепенного перехода от капиталистического товарообмена к социалистическому продуктообмену. Разъясните съезду, что для борьбы с голодом отмена монополии не только бесцельна, но вредна, примером служит Украина, где Скоропадский отменил монополию на хлеб, и в результате, через несколько дней, спекуляция хлебом достигла таких неслыханных размеров, что украинский пролетариат голодаст теперь сильнее, чем при монополии.

Укажите, что единственно верным средством увеличения хлебных пайков является решение Совнаркома насильственно реквизировать хлеб у кулаков и отдавать его городской и деревенской бедноте. Для этого нужно, чтобы беднота скорее и решительнее вступала в ряды продовольственной армии, создаваемой Народным комиссариатом продовольствия.

Предложите съезду приступить немедленно к агитации рабочих зачисляться в продовольственную армию при Пензенском Совдепе, придерживаясь следующих правил: 1) каждая фабрика дает по одному человеку на каждые

25 рабочих; 2) запись изъявивших желание поступить в продовольственную армию производится фабрично-заводским комитетом, который составляет поименный список мобилизованных в двух экземплярах: один доставляется в Народный комиссариат продовольствия, а другой оставляется у себя; 3) при списке должно быть представлено ручательство о каждом кандидате в его личной добросовестности и в революционной дисциплинированности со стороны фабрично-заводского комитета или профессиональной организации, или советского органа, или ответственных представителей советских учреждений. Выбор членов в продовольственную армию должен производиться с тем расчетом, чтобы ни одного пятнышка не оказалось потом на имени тех, кто пойдет в деревню бороться с кучкой хищников-кулаков во имя спасения многомиллионных трудящихся масс от голода.

Товарищи-рабочие, только при этом условии будет очевидно для всех, что реквизиция хлеба у кулаков не грабеж, а революционный долг перед рабоче-крестьянскими массами, борющимися за социализм!

4) Мобилизованные на каждой фабрике избирают из своей среды представителя, который выполняет все организационные шаги для фактического зачисления предложенных фабрикой кандидатов в члены продовольственной армии Народным комиссариатом; 5) зачисленные в армию получают свое прежнее жалование, а также пищевое довольствие и обмундирование со дня фактического вступления в армию; 6) зачисленные в армию дают обязательство в беспрекословном выполнении инструкций, которые будут даваться Народным комиссариатом продовольствия при отправке отрядов на места, и подчиняются комиссарам этих отрядов. Я уверен, что если во главе реквизиционных продовольственных отрядов будут поставлены убежденные, преданные Октябрьской революции социалисты, то они сумеют организовать деревенские комитеты бедноты и совместно с ними смогут отобрать хлеб от кулаков даже без применения вооруженной силы.

Председатель Совнаркома Ленин

27 июня 1918 года.

**IV КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ
И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ
КОМИТЕТОВ МОСКВЫ¹³³**

27 ИЮНЯ — 2 ИЮЛЯ 1918 г.

Краткие отчеты опубликованы
28 июня 1918 г. в газетах «Правда»
№ 130 и «Известия ВЦИК» № 132

Напечатано полностью в 1918 г.
в книге: «Протоколы IV конференции
фабрично-заводских комитетов и
профессиональных союзов г. Москвы».

Изд. ВЦСПС

Печатается по тексту книги,
сверенному со стенограммой

1

ДОКЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ
27 ИЮНЯ 1918 г.

Товарищи! Вы все, конечно, знаете, как надвинулось на нашу страну теперь величайшее бедствие — голод. И нам приходится, прежде чем перейти к вопросу о мерах борьбы с этим бедствием, которое как раз теперь обострилось всего более, нам приходится прежде всего поставить вопрос о том, чем в основных причинах вызвано это бедствие. Если мы ставим этот вопрос, то мы должны сказать себе и запомнить, что не только на Россию, но и на все, даже наиболее культурные, передовые, цивилизованные страны надвинулось теперь это бедствие.

В России в течение ряда последних десятилетий, в особенности теперь, в революцию, бывало не раз, что голод обрушивался на целые области нашей земледельческой страны, где разорено и придавлено было гнетом царей, помещиков и капиталистов громадное большинство русского крестьянства. Но и в западноевропейских странах царит то же бедствие. Многие из этих стран не только в течение десятилетий, но и в течение столетий забыли уже о том, что такое голод, настолько высоко развилось в них земледелие, настолько обеспечены были громадным количеством привозного хлеба те из европейских стран, которым нехватало своего собственного хлеба. А теперь, в двадцатом веке, наряду с еще большим прогрессом техники, наряду с чудесами изобретений, наряду с громадным применением машин и электричества, новых двигателей внутреннего сгорания в земледелии, — наряду со всем этим мы, во всех без исключения европейских странах, видим теперь надвинувшееся на народы то же самое бедствие — голод. Как будто с цивилизацией, с культурой

страны опять возвращаются к первобытному варварству, опять переживают такое положение, когда дичают нравы, звереют люди в борьбе за кусок хлеба. Чем вызван этот поворот к варварству в целом ряде европейских стран, в большинстве их? Мы все знаем, что вызвано это империалистической войной, войной, которая уже четыре года терзает человечество, которая стоит народам уже больше, значительно больше десяти миллионов молодых жизней, войной, которая вызвана корыстными капиталистами, войной, которая ведется из-за того, кто, какой величайший хищник, английский или немецкий, будет господствовать над миром, приобретать колонии, душить малые народы.

Эта война, которая охватила почти весь земной шар, которая не меньше десяти миллионов жизней унесла, не считая миллионов изуродованных, искалеченных и больных, война, которая оторвала от производительного труда, кроме того, миллионы самых здоровых и самых лучших сил, — эта война привела к тому, что человечество стоит теперь в положении совершенного варварства. Исполнилось то, что предвидели, как самый худший, самый мучительный, самый тяжелый конец капитализма, многочисленные писатели социалистического направления, которые говорили: капиталистическое общество, основанное на захвате частной собственности, земли, фабрик, заводов и орудий, кучкой капиталистов, монополистов, превратится в общество социалистическое, одно только имеющее возможность положить конец войне, ибо «цивилизованный», «культурный», капиталистический мир идет к неслыханному краху, который способен порвать и неминуемо порвет все основы культурной жизни. Не только в России, повторяю, но и в наиболее культурных передовых странах, как Германия, в которой производительность труда несравненно выше, которая с громадным избытком может снабжать мир техническими средствами и, еще свободно сносясь с далекими странами, может снабдить население пищевыми продуктами, мы видим голод, несравненно лучше организованный, растянутый на более долгое время, чем в России, но голод еще более тяжелый, еще более мучительный. Капитализм привел к такому тяжелому и мучительному краху, что теперь совершенно ясно для всех, что настоящая война не может

окончиться без ряда наиболее тяжелых и наиболее кровавых революций, из которых русская революция была только первой, явилась только началом.

Вы слышите теперь известия о том, как, например, в Вене второй раз основывается Совет рабочих депутатов, второй раз охватывает трудящееся население почти всеобщая массовая стачка¹³⁴. Мы слышим, как в городах, бывших до сих пор образцами капиталистического порядка, культуры и цивилизации, вроде Берлина, становится опасно выходить в темное время на улицу, потому что, несмотря на самые свирепые меры преследования и самую строгую охрану, война и голод довели и там людей до состояния полной дикости, довели до такой анархии, до такого возмущения, что не только продажа, но прямой грабеж, прямая война из-за куска хлеба становится на очередь для всех культурных, цивилизованных государств.

Товарищи, если поэтому мы наблюдаем у себя теперь в нашей родине, какое мучительное, тяжелое положение создалось в связи с голодом, то мы должны разъяснить тем немногим, но все же имеющимся еще, совершенно слепым, темным людям основные и главные причины голода. Можно встретить еще людей у нас, которые рассуждают: при царе хлеб все-таки был, а революция пришла, и хлеба нет. И понятно, что, может быть, действительно, для каких-либо деревенских старух все развитие истории за последние десять лет к этому сводится, что прежде хлеб был, а теперь нет. Это понятно, потому что голод есть такое бедствие, которое все остальные вопросы сметает, отводит прочь и только его ставит во главу угла и подчиняет ему все прочее. Но понятно, что наша задача, задача сознательных рабочих в том, чтобы разъяснить наиболее широким массам, разъяснить поголовно всем представителям трудящихся масс и города, и деревни, в чем замечается основная причина голода, потому что, не разъяснив этого, мы не можем создать ни в себе, ни в представителях трудящихся масс правильного отношения, не можем создать правильного понимания вреда его, не можем создать твердой решимости и настроения, необходимого для того, чтобы с этим бедствием бороться. А если мы вспомним, что это бедствие создано империалистической войной, что теперь даже самые богатые страны испытывают неслыханный голод и невероятно мучается

громадное большинство трудящихся масс, если мы вспомним, что эта империалистическая война уже четыре года заставляет рабочих различных стран проливать кровь из-за выгод, из-за корысти капиталистов, если мы вспомним, что, чем дальше тянется эта война, тем меньше из нее выхода, тогда мы поймем, какие гигантские, неизмеримые силы должны быть приданы движению.

Война тянется уже скоро четыре года. Россия вышла из войны и, благодаря тому, что она вышла одна, она оказалась между двумя стаями империалистических хищников, из которых каждый рвет, душит и пользуется временной беззащитностью и безоруженностью России. Война тянется уже четыре года. Германские империалистические хищники одержали ряд побед и продолжают обманывать своих рабочих, часть которых подкуплена буржуазией, перешла на их сторону, повторяет гнусную кровавую ложь о защите отечества, так как на самом деле немецкие солдаты защищают корыстные грабительские интересы немецких капиталистов, которые обещают им, что Германия принесет мир, даст благосостояние, а мы видим на деле, что победы Германии, чем шире они становятся, тем больше обнаруживают ее безнадежное положение.

Германия хвалилась во время Брестского мира, когда заключала насильственный эксплуататорский, основанный на насилии, на угнетении народов, Брестский мир, германские капиталисты хвалились, что они дадут хлеб и мир рабочим. А теперь понижают хлебный паек в Германии. Продовольственная кампания в богатой Украине оказалась по общему признанию крахом, а в Австрии дело доходило опять до голодных бунтов, до всенародного массового возмущения, потому что, чем дальше одерживает свои победы Германия, тем яснее становится для всех, даже для многих представителей из крупной буржуазии Германии, что война безысходна, что если даже немцы смогут сопротивляться на Западном фронте, то это несколько не приблизит их к концу войны, но создаст еще новую порабощенную страну, которую нужно оккупировать, занять немецкими отрядами и вести дальше войну, и разложение немецкой армии, которая превращается и превратится из армии в шайку грабителей, людей, производящих насилие над чужими народами, над безоружными народами, выкачивающих оттуда последние остатки съест-

ных припасов и сырых материалов при громадном сопротивлении населения. Чем дальше подходит Германия к окраинам Европы, тем яснее становится, что перед ней стоят Англия и Америка, что они гораздо более развиты, с большими производительными силами, которые находят время отправлять десятки тысяч лучших новых сил в Европу, чтобы все машины, все фабрики и заводы превратить в средство разрушения. Война вновь приходит, и это значит, что каждый год, больше того, каждый месяц несет расширение этой войны. Из этой войны нет иного выхода, как революция, как гражданская война, как превращение войны между капиталистами из-за их прибылей, из-за дележа добычи, из-за удушения мелких стран в войну угнетенных против угнетателей, единственную войну, которая сопровождает всегда в истории не только великие, но и сколько-нибудь значительные революции, единственную войну, которая является одна только законной и справедливой, священной войной с точки зрения интересов трудящихся, угнетенных, эксплуатируемых масс. (Аплодисменты.) Без такой войны из империалистического рабства не выйти. Мы должны дать ясный отчет в том, какие новые бедствия несет гражданская война для всякой страны. Эти бедствия будут тем тяжелее, чем культурнее страна. Представим себе страну с машинами, железными дорогами в гражданской войне, которая прерывает сообщение между областями страны. Представьте себе, в каком положении будут области, десятки лет приспособившиеся к тому, чтобы жить обменом промышленности, и вы поймете, что всякая гражданская война несет еще новые тяжелые бедствия, которые и представляли себе величайшие социалисты. Империалисты обрекают на бедствия, муки и вымирание рабочий класс. Перед новым социалистическим обществом, как ни тяжелы, мучительны эти муки всего человечества, с каждым днем становится яснее, что войну, которую начали империалисты, эти империалисты не кончат, а кончат другие классы, рабочий класс, который во всех странах с каждым днем приходит во все большее движение, негодование и возмущение, которое независимо от чувств и настроения силою вещей принуждает свергнуть господство капиталистов. Нам в России, когда бедствия голода особенно чувствуются, приходится переживать такой

период, который когда-либо революции предстоит, а на немедленную помощь западноевропейских товарищей рассчитывать нельзя. Вся тяжесть русской революции состоит в том, что русскому революционному рабочему классу было гораздо легче начать, чем другим западноевропейским классам, но нам труднее продолжать. Там, в западноевропейских странах, начать революцию труднее, потому что против революционного пролетариата стоит высшая мысль культуры и рабочий класс находится в культурном рабстве.

В это время нам, уже в силу нашего международного положения, приходится переживать невероятно трудное время, и нам, представителям трудящихся масс, рабочим, сознательным рабочим, надо во всей своей агитации и пропаганде, в каждой речи, в каждом призыве, беседе на фабрике, в каждой встрече с крестьянами объяснять им, что бедствие, которое на нас обрушилось, есть бедствие международное, что выхода из него, кроме международной революции, нет. Если нам пришлось пережить такой мучительный период, когда мы временно остались одни, то все наши силы должны быть направлены к тому, чтобы этот тяжелый период вынести стойко, зная, что мы, в конце концов, не одни, что бедствия, которые мы переживаем, подкрадываются к каждой европейской стране, и что ни одна из этих стран без ряда революций не найдет выхода.

В России на нас надвинулся голод, обостренный тем, что насильственный мир отнял у России самые хлебные, самые плодородные губернии; он обострился еще тем, что мы подходим к концу старой продовольственной кампании. До нового урожая, отличающегося несомненным богатством, остается еще несколько недель, которые потому представляют самый трудный переход, а этот переход, будучи труден вообще, обострился тем, что в России свергнутые эксплуататорские классы помещиков и капиталистов делают все усилия, напугают все силы к тому, чтобы снова и снова попытаться вернуть себе власть. Это — одна из основных причин того, что как раз сибирские хлебодородные губернии оказываются теперь отрезанными от нас благодаря восстанию чехословаков. Но мы хорошо знаем, какие силы двигают этим восстанием, мы хорошо знаем, как чехословацкие солдаты заявляют представителям наших войск и наших рабочих и наших крестьян,

что они не хотят воевать с Россией и русской Советской властью, что они хотят только пробиться с оружием в руках на окраину, а во главе их стоят те же вчерашние генералы, помещики, капиталисты, работающие на англо-французские денежки, пользующиеся поддержкой российских социал-предателей, перешедших на сторону буржуазии. (Аплодисменты.)

Вся эта теплая компания пользуется голодом, чтобы сделать еще попытку вернуть к власти помещиков и капиталистов. Товарищи, на опыте нашей революции подтверждаются те слова, которые всегда отличают представителей научного социализма, Маркса и его последователей, от социалистов-утопистов, от социалистов мелкобуржуазных, от социалистов-интеллигентов, от социалистов-мечтателей. Мечтатели-интеллигенты, мелкобуржуазные социалисты — они думали, может быть, думают, мечтают о том, что социализм удастся ввести путем убеждения. Убедится большинство народа, и, когда оно убедится, меньшинство послушается, большинство проголосует, и социализм будет введен. (Аплодисменты.) Нет, так счастливо земля не устроена; эксплуататоры, звери-помещики, капиталистический класс убеждению не поддаются. Социалистическая революция подтверждает то, что видели все, — величайшее сопротивление эксплуататоров. Чем сильнее нажим угнетенных классов, чем ближе подходят они к тому, чтобы свергнуть всякое угнетение, всякую эксплуатацию, чем решительнее разворачивают почин, самостоятельный почин, угнетенные крестьяне и угнетенные рабочие, тем бешенее становится сопротивление эксплуататоров.

И мы переживаем самый тяжелый, самый мучительный период перехода от капитализма к социализму — период, который неизбежно, во всех странах, будет долгим, очень долгим периодом, потому что, повторяю, на каждый успех угнетенного класса угнетатели отвечают новыми и новыми попытками сопротивления, свержения власти угнетенного класса. Чехословацкий мятеж, явно поддерживаемый англо-французским империализмом, ведущим политику свержения Советской власти, указывает, чего стоит это сопротивление. Мы видим, как этот мятеж усиливается, естественно, голодом. Понятно, что широкие массы трудящихся заключают в себе очень много людей, которые — вы это особенно хорошо знаете: каждый из вас на фабрике

наблюдает это — просвещенными социалистами не являются и не могут быть ими, потому что им нужно каторжно работать на фабрике и не остается у них ни времени, ни возможности стать социалистами. Понятно, что эти люди сочувствуют, когда видят, как на фабрике поднимаются рабочие, которые получают возможность начать самим учиться делу управления предприятиями, трудному, тяжелому делу, в котором неизбежны ошибки, но единственному делу, на котором рабочие могут, наконец, осуществить свое постоянное стремление к тому, чтобы машины, фабрики, заводы, лучшая современная техника, лучшие завоевания человечества служили не эксплуатации, а улучшению жизни, облегчению жизни громадного большинства. Но когда они видят, как империалистические хищники с запада, с севера и востока пользуются беззащитностью России, чтобы рвать душу из нее, и, пока они не знают, как станет дело с рабочим движением в других странах, понятно, ими руководит отчаяние. Иначе быть не может. Смешно ожидать и нелепо было бы думать, чтобы от капиталистического общества, основанного на эксплуатации, сразу могло явиться полное сознание необходимости социализма и его понимание. Этого быть не может. Оно вырабатывается только в конце и только той борьбой, которую приходится переживать в такой мучительный период, когда одна революция оказалась впереди других, а другие не помогают, и когда надвигается голод. Естественно, что слоями трудящихся неизбежно овладевает отчаяние, негодование, является настроение махнуть рукой на что бы там ни было. И понятно, что контрреволюционеры, помещики и капиталисты и их прикрыватели и пособники этим моментом пользуются для того, чтобы производить новый и новый натиск на социалистическую власть.

Мы видим, к чему это приводило во всех городах, где не было помощи иностранных штыков. Мы знаем, что Советскую власть удавалось побеждать только тогда, когда люди, кричавшие так много о защите отечества и о своем патриотизме, показывали свою капиталистическую натуру и стали заключать сделки сегодня с немецкими штыками, чтобы вместе с ними резать украинских большевиков, завтра с турецкими штыками, чтобы наступать на большевиков, послезавтра — с чехословацкими штыками,

чтобы свергать Советскую власть и резать большевиков в Самаре. Только иноземная помощь, только помощь иностранных штыков, только продажа России штыкам японским, немецким, турецким, только она давала до сих пор хоть тень успеха соглашателям капитализма и помещикам. Но мы знаем, что, когда восстание подобного рода, на почве голода и отчаяния масс, подымалось, когда охватывало местность, где иностранные штыки нельзя было вызвать на помощь, как это было в Саратове, в Козлове, Тамбове, власть помещиков, капиталистов и их друзей, прикрывающихся прекрасными лозунгами Учредительного собрания, эта власть измеряла продолжительность своего существования днями, если не часами. Чем дальше были отряды советских войск от того центра, которым временно овладевала контрреволюция, тем решительнее было движение среди городских рабочих, тем больше самостоятельности проявляли эти рабочие и крестьяне в том, чтобы идти на помощь Саратову, Пензе, Козлову и свергать немедленно установившуюся власть контрреволюции:

Товарищи, если вы посмотрите на эти события с точки зрения всего происходящего в мировой истории, если вы вспомните, что ваша задача — наша общая задача — разъяснить самим себе и постараться разъяснить массам, что эти величайшие бедствия обрушились на нас не случайно, а в силу империалистической войны, во-первых, и в силу бешеного сопротивления помещиков, капиталистов и эксплуататоров, если мы уясним себе это, то можно ручаться, что это истинное сознание, как бы это ни было трудно, прососется все более и более в широкие массы, и нам удастся организовать дисциплину, победить педисциплинированность на наших фабриках и помочь народу пережить этот мучительный период, особенно тяжелый, который измеряется, может быть, одним, двумя месяцами, рядом недель, остающимися до нового урожая.

Вы знаете, что у нас в России положение теперь, в связи с чехословацким контрреволюционным мятежом, отрезавшим от нас Сибирь, в связи с постоянным возмущением на юге, в связи с войной, особенно тяжело, но понятно, что, чем труднее положение страны, на которую надвигается голод, тем более решительны, тем более тверды должны быть наши меры борьбы с этим голодом. Основной мерой борьбы является установление хлебной монополии.

На этот счет вы все прекрасно знаете и наблюдаете вокруг себя на опыте, как кулаки, богатеи кричат против хлебной монополии на каждом шагу. Это понятно, потому что там, где на время свергали хлебную монополию, как сделал Скоропадский в Киеве, там оказалось, что спекуляция достигает неслыханных размеров, там цены на пуд хлеба поднимаются до 200 рублей. Это понятно, что, когда нет продукта, без которого нельзя жить, каждый владелец продукта может стать богатеем, цены достигают неслыханных размеров. Понятно, что ужас, паника перед голодной смертью делают то, что цены взвинчиваются до неслыханных размеров, и в Киеве пришлось подумать о том, чтобы монополию вернуть назад. У нас давно, еще до большевиков, правительству, несмотря на все богатства России хлебом, пришлось убедиться в необходимости хлебной монополии. Против нее могут говорить только или люди совершенно невежественные, или прямо продавшиеся интересам денежного мешка. (А плоды сенты.)

Но, товарищи, когда мы говорим о хлебной монополии, мы должны подумать о том, какие громадные трудности осуществления заключаются в этом слове. Легко сказать: хлебная монополия, но надо подумать о том, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству; это значит, что ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина, не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен ему для посева, — что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Как это сделать? Надо, чтобы были установлены цены государством, надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен. Откуда взять крестьянину, сознание которого сотни лет отупляли, которого грабили, заколачивали до тупоумия помещики и капиталисты, не давая ему никогда наесться досыта, — откуда ему взять в несколько недель или в несколько месяцев сознание того, что такое хлебная монополия; откуда может явиться у десятков миллионов людей, которых до сих пор питало государство только угнетением, только насилием, только чиновничьим разбоем и грабежом, у этих, заброшенных в глубь деревни и осужденных там на разорение, крестьян; откуда взять понятия того, что такое рабоче-крестьянская власть, что власть в руках

бедноты; что хлеб, который является избыточным и не перешедшим в руки государства, если он остается в руках владельца, так тот, кто его удерживает — разбойник, эксплуататор, виновник мучительного голодания рабочих Питера, Москвы и т. д.? Откуда ему знать, когда его до сих пор держали в невежестве, когда в деревне его дело было только продать хлеб; откуда взять это сознание? Неудивительно, что если мы поставим перед собой вопрос поближе к жизни, взглянемся в нее, то перед нами встанет вся невероятная трудность такой задачи, как задача провести хлебную монополию в стране, в которой большинство крестьян царизм и помещики держали в темпоте, — в стране крестьянства, которое первый год после многих столетий посеяло хлеб на своей земле. (А п л о д и с м е н т ы.)

Но чем больше эта трудность, чем больше она становится перед внимательным и вдумчивым отношением к делу, тем более ясно мы должны сказать себе то, что мы всегда говорили, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Мы всегда говорили: освобождение трудящихся от угнетения не может быть принесено извне; они должны сами, своей борьбой, своим движением, своей агитацией, научиться решать новую историческую задачу, и, чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач. Чтобы хлеб продать любому купцу, любому торгашу, для этого никакого сознания, никакой организации не нужно. Для этого нужно жить так, как заказала жить буржуазия: нужно быть только послушным рабом, представить себе и признать мир великолепным в таком виде, как его устроила буржуазия. А вот для того, чтобы победить этот капиталистический хаос, чтобы осуществить хлебную монополию, чтобы добиться того, чтобы каждый излишек, каждый лишний пуд хлеба принадлежал государству, нужна долгая, трудная, тяжелая организационная работа, не организаторов, не агитаторов, а самих масс.

Такие люди есть в русской деревне; большинство крестьян принадлежит к числу беднейших и бедных крестьян, которые не могут торговать избытками хлеба, излишками хлеба и превращаться в разбойников, которые держат у себя, может быть, сотни пудов хлеба, когда другой

голодает. Теперь положение такое, что всякий крестьянин, называющий себя, может быть, трудовым крестьянином — это слово некоторые очень любят, — но если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что, может быть, если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по 6 рублей, а продаст спекулянтам или продаст измученному, истерзанному голодом городскому рабочему, который пришел с голодной семьей, который даст 200 рублей за пуд, — такой крестьянин, который прячет сотни пудов, который выдерживает их, чтобы повысить цену и получить даже по 100 рублей за пуд, превращается в эксплуататора — хуже разбойника. Как быть при таком положении, на кого можно опереться в нашей борьбе? Мы знаем, что советская революция и Советская власть отличается от других революций и другой власти тем, что она не только свергнула власть помещиков и капиталистов, что она не только государство крепостническое, самодержавное разрушила, — мало того, массы восстали против всяких чиновников, они создали новое государство, в котором должна принадлежать власть рабочим и крестьянам и не только должна, но уже принадлежит. В этом государстве полиции и чиновников нет, нет и постоянной армии, которая на долгие годы была бы забираема в казармы, отделялась бы от народа и обучалась бы стрелять в народ.

Мы вооружаем рабочих и крестьян, которые должны учиться военному делу. Есть отряды, которые поддаются соблазну и порокам, и преступлениям, потому что китайской стеной они от мира угнетения, от мира голода, в котором, кто сыт, желает нажиться на своей сытости, — не отрезаны. Мы наблюдаем поэтому, сплошь да рядом, те явления, что отряды сознательных работников, которые выходят из Питера и Москвы, часто на местах сбиваются, превращаются в преступников. И мы наблюдаем, как буржуазия бьет в ладоши и наполняет столбцы своей продажной прессы всяческими запугиваниями народа: смотрите, каковы ваши отряды, какой это беспорядок, как много лучше были отряды частных капиталистов!

Благодарю покорно, господа буржуи! Нет, вы нас не запугаете! Вы очень хорошо знаете, что исцеление от

бедствий и язв капиталистического мира не придет сразу. А мы знаем, что исцеление явится только в борьбе, что каждый такой случай мы будем выставлять не для злобствования и не для поддержки контрреволюционных уловок меньшевиков и кадетов, а чтобы учить более широкие народные массы. Раз наши отряды не выполняют своего назначения, дайте более сознательные, более широкие отряды по числу преданных своему классу рабочих, во много раз превышающих число тех, которые поддались воблазну. Их нужно организовать, надо просветить, надо объединить вокруг каждого сознательного рабочего несознательных трудящихся, эксплуатируемых и голодных. Надо поднять деревенскую бедноту, надо ее просветить, надо ей показать, что ей на помощь все, что только можно, даст и сделает Советская власть, чтобы только осуществить хлебную монополию.

И вот, когда мы подошли к этой задаче, когда Советская власть ясно поставила эти вопросы, когда она сказала: товарищи рабочие, организуйтесь, объединяйте продовольственные силы, боритесь с каждым случаем, когда такие отряды оказываются не на высоте призвания, организуйтесь более крепко и исправляйте свои недочеты, объединяйте вокруг себя деревенскую бедноту. Кулаки знают, что приходит их последний час, когда противник выступает не только с проповедью, со словами и фразами, а с организацией деревенской бедноты. — Если мы ее организуем, то одержим победу над кулаками. Кулаки знают, что тут приходит момент самой решительной, самой последней, самой отчаянной борьбы за социализм. Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле это — борьба за социализм. Если рабочие научатся решать самостоятельно такие задачи, — на помощь им никто не придет, — если они научатся объединять вокруг себя деревенскую бедноту, тогда будет и победа, и хлеб, и правильное распределение хлеба, даже правильное распределение труда, потому что, распределив его правильно, мы будем господствовать над всеми областями труда, во всех областях промышленности.

Вот, предвидя это, кулаки неоднократно пытались подкупить бедноту. Они знают, государству надо продать хлеб по 6 рублей; они продают соседу, обнищавшему крестьянину, за 3 рубля и говорят ему: «Ты можешь»

пойти к спекулянтам и можешь продать за 40 рублей; наши интересы общие; мы должны быть вместе против государства, которое нас грабит; нам хотят дать по 6 рублей, ты возьми пудика три и можешь выгадать 60 рублей, а сколько я выгадаю — об этом тебе врать не следует, это мое дело».

Вот на этой почве, я знаю, бывает неоднократно, что доходит дело до военного столкновения крестьян, и на это злорадствуют и хихикают враги Советской власти и прилагают все усилия, чтобы свергнуть Советскую власть. А мы говорим: это потому, что отряды пошли недостаточно сознательными, но, чем больше бывали отряды, тем чаще наблюдались случаи, — а они наблюдались неоднократно, — что хлеб давали без единого случая насилия, потому что сознательные рабочие обращают внимание на то, что они не насильники, что главная их сила в том, что они представители бедноты организованной, просвещенной, а в деревне масса тьмы, бедноты не просвещенной. Если к ней уметь подойти, если сказать ей языком без книжных слов, просто, по-человечески объяснить, что в Питере, Москве, в десятках уездов голодают и доходят до голодного тифа, до голода, смерти десятки тысяч русских крестьян и рабочих, что несправедливо хлеб задерживали богатые, спекулировали на народном голоде, то тогда удастся организовать бедноту, сделать то, что излишки хлеба будут собраны и что это будет сделано не насильем, а организацией деревенской бедноты. Против деревенских кулаков мне приходится выслушивать неоднократно доклады товарищей, приезжающих на места с продовольственными отрядами и борющихся против контрреволюции. Я позволю себе привести тот пример, который особенно жив в моей памяти, потому что мне пришлось слышать вчера о том, что было в Елецком уезде. Там, благодаря организации Совдепа, благодаря тому, что там нашлись сознательные рабочие и беднейшие крестьяне в достаточном количестве, удалось закрепить власть бедноты. Когда у меня были с докладом первый раз представители Елецкого уезда, я не поверил им, я подумал, что люди прихвастнули, но мне подтвердили товарищи, специально посланные из Москвы в другие губернии, что только можно приветствовать их постановку дела, подтвердили, что в России есть такие уезды, где местные

Совдепы оказались на высоте задачи, сумевши добиться полного устранения из Советов кулаков и эксплуататоров и организовать трудящихся, организовать бедноту. Кто пользуется своим богатством для наживы, тот пусть идет прочь от Советской власти! (Аплодисменты.)

Когда они выгнали кулаков, они пошли в город Елец, торговый город, и там для осуществления хлебной монополии не ждали декрета, а помнили, что Советы есть власть, близкая к народу, что каждый должен, если он революционер, если он социалист и, действительно, сторонник трудящихся, действовать быстро и решительно. Они организовали всех работников и беднейших крестьян и выдвинули такое количество отрядов, что по всему Ельцу были произведены обыски; они впускали в дома только доверенных и ответственных руководителей отрядов; ни одного человека, в котором они не были убеждены, они не впускали, зная, как часто бывает колебание, зная, что ничто так не позорит Советскую власть, как эти случаи грабежа со стороны представителей и недостойных слуг Советской власти. Им удалось то, что они собрали громадные излишки хлеба, — что не осталось ни одного дома в торговом Ельце, где бы буржуазия могла пользоваться выгодой от спекуляции.

Конечно, я знаю, что сделать это в маленьком городе значительно легче, чем в таком городе, как Москва, но не надо забывать и того, что такой пролетарской силы, какая есть в Москве, не может быть ни в каком уездном городе.

Вот в Тамбове недавно победила контрреволюция на несколько часов; она даже выпустила меньшевистский и правоэсеровский номер газеты, которая звала к Учредительному собранию, к свержению Советской власти и говорила, как прочна победа новой власти, до тех пор, пока не пришли из уезда красноармейцы и крестьяне и в один день не согнали эту новую, «прочную», будто бы опирающуюся на Учредительное собрание власть. (Аплодисменты.)

Так же, товарищи, дело обстоит в других уездах Тамбовской губернии, губернии громадных размеров. Северные ее уезды примыкают к неземледельческой полосе, уезды южные необычайно плодородны; там урожай очень велик. Там много крестьян, у которых избыток хлеба есть, и там надо уметь подойти с особенной энергией, с особенно твердым и ясным сознанием, чтобы опереться

на беднейших крестьян, чтобы побороть кулаков. Там кулаки чувствуют вражду ко всякой рабочей и крестьянской власти, там приходится ждать на помощь питерских и московских рабочих, которые всякий раз, поддерживаемые оружием своей организованности, изгоняют кулаков из Советов, организуют бедноту и переживают, вместе с местным крестьянством, опыт борьбы за государственную монополию хлеба, опыт организации деревенской бедноты и трудящихся города, такой организации, которая даст нам последнюю полнейшую победу. И тут, товарищи, я позволил себе рассказать вам в этих примерах, как обстоит дело в продовольственном отношении, потому что мне кажется, что характеристика борьбы за хлеб, с точки зрения трудящихся, против кулаков, важна для нас, для рабочих, для сознательного пролетариата, не теми отдельными цифровыми данными расчетов, сколько миллионов пудов можно получить. Это дело я должен оставить специалисту-продовольственнику, я должен сказать, что если бы удалось получить излишки хлеба из тех губерний, которые примыкают к московской неземледельческой полосе и хлебородной Сибири, даже тут на эти тяжелые недели, которые нам остались до нового урожая, мы нашли бы достаточно хлеба, чтобы спасти голодные неземледельческие губернии от голодной смерти. Для этого нужно организовать еще большее число сознательных передовых рабочих. Это основной урок всех бывших революций, это основной урок и нашей революции. Чем больше будет организация, чем она шире проявится, чем лучше сумеют рабочие на заводах и фабриках понять, что сила только в организации их и деревенской бедноты, тем вернее будет дело борьбы с голодом и дело борьбы за социализм, ибо, повторяю, наша задача не в том, чтобы выдумать новую власть, а чтобы каждого представителя деревенской бедноты, в глухой деревне, поднять, просветить, организовать для самостоятельных действий. Нетрудно объяснить нескольким сознательным городским рабочим, питерским и московским, даже в глухой деревне, как несправедливо удерживать хлеб, спекулировать на нем, превращать в средство для самогонки, когда сотни тысяч гибнут в Москве. Чтобы этого добиться, рабочие питерские, московские, вы, товарищи, в особенности, представители фабрично-заводских комитетов, представители самых раз-

личных профессий, фабрик и заводов, вы должны только твердо усвоить себе и уяснить, что к вам на помощь никто не придет, что из другого класса к вам идут не помощники, а враги, что у Советской власти нет на службе преданной интеллигенции. Интеллигенция свой опыт и знания — высшее человеческое достоинство — несет на службу эксплуататорам и пользуется всем, чтобы затруднить нам победу над эксплуататорами; она добьется того, что сотни тысяч людей будут гибнуть от голода, но она не сломит сопротивления трудящихся. У нас нет никого, кроме того класса, с которым мы добились революции, с которым мы пойдем через предстоящие нам самые величайшие трудности, самую тяжелую полосу. — это фабрично-заводской, городской и деревенский пролетариат, который говорит между собой языком, друг другу понятным, который и в городе и в деревне сумеет победить всяких врагов — кулаков и богачей.

Но, чтобы сделать это, надо помнить, как часто забывают рабочие основное положение социалистической революции: чтобы сделать социалистическую революцию, чтобы совершить ее, избавить народ от угнетения, для этого не нужно сразу уничтожить классы, власть должны взять в свои руки самые сознательные и организованные рабочие. В государстве должны стать господствующим классом рабочие. Вот истина, которую большинство из вас читало уже в «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса, который написан более семидесяти лет тому назад и обошел все страны и все языки. Везде обнаружилась истина: чтобы победить капиталистов, нужно, чтобы господствующим классом на время борьбы с эксплуатацией, пока темно, пока не верят еще в новые порядки, стали организованные городские фабрично-заводские рабочие. Когда вы в своих фабрично-заводских комитетах собираетесь, чтобы решать свои дела, помните, что революции не удержать ни одного из своих завоеваний, если вы будете заниматься в своих фабрично-заводских комитетах техническими или чисто финансовыми рабочими интересами. Бывало не раз, что рабочим и угнетенным классам удавалось взять в свои руки власть, но не бывало ни разу, чтобы им удавалось удержать ее. Для этого нужно, чтобы рабочие обладали не только способностью подняться на героическую борьбу и свергнуть эксплуатацию, но и

способностью к организации, к дисциплине, к выдержке, способностью обсуждать, когда кругом все шатается, колеблется, когда на тебя нападают, когда растут нелепые бесконечные слухи, — вот в это время на фабрично-заводских комитетах, которые во всем тесно связаны с широкой миллионной массой, лежит величайшая государственная задача стать, в первую очередь, органом управления государственной жизни. Это основной государственный вопрос Советской власти — как нам обеспечить правильное распределение хлеба. Если Елец сумел обуздать местную буржуазию, то в Москве это сделать труднее, но здесь организация неизмеримо больше, и здесь вы легче можете выдвинуть десятки тысяч людей честных, которых ваши партии, ваши профессиональные союзы дадут и смогут гарантировать, которые будут в состоянии руководить отрядами с полной ответственностью за то, что они остаются идейными, преданными людьми, несмотря ни на какие трудности, несмотря ни на какие соблазны, с одной стороны, и муки голода, с другой. Другого класса, который мог бы теперь взяться за это дело, который был бы способен руководить народом, часто впадающим в отчаяние, другого класса, кроме фабрично-заводского городского пролетариата, нет. Ваши фабрично-заводские комитеты должны перестать быть только заводскими комитетами, они должны стать основными государственными ячейками господствующего класса. (Аплодисменты.) От вашей организованности, от вашей сплоченности, от вашей энергии зависит то, что тяжелый переход мы выдержим так стойко, как должна выдерживать Советская власть. Беритесь за дело сами, беритесь с каждой стороны, разоблачайте каждый день злоупотребления, поправляйте своим собственным опытом каждую сделанную ошибку, — их много делается теперь, потому что рабочий класс еще не опытен, но важно, чтобы он взялся за дело сам, чтобы он сам исправлял ошибки. Если мы будем так действовать, если каждый комитет поймет, что он представляет из себя руководителя величайшей в мире революции, тогда мы завоюем социализм для всего мира! (Аплодисменты, переходящие в бурную овацию.)

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ
28 ИЮНЯ 1918 г.

Товарищи, позвольте мне прежде всего остановиться на нескольких положениях возражавшего мне содокладчика Падерина. Из стенограммы я вижу, что он говорил: «Мы должны сделать все возможное, чтобы пролетариат английский и германский, в первую голову, имели возможность выступить против своих угнетателей; а что для этого надо сделать? Разве мы должны способствовать этим угнетателям? Тем, что мы разжигаем вражду внутри себя, тем, что мы разрушаем, ослабляем страну, мы бесконечно укрепляем позиции империалистов английских, французских и германских, которые, в конце концов, сплотятся между собой, чтобы задушить рабочий класс России». Вот рассуждения, которые показывают, до какой степени не тверды всегда были меньшевики в своей борьбе и в своей оппозиции против империалистической войны, потому что это рассуждение, прочтенное мною, можно понять только в устах человека, называющего себя оборонцем, который становится целиком на позицию империализма (аплодисменты), человека, оправдывающего империалистическую войну, повторяя буржуазные уловки, будто рабочие в этой войне защищают свое отечество. Если, в самом деле, стоять на той точке зрения, что рабочие не должны разрушать и ослаблять страну в этой войне, то это значит призывать рабочих защищать отечество в империалистической войне, а вы знаете, что сделало большевистское правительство, которое первой своей обязанностью сочло опубликовать, разоблачить, предать публичному позору тайные договоры. Вы знаете, что из-за тайных договоров вели войну союзники и что

тайные договоры правительство Керенского, существовавшее с помощью и поддержкой меньшевиков и правых эсеров, не только не отменило, а даже и не опубликовало, что русский народ вел войну из-за тайных договоров, в которых русским помещикам и капиталистам был обещан, в случае победы, захват Константинополя, проливов, Львова, Галиции и Армении. Таким образом, если мы стоим на точке зрения рабочего класса, если мы против войны, каким образом могли бы мы терпеть эти тайные договоры. Пока мы терпели тайные договоры, пока мы терпели у себя власть буржуазии, до тех пор у немецких рабочих мы поддерживали шовинистические убеждения, что в России нет сознательных рабочих, что Россия вся идет за империализмом, что войну Россия ведет с целью ограбить Австрию и Турцию. Наоборот, чтобы ослабить немецких империалистов, оторвать от них немецких рабочих, рабоче-крестьянское правительство сделало столько, сколько не сделало ни одно правительство в мире, потому что, когда эти тайные договоры были опубликованы и разоблачены перед всем миром, — даже немецкие шовинисты, даже немецкие оборонцы, даже те рабочие, которые идут за своим правительством, в своей газете «Вперед»¹³⁵, которая является центральным органом, должны были признать, что это — акт социалистического правительства, являющийся настоящим революционным актом. Они должны были признать это, потому что ни одно из всех империалистических правительств, запутанных в войну, не сделало этого, и только одно наше правительство сорвало тайные договоры.

Конечно, в душе у каждого немецкого рабочего, как бы он ни был загнан, забит, подкуплен империалистами, шевелится мысль: а разве у нашего правительства нет тайных договоров? (Голос: «Скажите нам про Черноморский флот!».) Хорошо, я скажу, хотя это не относится к теме. У всякого немецкого рабочего шевельнулась мысль: если русский рабочий дошел до того, что сорвал тайные договоры, разве у немецкого правительства тайных договоров не существует? Когда дело дошло до Брестских договоров, тогда перед всем миром выступили разоблачения т. Троцкого, и разве не эта политика привела к тому, что во враждебной стране, находящейся в страшной империалистической войне с другими правитель-

ствами, политика наша вызвала не озлобление, а поддержку народных масс? Единственным таким правительством было наше. Наша революция добилась того, что во время войны во враждебной стране возникает громадное революционное движение, которое вызвано лишь тем, что мы сорвали тайные договоры, что мы сказали: мы не остановимся ни перед какими опасностями. Если мы знаем, если мы говорим — и не на словах, а на деле, — что спасение от международной войны, империалистической бойни народов, может дать только международная революция, то мы в своей революции должны идти к этой цели, не глядя ни на какие трудности, ни на какие опасности. И когда мы вступили на этот путь, впервые в мире во время войны в самой империалистической, в самой дисциплинированной стране — в Германии разгорелась и вспыхнула в январе массовая стачка. Конечно, есть люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению. Эти люди либо безумцы, либо провокаторы. Мы пережили за последние 12 лет две революции. Мы знаем, что их нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя. Мы знаем, каких трудностей стоило рождение революции в 1905 году и 1917 году, и мы никогда не ожидали, что одним ударом, по одному призыву, революция разразится и в других странах, но в том, что она начинает расти в Германии и Австрии, есть большая заслуга русской Октябрьской революции. (Аплодисменты.) Сегодня мы читаем в наших газетах, что в Вене, где хлебный паек еще ниже нашего, где никакой украинский грабеж не может помочь, где население говорит, что оно никогда не испытывало такого ужасного голода, появился Совет рабочих депутатов. В Вене опять уже возникают всеобщие забастовки.

И мы говорим себе: вот вам второй шаг, вот вам второе доказательство, что, когда русские рабочие сорвали империалистические тайные договоры, когда прогнали свою буржуазию, они сделали последовательный шаг сознательных рабочих интернационалистов, они помогли росту революции в Германии и Австрии, как никогда еще не помогала ни одна революция в мире революции во

враждебном государстве, находящемся в состоянии войны, в состоянии величайшего озлобления.

Предсказать, когда революция вырастет, обещать, что она придет завтра, это значит вас обманывать. Вы помните, в особенности те из вас, кто пережил обе русские революции, кто из вас мог ручаться в ноябре 1904 года, что через два месяца сто тысяч питерских рабочих пойдут к Зимнему дворцу и откроют великую революцию?

Припомните, как могли мы в декабре 1916 года ручаться, что через два месяца в несколько дней будет свалена царская монархия. Мы в своей стране, где пережили две революции, знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя. Поэтому ни в каком случае мы не позволим себе обманывать массы, говорить: немецкие рабочие помогут завтра, они взорвут своего кайзера послезавтра. Этого говорить нельзя.

Тем труднее наше положение, что русская революция оказалась впереди других революций, но что мы не одиноки, это показывают нам приходящие почти каждый день известия о том, как за большевиков высказываются все лучшие немецкие социал-демократы, как за большевиков в открытой немецкой печати высказывается Клара Цеткин, потом Франц Меринг, который теперь в ряде статей доказывает немецким рабочим, что правильно поняли социализм только большевики, как недавно в Бюртембергском ландтаге один социал-демократ Хошка определенно заявил, что он только в большевиках видит пример последовательности и правильно ведущейся революционной политики. Вы думаете, что такие вещи не находят себе отклика среди десятков, сотен, тысяч немецких рабочих, которые к ним заранее присоединятся? Когда в Германии и Австрии дело доходит до образования Совета рабочих депутатов и до второй массовой стачки, тогда мы должны сказать, ни капли не преувеличивая, нисколько не обольщаясь, что это означает момент наступления революции. Мы говорим себе с совершенной точностью: наша политика и наш путь были правильной

политикой и правильным путем, мы помогли австрийским и немецким рабочим почувствовать себя не врагами, которые душат русских рабочих из-за интересов кайзера, из-за интересов немецких капиталистов, а мы помогли им почувствовать себя братьями русских рабочих, которые ведут такую же революционную работу. (Аплодисменты.)

Я еще хотел бы указать на одно место в речи Падерина, которое по-моему тем более заслуживает внимания, что оно совпадает отчасти с мыслью предыдущего оратора¹³⁶. Вот это место: «Мы видим, что теперь война гражданская ведется внутри рабочего класса. Разве мы можем это допустить?». Вот видите, война гражданская называется войной среди рабочего класса или называется, как назвал предыдущий оратор, войной с крестьянами. А мы прекрасно знаем, что и то, и другое неправда. Гражданская война является в России войной рабочих и беднейших крестьян против помещиков и капиталистов, война эта удлиняется, затягивается, потому что помещики и капиталисты русские побеждены в октябре и ноябре сравнительно с малыми жертвами, побеждены подъемом народных масс в таких условиях, когда им сразу было очевидно, что поддержать их народ не может, когда дело дошло до того, что даже на Дону, где больше всего богатых казаков, живущих эксплуатацией наемного труда, где больше всего надежд на контрреволюцию, даже там Богаевский, руководитель контрреволюционного восстания, должен был признать и признал публично: «наше дело проиграно, потому что за большевиков громадное большинство населения даже у нас». (Аплодисменты.)

Вот как было дело, как в своей игре, как в своей контрреволюционной игре проиграли в октябре и ноябре помещики и капиталисты.

Вот какова получилась их авантюра, когда они пытались из юнкеров, из офицеров, из сынков помещиков и капиталистов образовать белую гвардию против рабоче-крестьянской революции. А теперь разве вы не знаете, — прочтите сегодня в газетах, — что чехословацкая авантюра питается денежками англо-французских капиталистов¹³⁷, которые подкупают войска на то, чтобы втянуть нас снова в войну; разве вы не читали, как чехословаки говорили в Самаре: мы соединимся вместе с Дутовым,

Семеновым и заставим рабочих России и российский народ воевать снова против Германии вместе с Англией и Францией, восстановим те же самые тайные договоры и бросим вас, еще, может быть, на четыре года, в эту империалистическую войну в союзе с буржуазией. Вместо этого мы ведем теперь против буржуазии нашей и против буржуазии других стран войну, и только тем, что мы эту войну ведем, мы привлекли к себе сочувствие и поддержку рабочих других стран. Если рабочий одной воюющей страны видит, что в другой воюющей стране создается тесная связь между рабочими и буржуазией, то это раскалывает рабочих по нациям, сливает их со своей буржуазией; это есть величайшее зло, это есть крах социалистической революции, крах и гибель всего Интернационала. (Аплодисменты.)

В 1914 году погиб Интернационал, потому что рабочие всех стран соединились со своей национальной буржуазией и раскололись между собой, и теперь этот раскол приходит к концу. Вы читали, может быть, недавно о том, как в Англии шотландский народный учитель и работник профессиональных союзов Маклин был во второй раз посажен в тюрьму на 5 лет, в первый раз он попал на $1\frac{1}{2}$ года за то, что разоблачал войну и говорил о преступности английского империализма. Когда он был освобожден, в Англии был уже представитель Советского правительства Литвинов, он тотчас же назначил Маклина консулом, представителем в Англии Советской Российской Федеративной Республики, и шотландские рабочие ответили на это назначение восторгом. Английское правительство второй раз открыло преследование против Маклина, не только как шотландского народного учителя, но и как консула Федеративной Советской Республики. Маклин сидит в тюрьме за то, что выступил открыто, как представитель нашего правительства, а мы никогда не видели этого человека, он никогда не принадлежал к нашей партии, он — любимый вождь шотландских рабочих, и мы с ним соединились, русский и шотландские рабочие соединились против английского правительства, несмотря на то, что оно покупает чехословаков и ведет бешеную политику втягивания в войну Российской республики. Вот доказательства, что во всех странах, независимо от их положения в войне, и в Германии, которая воюет против нас, и

в Англии, которая хочет оттянуть себе Багдад, додушить до конца Турцию, рабочие сплываются с русскими большевиками, с русской большевистской революцией. Когда здесь оратор, слова которого я цитировал, говорил, что гражданская война ведется рабочими и крестьянами против рабочих и крестьян, то мы прекрасно знаем, что это неправда. Одно дело — рабочий класс, а другое дело — группки, маленькие прослойки рабочего класса. Германский рабочий класс от 1871 года до 1914 года, почти полвека, был образцом социалистической организации для всего мира. Мы знаем, что он имел партию в миллион человек, что он создал профессиональные союзы с двумя, тремя, четырьмя миллионами, а тем не менее в течение этого полвека оставались сотни тысяч немецких рабочих, объединенных в клерикальный поповский союз и стоящих горой за попа, за церковь, за своего кайзера. Кто же представлял действительно рабочий класс: гигантская немецкая социал-демократическая партия и профессиональные союзы или сотни тысяч клерикальных рабочих? Одно дело рабочий класс, который объединяет громадное большинство сознательных, передовых, думающих рабочих, а другое дело — одна фабрика, завод, местность, несколько групп рабочих, продолжающих оставаться на стороне буржуазии.

Рабочий класс России в своем гигантском, подавляющем большинстве, — это вам показывают все выборы в Советы, в фабрично-заводские комитеты, конференции, — они на 99 процентов из 100 стоят на стороне Советской власти (аплодисменты), зная, что эта власть ведет войну против буржуазии, против кулаков, а не против крестьян и рабочих. Это большая разница, если находится ничтожная группа рабочих, которые продолжают оставаться в рабской зависимости от буржуазии. Мы ведем войну не с ними, а с буржуазией, и тем хуже для тех ничтожных групп, которые до сих пор остаются в союзе с буржуазией. (Аплодисменты.)

Есть вопрос, который мне здесь был задан на записке; этот вопрос гласит: «Почему до сих пор выходят контрреволюционные газеты?». Одна из причин та, что есть также элементы среди печатных рабочих, которые подкуплены буржуазией. (Шум, крики: «Неправда».) Вы можете кричать сколько угодно, но вы не помешаете

мне сказать правду, которую все рабочие знают, которую я только что начал объяснять. Когда рабочий ставит высоко свой личный заработок в буржуазной печати, когда он говорит: я хочу сохранить свой личный высокий заработок за то, что я помогаю буржуазии продавать яд, отравлять народ ядом, тогда я говорю: эти рабочие все равно что подкупленные буржуазией (аплодисменты), не в том смысле, чтобы кто-нибудь из них, отдельное лицо было нанято. Я хотел сказать не в этом смысле, а в том смысле, в каком все марксисты говорили против английских рабочих, заключающих союз со своими капиталистами. Вы все, читавшие профессиональную литературу, знаете также пример, что там бывают союзы не только рабочих, а там организованы между рабочими данной профессии и капиталистами той же самой профессии союзы для того, чтобы повышать цены, грабить всех остальных. Все марксисты, все социалисты всех стран указывают пальцами на такие примеры и, начиная с Маркса и Энгельса, говорили о рабочих, подкупленных буржуазией по бессознательности, по своим цеховым интересам. Они продали свое право первородства, право на социалистическую революцию тем, что вошли в союз со своими капиталистами против громадного большинства рабочих и угнетенных трудящихся слоев в собственной стране, своего собственного класса. То же самое у нас. Когда у нас находятся отдельные группы рабочих, говорящих, какое нам дело до того, что то, что мы набираем, является опиумом, ядом, несущим ложь и провокацию. Я получу свой высший заработок, на других мне наплевать. Таких рабочих мы будем клеймить, таким рабочим мы всегда говорили во всей нашей литературе и говорили открыто: такие рабочие отходят от рабочего класса и переходят на сторону буржуазии. (Аплодисменты.)

Товарищи! Я сейчас перейду к рассмотрению тех вопросов, которые мне задали, но сначала, чтобы не забыть, отвечу на вопрос о Черноморском флоте¹³⁸, который задан был как будто для того, чтобы нас изобличить. А я вам скажу, что там действовал товарищ Раскольников, которого прекрасно знают московские и питерские рабочие по его агитации, по его партийной работе. Товарищ Раскольников сам будет здесь и расскажет вам, как он агитировал за то, чтобы мы лучше пошли

на уничтожение флота, чем на то, чтобы на нем двинулись немецкие войска против Новороссийска. Вот как было дело с Черноморским флотом, и народные комиссары — Сталин, Шляпников и Раскольников приезжают скоро в Москву и расскажут нам, как было дело. Вы увидите, что наша политика была единственная, которая так же, как и политика Брестского мира, принесла нам массу тяжелых бедствий, но которая дала возможность Советской власти и рабоче-социалистической революции в России продолжать держать свое знамя перед рабочими всех стран. Если теперь в Германии с каждым днем растет число рабочих, которые старые предрассудки о большевиках отбрасывают и понимают правильность нашей политики, то в этом заслуга той тактики, которую мы ведем, начиная с Брестского договора.

Из тех вопросов, которые мне заданы, я остановлюсь на двух, касающихся подвоза хлеба. Отдельные рабочие говорят, почему вы запрещаете подвоз хлеба отдельным рабочим, когда они везут его для своей семьи? Ответ на это простой: подумайте, что бы вышло, если бы тысячи пудов, необходимые для данной местности, для данной фабрики, для данного района, для данного квартала, привозились тысячами людей. Если бы мы пошли на это, начался бы полный развал продовольственных организаций. Мы вовсе не виним того голодного измученного человека, который в одиночку едет за хлебом и достает его какими угодно средствами, но мы говорим: мы существуем, как рабоче-крестьянское правительство, не для того, чтобы узаконять и поощрять распад и развал. Для этого правительство не нужно. Оно нужно, чтобы объединить их, чтобы организовывать, чтобы сплачивать сознательно в борьбе против бессознательности. Нельзя винить тех, кто по бессознательности бросает все, закрывает глаза на все, чтобы выручить себя какими угодно средствами — достать хлеба, но можно винить тех, кто является партийным человеком и, проповедуя хлебную монополию, недостаточно поддерживает сознательность и сплоченность действий. Да, борьба с мешочниками, с отдельным провозом хлеба, — трудная борьба, потому что это есть борьба с темнотой, с бессознательностью, с неорганизованностью широких масс, но от этой борьбы мы никогда не откажемся. Каждый раз, когда люди бросаются на

отдельные заготовки, мы снова будем звать их к пролетарским социалистическим приемам борьбы с голодом: объединившись вместе, давайте новыми силами заменим заболевшие продовольственные отряды, заменим свежими, более сильными, более честными, более сознательными, более испытанными людьми, и мы то же самое количество хлеба, те же тысячи пудов привезем, которые разрозненными усилиями 200 человек тащат по 15 пудов каждый, поднимая цены, усиливая спекуляцию. А мы объединим этих 200 человек, мы создадим сплоченную сильную рабочую армию. Если нам не удастся сразу, мы повторим наши усилия; мы будем на каждом заводе, на каждой фабрике добиваться того, чтобы сознательные рабочие давали больше сил, более надежных людей для борьбы со спекуляцией, и мы уверены, что сознание, дисциплина и организованность рабочих, в конце концов, победят все тяжелые испытания. Вот когда люди на своем собственном опыте убедятся, что в результате отдельного мешочничества спасти сотни тысяч голодных нельзя, мы увидим, что дело организованности и сознательности победит и что мы организуем путем сплочения борьбу с голодом и добьемся правильного распределения хлеба.

Меня здесь спрашивают: а почему не введена монополия на другие продукты промышленности, столь же необходимые, как и хлеб? На это я отвечаю: к этому все меры Советская власть принимает. Вы знаете, что существует тенденция организовать, объединить текстильные фабрики, текстильное производство. Вы знаете, что в этой организации в большинстве руководящих центров сидят рабочие, вы знаете, что Советская власть приступает к национализации всех отраслей промышленности, вы знаете, что трудности, которые стоят на пути к этому делу, громадны, что тут надо много сил, чтобы создать все это организованно. Мы беремся за это дело не так, как берутся правительства, которые опираются на чиновников. Так легко управлять: пусть один человек получает 400, пусть другой — повыше, по тысяче рублей, наше дело приказать, и они должны исполнять. Так управляют все буржуазные страны, они нанимают себе чиновников за высокую плату, нанимают тех же сынков буржуазии и им поручают управление. Советская республика так управлять не может. Чиновников у нее нет,

чтобы управлять и руководить делом объединения всех текстильных фабрик, делом взятия на учет, делом введения монополии на все предметы первой необходимости и правильного распределения их. Для этого мы зовем тех же рабочих, мы зовем представителей профессиональных союзов текстилей и говорим: вы должны составлять большинство руководящей коллегии Центротекстиля и вы составляете большинство в них, как вы составляете большинство в руководящих коллегиях в Высшем совете народного хозяйства. Товарищи рабочие, беритесь сами за это важнейшее государственное дело, мы знаем, что это труднее, чем ставить деловых чиновников, но мы знаем, что другого пути нет. Нужно дать власть в руки рабочего класса и научить передовых рабочих, несмотря на все трудности, тому, чтобы они на своем опыте, на своей спине, своими руками доходили до того, как надо распределять все предметы, всю мануфактуру в интересах трудящихся. (Аплодисменты.)

Вот почему для того, чтобы ввести государственную монополию, назначить твердые цены, Советская власть делает все, что может сделать при данном положении, делает это через рабочих, вместе с рабочими, дает им большинство в каждом правлении, в каждом отдельном центре, будь то ВСНХ, будь то объединение металлистов или национализированных в несколько недель сахарных заводов. Этот путь представляет из себя путь трудный, но, я повторяю, без трудностей не достигнуть того, чтобы рабочие, привыкшие раньше и приученные буржуазией в течение сотен лет только рабски исполнять ее приказания, чтобы они перешли на другое положение, чтобы они почувствовали, что власть — это мы. Хозяин промышленности, хозяин хлеба, хозяин всех продуктов в стране — это мы. Вот когда это сознание проникнет в рабочий класс глубоко, когда он своим опытом, своей работой удесятерит свои силы, только тогда все трудности социалистической революции будут побеждены.

Я кончаю призывом фабрично-заводской конференции еще раз к тому, чтобы в городе Москве, где трудности особенно велики, ибо это громадный центр торговли и спекуляции, где десятки тысяч людей только тем и существуют в течение многих лет, что на торговле и спекуляции добывают себе средства к жизни, тут трудности

особенно велики, но тут, зато, есть и такие силы, каких нет ни в одном маленьком городе. Пусть только эти рабочие организации, пусть только фабрично-заводские комитеты помнят хорошенько и твердо примут во внимание то, чему учат все теперешние события, чему учит теперешний голод, охвативший трудящихся России. Спасти революцию от возвращения власти к помещикам и капиталистам могут только новые и новые организации, более широкие организации сознательных и передовых рабочих. Таких рабочих сейчас большинство, но этого недостаточно; надо, чтобы они больше брались за общегосударственную работу. В Москве бездна случаев, когда спекулянты играют на голоде и наживаются на голоде, разрушают хлебную монополию, когда богатые имеют все, чего только пожелают. В Москве 8 000 членов партии коммунистов, в Москве профессиональные союзы дадут 20—30 тысяч людей, за которых союзы могут ручаться, которые будут надежными, стойкими выразителями пролетарской политики. Объедините их, создайте сотни тысяч отрядов людей, беритесь за продовольственное дело, за обыски всего богатого населения, — и вы добьетесь того, что вам нужно. (Аплодисменты.)

Я вам рассказал прошлый раз, какого успеха достигли в этом деле в городе Ельце, но в Москве это сделать труднее. Я сказал, что Елец является городом, наилучше поставленным, есть много городов, гораздо хуже поставленных, потому что это дело трудное, потому что тут не в недостатке оружия дело, — его сколько угодно, — а трудности заключаются в том, чтобы выдвинуть на руководящие, ответственные посты сотни и тысячи рабочих, безусловно надежных, способных понять, что они делают не свое местное дело, а дело всей России, которые способны стоять на своем посту, как представители всего класса, и организовать по стройному определенному плану работу, исполнить то, что предписано, то, что решит Московский Совет, московские организации всей пролетарской Москвы. Вся трудность в том, чтобы организовать пролетариат, в том, чтобы он был более сознательным, чем до сих пор. Посмотрите на питерские выборы¹³⁹ — и вы увидите, как, несмотря на то, что там свирепствует голод еще больший, чем в Москве, что там бедствия обрушились с еще большей тяжестью, там растет

преданность рабочей революции, там растет организованность и сплоченность, и вы тогда скажете себе, что вместе с ростом тех бедствий, которые на нас обрушились, растет решимость рабочего класса все эти трудности победить. Становитесь на этот путь, усиливайте вашу энергию, двигайте новые тысячные отряды на этот путь, на помощь продовольственному делу, и мы вместе с вами, опираясь на вашу поддержку, победим голод и добьемся правильного распределения. (Аплодисменты.)

3

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

IV Московская конференция фабрично-заводских комитетов, всецело поддерживая продовольственную политику Советской власти, особенно одобряет (и настаивает на необходимости для всех рабочих поддерживать) политику объединения деревенской бедноты.

Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих, и только теснейший союз городских рабочих с деревенской беднотой в состоянии победить сопротивление буржуазии и кулаков, взять в свои руки все излишки хлеба и правильно распределить их между нуждающимися как города, так и деревни.

Конференция призывает все фабрично-заводские комитеты напрячь все усилия, чтобы организовать более широкие массы рабочих в продовольственные отряды и двинуть их под руководством надежнейших товарищей на активную всестороннюю поддержку продовольственной политики рабочего и крестьянского правительства.

**РЕЧЬ НА МИТИНГЕ
В СИМОНОВСКОМ ПОДРАЙОНЕ
28 ИЮНЯ 1918 г.**

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

(Рабочие бурно приветствуют Ленина.) Ленин говорит о необходимости гражданской войны и призывает московский пролетариат к дружной организации в деле борьбы как с контрреволюционными силами, так и с голодом и государственной разрухой.

Попутно Ленин касается саратовских и тамбовских событий и указывает, что всюду, где происходили восстания, вдохновленные партиями меньшевиков и правых эсеров, рабочий класс быстро разочаровывался в идеологии этих партий и так же быстро свергал захватчиков рабоче-крестьянской власти.

Мы получили телеграмму с просьбой о помощи, но не успевали наши отряды дойти до середины пути, как те же, просившие помощи рабочие, вновь сообщали, что необходимость в немедленной помощи миновала, так как захватчики побеждены местной силой. Так было в Саратове, Тамбове и других городах.

Ленин указывает, что война вообще противна стремлениям партии коммунистов. Но та война, которая проповедывается сегодня, — священна, эта война гражданская, война рабочего класса против его эксплуататоров.

Без труда, без затраты огромной энергии, мы не сможем выйти на дорогу социализма. Для успешной борьбы за идеалы рабочего класса необходимо организовать. Необходимо также организация и для того, чтобы суметь закрепить за собой все завоевания, добытые ценой тяжелых потерь и усилий.

Труднее удержать власть, чем ее взять, и мы видим из примеров истории, что часто рабочий класс брал власть

в свои руки, но не мог удержать ее за собою только потому, что не обладал достаточно сильными организациями.

— Народ устал, — продолжает далее Ленин, — и его, конечно, можно толкнуть на какое-либо безумие, даже на Скоропадского, ибо народ в своей массе темен.

Сейчас надвигается голод, но мы знаем, что хлеба вполне хватит и без Сибири, Кавказа, Украины. Хлеба имеется достаточное количество до нового урожая в губерниях, окружающих столицы, но он весь запрятан кулаками. Необходимо организовать деревенскую бедноту, чтобы при ее помощи взять этот хлеб. Необходима беспощадная борьба со спекуляцией и спекулянтами, не только делом, но и словом.

Только рабочий класс, спаянный организацией, сможет объяснить простому народу необходимость борьбы с кулаками. Русский народ должен знать, что у крестьянской бедноты есть огромный союзник в лице организованного городского пролетариата.

Слишком надеяться на интеллигенцию рабочему классу и крестьянству не приходится, так как многие из интеллигенции, идущие к нам, все время ждут нашего падения.

Свою речь Ленин заканчивает призывом к организации на борьбу рабочих и крестьян против кулачества, помещиков и буржуазии. (Речь Ленина покрывается бурными аплодисментами всей аудитории.)

ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА

В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно напомнить одно оправдавшееся научное пророчество.

Фридриху Энгельсу случилось в 1887 году писать о грядущей всемирной войне в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма: «На память немецким ура-патриотам 1806—1807 годов» («Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807»). (Эта брошюра составляет выпуск XXIV «Соц.-дем. библиотек», выходившей в 1888 году в Готтингене-Цюрихе.)

Вот как судил, свыше тридцати лет тому назад, Фридрих Энгельс о грядущей всемирной войне:

...«Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, —

крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем (*ups kann es recht sein*). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки (*doch*) неизбежна.

Лондон. 15 декабря 1887 г. *Фридрих Энгельс*¹⁴⁰.

Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа! Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предается теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, умели мыслить, были способны мыслить!

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние.

...«Может быть, война на время отбросит нас на задний план»... Дело пошло именно по этой линии, но еще дальше и еще хуже: часть «отброшенных назад» социал-шовинистов и их бесхарактерных «полупротивников»,

каутскианцев, стали восхвалять свое попятное движение, превратились в прямых изменников и предателей социализма.

...«Может быть, война отнимет у нас некоторые завоеванные уже позиции»... Целый ряд «легальных» позиций был отнят у рабочего класса. Зато он закален испытаниями и получает жестокие, но полезные уроки нелегальной организации, нелегальной борьбы, подготовки своих сил к революционному штурму.

...«Короны валяются дюжинами»... Несколько корон уже свалилось, и из них одна такая, какая стоит дюжины других: корона самодержца всероссийского Николая Романова.

...«Абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится»... После четырех лет войны эта абсолютная невозможность, если позволительно так сказать, еще абсолютнее.

...«Безнадежная путаница нашего искусственного механизма торговли, промышленности и кредита»... В конце четвертого года войны это сказалось полностью на одном из самых больших и самых отсталых государств, втянутых капиталистами в войну, — на России. Но разве растущий голод в Германии и Австрии, недостаток одежды, сырья, изнашивание средств производства не показывают, что с громадной быстротой такое же положение надрывается и на другие страны?

Энгельс рисует последствия, вызываемые только «внешней» войной; он не касается внутренней, т. е. гражданской, войны, без которой не обходилась еще ни одна великая революция в истории, без которой не мыслил себе перехода от капитализма к социализму ни один серьезный марксист. И если внешняя война может еще известное время тянуться, не вызывая «безнадежной путаницы» в «искусственном механизме» капитализма, то очевидно, что гражданская война без такого последствия совсем уже немислима.

Какое тупоумие, какую бесхарактерность, — если не говорить о корыстном услужении буржуазии, — обнаруживают те, кто, продолжая себя называть «социалистами», подобно нашим новожизненцам, меньшевикам, правым эсерам и т. п., с злобой указывают на проявление этой «безнадежной путаницы», вина во всем революционный пролетариат, Советскую власть, «утопию» перехода к

социализму. «Пуганица», разруха, по прекрасному русскому выражению, вызвана войной. Тяжелой войны без разрухи быть не может. Гражданской войны, необходимого условия и спутника социалистической революции, без разрухи быть не может. Отрекаться от революции, от социализма «по случаю» разрухи значит только проявлять свою безыдейность и переходить на деле на сторону буржуазии.

... «Голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой»...

Как просто и ясно делает Энгельс этот бесспорный вывод, очевидный для всякого, кто хоть немного способен подумать над объективными последствиями многолетней тяжелой, мучительной войны. И как поразительно неумны те многочисленные «социал-демократы» и горе-«социалисты», которые не хотят или не умеют вдуматься в это простейшее соображение.

Мыслима ли многолетняя война без *одичания* как войск, так и народных масс? Конечно, нет. На несколько лет, если не на целое поколение, такое последствие многолетней войны безусловно неизбежно. А наши «человеки в футляре», хлюпки из буржуазной интеллигенции, называющие себя «социал-демократами» и «социалистами», подпевают буржуазии, сваливая проявления одичания или неизбежную жестокость мер борьбы с особенно острыми случаями одичания на революцию, — хотя ясно, как день, что создано это одичание империалистской войной и что никакая революция без долгой борьбы, без ряда жестоких репрессий освободиться от *таких* последствий войны не в состоянии.

Они готовы «теоретически» допустить революцию пролетариата и других угнетенных классов, наши сладенькие писатели «Новой Жизни», «Впереда» или «Дела Народа», только чтобы эта революция свалилась с неба, а не родилась и не росла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистской бойне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой бойне.

Они слышали и признавали «теоретически», что революцию следует сравнивать с актом родов, но, когда дошло до дела, они позорно трусили, и свое хныканье дрянных душонок превратили в перепев злобных выходок буржуа-

зии против восстания пролетариата. Возьмем описание акта родов в литературе, — те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например, Эмиля Золя «La joie de vivre» («Радость жизни») или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого «индивида», который видел бы *только* это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на *этом* основании зарекался бы от любви и от деторождения?

Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше — добавим от себя — вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть *особенно тяжелый* случай родов.

В ясном сознании этого факта, Энгельс особенно осторожно говорит о рождении социализма гибнущим в всемирной войне капиталистическим обществом. «Только один результат (всемирной войны), — говорит он, — абсолютно несомненен: всеобщее истощение и *создание* условий для окончательной победы рабочего класса».

Еще яснее эта мысль выражена в конце предисловия, разбираемого нами:

...«В конце трагедии вы (капиталисты и помещики, короли и государственные мужи буржуазии) будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна».

Трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болезни или смертельного исхода во много раз. Но если отдельные люди гибнут от родов, новое общество, рождаемое старым укладом, не может погибнуть, и его рождение станет лишь более мучительным, более затяжным, рост и развитие более медленным.

Конец войны еще не наступил. Всеобщее истощение уже наступило. Из двух *непосредственных* результатов войны, предсказанных Энгельсом условно (либо уже завоеванная победа рабочего класса, либо создание условий ее неизбежности, *вопреки всем трудностям*), из этих двух условий налицо теперь, к половине 1918 года, *оба*.

В одной, наименее развитой из капиталистических стран, победа рабочего класса *уже завоевана*. В остальных, с неслыханным усилием неслыханных мук, создаются условия, делающие эту победу «все ж таки неизбежной».

Пусть каркают «социалистические» хлюпики, пусть злобствует и бешенствует буржуазия. Только люди, закрывающие себе глаза, чтобы не видеть, и затыкающие уши, чтобы не слышать, могут не замечать того, что во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались родовые схватки. На нашу страну, ходом событий выдвинутую временно в авангард социалистической революции, падают теперь особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов. У нас есть все основания с полной твердостью и с абсолютной уверенностью смотреть на будущее, готовящее нам новых союзников, новые победы социалистической революции в ряду более передовых стран. Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания, и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства.

29 июня 1918 г.

«Правда» № 133, 2 июля 1918 г.
Подпись: В. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Правда»

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В АЛЕКСЕЕВСКОМ МАНЕЖЕ 2 ИЮЛЯ 1918 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Ленин указывает, что армия так же, как средства производства, была раньше орудием угнетения в руках класса эксплуататоров. Теперь же в России и то и другое становятся орудиями борьбы за интересы трудящихся.

Этот переворот совершился не легко, это знают солдаты старой царской армии по той дисциплине, которая сковывала эту армию. Затем Ленин приводит случай из недавнего прошлого, когда он в Финляндии услышал, как старая финка-крестьянка говорила, что в то время, как раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, теперь же, наоборот, он не опасен, он даже охраняет ее. Сколько бы ни обливали нас грязью, — говорит Ленин, — буржуа и их сторонники, сколько бы ни устраивали заговоров белогвардейцы, но раз такое сознание, что теперешняя армия есть защитница трудящихся, проникло в сознание даже таких темных масс, эксплуатируемых, то Советская власть крепка.

Затем Ленин указывает, что, как и раньше, голод усиливает спекулянтов и капиталистов. Теперь происходит то же самое, так что новой армии придется, может быть, в гражданской войне иметь дело и с этими спекулянтами на голоде. Пусть старый мир — представители отжившего общества — будет стараться помочь голодающим по-старому, а новый мир будет это делать, вопреки им, по-новому. Мы победим, — говорит Ленин, — если передовые авангарды трудящихся, Красная Армия будут

помнить, что они представляют и защищают интересы всего международного социализма. — Дальше Ленин указывает, что мы не одиноки: пример тому — события в Австрии, а также наши единомышленники, хотя и задавленные сейчас, но делающие свое дело во всех странах Европы.

«Правда» № 135, 4 июля 1918 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

РЕЧЬ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ V СЪЕЗДА СОВЕТОВ 3 ИЮЛЯ 1918 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Коснувшись вопроса о международном положении России, Ленин указал на то, что наша позиция продолжает быть угрожаемой: внешний враг не только обещает напасть, но уже отхватывает куски России.

Это неустойчивое, колеблющееся положение продолжится, вероятно, до того момента, когда усилиями рабочего класса всего мира будет свержен капитал. Настоящий момент необходимо использовать как передышку для упрочения Советской власти.

Говоря о мировой войне, Ленин отметил, что победа германского оружия делает условия мира между империалистскими странами невозможными. Англо-французские капиталисты не могут примириться с таким огромным количеством награбленного Германией. К тому же после ряда наступлений во Франции, где Германия уложила сотни тысяч своих солдат, создано известное равновесие сил, и прямой угрозы германские штыки не представляют. Кроме того, империалисты Согласия учитывают ту разруху, то катастрофическое состояние, которое наступило в Австро-Венгрии.

Из общего положения вещей вывод один — война становится безысходной. В этой безысходности лежит залог того, что наша социалистическая революция имеет серьезное основание продержаться до того момента, когда вспыхнет мировая революция, а в этом порукой — война, которую смогут закончить только рабочие массы. Наша задача удержать Советскую власть, что мы и делаем, отступая и лавируя. Идти в настоящий момент в открытую борьбу, значит ухудшить положение мировой революции.

Обрисовав, в каком положении мы получили хозяйство страны от различных ранее стоявших у власти правых партий, Ленин указал на всю трудность хозяйственного строительства, организующегося на новых началах.

В борьбе с голодом у нас два врага: богатеи и разруха. В этой борьбе необходимо, чтобы бедняк поверил в братский союз с рабочим. В слова он не поверит, а поверит в дела. И наша надежда здесь только на союз сознательных городских рабочих с деревенской беднотой. Задача борьбы за право всех на хлеб и за право справедливого распределения — задача великая. В умении равномерно распределять лежат основы социализма, который мы творим. В этом мы ответственны не только перед нашими братьями, но и перед рабочими всего мира.

Они должны видеть, что социализм не нечто невозможное, но что это твердый рабочий строй и что к нему должен стремиться пролетариат всего мира.

«Правда» № 135, 4 июля 1918 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

**У ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ
РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, СОЛДАТСКИХ
И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ¹³¹**

4-10 ИЮЛЯ 1918 г.

*Газетный отчет опубликован
6 июля 1918 г.
в «Известиях ВЦИК» № 139*

*Печатается по тексту книги:
«Пятый Всероссийский съезд Советов.
Стенографический отчет». Изд.
ВЦИК, 1918; первые пять абзацев
заключительного слова — по тексту
журнала «Вестник Путей Сообще-
ния» № 7—8, 1918 г.*

1

ДОКЛАД СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
5 ИЮЛЯ 1918 г.

Товарищи, позвольте мне, несмотря на то, что речь предыдущего оратора местами была чрезвычайно возбужденной¹⁴², предложить вам свой доклад от имени Совета Народных Комиссаров в общем порядке, касаясь главных принципиальных вопросов, как они этого заслуживают, и не вдаваться в ту полемику, которой так желал бы предыдущий оратор и от которой я, конечно, полностью отказываться не собираюсь. Товарищи, вы знаете, что со времени последнего съезда главным фактором, определившим наше положение, изменившим нашу политику и определившим нашу тактику и отношение с некоторыми другими партиями в России, был Брестский договор. Вы помните, что на прошлом съезде нам бросалось так много упреков, сыпалось на нас так много обвинений и раздавалось так много голосов по поводу того, что пресловутая передышка России не поможет, что союз международного империализма все равно заключен и что практически отступление, к которому мы ведем, ни к чему привести не может. Этот основной фактор определил собою все положение и капиталистических государств, и на этом факторе, естественно, приходится остановиться. Я думаю, товарищи, что после истекших 3 с половиной месяцев становится бесспорным, что, несмотря на упреки и обвинения, мы были правы. Мы можем сказать, что пролетариат и крестьяне, которые не эксплуатируют других и не наживаются на народном голоде, все они стоят безусловно за нас и, во всяком случае, против тех неразумных, кто втягивает их в войну и желает разорвать Брестский договор. (Шум.)

Девять десятых стоят за нас, и, чем яснее вырисовывается положение, тем более бесспорно, что сейчас, когда западноевропейские империалистические партии, две главные империалистические группы находятся в смертельной схватке между собою, когда они с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым днем все ближе и ближе толкают друг друга к пропасти, очертания которой мы ясно видим, в такой момент для нас особенно ясна правильность нашей тактики, — это особенно хорошо знают и чувствуют те, кто войну пережпл, кто войну видал, кто о войне говорит не в легких фразеах. Для нас особенно ясно, что, пока каждая из групп сильнее нас и пока тот основной перелом, который позволит рабочим и трудящемуся народу России воспользоваться результатами революции, оправиться от нанесенного удара и подняться во весь рост, так, чтобы создать новую организованную, дисциплинированную армию, на новых началах ее построить, чтобы мы могли не на словах, а на деле... (шумные рукоплескания слева, возглас справа: «Керенский!»), пока этот перелом еще не пришел, мы должны ждать. Поэтому, чем глубже спуститься в народные массы, чем ближе подойти к рабочим фабрик и заводов и трудящемуся народу, крестьянству, не эксплуатирующему наемного труда, не защищающему спекулянтских интересов кулака, не прячущему свой хлеб и не боящемуся продовольственной диктатуры, тем вернее можно сказать, что и там мы встретим, а теперь, с полным убеждением можно сказать, встретили полное сочувствие и единодушие. Да, против этих врагов — империалистов сейчас народ воевать не хочет, не может и не будет, как бы люди по бессознательности, в увлечении фразеах, ни толкали его на эту войну, какими бы они словами ни прикрывались. Да, товарищи, кто теперь прямо или косвенно, открыто или прикрито, толкует о войне, кто кричит против брестской петли, тот не видит, что петлю на шею рабочим и крестьянам в России накидывают господа Керенский и помещики, капиталисты и кулаки... (Голос: «Мирбах!». Шум.) Как бы на любом собрании они ни кричали, их дело безнадежно в народе! (Рукоплескания. Шум.)

Меня несколько не удивляет, что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и дикими выходками

(аплодисменты), когда нет других доводов... (Голос: «Есть доводы!». Шум.)

Девяносто девять сотых русских солдат знает, каких невероятных мук стоило одолеть войну. Они знают, что для того, чтобы построить войну на новом социалистическом и экономическом базисе (возгласы: «Мирбах не позволит!»), нужны невероятные усилия, надо было одолеть войну разбойничью. Они, зная, что бешеные силы империализма продолжают бороться, находясь уже три месяца, протекших со времени предыдущего съезда, на несколько шагов ближе к пропасти, — они не войдут в эту войну. После того, как мы исполнили свой долг перед всеми народами, поняв значение декларации мира и доведя это значение через нашу брестскую делегацию, с т. Троцким во главе, до сведения рабочих всех стран, когда мы открыто предложили честный демократический мир, это предложение было сорвано злобствующей буржуазией всех стран. Наше положение не может быть иное, как дожидаться, и народ дожидается того, что эти бешеные группы империалистов, сейчас еще сильные, свалятся в ту пропасть, к которой они теперь подходят, — это все видят... (Аплодисменты.) Это все видят, кто не закрывает себе нарочно глаз. Эта пропасть за три с половиной месяца, когда обезумевшая империалистическая партия стоит за то, чтобы тянуть войну, несомненно, подошла ближе. Мы знаем, чувствуем и осязаем, что сейчас мы еще не готовы к войне, это говорят солдаты, воины, испытавшие войну на деле, а те крики, которые призывают скинуть брестскую петлю теперь, идут от меньшевиков, правых эсеров и сторонников Керенского, кадетов. Вы знаете, где остались сторонники помещиков, капиталистов, где остались прихвостни правых эсеров, кадетов. В том лагере речи левых эсеров, которые также клонятся к войне, будут покрыты громкими аплодисментами. Левые эсеры, как указали предыдущие ораторы, попали в неприятное положение: шли в комнату, попали в другую. (Аплодисменты.)

Мы знаем, что великая революция поднимается самой народной толпой из своей глубины, что на это надо месяцы и годы, и мы не удивляемся, что партия левых эсеров за время революции пережила невероятные колебания. Здесь Троцкий говорил об этих колебаниях, и мне остается добавить, что 26 октября, когда мы пригласили товарищей

левых эсеров в состав правительства, они отказались, и когда Краснов стоял у ворот Петрограда, они не были с нами, а следовательно, вышло так, что они помогали не нам, а Краснову. Мы не удивляемся этим колебаниям, да, эта партия пережила очень многое. Но, товарищи, есть же мера на все.

Мы знаем, что революция есть такая штука, которая изучается опытом и практикой, что только тогда революция становится революцией, когда десятки миллионов людей в единодушном порыве поднялись как один. (Аплодисменты, заглушающие речь Ленина, крики: «Да здравствуют Советы!».) Эта борьба, поднимающая нас к новой жизни, начата 115 миллионами людей: надо к этой великой борьбе присматриваться с глубочайшей серьезностью. (Бурные аплодисменты.) В октябре, когда основалась Советская власть, 26 октября 1917 года, когда... (шум, крики, аплодисменты) наша партия и ее представители в ЦИК предложили партии левых эсеров войти в правительство, — она отказалась. В тот момент, когда левые эсеры отказались войти в наше правительство, они были не с нами, а против нас. (Шум на скамьях левых эсеров.) Мне очень неприятно, что пришлось сказать нечто такое, что вам не понравилось. (Шум справа усиливается.) Но что делать? Если казачий генерал Краснов... (Шум, крики не дают продолжать речи.) Когда 26 октября вы колебались, сами не зная, чего вы хотите, и отказываясь идти вместе с нами... (Шум, не прекращающийся несколько минут.) Правда глаза колет! Я напомню вам, что те люди, которые колебались, которые сами не знают, чего хотят, отказываются идти с нами, слушают других, которые рассказывают сказки. Я вам сказал, как солдат, бывший на войне... (Шум, аплодисменты.) Когда говорил предыдущий оратор, громадное большинство съезда ему не мешало. Да это и понятно. Если же эти люди предпочитают со съезда уходить, то скатертью дорога! (Шум и волнение на правых скамьях.)

Итак, товарищи, наша правота в деле заключения Брестского мира доказана была всем ходом событий. И те, кто на предыдущем съезде Советов пробовал отпускать плохие остроты насчет передышки, научились и увидели, что мы получили, хотя и с невероятным трудом, отсрочку, и за

время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству, и, наоборот, державы Запада сделали громадный шаг вперед к той пропасти, в которую империализм падает тем быстрее, чем идет дальше каждая неделя этой войны.

И поэтому только полной растерянностью я могу объяснить себе поведение тех людей, которые, ссылаясь на тяжесть нашего положения, нападают на нашу тактику. Я повторяю, что достаточно сослаться на последний период трех с половиною месяцев. Я напому тем, кто был на том съезде, слова, которые были там сказаны, и предлагаю тем, кто там не был, прочесть протокол или газетные статьи о прошлом съезде, чтобы убедиться, как события нашу тактику оправдали полностью. От побед Октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани, варьивы в других странах должны начаться. Для того чтобы их ускорить, мы делали в брестский период все возможное. Кто пережил революции 1905 и 1917 годов, кто думал над ними и кто относился вдумчиво и серьезно к ним, тот знает, что в нашей стране эти революции рождались с невероятным трудом.

За два месяца перед январем 1905 года и февралем 1917 года ни один, какой угодно опытный и знающий, революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию. Уловить отдельные выкрики и бросить в народные массы призывы, которые равняются прекращению мира и бросанию нас к войне, это — политика людей, совершенно растерявшихся, потерявших голову. И, чтобы привести доказательство этой растерянности, я приведу вам пример из слов человека, в искренности которого ни я, ни кто другой не сомневается, — из слов товарища Спиридоновой, из той речи, которая была напечатана в газете «Голос Трудового Крестьянства»¹⁴³ и о которой не было опровержения. В этой речи 30 июня товарищ Спиридонова поместила три, ничего не говорящие, строчки, будто бы немцы предъявили нам ультиматум — отправить им на два миллиарда мануфактуры.

Та партия, которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они падают в столь ужасное болото обмана и лжи, такая партия является

окончательно погибшей. Нельзя не знать рабочим и крестьянам, каких невероятных усилий, каких переживаний стоило нам подписание Брестского договора. Неужели нужны еще сказки и вымыслы, чтобы раскрасить тяжесть этого мира, к которым прибегают даже наиболее искренние люди из этой партии? Но мы знаем, где народная правда, и ею мы руководствуемся, в то время как они мечутся в истерических выкриках. С этой точки зрения подобное поведение полной растерянности хуже всякой провокации. Особенно если мы сопоставим сумму всех партий в России, а этого требует научное отношение к революции. Никогда нельзя забывать смотреть в целом на отношения всех партий вместе. Отдельные лица, отдельные группы могут ошибаться, могут не уметь найти, не уметь объяснить своего собственного поведения, но если мы возьмем сумму всех партий России и будем смотреть на соотношение их — ошибки быть не может. Посмотрите, что говорят теперь, слушая призывы левых эсеров, правые эсеры, Керенский, Савинков и прочие... Да они в настоящую минуту хлопают, как бешеные. Они рады втянуть Россию в войну теперь, когда это нужно Милюкову. И сейчас так говорить о брестской петле — значит на русского крестьянина накидывать помещичью петлю. Когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, я отвечу: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв, разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу, работу провокаторов. (Аплодисменты.)

Я кончаю первую часть моего доклада. За три с половиной месяца империалистической бешеной войны империалистические государства приблизились к той пропасти, в которую они толкают народ. У нас этот истекающий кровью зверь оторвал массу кусков живого организма. Наши враги так быстро приближаются к этой пропасти, что, если бы даже им было предоставлено больше трех с половиной месяцев и если бы империалистическая бойня нанесла нам снова такие же потери, погибли бы они, а не мы, потому что быстрота, с которой падает их сопротивление, быстро ведет их к пропасти. А у нас за эти три с полови-

ной месяца, несмотря на гигантскую тяжесть, о которой мы открыто перед всем народом говорим, несмотря на все это, имеются здоровые ростки здорового организма, и в промышленности и всюду мелкая строительная работа, может быть, не эффективная, не шумная, идет вперед. Она дала свои плодотворнейшие результаты, и мы, имея еще три месяца, еще шесть месяцев, еще зимнюю кампанию такой работы, будем идти вперед, а западноевропейский империалистический зверь, уставая от борьбы, такого состязания не выдержит, потому что внутри него зреют силы, до сих пор еще не перящие в себя, но которые приведут империализм к гибели. А то, что уже там начато, коренным образом начато, не будет иметь возможности быть измененным за три с половиной месяца. Об этой строительной, мелкой, созидательной работе говорят слишком мало, и я думаю, что на ней нам нужно остановиться больше. Я со своей стороны не имею возможности скрывать этого, хотя бы в силу того обстоятельства, что необходимо принять во внимание нападки предыдущего оратора. Сошлюсь на резолюцию ЦИК от 29 апреля 1918 года*. Я делал тогда доклад, где мне пришлось говорить об очередных задачах Советской власти**, и подчеркнул, что, наряду с невероятной трудностью нашего положения, у нас внутри страны творческая работа должна быть поставлена на первое место.

И тут, не делая себе иллюзий, мы должны сказать, что на эту работу, при всей ее трудности, мы должны отдать все свои силы. Тот опыт, которым я могу поделиться с вами, показывает, что в этом отношении мы, несомненно, далеко ушли вперед. Правда, если ограничиться внешними результатами, как это делает буржуазия, выхватывая отдельные примеры наших ошибок, то едва ли можно говорить об успехе, но мы на это смотрим совершенно иначе. Буржуазия берет какое-нибудь управление речного флота и указывает, сколько раз мы принимались его передслышать, злорадствует и говорит, что Советская власть не может справиться с делом. На это я отвечу: да, мы много раз передельвали наше управление речным флотом, как и управление железными дорогами, и мы теперь принимаемся еще за большую переделку Совета

* См. настоящий том, стр. 282—285. Ред.

** См. настоящий том, стр. 247—281. Ред.

народного хозяйства. В этом значении переворота, что социализм из области догмы, о которой могут говорить только совсем ничего не понимающие люди, из области книжки, программы перешел в область практической работы. Вот теперь своей рукой рабочим и крестьяне делают социализм.

Прошли и для России, я уверен, безвозвратно прошли, те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту. В том и значение переворота, что он в первый раз отбросил старый аппарат буржуазного чиновничества, буржуазной системы управления, создал такие условия, что рабочие и крестьяне берутся сами за дело, невероятно трудное, трудности которого скрывать от себя было бы смешно, ибо капиталисты и помещики десятки миллионов людей веками гнали и преследовали за одну только мысль об управлении землей. А теперь в несколько недель, в несколько месяцев, при отчаянной, бешеной разрухе, когда война изранила все тело России, так что народ похож на избитого до полусмерти человека, — в такое время, когда в наследство нам цари, помещики и капиталисты оставили величайшую разруху, за новое дело, за новое строительство должны браться новые классы, рабочие и те крестьяне, которые не эксплуатируют наемных рабочих и не наживаются на спекулянтском хлебе. Да, это дело невероятно трудное и невероятно благодарное. Каждый месяц такой работы и такого опыта стоит десять, если не двадцать лет нашей истории. Да, мы несколько не боимся признаться перед вами в том, на что указывает ознакомление с нашими декретами, что нам приходится постоянно переделывать их; мы еще ничего готового не создали, мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем. Если теперь этому съезду нами может быть предложена Советская конституция¹⁴⁴, то лишь потому, что Советы во всех концах страны созданы и испытаны, потому, что вы ее создали, вы во всех концах страны испытали; только через полгода после Октябрьской революции, почти через год после Первого Всероссийского съезда Советов, мы могли записать то, что уже существует на практике.

В области хозяйства, там, где социализм только еще строится, где должна строиться новая дисциплина, там

у нас такого опыта нет, мы его приобретаем на переделках и перестройках. Это — наша главная задача; мы говорим: от всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина. Было время, когда без крепостной дисциплины нельзя было вести хозяйства, когда была одна дисциплина — палка, было время господства капиталистов, когда силой дисциплины был голод. Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе. Всякий, кто прибегает к старым капиталистическим приемам, кто во время нужды и голода по-старому, по-капиталистически рассуждает: если я, дескать, в одиночку продам хлеб, то больше наживу, если я, дескать, в одиночку отправлюсь добывать хлеб, то легче добуду. Кто рассуждает так, тот избирает более легкий путь, но к социализму он не придет.

Это просто и легко оставаться в старой полосе привычных капиталистических отношений, но мы желаем идти новым путем. Он требует от нас, требует от всего народа большой сознательности, большой организованности, требует больше времени, вызывает большие ошибки. Но мы говорим себе: не ошибается тот, кто ничего практического не делает.

Если период, о котором я даю вам отчет, включает, с точки зрения собрания, опыты, в которых встречаются часто поправки, исправления, возвращение к старому, то не в этом состоит главная задача, главное содержание, главная ценность переживаемого периода. Старый аппарат управления чиновников, которым достаточно приказать повысить жалованье, отошел. Нам приходится столкнуться с рабочими организациями, которые берут в свои руки управление хозяйством. Мы сталкиваемся с железнодорожным пролетариатом, который был хуже поставлен, чем другие, и он имеет законное право требовать, чтобы улучшили его положение; завтра пролетариат речной предъявит свои требования, послезавтра средний крестьянин, о котором я буду говорить подробнее, который чувствует себя часто хуже рабочего, к которому мы

относимся с величайшим вниманием, интересам которого посвящены все декреты, чего абсолютно не понял предыдущий оратор, — предъявит требования, — все это вызывает неимоверные трудности, но это те трудности, при которых рабочие и беднейшие крестьяне в первый раз после столетий сами организуют все народное хозяйство России своими собственными руками. И вот приходится искать способы удовлетворить справедливые требования, переделывать декреты, перестраивать управления. И когда рядом с примерами и случаями неудачи, провалов, — случаями, которые выхватываются буржуазной прессой, которые, конечно, многочисленны, мы достигаем успехов, ибо именно путем частичных неудач и ошибок мы на опыте научаемся строить социалистическое здание. И когда со всех сторон мы видим новые требования, мы говорим: это так должно быть, это и есть социализм, когда каждый желает улучшить свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни. Но страна бедна, страна нищая, — удовлетворить все требования невозможно пока, оттого так трудно в процессе разрухи строить новое здание. Но глубоко ошибается тот, кто думает, что социализм можно строить в мирное спокойное время: он везде будет строиться во время разрухи, во время голода, так и должно быть, и, когда мы видим представителей настоящих идей, тогда мы говорим себе: всеми тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч рук рабочие и трудящиеся крестьяне взялись за постройку нового, социалистического здания. Теперь начинается глубочайший переворот в деревне, где агитирующие кулаки стараются помешать трудящимся крестьянам, не эксплуатирующим чужого труда и не наживающимся на спекуляции хлебом, и там задача иная. В городах приходится организовать заводы, металлическую промышленность, а после военной разрухи распределить производство, распределить сырье, материал, — проведение этой задачи очень трудно. Там рабочий этому делу учится и создает органы центрального управления, там нам приходится переделывать Высший совет народного хозяйства, ибо старые законы, изданные в начале года, уже устарели, рабочее движение идет вперед, старый рабочий контроль уже устарел, и профессиональные союзы превращаются в зачатки органов управления всей промышленностью. (Аплодисменты.) В этой области

сделано уже много, но все же мы не можем похвастаться блестящим успехом. Мы знаем, что в этой области буржуазные элементы, капиталисты, помещики, кулаки, получают возможность еще долго агитировать, говоря, что, как всегда, изданный декрет не проведен в жизнь, другой только что издан, а его исправляют, а вот спекуляция как была при капитализме, так и теперь остается. Да, мы не знаем всеобъемлющего шарлатанского рецепта, который сразу мог бы убить спекуляцию. Привычки капиталистического строя слишком сильны, перевоспитать воспитанный веками в этих привычках народ дело трудное и требующее большого времени. Но мы говорим: наш способ борьбы — это организация. Мы должны все организовать, все взять в свои руки, проверять кулаков и спекулянтов на каждом шагу, объявить им беспощадную борьбу и не давать им дышать, проверяя каждый шаг.

На опыте мы знаем, что переделка декретов является необходимой, ибо встречаются новые трудности, из которых переделка черпает новые силы. И если в вопросе о продовольствии мы пришли теперь к организации деревенской бедноты и если теперь прежние товарищи наши — левые эсеры со всей искренностью, в которой нельзя сомневаться, говорят, что наши дороги разошлись, то мы твердо отвечаем им: тем хуже для вас, ибо это значит, что вы ушли от социализма. (А п л о д и с м е н т ы.)

Товарищи! Вопрос продовольственный — это главный вопрос, это тот вопрос, которому мы больше всего уделяем внимания в нашей работе. Масса мелких мер, которых не видно со стороны, но которые приняты Советом Народных Комиссаров: улучшение транспорта водного и железнодорожного, чистка интендантских складов, борьба со спекуляцией, — все было направлено к тому, чтобы поставить дело продовольствия. Не только наша страна, но и все те самые культурные страны, которые до войны не знали, что такое голод, теперь все они в самом бедственном положении, которое создали империалисты, борясь за господство той или иной группы. Десятки миллионов людей на Западе испытывают муки голода. Именно это и делает неизбежной социальную революцию, ибо социальная революция вырастает не из программ, а из того, что десятки миллионов людей говорят: «жить голодая мы не будем, а лучше умрем за революцию». (А п л о д и с м е н т ы.)

Ужасное бедствие — голод — надвинулось на нас, и чем труднее наше положение, чем острее продовольственный кризис, тем более усиливается борьба капиталистов против Советской власти. Вы знаете, что чехословацкий мятеж — это мятеж людей, купленных англо-французскими империалистами. Постоянно приходится слышать, что то там, то здесь восстают против Советов. Восстания кулаков захватывают все новые области. На Дону Краснов, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу, ибо предрассудки интеллигенции еще сильны и интеллигенция протестовала против смертной казни, был отпущен из-за предрассудков интеллигенции против смертной казни. А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, как он расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что, когда в комиссии Дзержинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы. (Аплодисменты.) Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов.

Наше продовольственное положение было доведено до положения почти катастрофического. Мы пришли в такую полосу, которая является самым тяжелым периодом в нашей революции. Перед нами стоит самый трудный период: не было еще более трудного периода в рабоче-крестьянской России, — именно период, который остался до урожая. Меня, выдавшего виды партийных разногласий, революционных споров, не удивляет, что в такой трудный период увеличивается число людей, которые впадают в истерику и кричат: я уйду из Советов, ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется. Товарищи, чем больше надвигается на нас голод, тем яснее становится, что против этого отчаянного бедствия нужны и

отчаянные меры борьбы. Социализм, повторю, перестал быть догмой, как он перестал, может быть, и быть программой. В нашей партии пока еще не написано новой программы, а старая уже никуда не годится. Распределить хлеб правильно и равномерно — вот в чем основа социализма сегодня. (Аплодисменты.) Война оставила нам в наследство разруху; усилиями Керенского и помещиков-кулаков, говорящих: после нас хоть потоп, страна доведена до того положения, что говорят: чем хуже, тем лучше. Война оставила нам такие бедствия, что теперь мы на вопросе о хлебе переживаем самую сущность всего социалистического устройства и должны взять этот вопрос в руки и решить его практически. Тут говорим мы себе: как быть с хлебом, по-старому ли, по-капиталистически, когда крестьяне, пользуясь случаем, наживают тысячи рублей на хлебе, называя при этом себя трудовыми крестьянами, а бывает, что даже и левыми эсерами? (Аплодисменты, шум.) Они рассуждают так: если народ голодает, значит, цены на хлеб повышаются, если голод в городах, значит, у меня туга мощна, а если будут голодать еще больше, значит, я наживу еще лишние тысячи. Но я прекрасно знаю, что не вина отдельных лиц в этом рассуждении. Все старое гнусное наследие помещичьего и капиталистического общества научило людей так мыслить, так думать и жить, а переделать жизнь десятков миллионов людей страшно трудно, для этого нужно долго и упорно работать, а эту работу мы только что начали. У нас никогда не было и в мыслях обвинять тех людей, кто в одиночку, мучимый голодом и не видя пользы в организации социалистического распределения хлеба, бросается помогать себе в одиночку, махая на все рукой, — таких нельзя винить. Но мы говорим: когда выступают представители партий, когда мы видим людей, примкнувших к определенной партии, когда видим большие группы народа, то от них мы требуем, чтобы они посмотрели на это дело не с точки зрения измученного, истерзанного и голодного человека, на которого ни у кого не поднимется рука, а с точки зрения строения нового общества.

Повторю, социализм никогда не удастся устроить в такое время, когда все гладко и спокойно, социализм никогда не удастся осуществить без бешеного сопротивления

помещиков и капиталистов. Тем более радостно потирают они руки, чем труднее положение; тем более поднимаются они на мятеж; чем труднее, чем больше у нас саботажников, тем охотнее они бросаются в чехословацкие и красновские истории. И мы говорим: вот это надо преодолеть не по-старому, как бы трудно ни было тащить телегу вперед, на гору, а не пустить ее катиться назад, под гору. Мы великолепно знаем, что не проходило недели или даже дня, когда мы в Совете Народных Комиссаров не были бы заняты вопросом о продовольствии, когда тысячи предположений, распоряжений, декретов исходили от нас и когда мы не ставили бы вопроса, как бороться с голодом. Говорят: не нужно никаких особых цен, таксированных цен, хлебных монополий. Торгуй, как влезет. Богачи наживут еще больше, а что бедняки перемрут, так они ведь и всегда умирали с голоду. Но социалист так рассуждать не может: в этот момент, когда гора стала самой крутой и телегу приходится перетаскивать через самые большие крутизны, — вопрос о социализме перестал быть вопросом партийных разногласий, а стал вопросом жизни: устоите ли вы в борьбе с кулаками, в союзе с крестьянами, не спекулирующими хлебом, устоите ли вы теперь, когда надо бороться, когда предстоит самая тяжелая работа? Нам говорили о комитетах бедноты¹⁴⁵. Для тех, кто на деле видел муки голода, для тех ясно, что для того, чтобы сломить и беспощадно подавить кулаков, нужны самые крутые, беспощадные меры. Приступая к организации союзов бедноты, мы шли на это с полным сознанием всей тяжести и жестокости этой меры, потому что только союз городов и деревенской бедноты и тех, кто имеет запасы, но не спекулирует, тех, кто хочет решительно преодолеть трудности и достигнуть того, чтобы излишки хлеба шли государству и распределялись между трудящимися, — только такой союз является единственным средством этой борьбы. И борьба эта должна вестись не в программах и речах; в этой борьбе с голодом должно сказаться, кто идет прямым путем, несмотря на все испытания, к социализму и кто поддается на уловки и обманы кулаков.

И если найдутся из партии левых эсеров люди, которые скажут, как предыдущий оратор, один из наиболее искренних и поэтому часто увлекающихся, часто меняющих

свои мнения, — если они скажут: мы с большевиками работать не можем, мы уходим, — мы не пожалеем об этом ни на одну минуту. Те социалисты, которые уходят в такую минуту, когда десятки и тысячи людей гибнут от голода, в то время как другие имеют такие большие излишки хлеба, что не продали их до августа прошлого года, когда удвоили твердые цены на хлеб, против чего вся демократия восставала; кто знает, что народ терпит несказанные муки голода, но не хочет продавать хлеб по ценам, по которым продают средние крестьяне, те — враги народа, губят революцию и поддерживают насилие, те — друзья капиталистов! Война им и война беспощадная! (Аплодисменты всего зала, аплодирует и значительная часть левых эсеров.) Тысячу раз будет неправ тот, тысячу раз ошибается тот, кто позволит себе хоть на минуту увлечься чужими словами и сказать, что это — борьба с крестьянством, как говорят иногда неосторожные или недвумчивые из левых эсеров. Нет, это борьба с ничтожным меньшинством деревенских кулаков, это борьба за то, чтобы спасти социализм и распределить хлеб в России правильно. (Возгласы: «А товары?».) Мы будем бороться в союзе с громадным большинством крестьянства. В этой борьбе мы победим, и тогда каждый европейский рабочий увидит на деле, что такое социализм.

В настоящей борьбе нам поможет всякий, кто, может быть, и не знает по-научному, что такое социализм, но который всю жизнь трудился и знает, что хлеб доставался ему трудной ценой, — он нас поймет. Такой человек будет с нами. Кулакам, имеющим излишки хлеба и способным в момент величайшего бедствия народа скрывать хлеб, в момент, когда все завоевания революции поставлены на карту, когда Скоропадские всех оттенков и со всех концов, оккупированных и не оккупированных, вытягивают шею и поджидают, нельзя ли на голоде свалить крестьянскую и рабочую власть и вернуть помещиков, — в такой момент объявить этим кулакам беспощадную войну — это наш первый социалистический долг. Кто в этот труднейший момент величайших испытаний для голодного народа и величайших испытаний для социалистической революции умывает руки и повторяет рассказы буржуазии, — тот плохой социалист.

Неверно, и тысячу раз неверно, что это есть борьба с крестьянством! Я читал сотни раз на страницах кадетских газет об этом, и меня не удивляет, когда там кричат, что рабочие раскололись с крестьянством. Когда там истерически пишут: «Крестьяне, очнитесь, одумайтесь и бросьте большевиков». Когда я слышу и читаю там об этом, меня это не удивляет. Там оно подстать. Там они служат тому хозяину, которому служить предназначены, но я не желал бы быть в шкуре социалиста, упавшего до таких речей! (Бурные аплодисменты.) Товарищи, мы превосходно знаем, каких невероятных трудностей стоит решение продовольственного вопроса. Тут предрасудки самые глубокие. Тут интересы самые коренные, интересы кулаков; тут деление, застой, распыленность деревни, темнота, во многих случаях все объединяются против нас, и мы говорим: несмотря на эти трудности, отказаться нельзя, с голодом не шутят, и народные массы, если в голоде им не помочь, с голоду способны метнуться даже к Скоропадскому. Неправда, что это борьба с крестьянами! Кто это говорит, тот величайший преступник, и величайшее несчастье случилось с тем человеком, кто истерически дал увлечь себя до таких речей. Нет, не только с крестьянами беднейшими, но и с средними мы не боремся. Крестьяне средние имеют во всей России ничтожные излишки хлеба. Крестьяне средние жили десятки лет до революции в условиях худших, чем живет рабочий. До революции они видели только нужду и угнетение. С этими средними крестьянами мы идем путем соглашения. Социалистическая революция несет равенство для всех трудящихся масс; несправедливо, если каждый городской рабочий получает больше, чем средний крестьянин, не эксплуатирующий чужого труда путем найма или спекуляции, — крестьянин живет и видит больше нужды и угнетения, чем рабочий, а живет еще хуже него. У них нет организации и профессиональных союзов, которые занимались бы вопросом об улучшении их положения. Даже с рабочими союзами нам приходится устраивать десятки заседаний, чтобы уравнивать плату между профессиями. И все же установить не можем. Всякий разумный рабочий знает, что для этого необходим долгий период. Разве мало жалоб вы найдете в Комиссариате труда? Вы увидите, что каждая профессия поднимает голову, не хочет жить

по-старому, мы не хотим жить по-рабски! Мы хотим в стране бедной, стране нищей, залечить те раны, которые ей нанесены. Нам необходимо стараться кое-как удержать хозяйство, развалившееся почти до конца. Мы можем сделать это только путем организации. Чтобы организовать крестьянство, мы издали декрет о комитетах бедноты. Против этого декрета могут быть только враги социализма. Мы говорили, что считаем справедливым понизить цену на мануфактуру. Мы берем на учет, национализируем решительно все. (А п л о д и с м е н т ы.) И это дает нам возможность регулировать распределение продуктов промышленности.

Мы говорили: спустите беднякам цены на мануфактуру наполовину, среднему крестьянину спустите на 25 процентов. Может быть, это неверная ставка. Мы не претендуем на то, что решили вопрос правильно. Мы не утверждаем этого. Чтобы решить вопрос, идите решать его вместе. (А п л о д и с м е н т ы.) Если сидеть в главном управлении и бороться со спекуляцией, ловить жуликов, устраивающих тайком свои дела, этим не решишь вопроса.

Только тогда, когда Комиссариат продовольствия, вместе с Комиссариатом земледелия, национализировал все товары, установил цены, — только тогда мы вплотную подходим к социализму. К нему подходят только трудящиеся города и деревенская беднота, все те, кто трудится, чужого не загребают, чужого труда не эксплуатируют ни в форме найма, ни в форме спекуляции, ибо тот, кто берет по сто и больше рублей за хлеб, не менее спекулянт, чем если он нанимает наемных рабочих; может быть, он еще худший, еще более горький спекулянт. Через полгода отчаянно трудного советского управления мы пришли к организации крестьянской бедноты, жалко, что не через полнедели, — вот это наша вина! Если бы нас за то упрекали, что декрет об организации деревенской бедноты и продовольственной диктатуры на полгода опоздал, мы были бы рады этому порицанию. Мы говорим: вот только теперь, когда мы на этот путь вступили, социализм перестал быть только фразой и становится живым делом. Может быть, декрет неудачен, может быть, наши ставки неверны. Откуда мы могли взять их? Только из вашего опыта. Сколько раз мы переделывали ставки железнодорожников, хотя у них есть союзы, а союзов среди бедноты

нет. Давайте проверять вместе, правильны ли ставки, назначенные в декрете о бедноте, что беднейшим спускается полцены, средним спускается четверть цены, а у богатого бери все, — правильны ли эти ставки или нет?

Если будет бой, то на этот бой мы пойдем смелыми декретами и ни капли не колеблясь. Это будет настоящий бой за социализм, не за догму, не за программу, не за партию, не за фракцию, а за социализм живой, за распределение хлеба между голодными сотнями тысяч, миллионами людей в передовых районах России, чтобы, когда хлеб есть, его взять и правильное распределить. Повторяю: здесь у нас нет ни тени сомнения, что девяносто девять сотых крестьян, когда они правду узнают, когда декрет получают, проверят, примерят, когда скажут нам, как его надо исправить, и мы его исправим, эти ставки переделаем, когда они за эту работу возьмутся, когда приценятся к ее трудности практической, — эти крестьяне будут с нами и скажут: мы проявляем здоровый инстинкт всякого трудового человека, что здесь и только здесь решается вопрос настоящий, коренной, жизненный вопрос о социализме. Мы установим правильные ставки на товары, установим монополию на хлеб, на мануфактуру, на все продукты, и тогда народ скажет: да, распределение труда, распределение хлеба и продуктов, которые нам дает социализм, лучше, чем было прежде. А это народ начинает говорить. Мы умеем преодолевать препятствия рядом с массой трудностей, рядом с массой ошибок, рядом со случаями, которые мы нисколько не прикрываем, а вытаскиваем на свет, на позор, — теми случаями, когда наши отряды сами впадают в спекуляцию, в ту скользкую пропасть, в которую тащат все привычки, все навыки капиталистов, — да, эти случаи бывают повсюду, мы знаем, что переделать людей сразу нельзя, что внушить десяткам миллионов людей сразу веру в социализм нельзя. Откуда они возьмут эту веру? Из своей головы? — Из своего опыта. Рядом со всем этим начинают говорить, что хлеб получить можно не путем спекуляции, что спасти от голода можно только путем союза городских и фабрично-заводских и промышленных рабочих с союзом деревенской бедноты, так как только деревенская беднота хлебом не спекулирует. Да, средний крестьянин сразу, когда увидит наши декреты, когда прочтет их сам, когда сравнит их с теми фразами

и наветами правых эсеров и защитников кулаков, скажет: если люди устанавливают одну ставку для бедняков, другую — для средних и даром берут хлеб у кулаков, они поступают справедливо. Он, может быть, не скажет, что они поступают, как социалисты, он, может быть, не знает этого слова, но он — наш вернейший союзник, ибо он хлебом не спекулирует, он поймет и согласится, что спекулировать хлебом в момент величайшей опасности для социалистической революции — есть величайшее преступление против народа.

Хлеб нельзя распределить декретом. Но когда после долгой, упорной работы налаживания, исправления, — союза фабричных, городских рабочих и деревенской бедноты, трудящихся крестьян, не нанимающих никаких рабочих и не занимающихся спекуляцией, — мы наладим на практике это дело, тогда никакие истерические выкрики против нашей партии не разорвут этого союза. (Аплодисменты.)

Когда мы обещали крестьянству социализацию земли, мы сделали этим уступку, ибо мы понимали, что сразу национализацию ввести нельзя. Мы знаем, что это, может быть, и ошибка, что мы вашу социализацию земли поставили в наш закон 26 октября*. Это была уступка левым эсерам, которые отказались от власти и сказали, что останутся только тогда, если будет проведен этот закон. Тысячу раз неправа Спиридонова, когда подносила вам отдельные факты, что она была у меня, будто бы унижалась и просила. Товарищи, многие бывали у меня и знают, что не может быть этого, не может быть такого отношения к товарищу. Должна быть плоха эта партия, если лучшие ее представители унижаются до сказок. (Шум.) У меня лежит письмо тов. Спиридоновой, — она очень часто обращалась ко мне письменно, — это письмо я завтра же найду и передам. Она пишет: «Почему вы не хотите дать два миллиона для сельскохозяйственной коммуны?». И это в тот самый день, когда наркомзем Середа, деятельности которого она не понимает, внес доклад об ассигновании 10 миллионов на сельскохозяйственную коммуну. (Продолжительные аплодисменты.) Вы слышали это из речи товарища Спиридоновой, но плоха

* См. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 225—229. Ред.

та партия, в которой даже искреннейшие люди в своей агитации падают до сказок. Я повторяю: как плоха партия, лучшие, искреннейшие представители которой доходят до таких сказок про Советскую власть! Тем хуже для них! Каждый крестьянин, который придет в Комиссариат земледелия, прочтет, что ассигновано 10 миллионов на сельскохозяйственные коммуны, увидит, поверит своим глазам и своим ушам больше, чем чужим речам, поймет, что эти люди дошли до сказок, и от партии этой отвернется. (Аплодисменты.) В заключение своей речи скажу одно. Перед нами до нового урожая, до подвоза этого урожая в голодные местности Петрограда и Москвы, перед нами стоит тяжелый период русской революции. Только самый тесный союз городских рабочих с деревенской беднотой, с деревенской трудящейся массой, которая не спекулирует хлебом, — вот что спасает революцию.

Съезд нам показывает, что союз всех трудящихся, несмотря ни на что, крепнет, ширится и растет не только в России, но и во всем мире. Знают за границей про нашу революцию до смешного, до ужаса мало. Там военная цензура, которая ничего не пропускает. Товарищи, приехавшие из-за границы, рассказывают об этом. Но, несмотря ни на что, по одному только инстинкту, европейские рабочие на стороне большевистского правительства. И все множатся и множатся голоса, которые показывают, что сочувствие к социалистической революции в Европе крепнет в тех странах, где продолжается империалистическая война. От германских социалистов и других людей, имена которых знает всякий сознательный рабочий и крестьянин, как Клара Цеткин и Франц Меринг, большевистское правительство получает выражение признательности и выражение сочувствия и поддержки. В Италии старый секретарь партии Ладзари, который в Циммервальде относился к большевикам с недоверием, сидит теперь в тюрьме за выражение сочувствия к нам.

Понимание революции растет. Во Франции те товарищи и рабочие, которые на конференции в Циммервальде с величайшим недоверием относились к большевикам, теперь выпустили на-днях воззвание от имени Комитета интернациональных связей¹⁴⁶, в котором горячо высказываются за поддержку большевистского правительства и против авантюр каких-либо партий.

Поэтому, товарищи, как ни труден и как ни тяжел период, который нам предстоит пережить, мы обязаны сказать всю правду и открыть глаза на это, ибо только народ своей инициативой и своей организацией, выдвигая новые и новые условия и защищая социалистическую республику, поможет нам. И мы говорим: товарищи, нет ни тени сомнения, что если мы пойдем по тому пути, который избрали и который события подтвердили, если мы будем твердо и неуклонно идти по этому пути, если мы не дадим ни фразам, ни иллюзиям, ни обману, ни истерике сбить себя с правильного пути, то мы имеем величайшие в мире шансы удержаться и помочь твердо победе социализма в России, а тем самым помочь победе всемирной социалистической революции! (Бурные и долго не смолкаемые аплодисменты, переходящие в овацию.)

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ
5 ИЮЛЯ 1918 г.

Все возражения оппозиции по поводу моего доклада начинаются с вопроса о Брестском договоре. Но такая постановка вопроса могла бы быть названа деловой в том случае, если бы она приводила к практическим результатам. Но все их речи об этом результатов не имеют и не могут иметь. (Аплодисменты.)

Если бы случилось так, что партия левых с.-р. получила большинство, то она по этому вопросу так бы не кричала, как кричит теперь. Надо говорить о действительных достижениях Советской республики на путях к социализму, и мы можем утверждать, — и этого ни один из ораторов не отрицал, — что в этом отношении со времени прошлого съезда достигнут большой успех. Не опровергли представители оппозиции и того, что все стоящие за разрыв Брестского мира действуют в интересах восстановления власти помещиков и капиталистов, сильны поддержкой англо-французского империализма. Когда я говорил, что чехословаки за 10—15 миллионов тоже добиваются этого разрыва, — никто не опроверг. Да разве можно опровергнуть то, что чехословаки, прикрывающиеся лозунгом Учредительного собрания, имеют своей целью втянуть нас в войну?

Левые с.-р. говорили, что нельзя создать армию в краткий срок, но дело зависит от того, как скоро мы наладим дело с топливом, как устроятся крестьяне, как пойдет дело с урожаем.

Ваши призывы о создании партизанских отрядов для борьбы с регулярной империалистической армией смешны каждому солдату.

Когда нас заставляют возвращаться к вопросу о Брестском мире, мы говорим: «Этот мир будет нарушен, если вы свергнете Советскую власть, а этого не будет!». (А плоды сменты.) Только тогда, на почве разрыва Брестского мира, вы сможете втянуть трудящиеся массы в войну на радость помещикам, капиталистам и белогвардейцам, подкупленным миллионами англо-французских империалистов. Срыв Брестского мира сейчас будет на деле опираться на силы, враждебные трудящимся классам. Все разногласия о Брестском мире нельзя считать деловыми. Это только истерика левых эсеров.

Когда здесь говорили о том, будто большевики делают уступки и будто в отчетах они ничего делового не заявили, я вспоминаю слова, сказанные здесь одним эсером, кажется, максималистом, что в Высшем совете народного хозяйства переходят от контроля к управлению производством. Разве это не деловое заявление? Что же делают те рабочие, которые своими силами через профессиональные союзы стали от хозяев учиться делу управления предприятиями? Вы говорите, что управлению научиться ничего не стоит, между тем мы в Высшем совете народного хозяйства ежедневно решаем тысячи конфликтов и случаев, которые говорят, что рабочий научился многому, и, делая из этого выводы, мы приходим к тому, что рабочие начинают учиться медленно, правда, с ошибками, но одно дело сказать фразу, а другое — видеть месяц за месяцем, как постепенно рабочий входит в свою роль, начинает терять свою робость и начинает чувствовать себя правителем. Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне. Время показывает, что рабочий должен был научиться управлению промышленностью, а все остальное есть пустейшая фраза, которой цена грош. Если мы через полгода Советской власти дошли до того, что теперь подходим к устарелости контроля — это уже громадный шаг вперед.

Здесь кричали, что мы топчемся на месте и отступаем. Ничего подобного. Вы в этом можете убедить кулака, но не простого рабочего; он знает, когда мы говорим: давайте людей лучше тех, которых вы послали, заставьте их учиться лучше, чем учились ты. Поэтому, когда нам кричат здесь о концессии, позвольте тогда спросить любого рабочего и крестьянина, что они предпочитают: заплатить

ли по тому долгу, который немцы на нас возложили, — концессиями, или воевать? Когда мы Брестский мир заключали, мы говорили об империалистах: пока их не победила международная социалистическая революция, мы не можем защищаться иначе, как отступлением. Это неприятно, но факт, — и лучше, когда мы говорим эту фразу народу, — пока мы не построили армии, которую можно создать не десятками лет, а годами, если будет создано правильное распределение хлеба, чтобы для армии был запас хлеба, собранного, ссыпанного. В каком уезде, в какой губернии сделали это левые эсеры? Ничего подобного! До тех пор, пока этого не сделано, мы говорим, что все ваши крики есть пустейшая фраза, а, когда мы делаем шаги в рабочем управлении, мы делаем шаг вперед. Здесь неверно цитировали мою фразу. Я сказал, что плоха партия, в которой искренние люди вынуждены опускаться до таких фраз.

Что мы миллиард дали нашему Комиссариату продовольствия — это ли не шаг вперед? Многое еще не налажено, и, если вы пожелаете, сможете это наладить. Через кого только — не знаю. Не через старых ли чиновников? У нас учатся этому делу рабочие и крестьяне из Советов (аплодисменты) и потому закупка мануфактуры и ассигнование делают свое дело. Мы сотни раз в Совете Народных Комиссаров разбирали вопрос: через кого покупать мануфактуру, как проводить контроль, как помочь скорейшему ее распространению? И мы знаем, что из недели в неделю с успехом разрабатывали меры борьбы со спекуляцией, меры ловли спекулянтов, и что рабочие в этом деле с каждым месяцем становятся все тверже, и этого нашего успеха ни один человек отрицать не может. Мы идем вперед, а не топчемся на месте. Мы произвели 28 июня национализацию¹⁴⁷, может быть, на несколько сот тысяч, а вы еще возражаете и опять повторяете слова буржуазной интеллигенции. Социализм — это работа, которая производится не в несколько месяцев. Мы не топчемся на месте, а продолжаем идти к социализму, и после Брестского договора подошли к нему ближе. У рабочих есть опыт из ряда ошибок, сознание ответственности, трудности борьбы, а у крестьян есть опыт в деле социализации земли, и, несомненно, более опытные и разумные крестьяне говорят: мы в первую весну брали землю сами,

БЕСЕДА С СОТРУДНИКОМ «ИЗВЕСТИЙ ВЦИК» ПО ПОВОДУ ВОССТАНИЯ «ЛЕВЫХ» ЭСЕРОВ

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

Революция с удивительной последовательностью доводит до логического конца каждое положение, беспощадно вскрывает все убожество, всю преступность каждой неверной тактики.

Левые эсеры, увлеченные звонкой фразой, вот уже несколько месяцев вопят: «Долой Брест, да здравствует восстание против германцев!».

Мы отвечали им, что в данных условиях, в данный исторический период, русский народ не может и не хочет воевать.

Закрыв глаза на действительность, с безумным упорством они продолжали гнуть свою линию, не чувствуя, как всё дальше и дальше расходятся с народными массами, стремясь, во что бы то ни стало, хотя бы насильственно, навязать этим массам свою волю, волю Центрального Комитета, в состав которого входили преступные авантюристы, интеллигенты-истерички и т. п.

И по мере того, как они отходили от народа, они все более начинали привлекать к себе симпатии буржуазии, надеявшейся их руками осуществить свои замыслы.

Преступный террористический акт и мятеж совершенно и полностью открыли глаза широких масс народа на то, в какую бездну влечет народную Советскую Россию преступная тактика левоэсеровских авантюристов.

Мне самому и многим товарищам приходилось слышать в день мятежа выражение сильнейшего негодования против левых эсеров со стороны даже самых темных слоев народа.

Серая, безграмотная старушка, негодуя, говорила по поводу убийства Мирбаха:

«Ишь, проклятые, толкнули таки нас в войну!».

Все и сразу до очевидности ясно поняли и оценили, что после эсеровского террористического акта Россия оказалась на волосок от войны. Именно так оценивали народные массы выступление левых эсеров.

Нас провоцируют на войну с немцами, когда мы не можем и не хотим воевать. Этого грубого попрания народной воли, этого насильственного толкания в войну, народные массы левым эсерам не простят.

И если кто радовался выступлению левых эсеров и злорадно потирал руки, то только белогвардейцы и прислужники империалистской буржуазии. А рабочие и крестьянские массы еще сильнее, еще ближе сроднились в эти дни с партией коммунистов-большевиков, истинной выразительницей воли народных масс.

«Известия ВЦИК» № 141,
8 июля 1918 г.

Печатается по тексту
газеты «Известия ВЦИК»

К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ

Дорогие товарищи! Пользуюсь поездкой в Питер т. Каюрова, моего старого знакомого, хорошо известного питерским рабочим, чтобы написать вам несколько слов.

Тов. Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходно то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего: именно — что кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и *свергнут ее неминуемо*, если рабочие не напрягут *тотчас же* все силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы *разбить наголову* кулаков прежде, чем они успели объединиться.

Сознательные рабочие *могут* в данный момент осуществить эту задачу, могут объединить вокруг себя деревенскую бедноту, могут победить кулаков и разбить их наголову, *если передовые отряды* рабочих поймут свой долг, напрягут все силы, организуют *массовый поход в деревню*.

Сделать это *некому*, кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это — *глупо и преступно*. Это — гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и *десятками тысяч* двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семьи, где *должно* помочь

организации бедноты, где *необходим* питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь.

Каюров расскажет свои личные наблюдения и убедит, я уверен, всех колеблющихся. Революция в опасности. Спасти ее может только *массовый* поход питерских рабочих. Оружия и денег мы им дадим сколько угодно.

С коммунистическим приветом *Ленин*
12. VII. 1918.

*Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Пролетарская
Революция» № 3 (26)*

Печатается по рукописи

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 15 ИЮЛЯ 1918 г.

Товарищи, на недостаток политических кризисов и быстрых политических изменений наша Советская республика пожаловаться не может. Как ни просты, как ни элементарно просты все империалистические силы, которые не могут, конечно, чувствовать себя спокойно рядом с Социалистической Советской республикой, но в момент, подобный переживаемому нами, при условии ведения войны в прежнем размере, явно руководящие силы, комбинация двух империалистических групп, продолжает вызывать политический кризис и его подобия. По поводу одного такого события, подобия политического кризиса, или настоящего кризиса, я имею дать вам сообщение.

Вчера, 14 июля, в 11 часов вечера, народного комиссара по иностранным делам посетил исполняющий должность германского дипломатического представителя доктор Ридлер и сообщил ему содержание только что полученной им из Берлина телеграммы, в которой германское правительство поручает ему просить о согласии русского правительства на допущение батальона германских солдат в военной форме для охраны германского посольства и о скорейшей доставке этих солдат в Москву.

При этом было прибавлено, что всякие оккупационные цели далеки от германского правительства.

Народный комиссар по иностранным делам, по соглашению с председателем Совета Народных Комиссаров, ответил, что народные массы России желают мира, что русское правительство готово дать германскому посольству, консульству и комиссиям вполне достаточную и надежную охрану из своих собственных войск, но что оно

не может ни в коем случае согласиться на допущение в Москву иностранной военной части, твердо надеясь при этом, что германское правительство, одушевленное тем же желанием мира, не будет настаивать на своем пожелании.

Действительно, обращение к русскому правительству находится в полном противоречии с заявлением имперского канцлера в рейхстаге о том, что несчастное убийство графа Мирбаха не поведет к ухудшению отношений между обеими странами. Противоречит оно и хорошо известному нам пожеланию руководящих торгово-промышленных кругов Германии наладить и развить к выгоде обеих стран тесные экономические отношения и успешно подвигающимся вперед переговорам. Об этом свидетельствуют и многочисленные заявления, сделанные нашему представителю в Берлине о политическом положении и об отношении к России.

Мы имеем еще полное основание надеяться, что этот неожиданный инцидент удастся благополучно разрешить, но каждый раз, когда наступает в наших международных отношениях обострение, мы считаем нужным сообщать факты открыто и ставить вопросы прямо.

Я считаю своим долгом поэтому сделать следующее правительственное заявление:

«Правительство Советской республики прекрасно сознавало, заключая Брестский мир, какую тяжелую задачу пришлось рабочим и крестьянам России, в силу сложившегося тогда международного положения, взять на себя. Воля подавляющего большинства IV съезда Советов была вполне ясна: трудящиеся классы требовали мира, нуждаясь в отдыхе для работы, организации социалистического хозяйства, для собирания и укрепления сил, надорванных мучительной войной.

Исполняя волю съезда Советов, правительство строго выполняло тяжелые условия Брестского мира, и в последнее время довольно далеко подвинулись уже наши переговоры с германским правительством о самом точном определении размеров тех платежей, какие падают на нас, и о способах расплаты, которую мы решили проиавести в кратчайший возможный срок.

Но, точнейшим образом выполняя брестские условия и охраняя волю рабочих и крестьян иметь мир, правительство Советской республики никогда не упускало из виду,

что есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой.

Бессмысленная и преступная авантюра левых эсеров привела нас на волосок от войны. Отношения наши к германскому правительству, вопреки нашему желанию, не могли не обостриться. Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания.

Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили — и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, — что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы, объективно, началом оккупации России чужеземными войсками.

На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехословаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всякого изъятия, путей сообщения, складов и в особенности продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, и эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания.

Внутренняя политика Советской власти, строго следуя решениям V съезда Советов, так же, как и внешняя, остается прежней. Преступная авантюра левых эсеров, оказавшихся пособниками белогвардейцев, помещиков и капиталистов, теперь, когда сгущаются тучи и усиливается опасность войны, будет еще преступнее в глазах народа, и мы всецело и всемерно поддержим и проведем

беспощадную расправу с предателями, осужденными бесповоротно волею V съезда Советов. Если война, вопреки всем нашим усилиям, станет фактом, мы не сможем питать ни тени доверия к шайке левозсеровских предателей, способных срывать волю Советов, идти на военную измену и тому подобное. Мы почерпнем новые силы для войны из беспощадного подавления как безумно-авантюристских (левозсеровских), так и сознательно классовых (помещичьих, капиталистских, кулацких) деятелей контрреволюции.

К рабочим и крестьянам всей России обращаемся мы: «тройная бдительность, осторожность и выдержка, товарищи! Все должны быть на своем посту! Все должны отдать жизнь, если понадобится, для защиты Советской власти, для защиты интересов трудящихся, эксплуатируемых, бедных, для защиты социализма!».

*Газетные отчеты опубликованы
16 июля 1918 г. в «Правде» № 146
и в «Известиях ВЦИК» № 143*

*Печатается по тексту книги:
«Пятый созыв ВЦИК Советов. Стено-
графический отчет». Изд. ВЦИК,
1919; правительственное заявление —
по рукописи*

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ЛЕФОРТОВСКОМ РАЙОНЕ 19 ИЮЛЯ 1918 г.

Обостренное положение Советской республики вызвано двумя причинами: международной и внутренней. Мы никогда не скрывали от рабочих и крестьян всей тяжести позорного мира. Несмотря на всю тяжесть, IV съезд Советов нашел необходимым подписать этот мир, чтобы дать возможность русским рабочим и крестьянам передохнуть и укрепиться. Партия левых эсеров взяла на себя ответственность за убийство Мирбаха и поставила Россию на волосок от смерти.

Есть признаки, что германское правительство идет на уступки и, возможно, откажется от введения батальона немецких солдат в Москву. Советское правительство категорически отказало в этом германскому правительству, если бы даже это и вызвало войну.

Авантюра левых эсеров привела к чрезвычайному ухудшению положения Советской власти, но, с другой стороны, она привела к тому, что самая лучшая часть ее — трудящийся элемент — отказывается от левых эсеров.

В связи с обострением отношений с Германией обострились отношения и с другой коалицией. Чехословацкое восстание — это их проделка. Этому доказательством является офицерство, поддерживаемое французскими деньгами и помогающее чехословакам.

Дальше Ленин говорит о том, что война порождает революцию и, чем дальше она тянется, тем положение воюющих стран делается безвыходнее, тем скорее она приближает их к революции. В Германии и Австрии снова прокатилась волна забастовок. Все империалистские хищники бросаются на Россию и хотят ее растерзать, так как

знают, что каждый месяц существования социалистической России готовит им гибель. На нашу долю выпала величайшая честь и величайшая трудность быть первым социалистическим отрядом в борьбе с мировым империализмом. Наша задача — продержаться еще.

Далее Ленин переходит к вопросу о голоде, которым спекулируют белогвардейцы, чтобы сбросить Советскую власть. Со стороны монархистов, кулаков, богатеев идет бешеная агитация на почве голода. Они не ограничиваются только агитацией, но подкупают бедных крестьян, толкая их на спекуляцию и на борьбу с рабочими. Два класса борются: пролетариат и кулаки, капиталисты. Один из этих классов должен победить, другой — быть разбитым. Наша социалистическая революция зовет на союз сознательных рабочих с большинством беднейших и средних крестьян для борьбы с кулаками, для водворения строжайшего порядка в интересах рабочих. В наших руках есть один путь спасения от голода — союз рабочих с беднейшими крестьянами для борьбы и отобрания хлеба у кулаков и спекулянтов. Смотрите в лицо опасности! У нас повсюду враги, но у нас есть и новые союзники — пролетариат тех стран, где еще ведется война. У нас есть союзники и внутри — огромная масса беднейшего крестьянства, которая пойдет сплоченными рядами с городским пролетариатом.

«Правда» № 151, 21 июля 1918 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

ЗИНОВЬЕВУ, ЛАШЕВИЧУ И СТАСОВОЙ

Необходимо двинуть *максимум** рабочих из Питера:
(1) «вождей» несколько десятков (à la** Каюров)
(2) тысячи «рядовых».

Иначе мы слетим, ибо положение с чехословаками из рук вон плохо.

Глупо при таком положении «сидеть» на «благополучии» Питера и «жалеть» давать оттуда: пусть даже большинство беков в питерском Совдепе упадет с 98% (у вас 98%?) до 51%! Что за беда!

Мы не погибнем, если *даже* (даже!) в Питере дойдет до 49% в Совдепе не наших (когда еще это будет). Но мы *погибнем* наверняка от чехословаков, ежели не сделаем *отчаянных* усилий для прибавки сотен и тысяч *руководящих* рабочих для превращения киселя в твердое нечто. Это не преувеличение, а *точный* учет. Вы будете в ответе за гибель, если будете скуиться и беречь «для Питера».

Привет! Ваш Ленин

P. S.*** Ответьте!

20. VII. 1918.

Впервые напечатано в 1942 г.
в Ленинском сборнике XXXIV

Печатается по рукописи

* — максимум, наибольшее количество. Ред.
** — вроде. Ред.
*** — Postscriptum — приписка. Ред.

**ДОКЛАД
НА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ ¹⁴⁸
23 ИЮЛЯ 1918 г.**

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

(В зале конференции появляется Ленин, встречаемый шумными аплодисментами, не прекращающимися несколько минут.) Последние дни ознаменовались крайним обострением дел Советской республики, вызванным как международным положением страны, так и контрреволюционными заговорами и тесно связанным с ними продовольственным кризисом.

Позвольте остановиться на международном положении. Российская революция есть лишь один из отрядов международной социалистической армии, от выступления которых зависит успех и торжество совершенного нами переворота. Этот факт никем из нас не забывается. Точно так же нами учитывается, что первая роль пролетариата России в мировом рабочем движении объясняется не хозяйственным развитием страны. Как раз наоборот: отсталостью России, неспособностью так называемой отечественной буржуазии справиться с огромными, связанными с войной, так и с ее ликвидацией, задачами, побудили пролетариат на захват им политической власти и на осуществление своей классовой диктатуры.

Сознавая свое революционное одиночество, русский пролетариат ясно видит, что необходимым условием и основной предпосылкой его победы является объединенное выступление рабочих всего мира или некоторых передовых в капиталистическом отношении стран. Но русский пролетариат великолепно знает, что в каждой стране он имеет как явных, так и скрытых друзей. Так, нет ни одной страны, где тюрьмы не были бы переполнены интернациона-

листами, сочувствующими Советской России; нет ни одной страны, где революционная социалистическая мысль не находила бы своего отражения то в легальной, то в подпольной прессе. Поэтому-то, зная своих истинных друзей, мы отвергаем всякое соглашение с меньшевиками, поддерживавшими Керенского и его наступление. По последнему вопросу очень характерно письмо интернационалистки Розы Люксембург (маленькое по размеру, но ярко интернациональное по существу) в английской газете «Дредноут Рабочих»¹⁴⁹ по поводу июньского наступления. Роза Люксембург находит, что международный характер Великой русской революции был подорван предпринятым Керенским наступлением и той санкцией, которой Первый Всероссийский съезд Советов освятил и одобрил его. Это наступление революционной России задержало развитие революции на Западе, и только диктатура пролетариата, переход к нему всей власти, привела к срыву всех тайных договоров, к разоблачению их хищнической империалистической сущности и, следовательно, к ускорению революционной развязки в Европе. Такое же могучее влияние на пробуждение и развертывание пролетарской энергии на Западе имело и наше обращение ко всем народам о заключении демократического мира без аннексий и контрибуций*. Все эти революционные акты открыли глаза рабочим всего мира, и никаким потугам буржуазных и социал-предательских группировок не удастся затемнить их пробудившееся классовое самосознание. Встреча, оказанная Керенскому английскими рабочими, это подтвердила с достаточной ясностью. Обаяние русской революции выразилось в первом грандиознейшем за все время войны выступлении германских рабочих, которые на брестские переговоры реагировали колоссальной забастовкой в Берлине и других промышленных центрах. Это выступление пролетариата в стране, одурманенной угаром национализма и опьяненной ядом шовинизма, есть факт перво-степенной важности и представляет собой поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата.

Неизвестно, как сейчас пойдет революционное движение в Германии. Несомненна лишь наличность там громадной революционной силы, проявление которой должно

* См. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 217—221. Ред.

наступить с железной необходимостью. И напрасно винят немецких рабочих в том, что они революции не делают. С тем же правом можно было обвинить и русских рабочих, которые не сфабриковали революции в течение 10 лет, от 1907 до 1917 года. Но ведь это не так. Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин. И этот момент близок и он неминуемо и неизбежно наступит. Нам легче было начать революцию, но чрезвычайно трудно ее продолжить и завершить. Страшно трудно дается революция в такой высоко развитой, с прекрасно организованной буржуазией стране, как Германия, но тем легче будет закончить победоносно социалистическую революцию после того, как она вспыхнет и зажжется в передовых капиталистических странах Европы.

Напрасно нас обвиняют в заключении Брестского договора, — чрезвычайно унизительного, тяжелого и насильнического, — и усматривают в этом полное отступление от наших идеалов и приверженность к германскому империализму. И характерно, что это обвинение исходит от буржуазных кругов и социал-соглашательских элементов, которые сейчас на Украине, в Финляндии и на Кавказе (меньшевики) встречают с распростертыми объятиями немецких конкеров. Такое же обвинение сыплется на нашу голову и со стороны безголовых левых эсеров. Мы великолепно сознаем всю тяжесть Брестского договора. Мы точно так же знаем, что по этому насильническому договору нам придется уплачивать Германии около 6-ти миллиардов рублей (по вычислениям заседающей в Берлине нашей экономической делегации). Положение безусловно трудное, но выход можно и нужно будет найти общими усилиями пролетариата и деревенской бедноты. И не безумная попытка левых эсеров убийством Мирбаха вовлечь нас в войну — есть средство уйти от Брестского договора. Эта авантюра, наоборот, была на руку военным германским партиям, положение которых, естественно, должно ослабеть в силу роста пораженчества не только среди германских рабочих, но и среди буржуазии. Ибо теперь, после Брестского мира, для всех ясно с очевидностью, что Германия

ведет грабительскую войну, с явными империалистскими целями.

Чрезвычайно тяжело продовольственное положение Советской России, окруженной со всех сторон империалистскими хищниками и поддерживающими их недремлющими контрреволюционерами внутри страны.

Борьбе с голодом (этим лучшим средством борьбы буржуазии с пролетарской диктатурой) должно быть уделено внимание рабочего класса. Но одно мы должны принять за основу: при одолении голода мы откажемся категорически от буржуазных методов борьбы, от голодухи масс в интересах богатеев и мироедов, и будем применять чисто социалистические способы борьбы. Последние же заключаются во введении, в интересах рабочих, хлебной монополии и в установлении твердых цен.

Буржуазия и ее приспешники социал-соглашатели ратуют за свободную торговлю и за уничтожение твердых цен. Но свободная торговля уже показала свои результаты в целом ряде городов. Сейчас же после водворения буржуазии цены на хлеб повысились во много раз, а потому самый продукт исчез с рынка: его спрятали кулаки в надежде на дальнейшее повышение цен.

Самым отчаянным врагом пролетариата и Советской России является голод. Но на пути его преодоления пролетариат сталкивается с деревенской буржуазией, никак не заинтересованной в уничтожении голода, а наоборот, черпающей из него свои групповые и классовые выгоды. Пролетариат должен это учесть и в союзе с голодающей деревенской беднотой вести отчаянную непримиримую борьбу с деревенским кулачеством. В тех же целях должна быть продолжена и начатая организация продовольственных отрядов, во главе которых должны быть поставлены честные коммунисты, пользующиеся доверием партийных и профессиональных организаций. Только тогда продовольственное дело будет налажено, и дело революции будет спасено.

**РАЗГОВОР с И. В. СТАЛИНЫМ
ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ
24 ИЮЛЯ 1918 г.**

ЦАРИЦЫН. СТАЛИНУ

Говорит Ленин.

Не можете ли передать в Баку только что полученную телеграмму по радио из Ташкента¹⁵⁰:

Затем о продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо кроме как от Вас добыть неоткуда. В Ярославле восстание белых подавлено¹⁵¹. Симбирск взят белыми или чехами. Жду ответа.

ОТВЕТ СТАЛИНА

Позавчера ночью в Туркестан послано все, что можно было послать.

Радио передали в Баку. Запасов хлеба на севере Кавказа много, но перерыв дороги не дает возможности отправить их на север.

До восстановления пути доставка хлеба немислима. В Самарскую и Саратовскую губернии послана экспедиция, но в ближайшие дни не удастся помочь Вам хлебом. Дней через десять надеемся восстановить линию. Продержитесь как-нибудь, выдавайте мясо и рыбу, которые можем прислать Вам в избытке. Через неделю будет лучше.

Сталин

Варшавы. Сталину

Говорит Ленин.

Не можете ли передать в Гагу радио
это поименно телеграмму по радио
ггг. Машкевич:

X X

Затем о продовольствии доумен скараб,
это сейчас вовсе не выгодно ни в импорт
ни в Москве. Поименно совети тмаа.
Сообщите, можете ли прислать скранный
шпр, ноо кровит как о вас доумен кот-
куда. И прославит вооружа обвон под-
вено. Стильск впу обвоним ни герани.
778 у ольвита!

Запись разговора В. И. Ленина с И. В. Сталиным по прямому проводу
о продовольственном положении. — 24 июля 1918 г.

Уменьшено

ЦАРИЦЫН. СТАЛИНУ

Посылайте рыбу, мясо, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше.

Ленин

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVIII*

*Печатается по рукописи; ответ
И. В. Сталина — по тексту
телеграфного бланка*

РЕЧЬ
НА МИТИНГЕ В ХАМОВНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ
26 ИЮЛЯ 1918 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

(Появление Ленина встречается бурной овадией.) В своей речи на тему: «Что даст трудовому народу Советская конституция», Ленин отмечает, что Советская конституция, создававшаяся, подобно Советам, в период революционной борьбы, — первая конституция, провозгласившая государственной властью — властью трудящихся, устранившая от прав эксплуататоров — противников строительства новой жизни. В этом главном ее отличии от конституций других государств и есть залог победы над капиталом.

Указывая на ряд главных положений декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Ленин замечает, что теперь трудящиеся всех стран увидят, что Советская конституция — основной закон Российской Социалистической Федеративной Республики — отражает идеалы пролетариата всего мира. Близится час расплаты с буржуазией всех стран! В Западной Европе крепнет возмущение! Наша задача — преодолеть все препятствия, встречающиеся на пути, как бы тяжелы они ни были, и удержать власть Советов до того времени, когда восстанет рабочий класс всех стран и воздвигнет великое знамя всемирной социалистической республики! (Шумные аплодисменты.)

**ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ.
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, ЗИНОВЬЕВУ**

Сейчас получились известия, что Алексеев на Кубани, имея до 60 тысяч, идет на нас, осуществляя план соединенного натиска чехословаков, англичан и алексеевских казаков. Ввиду этого и ввиду заявления приехавших сюда питерских рабочих, Каюрова, Чугурина и других, что Питер мог бы дать вдесятеро больше, если бы не оппозиция питерской части Цека¹⁵², ввиду этого я категорически и ультимативно настаиваю на прекращении всякой оппозиции и на высылке из Питера вдесятеро большего числа рабочих. Именно таково требование Цека партии.

Категорически предупреждаю, что положение Республики опасное и что питерцы, задерживая посылку рабочих из Питера на чешский фронт, возьмут на себя ответственность за возможную гибель всего дела.

Ленин

NB*: Вернуть мне эту бумагу с пометкой, во сколько часов передана она в Питер в Смольный.

Ленин

Написано 27 июля 1918 г.

*Впервые напечатано в 1942 г.
в Ленинском сборнике XXXIV*

Печатается по рукописи

* — Nota bene — заметьте. Гед.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Статьей «*О революционной фразе*» Лениным была начата открытая борьба в печати за заключение мира с Германией в 1918 году. В статье Ленин использовал, главным образом, материалы расширенного совещания ЦК партии с партработниками 8 (21) января 1918 года, на котором он впервые выступил со своими «Тезисами по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» (см. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 401—408). — 1.
- 2 *Декрет Совета Народных Комиссаров о рабоче-крестьянской Красной Армии*, датированный 15 (28) января 1918 года, был опубликован 19 января (1 февраля) 1918 года за подписью Председателя СНК В. Ульянова (Ленина). — 2.
- 3 Речь идет о голосовании при обсуждении вопроса о мире на заседаниях ЦК РСДРП(б) 11 (24) января и 17 февраля 1918 года. На первом заседании за «революционную войну» голосовало только 2 члена ЦК, против 11; на втором заседании за это предложение никто не голосовал; 3 члена ЦК, сторонники продолжения войны, воздержались от голосования. — 3.
- 4 *Закон о социализации земли* был принят 18 (31) января III Всероссийским съездом Советов, состоявшимся 10—18 (23—31) января 1918 года; закон был опубликован 19 февраля 1918 года. — 4.
- 5 *Всероссийское демократическое совещание* происходило в Петрограде с 14 по 22 сентября (с 27 сентября по 5 октября) 1917 года. Оно было созвано меньшевиками и эсерами с целью ослабления нараставшего революционного подъема. На совещании участвовали представители социалистических партий, соглашательских Советов, профсоюзов, земств, торгово-промышленных кругов и воинских частей. Среди участников совещания

преобладали меньшевики и эсеры. Обсуждение основного вопроса — об организации власти — свелось на совещании почти исключительно к борьбе вокруг вопроса о коалиции с буржуазными партиями. В первые дни обсуждения меньшевистско-эсеровским лидерам не удалось отстоять коалиции. После ряда повторных голосований совещание высказалось за создание правительства без участия кадетов. Лишь при обсуждении вопроса о составе Предпарламента (Временный совет республики) лидеры меньшевиков и эсеров протасили в замаскированной форме идею коалиции. При помощи Предпарламента, выделенного из состава Демократического совещания, меньшевики и эсеры рассчитывали приостановить революцию и перевести страну с пути советской революции на путь буржуазного парламентаризма.

ЦК партии большевиков решил бойкотировать Предпарламент; только капитулянт — Каменев, Зиновьев, стремившиеся отвлечь пролетариат от подготовки восстания, отстаивали участие в Предпарламенте. Большевики разоблачали предательскую деятельность Предпарламента, готовя массы к вооруженному восстанию. — 7.

- 6 Речь идет о предательстве капитулянтов во главе с Зиновьевым и Каменевым, выступивших против вооруженного восстания в октябре 1917 года и выдавших врагам решение ЦК партии о восстании, определявшее судьбу революции (см. В. И. Ленин. «Письмо к членам партии большевиков» и «Письмо в Центральный Комитет РСДРП», Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 185—188, 192—196). — 7.
- 7 *Новолучисты* — меньшевики, группировавшиеся вокруг газеты «Новый Луч», органа объединенного Центрального комитета меньшевиков. Газета издавалась в Петрограде с 1 (14) декабря 1917 года под редакцией Дана, Мартова и Мартынова; закрыта в июне 1918 года за контрреволюционную агитацию. — 8.
- 8 *Делонародовцы* — правые эсеры, группировавшиеся вокруг газеты «Дело Народа», органа партии эсеров. Газета выходила в Петрограде, затем в Самаре и в Москве с перерывами и под разными названиями с марта 1917 года по март 1919 года. — 8.
- 9 *Новожизненцы* — меньшевистская группа, сложившаяся вокруг газеты «Новая Жизнь», издававшейся с апреля 1917 года в Петрограде. Группа объединяла меньшевиков-мартовцев, называвших себя интернационалистами, и одиночек-интеллигентов полуменьшевистского толка. В октябре 1917 года новожизненцы вместе со всеми меньшевиками выступили против вооруженного восстания; после октября заняли враждебную позицию по отношению к Советской власти, за исключением нескольких человек, примкнувших к большевикам. В июле 1918 года газета «Новая Жизнь» была закрыта вместе с другими контрреволюционными газетами. — 9.

10 «*Левые*» большевики — враждебная партии группа, именовавшая себя для маскировки группой «левых коммунистов»; возникла в начале 1918 года в связи с вопросом заключения Брестского мира. Прикрываясь левой фразой, группа «левых коммунистов» отстаивала преступную политику вовлечения в войну с Германией молодой, не имевшей еще армии Советской республики. Группу возглавляли: Бухарин, Радек, Пятаков. Вожаки «левых коммунистов» являлись сподручными Троцкого, проводившего предательскую политику продолжения войны в более скрытой, замаскированной форме, под лозунгом: войны не вести, но и мира не подписывать. В противовес ленинско-сталинской политике мира, политике передышки, рассчитанной, по определению И. В. Сталина, на то, чтобы «выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление», Троцкий и «левые коммунисты» навязывали партии политику, которая явно вела к гибели пролетарской диктатуры. В. И. Ленин называл «левых коммунистов» «орудием империалистской провокации». При поддержке Троцкого «левые коммунисты» повели открытую борьбу против партии, развернули разнузданную фракционную работу. Они выступили с клеветническими, демагогическими обвинениями против партии, стремясь расколоть ее, разложить ряды партии, дезорганизовать, напугать партию подачей заявлений об уходе с советских и партийных постов и т. д. Ленину, Сталину, Свердлову пришлось выдержать упорную борьбу в ЦК против Троцкого и «левых коммунистов», чтобы добиться решения о мире и этим спасти молодую Советскую республику. В то время для партии не была еще ясна причина преступного поведения Троцкого и «левых коммунистов». Только в 1938 году судебным процессом над антисоветским «правотроцкистским блоком» было установлено, что Троцкий, Бухарин и их сообщники уже в 1918 году состояли в контрреволюционном заговоре, ставившем целью убить Ленина, Сталина, Свердлова, сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров, сорвать мирные переговоры, спровоцировать наступление немцев и с помощью штыков немецких империалистов уничтожить Советскую власть.

Партия под руководством Ленина и Сталина дала решительный отпор провокационной политике Троцкого и «левых коммунистов», заклеив их позицию как предательскую и капитулянтскую. «Левые коммунисты» были изолированы и разбиты. — 10.

11 Декрет «*Социалистическое отечество в опасности!*» был принят Совнаркомом 21 февраля 1918 года и опубликован за подписью Совета Народных Комиссаров 22 февраля в «Правде» и «Известиях ЦИК»; кроме того, выпущен отдельным листком. Декрет был написан Лениным в связи с разрывом мирных переговоров в Брест-Литовске и начавшимся наступлением немецких империалистов. 28 января (10 февраля) Троцкий, возглавлявший тогда советскую мирную делегацию в Брест-Литовске, предательски нарушил указание Ленина и Сталина о подписании условий мира с Германией. В ответ на немецкий ультиматум, он огласил декларацию, в которой заявил: мира

пе подписываем, армию демобилизуем, войны не ведем. Провокационный шаг Троцкого поставил Советскую республику под удар немецкого империализма. 16 февраля германское военное командование официально сообщило о прекращении перемирия с Советской республикой и 18 февраля начало военное наступление по всему фронту. Немецкие империалисты захватили ряд городов советской территории и создали угрозу Петрограду.

Призыв партии и Советского правительства поднял на борьбу с немецкими империалистами массы революционного народа. Быстро сформированные молодые отряды новой, Красной Армии героически отражали натиск немецких оккупантов. Под Нарвой и Псковом немецким хищникам был дан решительный отпор. Наступление германских войск на Петроград было приостановлено. — 13.

- 12 В связи с заявлением германского военного командования о прекращении перемирия и возобновлении с 18 февраля войны Ленин на заседании ЦК партии, вечером 17 февраля 1918 года, предложил немедленно вступить в новые переговоры с Германией для подписания мира. Предложение Ленина было отвергнуто 6 голосами против 5.

18 февраля началось наступление немцев. В этот день вопрос о заключении мира с Германией вновь обсуждался на заседании ЦК партии. Троцкий и Бухарин преступно продолжали отстаивать провокаторскую политику продолжения войны. Только на втором, вечернем, заседании, после категорического требования Ленина и выступления Сталина и Свердлова за подписание мира, было принято предложение Ленина послать радиogramму германскому правительству о согласии подписать мир на условиях, предложенных в Брест-Литовске. Проект радиogramмы был тогда же написан Лениным, утвержден на заседании ЦК большевиков и послан от имени Совнаркома в ночь с 18 на 19 февраля в Берлин (см. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 479). — 13.

- 13 Речь идет о демагогическом выступлении «левых коммунистов» на заседании ЦК РСДРП(б) 22 февраля 1918 года против приобретения оружия и продовольствия у держав Антанты для обороны от немецких империалистов. Ленин на этом заседании не присутствовал. Он прислал в ЦК следующее заявление: «В ЦК РСДРП. Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма. Ленин». 6 голосами против 5 ЦК партии принял резолюцию, в которой признавал необходимым вооружение и снаряжение армии всеми средствами, считая возможным приобретение их и у правительств капиталистических стран. После этого решения Бухарин подал заявление о выходе из ЦК партии и из редакции газеты «Правда». — 18.

- 14 И. П. Каллев — эсер; 4 (17) февраля 1905 года убил бомбой московского генерал-губернатора, великого князя С. А. Романова, дядю Николая II. — 18.

- 15 Ответ Германии на радиограмму Советского правительства, посланную в ночь с 18 на 19 февраля, был получен в Петрограде только 23 февраля в 10¹/₂ часов утра. Новые условия мира, по сравнению с условиями, самовольно отвергнутыми предателем Троцким, были теперь значительно тяжелее. Немецкие империалисты оставляли за собой не только Польшу, Литву и часть Белоруссии, но потребовали ухода Красной гвардии из Эстонии, Латвии и Финляндии, предлагали отдать Турции города Карс и Батум; восстанавливали на Украине власть буржуазной Рады, превращая Украину в вассальное (зависимое) немецкое государство. Советская республика обязывалась платить немцам большую контрибуцию. — 21.
- 16 «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» были написаны Лениным 7 (20) января 1918 года, но опубликованы в «Правде» только 24 февраля 1918 года, после того, как Центральным Комитетом партии было принято предложение Ленина о необходимости подписания мира (см. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 401—408). — 21.
- 17 «Речь» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с февраля 1906 года; 26 октября (8 ноября) 1917 года была закрыта Воечко-революционным комитетом при Петроградском Совете. С конца октября 1917 года по август 1918 года газета выходила под другими названиями. — 22.
- 18 Объединенное заседание фракций большевиков и «левых» эсеров ВЦИК, созванное для обсуждения вопроса о принятии новых германских условий мира, состоялось вечером 23 февраля. За подписание мира высказался Ленин; против выступили троцкисты. Никакой резолюции по вопросу о мире на этом заседании не было принято. — 23.
- 19 Пленарное заседание ВЦИК, посвященное вопросу заключения мира с Германией на новых условиях, было открыто в 3 часа ночи с 23 на 24 февраля 1918 года под председательством Я. М. Свердлова. Доклад о германских условиях мирного договора сделал Ленин. Против подписания мира выступили представители меньшевиков, правых и «левых» эсеров и анархистов-коммунистов. 116 голосами против 85, при 26 воздержавшихся, заседание утвердило предложенную большевиками резолюцию о принятии немецких условий мира. Большинство «левых коммунистов» не приняло участия в голосовании, покинув на это время зал заседаний. Лидеры «левых коммунистов» и троцкистов провокационно голосовали против заключения мира. — 24.
- 20 Незаконченная Лениным статья «В чем ошибка?» посвящена разбору антипартийного заявления лидеров «левых коммунистов», поданного в ЦК партии после решения 23 февраля 1918 года о принятии германских условий мира. Ленин предполагал

включить в свою статью часть этого заявления, но текст заявления с отметкой Ленина о том, какая часть должна была войти в его статью, не сохранился. — 29.

- 21 Ленин имеет в виду телеграфный запрос всем губернским и уездным Советам, всем губернским, уездным и волостным земельным комитетам об отношении к новым условиям мира. Запрос был послан 25 февраля 1918 года Совнаркомом, а также и ВЦИК, на основании постановления ЦК РСДРП(б), принятого по предложению Ленина 23 февраля 1918 года. Ответы на запрос стали поступать уже на следующий день; они публиковались в «Известиях ВЦИК» вплоть до 9 марта. Обобщив полученные ответы с мест, Ленин составил «Свод ответов на вопрос: «мир или война», полученных в ЦИК», а также «Свод ответов», полученных Совнаркомом. Ответы на запрос показывали, что большинство местных Советов поддерживает ленинско-сталинскую позицию необходимости заключения мира. — 34.
- 22 Документ *«Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире»* не весь написан Лениным. Первый и два заключительных абзаца составлены Я. М. Свердловым. — 37.
- 23 *«Субботнее заседание ЦИК»* — объединенное заседание фракций большевиков и «левых» эсеров ВЦИК 23 февраля 1918 года. — 42.
- 24 Вопрос об эвакуации правительства из Петрограда в Москву, в связи с февральским наступлением немецких оккупантов, обсуждался на заседании Совнаркома 26 февраля 1918 года. На этом заседании Ленин и набросал печатаемый здесь проект постановления об эвакуации правительства. Окончательное решение о перенесении столицы в Москву было принято IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов в марте 1918 года. — 45.
- 25 *Московское областное бюро РСДРП (большевиков) в 1917 году* и в начале 1918 года объединяло партийные организации Центральной промышленной области, в которую входили губернии: Московская, Ярославская, Тверская, Костромская, Владимирская, Воронежская, Смоленская, Нижегородская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Калужская и Орловская. В период борьбы партии за Брестский мир руководство в Московском областном бюро было временно захвачено «левыми коммунистами» (Бухарин, Осинский, Ломов, Стуков, Сапронов, Манцев, Яковлева и другие). К весне 1918 года Московское областное бюро фактически играло роль антипартийного фракционного центра «левых коммунистов».
- Раскольническая, антисоветская резолюция, о которой говорит Ленин, была вынесена на заседании узкого состава Московского областного бюро после принятия ЦК партии новых условий мира. — 46.

- 26 Речь идет о голосовании по вопросу о мире с Германией на заседании ЦК партии с партийными работниками 21 января (3 февраля) 1918 года. За необходимость подписания мира на заседании голосовали: Ленин, Сталин, Артём (Сергеев) и другие; против допустимости всяких переговоров и договоров с империалистами — «левые коммунисты» — Оболенский (Осинский) и Стуков. Большинство же «левых коммунистов» заняло при голосовании двойственную позицию: допуская возможность заключения мира «вообще» между социалистическими и империалистическими государствами, оно в то же время голосовало против немедленного подписания мира с Германией. — 49.
- 27 «Проект приказа всем Совдепам» был написан Лениным в связи с телеграфными сообщениями советской мирной делегации в Бресте о том, что Германия отказывается прекратить военные действия до подписания мирного договора. Аналогичная по содержанию телеграмма за подписью Ленина была опубликована 2 марта 1918 года в «Правде» № 39. — 56.
- 28 «Коммунист» — ежедневная газета, фракционный орган «левых коммунистов»; выходила в Петрограде в марте 1918 года как «орган Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП». Издание газеты было прекращено по постановлению Петроградской общегородской партийной конференции 20 марта 1918 года. Конференция констатировала, что политика Петроградского комитета, выраженная на страницах фракционной газеты «Коммунист», была глубоко ошибочной и ни в какой мере не могла являться политикой Петроградской организации коммунистической партии. Органом Петроградской партийной организации, вместо «Коммуниста», конференция объявила «Петроградскую Правду». — 57.
- 29 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 24 февраля 1918 года вынес резолюцию, в которой одобрил решение ЦИК о необходимости заключения мира, как «единственного выхода из настоящего тяжелого положения». Одновременно Петроградский Совет постановил «принять все необходимые меры к организации эшелонов для отправки на фронт». — 60.
- 30 В Москве 3 марта 1918 года состоялось заседание Московского Совета рабочих и солдатских депутатов с участием фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов, районных Советов, ответственных работников и пр. Большинство собравшихся высказалось за подписание мира.

4 марта вопрос о мире обсуждался на собрании Московского комитета РСДРП(б); 10 голосами против 7 была принята резолюция за подписание мира.

Московская общегородская конференция РСДРП(большевиков) состоялась в ночь с 4 на 5 марта 1918 года. На ней, кроме делегатов, присутствовало много рабочих из районов. Конференция большинством голосов приняла резолюцию, одобряющую позицию ЦК РСДРП(б) по вопросу о мире. Резолюция выражала

доверие ЦК и поручала своим делегатам отстаивать на VII партийном съезде единство партии. — 60.

- 31 *Седьмой съезд РКП(б)* состоялся в Петрограде 6—8 марта 1918 года. На съезде присутствовало 46 делегатов с решающим голосом и 58 с совещательным. Делегаты представляли свыше 170 000 членов партии; всего же членов партии к моменту съезда насчитывалось не менее 300 000. Значительная часть организаций не успела прислать делегатов ввиду спешности созыва съезда, или не имела возможности этого сделать в связи с временной оккупацией немцами некоторых областей Советской России.

Съезд был созван, как экстренный, для окончательного решения вопроса о мире. Доклад о войне и мире сделал Ленин. Троцкисты и «левые коммунисты» выступили со своими тезисами, выставив докладчиком Бухарина. 30 голосами против 12, при 4 воздержавшихся, съезд принял по вопросу о Брестском мире резолюцию Ленина. Съезд осудил предательскую политику Троцкого и Бухарина и заклеймил попытку «левых коммунистов» продолжать и на самом съезде раскольническую работу. «Левые коммунисты» и троцкисты были разбиты. Партия получила возможность вывести страну из империалистической войны, завоевала передышку для организации Красной Армии и социалистического строительства. В ноябре 1918 года Брестский договор был аннулирован.

Съезд обсудил вопрос о пересмотре программы и изменении названия партии; с докладом по этим вопросам выступил Ленин. По предложению Ленина съезд принял решение о переименовании партии из Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) — РСДРП(б) — в Российскую коммунистическую партию (большевиков) — РКП(б). Для окончательной разработки новой программы партии съезд избрал комиссию, в состав которой вошли Ленин и Сталин. За основу программы был принят съездом написанный Лениным проект («Черновой набросок проекта программы»). — 63.

- 32 Речь идет о капитулянтской позиции Каменева, Зиновьева, Рыкова и других врагов партии, требовавших в первые дни после Октябрьской революции 1917 года создания «однородно-социалистического правительства» с участием контрреволюционных партий — меньшевиков и эсеров (см. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 243—249, 268—273). — 66.

- 33 *Декрет о рабочем контроле над производством* («Положение о рабочем контроле») был принят ВЦИК 14 (27) ноября 1917 года и опубликован в «Известиях ЦИК» № 227 от 16 ноября 1917 года. В основу декрета положен написанный Лениным в конце октября 1917 года «Проект положения о рабочем контроле», опубликованный с некоторыми изменениями 3 (16) ноября 1917 года в «Правде» № 178 (см. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 241—242). — 69.

- 34 Речь идет о присяге — подписке на верность царю членами III Государственной думы в день открытия Думы 1 (14) ноября 1907 года. Депутат, отказавшийся дать подписку, признавался выбывшим из Думы. Так как отказ от присяги вел к потере думской трибуны, необходимой для мобилизации пролетариата на революционную борьбу, социал-демократические депутаты подписывали присягу вместе со всеми депутатами Думы. — 78.
- 35 *М. Гофман* — немецкий генерал; представитель империалистической Германии в Брест-Литовске во второй период мирных переговоров (конец декабря 1917 года — 28 января (10 февраля) 1918 года). — 80.
- 36 Ленин имеет в виду, повидимому, дни от начала немецкого наступления — 18 февраля — до прибытия советской делегации в Брест-Литовск — 28 февраля 1918 года. Наступление немецких оккупантов продолжалось 14 дней: с 18 февраля по 3 марта — день подписания мирного договора. — 82.
- 37 *Революция в Финляндии* началась в середине января 1918 года в южной промышленной части страны, охватив ряд крупнейших центров — Гельсингфорс, Выборг и другие. Революции предшествовала ноябрьская всеобщая политическая забастовка, которая вспыхнула 31 октября (13 ноября) 1917 года и продолжалась неделю, возглавляясь Центральным рабочим революционным Советом. 15 (28) января 1918 года финская Красная гвардия заняла столицу Финляндии — Гельсингфорс, где 16 (29) января было организовано революционное правительство — Совет народных уполномоченных (или комиссаров) Финляндии. Буржуазное правительство Свинхувуда обратилось за помощью к шведской и германской буржуазии. Укрепившись на севере Финляндии и организовав белогвардейские кулацкие отряды, оно начало в конце января, при поддержке немцев, шведов и русского белого офицерства, наступление на юг. В мае, после жестокой гражданской войны, продолжавшейся три месяца, рабочая революция в Финляндии была подавлена при помощи высадившегося двадцатитысячного немецкого экспедиционного корпуса. — 82.
- 38 Речь идет об антипартийной резолюции временно захваченного «левыми коммунистами» Московского областного бюро РСДРП(б), принятой на заседании узкого состава бюро 24 февраля 1918 года. Разбор и критику этой резолюции см. в статье Ленина «Странное и чудовищное» (настоящий том, стр. 46—53). — 83.
- 39 Ленин имеет в виду беседу с представителем французской военной миссии в России графом де-Люберсак в феврале 1918 года. — 88.
- 40 Имеется в виду воззвание Народного комиссариата по военным делам о поголовном добровольном военном обучении

в связи с полвой демобилизацией русской армии по условиям мирного договора с немцами. — 88.

- 41 По договору о перемирии, заключенному 2 (15) декабря 1917 года в Брест-Литовске между Советским правительством и державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция), военные действия могли быть возобновлены одной из договаривающихся сторон с предупреждением за 7 дней до начала наступления. Немецкие империалисты, нарушив соглашение, объявили о возобновлении ими военных действий 16 февраля, т. е. только за 2 дня до начала наступления. — 90.
- 42 По Брестскому договору, подписанному 3 марта 1918 года, германское правительство обязывало Советскую республику заключить мир с контрреволюционной Украинской радой, созданной в апреле 1917 года в Киеве блоком украинских буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий во главе с В. К. Винниченко. Во время мирных переговоров Советской республики с немцами Рада послала в Брест-Литовск свою делегацию. В результате развернувшейся на территории Украины борьбы между Радой и образовавшимся в декабре 1917 года Советским правительством Украины Рада была свергнута. 27 января (9 февраля), после установления Советской власти в Киеве, Рада, за спиной советской делегации, заключила с немцами сепаратный мир, по которому отдавала Германии украинский хлеб, уголь и прочее сырье, а получала военную помощь против Советской власти. Под охраной и при помощи штыков немецких империалистов власть Рады на Украине была восстановлена. Преданная Радой Украина превращалась фактически в колонию германского империализма.
- Переговоры о мире между Советским правительством и Радой, навязанные Брестским договором, не состоялись. 29 апреля 1918 года Рада была сброшена германскими военными силами и заменена правительством монархиста, гетмана Скоропадского.
- Переговоры о мире между Советской республикой и правительством Скоропадского начались 23 мая; перемирие было подписано 14 июня 1918 года. — 90.
- 43 12 марта — предполагавшийся срок созыва IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов для решения вопроса о ратификации мирного договора. — 91.
- 44 Резолюция о войне и мире, принятая VII съездом партии, по решению съезда не подлежала публикации в тот период и была напечатана впервые 1 января 1919 года в ежедневной газете «Коммунар», издававшейся ЦК РКП(б) в Москве с 9 октября 1918 года по 5 марта 1919 года. — 94.
- 45 При обсуждении и голосовании резолюции Ленина о войне и мире Троцкий и «левые коммунисты» выступили на съезде с «по-

правками», запрещавшими Советскому правительству подписать мир с Украинской радой и финляндским буржуазным правительством. Ленин дал отпор провокационной попытке Троцкого и «левых коммунистов» лишить ЦК свободы маневрирования; съезд большинством голосов отклонил их «поправки». — 96.

46 На съезде Зиновьев выступил против предложения Ленина не публиковать резолюцию о войне и мире. Поправка Зиновьева не была принята; большинством голосов съезд утвердил дополнение Ленина. — 100.

47 *Вопрос о пересмотре партийной программы* был поставлен Лениным еще в 1917 году в Апрельских тезисах (см. Сочинения, 4 изд., том 24, стр. 5—6). К VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) Лениным был написан «Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы», содержащий ряд поправок к программе РСДРП 1903 года. По предложению Ленина конференция поручила ЦК в двухмесячный срок составить к VI съезду партии проект партийной программы. VI съезд РСДРП(б) (конец июля — начало августа 1917 г.) не решил вопроса о программе партии. Подтвердив постановление Апрельской конференции о необходимости пересмотра программы, съезд поручил ЦК организовать широкую дискуссию по программным вопросам. Летом и осенью 1917 года внутри партии была развернута теоретическая дискуссия. ЦК РСДРП(б), несколько раз обсуждавший вопрос о программе партии, создал на заседании 5 (18) октября 1917 года специальную комиссию во главе с Лениным по переработке программы партии к очередному партийному съезду, который предполагалось созвать осенью же 1917 года. Наконец, постановлением ЦК от 24 января (6 февраля) 1918 года выработка проекта программы была поручена новой комиссии под руководством Ленина. Лениным был написан «Черновой набросок проекта программы», дополнявший «Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы» 1917 года. «Черновой набросок» был роздан делегатам VII съезда партии в качестве материала для дискуссии. Съездом, однако, программа детально не обсуждалась. По предложению Ленина съезд поручил выработку окончательного проекта программы особой комиссии в составе Ленина, Сталина и других. В качестве основных положений для пересмотра программы съезд принял предложенную Лениным резолюцию. В окончательном виде программа партии была принята только VIII съездом РКП(б) в марте 1919 года. — 102.

48 *Вопрос об изменении названия партии* был выдвинут Лениным еще в 1914 году, в начале первой мировой войны (см. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 75—76). Необходимость изменения названия партии Ленин обосновал в Апрельских тезисах, в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» и ряде других работ и выступлений 1917 года (см. Сочинения, 4 изд., том 24, стр. 1—7, 35—68, 120, 123 и том 25, стр. 426—428).

- Ни на Апрельской конференции РСДРП(б) 1917 года, ни на VI съезде партии (конец июля — начало августа 1917 г.) вопрос этот не был рассмотрен, и только на VII съезде партии по докладу Ленина было принято решение об изменении названия партии. — 102.
- 49 Ленин цитирует письмо Ф. Энгельса к А. Бебелю от 18—28 марта 1875 года о Готской программе (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 296). — 102.
- 50 Речь идет о сборниках: «Материалы по пересмотру партийной программы». Под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Петроград, изд. «Прибой», 1917 (см. Сочинения, 4 изд., том 24, стр. 417—442) и «Материалы по пересмотру партийной программы». Москва, изд. Областного бюро Московского промышленного района РСДРП, 1917. Критику оппортунистических взглядов, развитых в московском сборнике, Ленин дал в статье «К пересмотру партийной программы» (см. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 123—150). — 104.
- 51 «Просвещение» — ежемесячный большевистский теоретический журнал; издавался легально в Петербурге с декабря 1911 года. Журнал был создан по инициативе Ленина вместо закрытого царским правительством большевистского журнала «Мысль», выходившего в Москве. Ленин из-за границы руководил «Просвещением», редактировал статьи, поддерживал регулярную переписку с членами редакционной коллегии, находившимися в России (М. С. Ольминский, А. И. Елизарова, М. А. Савельев). В журнале были опубликованы работы В. И. Ленина: «Принципиальные вопросы избирательной кампании», «Три источника и три составных части марксизма», «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение» и другие. Во время пребывания в Петербурге в 1912 и 1913 годах в работе журнала принимал ближайшее участие И. В. Сталин. В «Просвещении» опубликована работа И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» под названием «Национальный вопрос и социал-демократия» (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 2, 1946, стр. 290—367).
Постоянным сотрудником журнала «Просвещение» был В. М. Молотов, художественно-литературный отдел редактировал А. М. Горький. Журнал был тесно связан с «Правдой». Тираж его доходил до 5 тысяч экземпляров. В июне 1914 года, накануне первой мировой войны, журнал был закрыт царским правительством. Осенью 1917 года издание его возобновилось, но вышел только один двойной номер 1—2 (сентябрь — октябрь). Из материалов о программе партии в нем была напечатана статья Ленина «К пересмотру партийной программы». — 104.
- 52 «Спартак» — еженедельный журнал Московского областного бюро, Московского комитета и (с № 2) Московского окружного комитета РСДРП; выходил в Москве с перебоном с 20 мая (2 июня) по 29 октября (11 ноября) 1917 года. — 104.

- 53 Ленин цитирует «Введение к брошюре Боркгейма «На память ура-патриотам 1806—1807 гг.», написанное Ф. Энгельсом 15 декабря 1887 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 304). — 104.
- 54 *Хемницкий съезд германской социал-демократии*, состоявшийся 15—21 сентября (н. ст.) 1912 года, принял резолюцию «Об империализме», в которой характеризовал политику империалистических государств как «беззастенчивую политику грабежей и захватов» и призывал партию «с усиленной энергией бороться против империализма».
- Базельский международный социалистический конгресс* (происходил 24—25 ноября (н. ст.) 1912 года) был созван как чрезвычайный в связи с нависшей над Европой угрозой войны. Конгресс принял манифест против войны, в котором подчеркивал империалистическую сущность грядущей войны и призывал социалистов всех стран к борьбе против нее.
- Во время первой мировой войны вожди II Интернационала предательски нарушили решения международных социалистических конгрессов, в частности, решения, принятые в Хемнице и Базеле, встав на позицию социал-шовинизма. Критику социал-шовинистской позиции лидеров II Интернационала см. в работах Ленина: «Крах II Интернационала», «Социализм и война» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 181—232, 267—307). — 108.
- 55 *Декрет о национализации банков* был утвержден ВЦИК 14 (27) декабря 1917 года и опубликован 15 (28) декабря 1917 года в «Известиях ЦИК» № 252. — 114.
- 56 Издание закона о земле на иностранных языках было предпринято в начале 1918 года. В феврале 1918 года закон был издан в Петрограде на английском языке — см. «Decree on the land» («Декрет о земле») в книге: «Decrees issued by the revolutionary peoples government», vol. 1, Petrograd, february 1918 («Декреты, изданные революционным народным правительством», том 1, Петроград, февраль 1918), стр. 2—6. — 114.
- 57 На предыдущем, VI, съезде партии Ленин, вынужденный скрываться в подполье, не присутствовал. Речь идет, повидимому, о разговоре с лидером шведской левой социал-демократической партии Хеглундом, приезжавшим в Советскую Россию на совещание по подготовке организации Коминтерна в феврале—марте 1918 года. — 118.
- 58 Ю. Ларин выступил на VII съезде партии с предложением вставить в название партии слово «рабочая». Поправка Ларина была отвергнута съездом. — 120.
- 59 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии», 1948, стр. 61—62. — 120.

- 60 «*Предыдущий оратор*» — Р. А. Пельше — выступил на съезде с предложением выкинуть из программы партии слова об использовании форм парламентской борьбы. Поправка Пельше была отвергнута съездом. — 121.
- 61 После выступлений В. И. Ленина поправка Бухарина была отвергнута съездом. — 122.
- 62 При выборах в ЦК на VII съезде партии «левые коммунисты» во главе с Бухариным заявили об отказе от вхождения в ЦК из-за несогласия с политикой партии. По настоянию Ленина съезд, рассчитывая на то, что «левые коммунисты» изживут свои ошибки, ввел их представителей в состав ЦК. «Левые коммунисты», тем не менее, демонстративно отказались от работы в ЦК и, несмотря на последовавшие неоднократные постановления и категорические предложения ЦК, к работе не приступили. Оценка раскольнической деятельности «левых коммунистов» после VII съезда партии дана Лениным в «Заметке о поведении «левых коммунистов»» (см. настоящий том, стр. 175). — 124.
- 63 Статья «*Главная задача наших дней*», а также работа Ленина «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (см. настоящий том, стр. 291—319) были соединены и в мае 1918 года переизданы отдельной брошюрой под названием «*Главная задача наших дней*» со следующим предисловием Ленина:
«В настоящей брошюрке соединены две газетные статьи: из «*Известий ЦИК*» от 12. III. 1918 и из «*Правды*» 9—11. V. 1918. Обе статьи с разных сторон подходят к одной теме, выраженной заглавием брошюры.
Москва, 17. V. 1918. *Астор*. — 133.
- 64 В качестве эпиграфа Ленин приводит слова из поэмы Н. А. Некрасова «*Кому на Руси жить хорошо*» (см. Н. А. Некрасов. Избранные сочинения, 1947, стр. 323). — 133.
- 65 IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов происходил в Москве 14—16 марта 1918 года. Съезд был созван для решения вопроса о ратификации Брестского мирного договора. Накануне открытия съезда, 13 марта, состоялось заседание фракции большевиков IV съезда, на котором Ленин выступил с докладом о Брестском договоре (см. Ленинский сборник XI, 2 изд., 1931, стр. 67—70). Предварительное голосование вопроса на фракции дало следующие результаты: за революцию Ленина о ратификации Брестского договора — 453 голоса, против — 36, воздержалось — 8.
На IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, по данным стенографического отчета съезда, присутствовало с решающим голосом 1 232 делегата, из них 795 большевиков, 283 «левых» эсера и др. Съезд обсудил вопросы: о ратификации мирного договора; о перенесении столицы; выборы. С докладом о ратификации мирного договора выступил Ленин; с докладом против ратификации от «левых» эсеров — Б. Камков.

Съезд поименным голосованием принял резолюцию Ленина о ратификации мирного договора. За ратификацию голосовало 784 делегата, против — 261, воздержалось — 115, в том числе и «левые коммунисты», огласившие на съезде особую декларацию с мотивировкой причины их воздержания от голосования.

Съезд принял написанное Лениным постановление о перенесении столицы в Москву и избрал новый Центральный Исполнительный Комитет в составе 200 человек. — 143.

- 66 Проект резолюции по поводу обращения Вильсона был зачитан на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов Я. М. Свердловым и принят съездом. Резолюция явилась ответом на обращение президента Соединенных Штатов Америки В. Вильсона, в котором он пытался помешать Советской России заключить мир с Германией. — 145.
- 67 Ленин имеет в виду выступление офицера Дубасова на заседании Петроградского Совета 22 сентября (5 октября) 1917 года при обсуждении доклада о Демократическом совещании. — 157.
- 68 Ленин имеет в виду воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», опубликованное в центральных газетах 15 марта 1917 года. Оценку этого половинчатого меньшевистско-эсеровского воззвания см. в речи Ленина о войне на I Всероссийском съезде Советов (Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 15—28). — 167.
- 69 Первым воззванием, которое имеется здесь в виду, было написанное Лениным «Воззвание к солдатам всех воюющих стран» от имени Центрального Комитета большевистской партии, Петербургского комитета и редакции газеты «Правда», напечатанное в «Правде» № 37, 4 мая (21 апреля) 1917 года.
«Воззвание» памечало политическую программу выхода из империалистической войны — революционную борьбу за власть пролетариата путем свержения буржуазных правительств во всех странах (см. Сочинения, 4 изд., том 24, стр. 157—159). — 167.
- 70 «Первоначальный набросок статьи «Очередные задачи Советской власти»» был продиктован Лениным стенографу 28 марта 1918 года (начало и конец наброска не найдены). Не удовлетворившись стенографическим наброском, Ленин вскоре заново написал «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент» (такое название в рукописи имеет работа Ленина «Очередные задачи Советской власти»; см. настоящий том, стр. 207—246). — 176.
- 71 Речь идет о борьбе с меньшевиками по вопросу о роли профессиональных союзов на I Всероссийском съезде профессиональных союзов, состоявшемся в Петрограде 7—14 (20—27) января 1918 года. — 188.
- 72 Первоначальный проект декрета о революционных трибуналах был внесен Наркоматом юстиции 30 марта 1918 года на утверждение Совета Народных Комиссаров. При обсуждении проекта

Совнаркомом было принято предложенное Лениным постановление (документ «Б») о его коренной переработке. Проект был переработан на основе указаний Ленина, утвержден на заседании СНК 4 мая 1918 года и опубликован 17 мая 1918 года. — 193.

- 73 «Коммунист» — журнал, организованный Лениным; издавался в Женеве редакцией газеты «Социал-Демократ» в 1915 году; вышел один (двойной) номер, в котором были опубликованы три статьи Ленина: «Крах II Интернационала», «Честный голос французского социалиста», «Империализм и социализм в Италии» (см. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 181—232, 316—323, 324—333).

Внутри редакции журнала Ленин вел борьбу против антипартийной группы Бухарина — Пятакова, разоблачал ее антибольшевистские взгляды, ее попытки использовать журнал в фракционных целях. Ввиду антипартийной позиции этой группы Ленин предложил порвать с ней отношения и прекратить совместное издание журнала. С октября 1916 года редакция газеты «Социал-Демократ» стала выпускать свой «Сборник Социал-Демократа». — 194.

- 74 *Либерданы* — ироническая кличка, укрепившаяся за меньшевистскими лидерами — Либером и Даном и их сторонниками после того, как в московской большевистской газете «Социал-Демократ» (№ 141, 25 августа (7 сентября) 1917 года) появился фельетон Д. Бедного под названием «Либердан». — 194.

- 75 «Тезисы банковской политики» были приняты на одном из совещаний Ленина с банковскими работниками в марте — апреле 1918 года. Тезисы составлены Лениным в виде протокола, с отметками о результатах голосования тех или иных пунктов и с записью особых мнений участников совещания. — 195.

- 76 14 (27) декабря 1917 года Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом был утвержден декрет о национализации банков. — 195.

- 77 *Митинг в Алексеевском манеже* в Москве 7 апреля 1918 года был посвящен протесту против расстрела меньшевистским правительством Грузии рабочего митинга, состоявшегося в Тифлисе 10 (23) февраля 1918 года, в день созыва Закавказского сейма (см. статью И. В. Сталина «Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма», Сочинения, том 4, 1947, стр. 51—65).

В центральных газетах речь Ленина на митинге не появлялась. В «Правде» № 67, 9 апреля (27 марта) 1918 года о митинге была дана краткая информация, в которой сообщалось: «С большой красочной речью выступил тов. Ленин. Оратора встретили бурными овациями». Речь Ленина была передана по радио и напечатана в «Известиях Саратовского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». — 197.

- 78 Речь идет об оккупации Дальнего Востока империалистической Японией. Еще 1 (14) января 1918 года правительство Японии официально объявило городским властям Владивостока об отправке в порт военных судов, якобы «для охраны проживающих в нем японских подданных». Тогда же в порт были введены японские военные суда. В апреле 1918 года Владивосток был оккупирован японскими войсками при содействии русских белогвардейцев. Оккупация Владивостока явилась началом вооруженной интервенции Японии и Америки на Дальнем Востоке. — 198.
- 79 С. Г. Шаумян в 1917—1918 годах был чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа и председателем Бакинского Совнаркома. Он подвергался яростным преследованиям со стороны закавказского контрреволюционного меньшевистского правительства. Попытка убить Шаумяна имела место в феврале 1918 года (см. статью И. В. Сталина «Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма», Сочинения, том 4, 1947, стр. 63). С. Г. Шаумян был арестован английскими интервентами с помощью эсеров и меньшевиков в августе 1918 года и расстрелян 20 сентября 1918 года в числе 26 бакинских комиссаров. — 198.
- 80 В рукописи печатаемого здесь документа слова В. И. Ленина: «В Иркутск (для Владивостока) надо телеграфировать по прямому проводу», заменены И. В. Сталиным следующими словами: «Срочно, вне очереди. Иркутск, Центросибирь, для Владивостокского Совдепа». Заголовок документа дан Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 199.
- 81 В апреле 1918 года во всех газетах появилось сообщение об убийстве генерала Корнилова его же собственными солдатами. Позднее было установлено, что Корнилов убит 13 апреля 1918 года во время боя с частями Красной Армии под Екатеринодаром. — 203.
- 82 Работа Ленина «Очередные задачи Советской власти» в рукописи называлась «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент». «Тезисы» Ленина обсуждались на заседании ЦК партии 26 апреля 1918 года. ЦК одобрил их и постановил опубликовать в виде статьи в «Правде» и «Известиях ВЦИК», а также издать отдельной брошюрой. На этом же заседании ЦК поручил Ленину выступить с докладом «Об очередных задачах Советской власти» на заседании ВЦИК, подготовив краткое изложение «Тезисов» в виде резолюции (см. настоящий том, стр. 282—285). — 207.
- 83 Постановлением Совета Народных Комиссаров от 18 ноября (1 декабря) 1917 года предельный месячный заработок народным комиссарам устанавливался в 500 рублей. Вскоре Совнаркомом по запросу Наркомтруда было принято постановление,

- допускавшее для высококвалифицированных специалистов науки и техники более высокую оплату. — 220.
- 84 Декрет о потребительских кооперативных организациях был принят Совнаркомом 10 апреля, утвержден на заседании ВЦИК 11 апреля 1918 года и опубликован за подписью Председателя Совнаркома Вл. И. Ульянова (Ленина) в газетах «Правда» № 71, 13 апреля (31 марта) 1918 года и «Известия ВЦИК» № 75, 16 апреля 1918 года. Лениным в проект декрета был внесен ряд поправок; пункты 11, 12 и 13 целиком написаны Лениным. — 226.
- 85 Имеется в виду «Положение о трудовой дисциплине, принятое Всероссийским советом профессиональных союзов» и опубликованное в журнале «Народное Хозяйство» № 2 за апрель 1918 года. — 229.
- 86 Имеется в виду декрет Совета Народных Комиссаров «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности». Декрет был утвержден Совнаркомом 23 марта 1918 года и опубликован 26 марта 1918 года за подписью Председателя Совнаркома В. Ульянова (Ленина). Проект декрета был выработан специальной комиссией на основе указаний Ленина. Ленин в представленный комиссией проект внес поправки и дополнения, а также окончательно отредактировал декрет. — 237.
- 87 «Вперед» — ежедневная меньшевистская газета, орган комитетов московской организации и Центральной области РСДРП (меньшевиков); со 2 апреля 1918 года — орган и меньшевистского ЦК; выходила в 1917—1918 годах; в конце апреля 1918 года закрыта за контрреволюционную деятельность. — 239.
- 88 «Наш Век» — одно из названий газеты «Речь» — центрального органа кадетской партии. — 239.
- 89 Ленин имеет в виду и цитирует работу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (см. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1948, стр. 267). — 243.
- 90 Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 года, на котором был заслушан доклад Ленина «Об очередных задачах Советской власти», происходило в здании Политехнического музея. На заседании присутствовали партийные и советские работники Москвы. После доклада и заключительного слова Ленина, положения, выдвинутые им в докладе, были утверждены ВЦИК; окончательное редактирование их было поручено Президиуму ВЦИК совместно с докладчиком. Ленин суммировал в шести тезисах основные положения, развитые им в статье «Очередные задачи Советской власти» и в «Докладе об очередных задачах Советской власти». Эти тезисы с небольшими дополнениями были единогласно приняты на заседании ЦК партии 3 мая 1918 года. «Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти» были

напечатаны в приложении к брошюре В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», вышедшей в 1918 году двумя изданиями, и в «Протоколах заседаний ВЦИК 4-го созыва» — в 1920 году. — 247.

- 91 *«Знамя Труда»* — ежедневная «лево»-эсеровская газета; начала выходить с 23 августа (5 сентября) 1917 года как орган Петроградского комитета партии эсеров; после первого Всероссийского съезда «левых» эсеров стала их центральным органом; закрыта 6 июля 1918 года во время антисоветского «лево»-эсеровского мятежа. — 254.
- 92 *«Тезисы о текущем моменте»* «левых коммунистов» обсуждались на совместном заседании членов ЦК партии и группы «левых коммунистов» 4 апреля 1918 года. Подробный разбор и критику «тезисов» Ленин дал в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (см. настоящий том, стр. 291—319). — 256.
- 93 Имеется в виду предварительное голосование по вопросу о ратификации мирного договора на VII съезде партии. — 256.
- 94 *Второй Всеукраинский съезд Советов* состоялся в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) 17—20 марта 1918 года. На съезде присутствовало 964 делегата, из них: 428 большевиков, 414 «левых» эсеров, 82 беспартийных, 40 прочих. Съезд провозгласил независимость Украинской Советской республики и призвал рабочих и крестьян Украины к решительному отпору немецким оккупантам. «Левые коммунисты» пытались использовать Всеукраинский съезд Советов для проведения своей провокационной линии, выступив на съезде с раскольническим предложением осудить заключение Брестского мира Российским Советским правительством. Съезд большинством 408 голосов против 308 принял большевистскую резолюцию о войне и мире и 420 голосами против 290 отверг предложение о непризнании Брестского мирного договора. — 256.
- 95 Ленин имеет в виду свою книгу «Государство и революция», рецензия на которую была напечатана в органе «левых коммунистов» — в журнале «Коммунист». Ленин иронически называет этот орган «Левым Коммунистом». — 270.
- 96 *«Левый Циммервальд»* — левая группа, организованная Лениным на первой социалистической конференции интернационалистов, состоявшейся в сентябре 1915 года в Циммервальде (Швейцария). Эту конференцию Ленин называл «первым шагом» в развитии интернационального движения против войны. Большевики во главе с Лениным занимали в Циммервальдской левой группе единственно правильную, до конца последовательную позицию против войны. В этой группе были и непоследовательные интернационалисты. Критику их ошибок см. в статьях Ленина: «О брошюре Юниуса», «Итоги дискуссии о самоопределении», «О лозунге «разоружения»» (Сочинения, 4 изд., том 22,

- стр. 291—305, 306—344 и том 23, стр. 83—93) и в письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 350—361). — 274.
- 97 Имеется в виду выступление анархиста А. Ю. Ге на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года по докладу Ленина «Об очередных задачах Советской власти». — 275.
- 98 Ленин имеет в виду речь К. Маркса на митинге в Амстердаме в 1872 году (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. II, 1940, стр. 669). — 278.
- 99 «*Набросок плана научно-технических работ*» написан Лениным в связи с обращением Академии Наук в конце марта 1918 года к Советскому правительству с предложением привлечь ученых к исследованию естественных богатств страны. Предложение Академии обсуждалось 12 апреля 1918 года на заседании Совета Народных Комиссаров; было принято постановление «пойти навстречу этому предложению» и «признать необходимость финансирования соответственных работ Академии». В постановлении подчеркивалась задача «систематического разрешения проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил». — 288.
- 100 2 мая 1918 года Московский революционный трибунал, рассматривая дело о привлечении за взяточничество четырех сотрудников Московской следственной коллегии, вынес взяточникам слабую меру наказания, приговорив их к 6 месяцам тюремного заключения. — 290.
- 101 «*Коммунист*» — еженедельный журнал, фракционный орган антипартийной группы «левых коммунистов»; издавался в Москве с 20 апреля по июнь 1918 года; вышло 4 номера. — 293.
- 102 Ленин имеет в виду место из работы К. Клаузевица «О войне» (см. Клаузевиц. «О войне», т. II, 3 изд., 1941, стр. 157). — 300.
- 103 См. работу Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 419). — 309.
- 104 Цитата из эпиграммы В. Л. Пушкина (см. Пушкин, В. Л. Сочинения, изд. А. Смирдина, СПб, 1855, стр. 150). — 316.
- 105 *Постановление по вопросу о международном положении* было принято на заседании ЦК партии 6 мая 1918 года ночью. Оно было вызвано обострением отношений с Германией, требовавшей передачи форта Ино (укрепление на границе с Финляндией, защищавшее вместе с Кронштадтом подступы к Петрограду) буржуазному правительству Финляндии, а также высадкой английского десанта в Мурманске и японского десанта на Дальнем Востоке в апреле 1918 года. — 320.

- 106 Настоящий документ был предложен Лениным и принят на заседании Совнаркома 8 мая 1918 года при обсуждении доклада Народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы о продовольственном положении и декрета о чрезвычайных полномочиях комиссару по продовольствию. Документ представляет собой инструкцию для созданной на заседании Совнаркома комиссии по переработке декрета.
- Составленный на основе ленинских положений (см. Ленинский сборник XVIII, 1931, стр. 82—88), декрет был утвержден 9 мая 1918 года Совнаркомом, затем ВЦИК и опубликован в «Известиях ВЦИК» № 94 от 14 мая, а также в «Собрании Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» № 35, 18 мая 1918 года под заглавием: «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». — 321.
- 107 *«Протест германскому правительству против оккупации Крыма»* был написан Лениным в связи со следующими обстоятельствами. Весной 1918 года германские империалисты оккупировали Украину, вторглись в Крым и подошли к Севастополю, где был сосредоточен Черноморский флот. Чтобы спасти флот от немецких захватчиков, Советское правительство 29 апреля перевело его в Новороссийск. В Севастополе осталась часть кораблей, не подчинившихся постановлению о переводе. Через 10 дней после прихода флота в Новороссийск немецкое командование ультимативно потребовало перевода флота в Севастополь, угрожая в противном случае продолжать наступление по Черноморскому побережью. Одновременно немцы заявляли, что уход Черноморского флота из Севастополя якобы нарушает Брестский договор. В ответ на заявление немецкого командования Лениным и был написан печатаемый здесь «Протест».
- Заголовок документа дан Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 322.
- 108 Речь идет о радиотелеграмме германского правительства от 30 марта 1918 года, в которой определялись границы оккупируемой Германией Украины. Германское правительство заявляло, что в состав Украины входят 9 губерний, в том числе и Таврическая, но без Крыма. Оккупация Германией Крыма противоречила, таким образом, официальному заявлению германского правительства. — 322.
- 109 Проект *«Тезисов о современном политическом положении»* был написан Лениным 10 мая 1918 года и тогда же обсуждался на заседании ЦК РКП(б). В окончательной редакции «Тезисы» были утверждены ЦК 13 мая 1918 года. На основе этих «Тезисов» Ленин в тот же день, по поручению ЦК, выступил с докладом на Московской общегородской партийной конференции. Конференция большинством голосов приняла «Тезисы» Ленина в качестве революции.

- Наиболее полно «Тезисы о современном политическом положении» были развиты Лениным 14 мая в докладе о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета (см. настоящий том, стр. 329—345). 14 мая ленинские «Тезисы о современном политическом положении» были приняты Московской окружной конференцией и 15 мая Московской областной конференцией РКП(б) по докладу Ленина о текущем моменте (см. настоящий том, стр. 346). — 324.
- 410 К докладу о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета Лениным был составлен план (см. Ленинский сборник XI, 2 изд., 1931, стр. 92). На заседании доклад Ленина вызвал резкие нападки со стороны меньшевиков и эсеров. С заключительным словом, вместо Ленина, который не мог остаться до конца заседания, выступил Я. М. Свердлов, отвечавший на выпады меньшевиков и эсеров. Совецание подавляющим большинством голосов приняло большевистскую резолюцию, одобрявшую политику Советской власти. Резолюция подчеркивала необходимость организации мощной советской армии и усиления диктатуры над буржуазией. — 329.
- 411 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года) Советское правительство признало Финляндию независимым государством. В середине февраля 1918 года революционное правительство социалистической Финляндской республики предложило Советскому правительству заключить договор о дружбе. Для выработки проекта договора была создана Российско-финляндская согласительная комиссия. Представленный ею проект договора обсуждался на ряде заседаний Совнаркома. Много поправок к нему было сделано Лениным (см. Ленинский сборник XXI, 1933, стр. 241—243). Договор с революционной Финляндией был опубликован 10 марта 1918 года за подписью Ленина, Сталина и представителей Финляндской социалистической республики. — 343.
- 412 *Московская областная конференция РКП(б)* состоялась 14—17 мая 1918 года. На конференции доклад о текущем моменте сделал Ленин. «Левые коммунисты» выступили с критикой позиции ЦК партии во внешней политике. Большинство 42 против 9 голосов была принята резолюция, в основу которой были положены ленинские «Тезисы о современном политическом положении» (см. настоящий том, стр. 324—328). — 346.
- 413 *Первый Всероссийский съезд представителей финансовых отделов областных, губернских и уездных Советов* состоялся в Москве 17—21 мая 1918 года. На нем присутствовало до 230 делегатов. Съезд принял предложение Ленина о необходимости введения подоходного и поимущественного налога, которое 17 июня 1918 года нашло выражение в декрете Совнаркома «Об изменении и дополнении декрета от 24 ноября 1917 года о взимании прямых налогов». — 347.

- 114 *Конференция представителей национализированных предприятий* состоялась 12—18 мая 1918 года в Москве. На ней присутствовали представители металлических заводов. Конференция была созвана для обсуждения вопросов, связанных с национализацией крупнейших заводов (Сормовского, Коломенского, Брянского, Златоустовского, Белорецкого и других). Конференция приняла резолюцию о национализации металлических заводов и выработала инструкцию по управлению национализированными предприятиями. По указанию Ленина конференция избрала временный совет (при ВСНХ) из представителей от каждого предприятия для подготовки объединения государственных металлических заводов (ГОМЗА). — 352.
- 115 *«Брянские правила»* — временные правила внутреннего распорядка на Брянском металлическом заводе в Бежице (ныне «Красный Профинтерн»); были изданы 9 мая 1918 года за подписью фабрично-заводского комитета и директора завода. Правила устанавливали на заводе новую трудовую дисциплину. В сентябре 1918 года они были заменены более подробно разработанными правилами. — 352.
- 116 *«Набросок телеграммы к питерским рабочим»* вошел в текст воззвания, посланного от имени Председателя Совнаркома и Народного комиссара по продовольствию Петроградскому комитету партии с предложением: «Опубликовать воззвание на всех заводах и фабриках и принять меры к немедленной записи в продовольственные отряды».
- Полный текст воззвания напечатан 22 мая 1918 года в «Петроградской Правде» № 103. — 354.
- 117 *II Всероссийский съезд комиссаров труда* состоялся в Москве в мае 1918 года. На съезде присутствовали представители: областных, губернских и уездных комиссариатов труда, бирж труда, больничных касс, областных объединений страховых касс, Центрального совета профессиональных союзов и других организаций — всего до 600 человек. Съезд обсудил доклады: Народного комиссариата труда, о поднятии производительности труда и трудовой дисциплины и о положении промышленности. Ленин выступил с речью по вопросу о поднятии производительности труда и трудовой дисциплины. Съезд принял резолюцию о трудовой дисциплине, в которой решил создать на местах бюро нормирования зарплаты и труда, а также принял законоположение об охране труда. — 363.
- 118 *Проект об учреждении Социалистической Академии общественных наук* написан Лениным, повидимому, на заседании Совнаркома 25 мая 1918 года, в связи с докладом М. Н. Покровского о Социалистической Академии, и принят Совнаркомом. Положение о Социалистической Академии общественных наук, разработанное на основе ленинских указаний, рассматривалось 7 июня 1918 года на заседании Совнаркома. Одобрив положение, СНК

выделил комиссию для детальной разработки устава Академии. Для этой комиссии Лениным были составлены директивы, также принятые Совнаркомом. — 368.

- 119 *«Тезисы по «текущему» моменту»* были утверждены ЦК РКП(б) 26 мая 1918 года. Руководствуясь тезисами, Совнарком принял 28 мая 1918 года постановление о продовольственной политике и поручил Народному комиссариату продовольствия написать воззвание к рабочим и крестьянам об организации вооруженных отрядов для борьбы за хлеб. Составленное на основе ленинских «Тезисов» воззвание было утверждено СНК 29 мая 1918 года и опубликовано 31 мая 1918 года. — 370.
- 120 *I Всероссийский съезд советов народного хозяйства* состоялся 26 мая — 4 июня 1918 года. На нем присутствовали 104 делегата с решающим и 148 с совещательным голосами; подавляющее число делегатов — большевики (70 процентов). Съезд был созван для решения важнейшего в тот момент вопроса о методах организации народного хозяйства в условиях развертывавшейся гражданской войны. На съезде против лекинского плана организации народного хозяйства, против централизации управления выступили представители «левых коммунистов», а также меньшевики и правые эсеры. Однако съезд большинством голосов принял большевистские решения. Съезд признал необходимым переход к дальнейшей всеобщей национализации, распространив ее не только на основные отрасли промышленности, но и на частные крупные торговые предприятия. Съезд принял положение об управлении национализированными предприятиями, постановление о товарообмене между городом и деревней, проект реорганизации ВСНХ и разработал меры борьбы за трудовую дисциплину и повышение производительности труда. — 372.
- 121 *«Обращение к железнодорожникам, водникам и металлистам»* написано Лениным в связи с решением Совнаркома 29 мая 1918 года, запрещающим самостоятельные заготовки хлеба различными организациями (см. Ленинский сборник XVIII, 1931, стр. 103). Решение это явилось ответом на требования организаций о предоставлении им права самостоятельных хлебных заготовок. В измененном виде, как «Постановление СНК по вопросу о самостоятельных заготовках», обращение было опубликовано в июне 1918 года. — 380.
- 122 *Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и профессиональных союзов* состоялось 4 июня 1918 года в помещении Большого театра. Заседание открыл Я. М. Свердлов. В повестке дня стоял один вопрос — о борьбе с голодом. Доклад сделал В. И. Ленин. С резкими выпадами против Советской власти и с критикой ее продовольственной политики на заседании выступили «левые» и правые эсеры и меньшевики. Несмотря

- на сопротивление врагов Советской власти, проект резолюции о борьбе с голодом, внесенный Лениным, был положен в основу резолюции, принятой заседанием. — 383.
- 123 Ленин цитирует «Введение к брошюре Боркгейма «На память ура-патриотам 1806—1807 гг.», написанное Ф. Энгельсом 15 декабря 1887 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 304). — 386.
- 124 «Жизнь» — газета буржуазно-анархистского направления; выходила в Москве с 23 апреля по 6 июля 1918 года; закрыта вместе с другими контрреволюционными газетами. — 392.
- 125 Имеются в виду декреты ВЦИК: «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», подписанный 13 мая 1918 года («Декрет о продовольственной диктатуре»), и «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов», принятый ВЦИК 27 мая 1918 года. Декреты намечали централизацию продовольственного дела как в области заготовок, так и в области распределения и контроля над действиями местных продовольственных комитетов. — 395.
- 126 Речь идет о контрреволюционном выступлении чехословацкого военного корпуса, организованном империалистами Англии и Франции, при активном участии меньшевиков и эсеров. Чехословацкий корпус, состоявший из военнопленных, взятых во время первой мировой войны, был сформирован в 1917 году Временным правительством для войны с Германией. После Великой Октябрьской социалистической революции его контрреволюционный офицерский состав был использован русской контрреволюцией и англо-французским империализмом для борьбы против Советской власти. Выступление началось в мае 1918 года в Челябинске. При помощи чехословацкого корпуса контрреволюции удалось захватить Урал, Поволжье, затем Сибирь. Под прикрытием чехословаков меньшевики и эсеры организовали в Самаре белогвардейско-эсеровское правительство, в Омске — сибирское белогвардейское правительство. В октябре 1918 года Поволжье было освобождено Красной Армией. Контрреволюционное выступление чехословацкого корпуса было окончательно ликвидировано к концу 1919 года вместе с разгромом Колчана. — 405.
- 127 Проект резолюции Ленина по докладу о борьбе с голодом был положен в основу резолюции, принятой Объединенным заседанием ВЦИК, Московского Совета и профессиональных союзов 4 июня 1918 года. — 408.
- 128 Всероссийский съезд учителей-интернационалистов состоялся в Москве 2—6 июня 1918 года. На съезде присутствовал

121 делегат с решающим голосом. Съезд объединил революционные группы учителей, сторонников Советской власти.

Ленин выступил с приветствием на четвертом заседании съезда. — 409.

- 129 Речь идет о телеграммах И. В. Сталина из Царицына от 9 и 10 июня 1918 года. Сталин, находившийся в Царицыне в качестве руководителя продовольственного дела на юге России, намечал в телеграммах, посланных Ленину, конкретный план заготовки хлеба и отправки его в Москву; для этого Сталин требовал прислать в распоряжение Чрезвычайного областного продовольственного комитета 75 миллионов рублей и равных товаров миллионов на 35. Сталин также сообщал Ленину, что поезда с продовольственным грузом стоят на станции без движения из-за разгильдяйства служащих.

Телеграммы И. В. Сталина опубликованы в 1942 году в сборнике «Документы о героической обороне Царицына в 1918 году», стр. 48—49. — 410.

- 130 Речь Ленина «О продовольственных отрядах» на собраниях рабочих Москвы была опубликована в ежедневной газете «Беднота», издававшейся ЦК ВКП(б) в 1918—1931 годах. — 411.

- 131 В. Володарский был убит правыми эсерами 20 июня 1918 года, в дни выборов в Петроградский Совет. — 414.

- 132 «Телеграмма об организации продовольственных отрядов» была послана 27 июня 1918 года в Пензу, II Общегубернскому съезду Советов. — 417.

- 133 IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов г. Москвы состоялась 27 июня—2 июля 1918 года. Основными вопросами конференции были: продовольственный, в связи с текущим моментом; о всеобщем военном обучении и мобилизации; о трудовой дисциплине и другие. Несмотря на сильное противодействие меньшевиков и эсеров, конференция по всем вопросам приняла резолюции, предложенные коммунистической фракцией. По докладу Ленина о текущем моменте конференция приняла за основу его проект резолюции (см. настоящий том, стр. 452). — 419.

- 134 Речь идет о стачках в Австрии, вспыхнувших в январе 1918 года в связи с брестскими переговорами. Стачки проходили под лозунгами немедленного заключения всеобщего мира на условиях, предложенных Советской Россией, всеобщего избирательного права, справедливого распределения продуктов и т. д. В ходе стачечной борьбы в Вене, Будапеште и некоторых других городах были созданы, под влиянием Октябрьской революции в России, Советы рабочих и Советы солдатских депутатов. Движение было подавлено, Советы разогнаны при прямом предательстве и помощи австрийских социал-демократов. — 423.

- 135 *«Вперед»* (*«Vorwärts»*) — ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; выходила с 1876 года под редакцией В. Либнехта. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в *«Vorwärts»* систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) *«Vorwärts»* стоял на позициях социал-шовинизма. После Великой Октябрьской социалистической революции газета *«Vorwärts»* стала одним из центров антисоветской пропаганды; выходила в Берлине до 1933 года.
- С апреля 1946 года *«Vorwärts»* вновь выходит в Берлине; издается берлинской организацией Социалистической единой партии Германии.
- Ленин имеет в виду статью «Разоблаченные тайные договоры», напечатанную в *«Vorwärts»* № 326, 28 ноября 1917 года. — 440.
- 136 *«Предыдущий оратор»* — В. А. Тихомиров, в 1918 году — председатель Богородского союза кооперативов; представитель на IV конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы от Совета рабочих депутатов Богородска. — 443.
- 137 Ленин имеет в виду статью «Французские миллионы», опубликованную 28 июня 1918 года в органе чехословацкой коммунистической группы, выходившем в Москве, «*Prukopnik Svobody*» («Знамя Свободы»), и перепечатанную в тот же день в «*Правде*» № 130 и частично в «*Известиях ВЦИК*» № 132. — 443.
- 138 *Черноморский флот*, переведенный из Севастополя в Новороссийск в связи с оккупацией немецкими захватчиками Крыма, был потоплен в Новороссийске 18 июня 1918 года по распоряжению Ленина. Не имея возможности спасти флот от германских империалистов и не желая сдать его немецкому командованию, ультимативно потребовавшему перевода флота в Севастополь, Советское правительство приказало потопить его. — 446.
- 139 Речь идет о выборах в Петроградский Совет в июне 1918 года. Меншевики и эсеры во время выборов развернули бешеную борьбу против большевиков, пытаясь демагогически использовать в борьбе с ними тяжелое продовольственное положение петроградских рабочих. Несмотря на антисоветскую агитацию и контрреволюционные действия меньшевиков и эсеров, выборы дали большинство голосов коммунистам. На первом заседании Совета 27 июня 1918 года присутствовало: 405 большевиков, 75 «левых» эсеров, 59 меньшевиков и правых эсеров и 43 беспартийных. — 450.
- 140 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 303—304. — 456.

141 *У Всероссийский съезд Советов* открылся 4 июля 1918 года. На съезде присутствовало 1164 делегата, из них 773 большевика, 353 «левых» эсера, 17 максималистов, 4 анархиста, 4 социал-демократа-интернационалиста, 1 правый эсер и другие. В порядке дня съезда стояли вопросы: отчеты ВЦИК и Совета Народных Комиссаров; продовольственный вопрос; организация социалистической Красной Армии; Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики; выборы ВЦИК.

Доклад о деятельности Совнаркома сделал В. И. Ленин; доклад о деятельности ВЦИК — Я. М. Свердлов. «Левые» эсеры заняли на съезде резко враждебную позицию ко всем предложениям большевиков. По докладам о деятельности ВЦИК и Совнаркома съезд принял резолюцию, в которой одобрил внешнюю и внутреннюю политику Советской власти, особенно мероприятия правительства в области продовольствия и организации деревенской бедноты.

6 июля работа съезда была прервана из-за начавшегося контрреволюционного мятежа «левых» эсеров. Возобновив работу 9 июля, съезд обсудил доклады о продовольственном вопросе и о создании Красной Армии. Съезд утвердил проект Советской конституции и передал его в Президиум вновь избранного ВЦИК для окончательной разработки и опубликования. 10 июля 1918 года съезд закончил свою работу. — 465.

142 *«Предыдущий оратор»* — представитель «левых» эсеров на съезде, М. Спиридонова; выступала с содокладом о деятельности крестьянской секции ВЦИК, направленным против большевиков. — 467.

143 *«Голос Трудового Крестьянства»* — ежедневная газета; выходила в Петрограде с конца ноября 1917 года как орган Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов 2-го созыва (до 9 (22) декабря называлась «Известия Всероссийского Крестьянского Съезда»); с 20 января (2 февраля) 1918 года — орган крестьянской секции ВЦИК. До 10 июля 1918 года руководство газетой находилось в руках «левых» эсеров.

С 6 ноября 1918 года «Голос Трудового Крестьянства» был превращен в орган Наркомзема; выходил до 31 мая 1919 года. — 471.

144 *Проект Советской конституции (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики* был составлен специальной комиссией во главе с И. В. Сталиным и Я. М. Свердловым, созданной ВЦИК 1 апреля 1918 года. В основу работы комиссии были положены ленинская «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и резолюция «О федеральных учреждениях Российской Республики» (проект написал И. В. Сталиным), принятая III Всероссийским съездом Советов по докладу И. В. Сталина. Составленный И. В. Сталиным проект «Общих положений Конституции Рос-

сийской Социалистической Федеративной Советской Республики» (см. Сочинения, том 4, 1947, стр. 79—80) обсуждался и был принят на заседании комиссии ВЦИК 19 апреля 1918 года. 3 июля 1918 года проект комиссии ВЦИК был рассмотрен комиссией ЦК партии под председательством Ленина. Утвержденный комиссией ЦК проект Конституции был предложен V Всероссийскому съезду Советов и единогласно принят съездом. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики была опубликована 19 июля 1918 года, как Основной закон, вступивший в силу с момента его опубликования. — 474.

- 145 *Комитеты бедноты* (комбеды) были учреждены декретом ВЦИК от 11 июня 1918 года («Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями»). По декрету в круг деятельности комитетов бедноты входило: распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий; оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев. Декрет устанавливал различные льготы для бедноты при распределении хлеба и сельскохозяйственных орудий.

Комитеты бедноты были опорными пунктами диктатуры пролетариата в деревне. Они сыграли огромную роль в борьбе с кулачеством, в перераспределении конфискованных земель, в снабжении продовольствием рабочих центров и Красной Армии. Организация комитетов бедноты являлась дальнейшим этапом в развертывании социалистической революции в деревне. Комитеты бедноты способствовали упрочению Советской власти в деревне и имели огромное политическое значение для завоевания крестьянина-середняка на сторону Советской власти.

По решению VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов (ноябрь 1918 года) комитеты бедноты, выполнившие свои задачи, слились с Советами в деревне. — 480.

- 146 *Комитет по восстановлению интернациональных связей* образован в январе 1916 года в Париже французскими представителями Циммервальдской международной социалистической конференции (сентябрь 1915 года). Комитет вел пропаганду против империалистической войны, издал ряд брошюр и листовок, равноблачивших захватнические цели империалистов и предательство социал-шовинистами интересов рабочего класса. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России и усиления французского рабочего движения Комитет стал центром революционно-интернационалистических элементов. В 1920 году он вошел в образовавшуюся Коммунистическую партию Франции.

Воззвание, о котором говорит Ленин, было напечатано в «Правде» № 131, 29 (16) июня 1918 года. — 486.

- 147 Декрет Совета Народных Комиссаров о национализации крупнейших предприятий горной, металлургической и металло-

обрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и других отраслей промышленности, принятый 28 июня 1918 года, был опубликован 30 июня 1918 года. — 490.

- 148 *Московская губернская конференция заводских комитетов* состоялась 23—24 июля 1918 года. На ней присутствовало 500 делегатов, представлявших более 700 тысяч организованных рабочих. После выступления Ленина по вопросу о текущем моменте конференция вынесла резолюцию, принятую ранее по докладу Ленина IV конференцией фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов г. Москвы (27 июня — 2 июля 1918 года). — 504.
- 149 «*Дредноут Рабочих*» («Workers' Dreadnought») — орган Рабочей социалистической федерации Англии; выходил в Лондоне с марта 1914 года по июнь 1924 года. — 505.
- 150 О какой телеграмме из Ташкента идет речь — установить не удалось. — 508.
- 151 *Белогвардейское восстание в Ярославле* началось 6 июля 1918 года. Оно было организовано контрреволюционным «Союзом защиты родины и свободы», руководителем которого являлся правый эсер Б. Савинков. Ярославский мятеж, как и другие контрреволюционные мятежи в Советской России в то время, был подготовлен англо-французскими империалистами при активном содействии меньшевиков и эсеров. Организация мятежей входила в общий план англо-французской интервенции в России. Глава английской миссии в Москве Локнат и французский посол Нуланс были главными вдохновителями и организаторами контрреволюционных мятежей в Советской России в 1918 году, финансировали и снабжали оружием мятежников. Во главе ярославских белогвардейцев вместе с Савинковым стоял бывший полковник царской армии А. Перхуров, получавший денежные средства на организацию восстания непосредственно от Нуланса.
- Ярославский мятеж был подавлен 21 июля 1918 года отрядами Красной Армии. — 508.
- 152 Речь идет об антипартийном, дезорганизаторском поведении зиновьевской группировки, противодействовавшей ленинской политике и насаждавшей в петроградских организациях антигосударственные тенденции. — 513.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Февраль — июль 1918 года)

1918

Февраль, 21.

Статья Ленина «О революционной фразе» публикуется в № 31 газеты «Правда».

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос об использовании военно-технической помощи Англии, Франции и других стран для противодействия немецкому наступлению.

Ленин пишет проект декрета Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!».

Февраль, 22.

Ленин пишет статью «О чесотке», которая в тот же день публикуется в № 33 газеты «Правда» (вечерний выпуск).

Ленин сообщает по прямому проводу в Москву комиссару почт и телеграфа о наступлении немцев.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о назначении чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда и др.

Февраль, 23.

Ленин участвует в заседании ЦК партии, голосует вместе с И. В. Сталиным за немедленное принятие мирных предложений германского правительства и за подготовку революционной войны.

Статья Ленина «Мир или война?» публикуется в № 34 газеты «Правда» (вечерний выпуск).

Ленин выступает на объединенном заседании фракций большевиков и «левых» эсеров ВЦИК с речью о необходимости принятия немецких условий мира.

Ленин посылает телеграмму командованию Донского фронта с директивой немедленно взять Ростов.

- Февраль, в ночь с 23 на 24.* Ленин выступает на заседании ВЦИК с докладом о немецких условиях мира.
- Февраль, 24.* В № 34 газеты «Правда» публикуются работы Ленина «Несчастный мир» и «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Ленин участвует в заседании ЦК РСДРП(б); выступает с предложением о составе мирной делегации, посылаемой в Брест. ЦК принимает предложение Ленина. Ленин пишет «Заметку о необходимости подписать мир» с Германией. Ленин вместе с Я. М. Свердловым пишет проект обращения Оргбюро ЦК РСДРП(б) к членам партии: «Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире».
- Февраль, в ночь с 24 на 25.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о положении Советской республики в связи с ваянием немцами Пскова.
- Февраль, 25.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о договоре РСФСР с Финляндской социалистической республикой — пишет проект постановления и вносит поправки к проекту договора. Статья Ленина «Тяжелый, но необходимый урою» публикуется в № 35 газеты «Правда» (вечерний выпуск).
- Февраль, 26.* Ленин пишет проект постановления Совнаркома об эвакуации правительства из Петрограда в Москву.
- Февраль, 27.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о торговом договоре между Российской и Финляндской республиками — пишет проект постановления. Ленин пишет директиву Совнаркома Российско-финляндской согласительной комиссии: добиваться полных политических прав граждан обеих республик — для финнов в РСФСР, для советских граждан в Финляндии.
- Февраль, 28.* Ленин руководит заседанием Совнаркома; Совнарком уполномочивает В. И. Ленина и И. В. Сталина подписать договор между Российской и Финляндской республиками. Начало статьи Ленина «Странное и чудовищное» публикуется в № 37 газеты «Правда».

- Март, 1.* Конец статьи Ленина «Странное и чудовищное» и статья «На деловую почву» публикуются в № 38 газеты «Правда».
- Март, 2.* Ленин пишет проект приказа всем Совдепам с предложением подготовиться к обороне в связи с возможным разрывом мирных переговоров немцами.
- Март, 4.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об организации управления водным транспортом — пишет проект постановления; о госконтроле; об эвакуации правительственных учреждений.
- Март, 5.* Ленин пишет статью «Серьезный урок и серьезная ответственность».
- Март, 6—8.* Седьмой съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Ленин избирается в состав президиума съезда; руководит работой съезда.
- Март, 7.* Ленин выступает на втором заседании съезда с политическим отчетом ЦК (доклад о войне и мире).
- Март, 8.* Ленин выступает на четвертом заседании съезда с заключительным словом по докладу о войне и мире. Съезд утверждает отчет ЦК; внесенная Лениным резолюция о войне и мире принимается съездом.
- Ленин выступает на пятом заседании съезда с докладом по вопросу о пересмотре программы и изменении названия партии. Съезд принимает резолюцию Ленина о переименовании партии в Российскую коммунистическую партию (большевиков); избирает В. И. Ленина и И. В. Сталина в комиссию по пересмотру программы партии.
- Ленин и Сталин избираются на пятом заседании съезда в члены ЦК РКП(б).
- Март, не ранее 8.* Ленин составляет «Свод ответов на вопрос: «мир или война» по телеграммам, полученным Совнаркомом и ЦИК в ответ на запрос, разосланный на места всем Совдепам 25 февраля 1918 г.
- Март, 9.* Написанный Лениным «Черновой набросок проекта программы» партии публикуется в № 5 газеты «Коммунист».

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об эвакуации петроградской промышленности; о национализации нефтяных промыслов.

- Март, 10—11.* Ленин вместе с И. В. Сталиным и другими членами правительства переезжает из Петрограда в Москву.
- Март, 11.* Ленин пишет статью «Главная задача наших дней».
- Март, 12.* Ленин выступает с речами по текущему моменту на заседании Московского Совета и на митинге в Алексеевском манеже.
- Март, 13.* Ленин выступает на заседании большевистской фракции IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов с речью о необходимости ратификации мира с Германией.
- Март, 14.* Ленин выступает с речью на конференции (состоялась в Москве) социал-демократов-интернационалистов Германии, Австрии, Венгрии, Польши, Чехии и других стран.
- Март, 14—16.* IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Ленин избирается в состав президиума; принимает руководящее участие в работах съезда.
- Март, 14.* Написанный Лениным проект резолюции по поводу обращения к съезду президента США Вильсона принимается IV Чрезвычайным съездом Советов.
Ленин выступает с докладом о ратификации мирного договора на IV Чрезвычайном съезде Советов.
- Март, 15.* Ленин выступает с заключительным словом по докладу о ратификации мирного договора на IV Чрезвычайном съезде Советов; написанная Лениным резолюция по этому вопросу принимается съездом.
- Март, 18.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о замене «левых» эсеров и «левых коммунистов», вышедших из состава правительства; о закрытии московской буржуазной печати; вносит предложения о централизации управления железными дорогами.

- Март, 19.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос об организации Высшего военного совета и др.
- Март, 23.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования — пишет замечания к проекту постановления; о централизации управления железными дорогами — выступает в защиту декрета. Совнарком создает комиссию под председательством Ленина для решения вопроса о постройке узкоколейных дорог для обеспечения Москвы хлебом.
- Март, 24.* Ленин руководит заседанием комиссии, созданной Совнаркомом 23 марта, на котором обсуждаются вопросы: о хлопковой программе; об оросительных работах в Туркестане и др.
- Март, 25.* Ленин участвует в заседании президиума Высшего совета народного хозяйства, на котором обсуждается вопрос о кооперации.
- Март, 26.* Ленин выступает на заседании большевистской фракции Московского Совета с докладом: организационный вопрос в связи с текущим моментом.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об установлении контроля над расходом сумм всеми отделами ВСНХ — пишет проект постановления; о положении водного транспорта — пишет проект постановления; о товарообмене с деревней.
- Март, 27.* Ленин участвует в заседании президиума ВСНХ; выступает в прениях по вопросу о трудовой повинности и трудовой дисциплине.
- Март, 28.* Ленин диктует стенографу первоначальный набросок статьи «Очередные задачи Советской власти».
- Март, 29.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о проекте временного положения об управлении Балтийским флотом и др.
- Март, 30.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о революционных трибуналах; вносит поправки в проект декрета и пишет проект постановления Совнаркома.

- Март.* Ленин и И. В. Сталин разговаривают по прямому проводу с председателем Мурманского Совета, предательски заключившим по указанию Троцкого соглашение с представителями Антанты в Мурманске.
- Ленин пишет предисловие к сборнику «Против течения».
- Март—апрель.* Ленин пишет «Тезисы банковской политики».
- Апрель, 1.* Ленин подписывает решение Совнаркома о создании Высшего военного совета для руководства обороной государства и организацией вооруженных сил.
- Ленин участвует в заседании президиума ВСНХ при рассмотрении вопроса о трудовой дисциплине.
- Апрель, 2.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается внесенный Сталиным вопрос об открытии мирных переговоров с Украинской радой ввиду наступления немцев на Харьков.
- Апрель, 3.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о декларации Украинской Советской республики; о радиотелеграфе; об обеспечении военного флота на случай наступления немцев.
- Апрель, 5.* Ленин, в связи с высадкой Японией десанта во Владивостоке, телеграфирует ЦИК Советов Сибири о подготовке к обороне.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о порядке командирования ведомствами комиссаров в провинцию — вносит поправки и дополнения в проект постановления.
- Апрель, 6.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о назначении комиссии по делам военнопленных — пишет проект постановления; о централизации управления почт и телеграфа.
- Апрель, 7.* Ленин выступает на митинге в Алексеевском манеже.
- Ленин вместе с И. В. Сталиным посылает телеграмму Владивостокскому Совету, в которой предупреждает о неизбежном наступлении японских империалистов и о необходимости срочной и серьезной подготовки к обороне.

- Апрель, 8.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об организации армии; о государственном флаге РСФСР.
- Апрель, 9 и 10.* Ленин на заседании Совнаркома выступает по вопросу о кооперации, вносит поправки в проект декрета о потребительских кооперативных организациях.
- Апрель, 11.* Ленин участвует на объединенном заседании ВСНХ с представителями Центрального совета профсоюзов, Центрального совета союза металлистов, на котором обсуждается вопрос о национализации металлургической промышленности.
- Апрель, 12.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об отпуске средств на борьбу с безработицей; о государственном контроле; о предложении Академии Наук работать по учету естественных богатств России.
- Апрель, 13.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос об обороне Мурман и др.
- Апрель, 14.* В «Правде» № 72 публикуется подписанный Лениным и Сталиным декрет Совнаркома о снятии с площадей и улиц памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и организации широкого конкурса на проекты памятников Великой Октябрьской социалистической революции.
- Апрель, 15.* Ленин пишет письмо в Народный комиссариат юстиции с приглашением всех членов коллегии Комиссариата для беседы по вопросам издания Собрания узаконений и распоряжений и организации суда, более скорого и более беспощадного к буржуазии и казнокрадам.
- Апрель, 16.* Ленин на заседании Совнаркома редактирует, дополняет и подписывает декрет СНК об организации управления почтово-телеграфным делом Советской республики.
- Апрель, 16 или 17.* Ленин принимает делегацию съезда представителей сахарной промышленности в России; беседует с ней о мерах восстановления сахарных заводов.
- Апрель, 17.* Ленин на заседании Совнаркома подписывает приказ Советам Курской, Орловской и других губерний о разоружении украинских и германских войск, переходящих на советскую территорию;

пишет проект постановления о субсидиях крестьянам на посев свекловицы.

Апрель, 18.

Ленин выступает с речью по финансовому вопросу на заседании ВЦИК.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о регистрации акций, облигаций и прочих процентных бумаг — вносит поправки и дополнения в проект декрета; о запрещении учреждения акционерных обществ.

Апрель, 19.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об учреждении Всероссийской эвакуационной комиссии — вносит поправки в проект постановления; об ассигновании средств на добычу угля и др.

Апрель, 20.

Ленин запрашивает по телеграфу председателя Симбирского Совета об обстоятельствах и условиях избрания председателей чувашских женской и мужской учительских семинарий; сообщает, что его интересует судьба инспектора И. Я. Яковлева, 50 лет работавшего над национальным развитием чувашского народа.

Ленин на заседании Совнаркома вносит поправки к проекту декрета об организации Главного торфяного комитета. Проект утверждается с поправками Ленина.

Апрель, 22.

Ленин вместе с И. В. Сталиным подписывает декрет Совнаркома о национализации внешней торговли.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос об электрификации промышленности Москвы и Петрограда путем строительства гидроэлектростанций на Волхове и Има-тре — делает заметки.

Ленин пишет и вместе с И. В. Сталиным подписывает приветственную телеграмму съезду Советов Туркестанского края.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается внесенный И. В. Сталиным вопрос об обороне восточной границы Харьковской губернии от наступления немцев и гайдамаков.

*Апрель, 22
или 23.*

Ленин выступает на Московской городской конференции работниц с речью о положении Советской республики.

- Апрель, 23.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами — пишет дополнение к проекту декрета.
- Ленин выступает в Московском Совете с речью о текущем моменте.
- Апрель, 24.* Ленин принимает делегацию рабочих Царицынского оружейного завода, требовавших взять завод в государственное управление; во время беседы с рабочими делает заметки о нуждах завода.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о военнопленных; об отмене наследования; о поправках к декрету о снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами.
- Апрель, 26.* Ленин участвует в заседании ЦК партии, вносит тезисы об очередных задачах Советской власти. ЦК одобряет тезисы и поручает Ленину сделать доклад по этому вопросу в ВЦИК.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об организации помощи безработным; об организации Центрального управления архивами и библиотеками; о помощи увечным воинам.
- Апрель, 27.* Ленин участвует в заседании делегации, возглавляемой И. В. Сталиным, выделенной для переговоров с Украинской народной республикой о мирном договоре.
- Ленин подписывает полномочие И. В. Сталину на ведение переговоров с Украинской народной республикой о мирном договоре.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о постройке электростанций на реках Спирь и Волхов; о железнодорожном строительстве.
- Апрель, 28.* Статья Ленина «Очередные задачи Советской власти» публикуется в газетах «Правда» № 83 и «Известия ВЦИК» № 85.
- Апрель, 29.* Ленин выступает на заседании ВЦИК с докладом и заключительным словом по вопросу об очередных задачах Советской власти.
- Апрель, 30.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о положении правительственных учреждений в оккупированных

Германией областях; о проекте декрета о дарениях; об организации и воссоздании флота.

Апрель.

Ленин пишет «Основные положения хозяйственной и в особенности банковской политики».

Ленин участвует в обсуждении тезисов банковской политики на совещании с руководителями Наркомфина и Госбанка.

Ленин пишет «Набросок плана научно-технических работ».

Май, 1.

Ленин выступает с речами на первом майском митинге на Красной площади перед демонстрантами и на митинге латышских стрелков и работников Кремля; присутствует на военном параде на Ходынском поле.

При следовании автомобиля Ленина по Москве рабочие из колонны демонстрантов Сущевско-Марьинского района задерживают автомобиль, поднимают Ленина на руки, и он произносит короткую речь о значении международного праздника 1 мая.

Май, 2.

Ленин подписывает письмо председателю мирной делегации И. В. Сталину в Курск с директивой нашим войскам не переходить на территорию Ураины, разоружать переходящие на нашу территорию отряды гайдамаков.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о национализации сахарной промышленности — вносит поправки в проект декрета.

Май, 3.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об ассигновании средств для работ на реке Свирь; о торфяных разработках Северного района и др.

Написанный Лениным проект резолюции ВЦИК — «Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти» — утверждается ЦК партии.

Май, 4.

Ленин пишет письмо в ЦК РКП(б), требуя поставить вопрос об исключении из партии тех судей, которые ограничились чересчур мягким приговором по делу о вяточничестве.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о приговоре Революционного трибунала по делу о вяточничестве; об учреждении военных округов и др.

- Май, 5.* Ленин пишет статью «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуавности».
- Ленин подписывает составленную И. В. Сталиным телеграмму в Воронеж, копии в Ростов — Г. К. Орджоникидзе — и в Брянск, о заключении перемирия на германо-украинском фронте.
- Май, 6.* Ленин участвует в заседании ЦК партии при обсуждении вопроса о международном положении Советской России; пишет проект постановления о международном положении.
- Ленин пишет проект радиogramмы мирной делегации в Курск о перевороте, произведенном на Украине Скоропадским при помощи немецких войск, и о взятии немцами Ростова-на-Дону. Радиogramма отправляется с поправками и за подписью И. В. Сталина.
- Май, 8.* Ленин подписывает вместе с И. В. Сталиным телеграмму мирной делегации в Курск с предписанием вести переговоры с украинским гетманским правительством о прекращении военных действий.
- Ленин дает указания Наркому иностранных дел Г. В. Чичерину послать в Киев делегацию для переговоров с украинским гетманским правительством о прекращении военных действий.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о продовольственном положении — пишет основные положения декрета о продовольственной диктатуре; о взыскании — вносит поправки в проект декрета; о введении на Кубани военного положения в связи с наступлением гайдамаков и немцев.
- Май, не позднее 8.* Ленин дает директивы Народному комиссариату юстиции внести в Совнарком законопроект о наказаниях за взятки.
- Май, 9.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о продовольственной диктатуре; о комитете государственных сооружений — вносит поправки в оба проекта декретов; о мобилизации рабочих для помощи деревенской бедноте в борьбе против кулаков — пишет проект постановления.
- Ленин подписывает циркулярную телеграмму всем Губсоветам и Губпродсоюзам о катастрофическом продовольственном положении Петрограда и о немедленной помощи ему.

Ленин участвует в заседании ВЦИК, на котором обсуждается и утверждается внесенный Совнаркомом декрет о продвольтвенной диктатуре.

Май, 10.

Ленин в беседе с рабочим Путиловского завода дает указания об отборе надежной рабочей армии в 20 000 человек для борьбы с деревенской буржуазией и взяточниками.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о работе коллегии по делам военнопленных; о мерах к упорядочению и развитию сибирского хозяйства и др.

Ленин утверждает и подписывает постановление Совнаркома об отпуске единовременного пособия в 100 000 рублей на приобретение семян и сельскохозяйственных орудий для беднейших крестьян-погорельцев села Ризоватова, Нижегородской губернии.

Май, 11.

Ленин пишет протест германскому правительству против оккупации Крыма.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об организации народного хозяйства Сибири; о профессиональной переписи в Москве и др.

Ленин подписывает постановления Совнаркома о национализации Судженских каменноугольных копей (Сибирь), Спасского медноплавильного и Бийского кожевенного заводов и других предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности.

В «Правде» № 90 публикуется сообщение о выходе в свет книг В. И. Ленина: «Государство и революция», «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии».

Май, 13.

Ленин участвует в заседании ЦК партии, где утверждаются написанные Лениным «Тезисы о современном политическом положении».

Ленин на Московской общегородской партийной конференции выступает с докладом о современном политическом положении.

Май, 14.

Ленин пишет предисловие к своей брошюре «Карл Маркс».

Ленин делает доклад о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета.

Ленин на совещании фракции большевиков ВЦИК и Московского Совета выступает с докладом о внешней и внутренней политике.

- Май, 15.* Ленин выступает на Московской областной партийной конференции с докладом о текущем моменте.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о национализации русских банков с иностранными вкладчиками; о возможности заключения договоров с капиталистами тех стран, которые не признают Советскую власть и др.
- Май, 16.* Ленин отдает предписание Высшему военному совету о посылке парламентаров на Юго-Восточный (Донской) фронт для заключения перемирия и установления демаркационной линии на этом фронте.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос об управлении нефтяной промышленностью и др.
- Май, 17.* Ленин подписывает декрет Совнаркома об организации оросительных работ в Туркестане.
- Ленин пишет предисловие к своей брошюре «Главная задача наших дней».
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об инспекции труда; об экстренной ссуде Выксунскому горному округу; об учреждении Главного нефтяного комитета.
- Май, 18.* Ленин выступает на заседании Всероссийского съезда представителей финансовых отделов Советов с докладом о задачах финансовой политики.
- Ленин принимает представителей рабочей делегации, избранной на конференции крупнейших металлургических заводов; пишет конференции письмо о подготовке и проведении национализации и постановке дела на заводах.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о советской ревизии; о распределении угля и др.
- Май, 20.* Ленин участвует в заседании ВЦИК при обсуждении доклада Я. М. Свердлова о задачах Советов в деревне.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о конвенции с Австрией, Болгарией и Турцией об условиях содержания и обмена военнопленными; о заготовке топлива средствами железных дорог и др.

- Май, 21.* Ленин редактирует, вносит поправки и дополнения в проект воззвания, от имени Председателя Совнаркома, к петроградским рабочим о записи в продовольственные отряды.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о распределении угля и кокса; об организации института сельскохозяйственных наук; об автохозяйстве.
- Май, 22.* Ленин пишет письмо к петроградским рабочим «О голоде».
- Ленин выступает на II Всероссийском съезде комиссаров труда с речью о трудовой дисциплине и повышении производительности труда.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о чрезвычайном революционном трибунале — вносит поправки в проект декрета; об ассигновании 100 млн. рублей и отправке 10 тысяч пудов хлеба в Баку для обеспечения вывоза нефти.
- Май, 23.* Ленин участвует в заседании президиума ВСНХ по вопросу о созыве I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства; вносит предложение о порядке управления национализированными предприятиями.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о жалобах на бюрократические порядки в канцеляриях наркоматов и др.
- Май, 24.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о топливе; пишет проект постановления о выработке правил для усиления добычи топлива и экономии его.
- Май, 25.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об автотранспорте; об учреждении Социалистической Академии общественных наук — пишет проекты постановлений по обоим вопросам.
- Май, 26.* Ленин пишет и вносит на утверждение ЦК партии «Тезисы по «текущему» моменту» (о продовольственном положении и о борьбе с голодом).
- Ленин выступает с приветственной речью от имени Совнаркома на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства.

- Май, 27.* Ленин вместе с И. В. Сталиным посылает приветственную телеграмму в Екатеринодар, III Чрезвычайному съезду Советов Кубано-Черноморской республики и съезду фронтовиков.
- Май, 28.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о принятии срочных мер по снабжению железнодорожников продовольствием — пишет проект постановления о продовольственной политике; о порядке разрешения концессий.
- Ленин дает директиву командующему Черноморским флотом уничтожить все суда и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске, ввиду явных намерений Германии захватить их.
- Май, 29.* Ленин подписывает воззвание Совнаркома к рабочим и крестьянам об организации вооруженных отрядов для борьбы с врагами народа и крестьянской буржуазией.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается написанный им проект постановления о запрещении самостоятельных заготовок хлеба; пишет в связи с этим обращение к железнодорожникам, водникам и металлстам.
- По предложению Ленина Совнарком назначает И. В. Сталина общим руководителем продовольственного дела на юге России; Ленин подписывает назначение И. В. Сталину.
- Май, 30.* Ленин подписывает вместе с И. В. Сталиным воззвание Совнаркома к трудовым казакам Дона и Кубани.
- Ленин принимает участие в составлении и подписывает вместе с И. В. Сталиным воззвание Совнаркома «Рабочие и крестьяне!» с призывом к борьбе за хлеб, против контрреволюционных мятежников и заговорщиков.
- Ленин вместе с Я. М. Свердловым подписывает декрет ВЦИК о реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о порядке кассации приговоров ревтрибуналов; об ассигновании средств на сооружение памятника К. Марксу.
- Май, 31.* Ленин руководит заседанием Совнаркома; вносит предложение об опубликовании нового обращения

к населению ввиду ухудшения международного положения Советской республики; Совнарком поручает комиссии под председательством Ленина составить текст обращения.

Конец мая.

Ленин разговаривает по прямому проводу с председателем Самарского Совета В. В. Куйбышевым по поводу наступления атамана Дутова на Оренбург.

Июнь, 1.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об условиях снабжения Сибири уральским металлом и машинами; о дополнительном постановлении по вопросу о самостоятельных заготовках.

Июнь, до 3.

Ленин в телефонограмме Петроградскому Совету требует прислать в Москву лучших продовольственных работников для включения их в продотряды.

Ленин принимает руководящее участие в работе комиссии, избранной I съездом Советов народного хозяйства для выработки положения об управлении национализированными предприятиями.

Ленин вместе с Я. М. Свердловым посылает на места директиву ВЦИК и Совнаркома, как поступать в случае нашествия неприятеля на Советскую социалистическую республику.

Июнь, 3.

Ленин на заседании Совнаркома вносит проекты решений о финансировании сельскохозяйственного машиностроения и о самостоятельных закупках и изменении твердых цен.

Июнь, 4.

Ленин выступает на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и профессиональных союзов с докладом и заключительным словом по вопросу о борьбе с голодом; вносит написанный им проект резолюции.

Июнь, 5.

Ленин выступает на Всероссийском съезде учителей-интернационалистов с приветственной речью от имени Совнаркома.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о централизации банковского дела; о выработке норм оплаты труда и способов борьбы с повышением ставок.

Июнь, 6.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос об отпуске средств для удовлетворения нужд горных округов и заводов Урала и др.

Июнь, 7.

Ленин принимает представителей Вышневолоцкого Совета и беседует с ними о голоде в их уезде, об образовании продотрядов и о задачах продовольственной работы; дает директивы Наркомпроду оказать им экстренную помощь.

Ленин на заседании Совнаркома пишет директиву комиссии, созданной Совнаркомом, о Социалистической Академии общественных наук; пишет проект решения Совнаркома о правильной постановке библиотечного дела.

Ленин в телеграмме Архангельскому Совету предупреждает об опасности английской военной интервенции на Мурмане и в Архангельске.

Ленин получает телеграмму от И. В. Сталина со станции Грязи с просьбой выслать инженеров и рабочих для восстановления железнодорожной линии и дать специальный приказ организациям торгового флота на Волге и Каспии о беспрекословном исполнении распоряжений Сталина.

Июнь, 8.

Ленин посылает срочную телеграмму по адресу Нижний-Река, копии в Саратов и Царицын с предписанием немедленно и беспрекословно исполнять все приказы и распоряжения И. В. Сталина; телеграфирует И. В. Сталину в Царицын об исполнении его просьбы.

Ленин получает две телеграммы от И. В. Сталина из Царицына с сообщением о положении дел и о намечаемых мерах для отправки хлеба в центр.

Ленин на заседании Совнаркома вносит поправки и редирует проект постановления об организации деревенской бедноты и ее снабжении.

Июнь, 9—11.

Ленин обменивается с И. В. Сталиным телеграммами по поводу присылки в Царицын денег и товаров на заготовку хлеба и скота и об обеспечении беспрепятственного провоза продовольственных грузов в центр.

Июнь, 10.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: обращение к населению с манифестом по поводу чехословацкого мятежа — делает доклад; о привлечении инженеров к хозяйственной и административной работе — пишет проект решения.

Ленин принимает делегацию от рабочих Мальцевских заводов (Орловской губ.); пишет в Наркомпрод о катастрофическом продовольственном положении рабочих этих заводов и требует принять экстренные меры помощи им.

Июнь, 11.

Ленин принимает представителей Брянского завода (Орловской губ.) по вопросу о положении с продовольствием на заводе, направляет их в Наркомпрод с просьбой оказать им экстренную помощь.

Ленин отдает распоряжение Петроградскому Совету об усиленной и ускоренной отправке наибольшего числа продовольственных отрядов на Урал через Вятку.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о ликвидации чехословацкого национального совета в связи с вооруженным восстанием чехословацких полков против Советской власти; об отпуске средств на развитие животноводства и др.

Июнь, 12.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: декрет об отпусках; декрет об оплате труда служащих и рабочих в советских учреждениях и др.

Июнь, 13.

Ленин получает телеграмму от И. В. Сталина с сообщением об улучшении дела с транспортом, о плане заготовки хлеба и отправки его в **Москву**.

Июнь, 14.

Ленин в письме Петроградскому Совету дает указания посылать больше отрядов на Урал, больше рабочих для агитационной работы.

Ленин на заседании Совнаркома пишет проект постановления об оздоровлении железнодорожного транспорта.

Июнь, 15.

Ленин получает телеграмму от И. В. Сталина с сообщением о взятии казаками Кривой Музги (в 40 верстах от Царицына) и с требованием срочной военной помощи.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о финансировании Главкожи; об открытии кредита Центротекстилю на покупку льна — пишет проекты постановлений по обоим вопросам.

- Июнь, 15
или 16.* Ленин получает телеграмму от И. В. Сталина о ваятии Красной Армией ряда железнодорожных пунктов под Царицыном, о восстановлении железнодорожного сообщения и отправке в Москву и на север 500 тысяч пудов хлеба.
- Июнь, 17.* Ленин руководит заседанием Совнарнома, на котором обсуждаются вопросы: о повышении жалования красноармейцам; о создании органа по вопросам товарообмена с Украиной и др.
- Июнь, 18.* Ленин посылает телеграмму в Баку С. Г. Шаумяну с требованием принять все меры к скорейшему вывозу нефтепродуктов на Волгу.
- Ленин получает телеграмму от И. В. Сталина об отправке продовольственных грузов водным путем ввиду перерыва железнодорожного сообщения.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о суде для оплаты работ по гидравлическому способу добычи нефти; об оплате учительского труда; об организации дела народного образования.
- Июнь, 19.* Ленин получает телеграмму от И. В. Сталина с сообщением о ходе отправки в центр эшелонов с хлебом.
- Ленин выступает на собрании партийных ячеек заводов Замоскворецкого района с речью о продовольственном кризисе.
- Июнь, 20.* Ленин выступает на рабочих собраниях Москвы с речью «О продовольственных отрядах».
- В «Правде» № 123 публикуется сообщение о том, что В. И. Лениным послана телеграмма по всей Юго-Восточной железной дороге об отправке, по распоряжению народного комиссара И. В. Сталина, из Царицына в Москву 500 тысяч пудов хлеба.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об организации высшей транспортной коллегии — вносит поправки в проект постановления; о ревизии деятельности гидротехнических организаций Северного фронта; о национализации нефтяной промышленности.
- Ленин присутствует в Художественном театре на спектакле «Село Степанчиково».

Июнь, 21.

Ленин выступает на митингах в Сокольническом клубе и в Пресненском районе с речью о борьбе с голодом и контрреволюцией.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о расширении полномочий чрезвычайного комиссара Мурманского края на Беломорский край; об ассигновании средств Западной области и утверждении ее как хозяйственной единицы.

Июнь, 22.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о Семиреченской железной дороге; о нормах оплаты учительского труда; о закупке мануфактуры.

Совнарком создает комиссию под председательством В. И. Ленина для рассмотрения общей росписи государственных доходов и расходов.

В «Правде» № 125 публикуется сообщение о выходе в свет книг В. И. Ленина: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Карл Маркс (биография)».

Июнь, 26.

Ленин получает телеграмму от И. В. Сталина о порядке следования вагонов с хлебом и продовольствием в центр.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о Черноморском флоте; об объединении финансовой политики.

Ленин в письме членам ЦК партии в Петрограде решительно протестует против того, что Зиновьев и другие удержали рабочих, которые хотели ответить на убийство Володарского массовым террором.

Июнь, 27.

Ленин в телеграмме II Пензенскому общегубернскому съезду Советов дает указания об организации продовольственной армии из рабочих и деревенской бедноты для борьбы за укрепление хлебной монополии и реквизиции хлеба у кулаков.

Ленин избирается Петроградским Советом делегатом на V Всероссийский съезд Советов.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о библиотечном

деле; о положении с жилищами в Москве и окрестностях; об организации государственной статистики.

Июнь, 27 и 28.

Ленин выступает на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы с докладом и заключительным словом по вопросу о текущем моменте. Написанная Лениным резолюция о поддержке продовольственной политики Советской власти принимается конференцией.

Июнь, 28.

Ленин выступает на трех митингах: на заводах «АМО» (Симоновский подрайон), б. Михельсона (Замоскворецкий район) и в Советском саду Рогожского района с речами на тему: «Гражданская война».

Ленин посылает телеграмму в Камышин и на другие станции по линии железной дороги с извещением об отправке, по распоряжению наркома И. В. Сталина, 500 тысяч пудов хлеба из Царицына в Москву с категорическим предписанием срочно направить в Царицын не менее 40 паровозов для обеспечения хлебных перевозок.

Ленин принимает председателя Темниковского Совета, Тамбовской губернии, беседует с ним о положении дел в уезде.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о мерах развития деятельности Центротекстиля — вносит добавление к проекту постановления; о проекте Конституции РСФСР; о национализации крупнейших промышленных предприятий.

Июнь, 29.

Ленин избирается Областным съездом Советов Московской области делегатом на V Всероссийский съезд Советов.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об ассигновании средств на постановку временных памятников деятелям русской революции (внесено Лениным); о закупке и распределении тканей и др.

Ленин пишет приветственное письмо С. Г. Шаумяну в Баку, сообщает, что И. В. Сталин находится в Царицыне, и просит посылать письма через Сталина.

Ленин пишет статью «Пророческие слова».

- Июль, 1.** Ленин вносит поправки и подписывает телеграмму начальникам реквизиционных отрядов по всем линиям железных дорог о введении строжайшей дисциплины в реквизиционных отрядах.
- Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об эвакуации промышленных ценностей; о резиновой промышленности и др.
- Июль, 2.** Ленин выступает в Алексеевском манеже с речью на полуторатысячном митинге мобилизованных на фронт.
- В «Известиях ВЦИК» № 135 публикуется сообщение о выходе в свет книг В. И. Ленина: «Очередные задачи Советской власти» и «Борьба за хлеб».
- Ленин на заседании Совнаркома вносит внеочередное заявление о помощи крестьянам сельскохозяйственными машинами; Совнарком по предложению Ленина создает комиссию для выработки мер практической помощи крестьянам.
- Июль, 3.** Ленин выступает на заседании коммунистической фракции V Всероссийского съезда Советов с речью о внешнем и внутреннем положении Советской России.
- Июль, 4.** Ленин выступает на I Всероссийском учительском съезде с докладом: «О подготовке учителей».
- Июль, 5.** Ленин выступает с докладом и заключительным словом от имени Совнаркома на V Всероссийском съезде Советов.
- Июль, 6.** Ленин посылает телефонограмму во все районные комитеты партии, во все районные Советы, всем штабам Красной Армии о провокационном убийстве «левыми» эсерами немецкого посла Мирбаха; дает директиву о мобилизации всех сил для немедленной поимки преступников.
- Июль, 7.** Ленин сообщает телеграммой И. В. Сталину в Царицын об убийстве германского посла Мирбаха и о восстании «левых» эсеров в Москве.
- Июль, 8.** Ленин редактирует и подписывает телеграмму всем уездным Советам Московской губернии с требованием принять меры к очищению районов от «лево»-эсеровских банд.

В «Известиях ВЦИК» № 141 публикуется беседа Ленина с сотрудником этой газеты по поводу восстания «левых» эсеров.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о заводах «Сормово — Коломна»; о московских автомобильных мастерских и др.

Июль, 11.

Ленин в телеграмме комиссару Воронежа сообщает о ликвидации «лево»-эсеровского мятежа; дает указания и директивы о военных операциях на чехословацком и кубанском фронтах.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об утверждении росписи государственных доходов и расходов на январь — июнь 1918 г.; о создании Народного комиссариата здравоохранения — подписывает декрет, и др.

Июль, 12.

Ленин пишет письмо «К питерским рабочим» с призывом провести массовый поход в деревню для организации бедноты и борьбы с кулачеством.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о ходе следствия по делу об убийстве Мирбаха; об организации контроля над водным пассажирским транспортом и др.

Июль, 13.

Ленин пишет записку в Народный комиссариат по морским делам с просьбой принять все меры для ускорения доставки в Каспийское море военных морских судов.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об объединении всех видов охраны железных дорог; о положении жилищного дела в Москве; об отпуске средств на Волховское строительство.

Июль, 15.

Ленин на заседании ВЦИК выступает с заявлением от имени Советского правительства, в котором категорически высказывается против предложения германского правительства ввести батальон вооруженных немецких солдат в Москву для охраны германского посольства.

Июль, 16.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о способах проведения национализации всех имеющихся в РСФСР тканей; о повышении зарплаты народным комиссарам (оба вопроса внесены Лениным); об

организации чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте и др.

Июль, 17.

В «Известиях ВЦИК» № 149 публикуется обращение Ленина, одобренное ВЦИК, к рабочим, крестьянам и красноармейцам по поводу мятежа «левых» эсеров о необходимости тройной бдительности, осторожности и выдержки.

Ленин в телеграмме председателю Совнаркома Туркестанской республики сообщает о мерах помощи Туркестану и энергичных действиях по подавлению чехословацкого мятежа.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о включении Казанской губернии в состав Приволжского военного округа (внесено Лениным); о постановке в Москве 50 памятников великим людям в области революционной и общественной деятельности; об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР.

Июль, 18.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о монополии на ткани — вносит поправки в проект декрета; об отпуске средств на приведение в боевую готовность района Архангельска и флотилии Северного Ледовитого океана и др.

Июль, 19.

Ленин принимает делегацию съезда белоруссов-беженцев, передавшую ему приветствие съезда и ознакомившую его с положением белорусского народа.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о централизации радиотехнического дела; о заготовке экспортных товаров; о тыловом ополчении и о правилах регистрации паразитических элементов общества.

Ленин выступает с речью о международном и внутреннем положении на митинге в Лефортовском районе.

Июль, 20.

Ленин в записке Зиновьеву, Лашевичу и Стасовой требует немедленной посылки сотен и тысяч питерских рабочих на чехословацкий фронт и предупреждает об ответственности в случае невыполнения данной директивы.

Июль, 22.

Ленин в телеграмме С. Г. Шаумяну в Баку сообщает о поддержке им мнения И. В. Сталина о предательском поведении «народнической фракции» Бакинского Совета, готовящей почву для

оккупации Бану англичанами, и требует решительной борьбы с агентами иноземного капитала.

Ленин руководит заседанием Совнарнома, на котором обсуждаются: проект декрета о борьбе со спекуляцией; вопрос о расторжении литературной конвенции России с Германией и др.

Июль, 23.

Ленин выступает с докладом о текущем моменте на Московской губернской конференции заводских комитетов.

Июль, 24.

Ленин разговаривает по прямому проводу с И. В. Сталиным; сообщает ему о тяжелом продовольственном положении Петрограда и Москвы, просит принять срочные меры для посылки продовольствия в центр.

Июль, 26.

Ленин принимает руководителей Центросоюза, беседует с ними об организационном состоянии потребительской кооперации и ставит вопрос о максимальном привлечении кооперации к делу хлебозаготовок.

Ленин выступает на митинге в Хамовническом районе с речью на тему: «Что дает трудовому народу Советская конституция».

Ленин пишет письмо К. Цеткин, в котором сообщает об острой борьбе с контрреволюцией и выражает твердую уверенность в победе революции.

Июль, 27.

Ленин в записке по прямому проводу председателю Петроградского Совета категорически настаивает на прекращении «оппозиции питерской части ЦК» и на посылке большего числа рабочих на чешский фронт.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	VII
<i>Февраль — июль 1918 г.</i>	
О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАЗЕ.....	1—10
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!.....	13—14
ДОПОЛНЕНИЕ К ДЕКРЕТУ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ: «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!»	15—16
О ЧЕСОТКЕ.....	17—20
МИР ИЛИ ВОЙНА?.....	21—22
РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ФРАКЦИЙ БОЛЬШЕВИКОВ И «ЛЕВЫХ» ЭСЕРОВ ВЦИК 23 ФЕВРАЛЯ 1918 г. <i>Газетный отчет</i>	23
ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 23 ФЕВРАЛЯ 1918 г.....	24—28
В ЧЕМ ОШИБКА?.....	29—30
ПЕСЧАСТЫЙ МИР.....	31—32
ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б) 24 ФЕВРАЛЯ 1918 г. <i>Протокольная запись</i>	33—35
ЗАМЕТКА О НЕОБХОДИМОСТИ ПОДПИСАТЬ МИР.....	36
ПОЗИЦИЯ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) В ВОПРОСЕ О СЕПАРАТНОМ И АННЕКСИОНИСТСКОМ МИРЕ.....	37—40
ТЯЖЕЛЫЙ, НО НЕОБХОДИМЫЙ УРОК.....	41—44

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ОБ ЭВАКУАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА.....	45
СТРАННОЕ И ЧУДОВИЩНОЕ.....	46—53
НА ДЕЛОВУЮ ПОЧВУ.....	54—55
ПРОЕКТ ПРИКАЗА ВСЕМ СОВДЕПАМ.....	56
СЕРЬЕЗНЫЙ УРОК И СЕРЬЕЗНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.....	57—62
<i>СЕДЬМОЙ СЪЕЗД РНП(б) 6—8 МАРТА 1918 г.</i>	63—132
1. ДОКЛАД О ВОЙНЕ И МИРЕ 7 МАРТА.....	65
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ВОЙНЕ И МИРЕ 8 МАРТА.....	87
3. РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ И МИРЕ.....	94
4. ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВОК ТРОЦКОГО К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ 8 МАРТА (УТРОМ).....	96—97
I.....	96
II.....	97
5. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОПРАВКИ РАДЕКА К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ 8 МАРТА (УТРОМ)....	98
6. ДОПОЛНЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ.....	99
7. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОПРАВКИ ЗИНОВЬЕВА К ДОПОЛНЕНИЮ К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ 8 МАРТА.....	100
8. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ 8 МАРТА.....	101
I.....	101
II.....	101
9. ДОКЛАД О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОГРАММЫ И ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ 8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ).....	102
10. РЕВОЛЮЦИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ И ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ.....	115

11. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ 8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ).....	117
12. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МГЕЛАДЗЕ О ПРИВЛЕЧЕНИИ КРУПНЕЙШИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ВЫРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ 8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ).....	119
13. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОПРАВКИ ЛАРИНА К НАЗВАНИЮ ПАРТИИ 8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ).....	120
14. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОПРАВКИ ПЕЛЬШЕ К РЕЗОЛЮЦИИ О ПРОГРАММЕ ПАРТИИ 8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ).....	121
15. ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВКИ БУХАРИНА К РЕЗОЛЮЦИИ О ПРОГРАММЕ ПАРТИИ 8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ).....	122—123
I.....	122
II.....	123
16. РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ВЫБОРАХ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ 8 МАРТА (ВЕЧЕРОМ).....	124
17. РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ПОВОДУ ОТКАЗА «ЛЕВЫХ КОММУНИСТОВ» ВОЙТИ В ЦК.....	126
18. ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ.....	127
ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА НАШИХ ДНЕЙ.....	133—137
РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ 12 МАРТА 1918 г. <i>Стенографический отчет</i>	138—142
IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ 14—16 МАРТА 1918 г.	143—174
1. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЯ ВИЛЬСОНА.....	145
2. ДОКЛАД О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА 14 МАРТА.....	146

3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА 15 МАРТА.....	164
4. РЕЗОЛЮЦИЯ О РАТИФИКАЦИИ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА.....	173
ЗАМЕТКА О ПОВЕДЕНИИ «ЛЕВЫХ КОММУНИСТОВ».....	175
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК СТАТЬИ «ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ». <i>Стенографическая запись</i>	176—192
Глава X.....	176
Глава XI.....	182
Глава XII.....	187
Глава XIII.....	191
К ДЕКРЕТУ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРИБУНАЛАХ.....	193
А. Членам коллегии Комиссариата юстиции и копию председателю ЦИК.....	193
Б. Проект постановления Совнаркома.....	193
ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ».....	194
ТЕЗИСЫ БАНКОВОЙ ПОЛИТИКИ.....	195—196
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В АЛЕКСЕЕВСКОМ МАНЕЖЕ 7 АПРЕЛЯ 1918 г. <i>Газетный отчет</i>	197—198
ДИРЕКТИВЫ ВЛАДИВОСТОКСКОМУ СОВЕТУ.....	199
РЕЧЬ ПО ФИНАНСОВОМУ ВОПРОСУ НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 18 АПРЕЛЯ 1918 г.....	200—201
РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ 23 АПРЕЛЯ 1918 г. <i>Стенографический отчет</i>	202—206
ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	207—246
Международное положение Российской Советской республики и основные задачи социалистической революции.....	209
Общий лозунг момента.....	215
Новый фазис борьбы с буржуазией.....	216
Значение борьбы за всенародный учет и контроль.....	224
Повышение производительности труда.....	227

Организация соревнования.....	230
«Стройная организация» и диктатура.....	233
Развитие советской организации.....	242
Заключение.....	245
ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК 29 апреля 1918 г.	247—281
1. ДОКЛАД ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	249
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ ОБ ОЧЕ- РЕДНЫХ ЗАДАЧАХ.....	274
ШЕСТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	282—285
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И В ОСОБЕН- НОСТИ БАНКОВОЙ ПОЛИТИКИ	286—287
НАБРОСОК ПЛАНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТ	288—289
В ЦК РКП	290
О «ЛЕВОМ» РЕВЯЧЕСТВЕ И О МЕЛКОВУРЖУАЗНОСТИ	291—319
I.....	293
II.....	296
III.....	300
IV.....	306
V.....	309
VI.....	317
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК РКП(б) ПО ВОПРОСУ О МЕЖДУНА- РОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ	320
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕКРЕТА О ПРОДОВОЛЬСТВЕН- НОЙ ДИКТАТУРЕ	321
ПРОТЕСТ ГЕРМАНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ПРОТИВ ОККУ- ПАЦИИ КРЫМА	322—323
ТЕЗИСЫ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ	324—328
I.....	324
II.....	325
III.....	325
IV.....	326
V.....	327

ДОКЛАД О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗА- СЕДАНИИ ВЦИК И МОСКОВСКОГО СОВЕТА 14 МАЯ 1918 г.	329—345
ДОКЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ НА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТ- НОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) 15 МАЯ 1918 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	346
ДОКЛАД НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ ОТДЕЛОВ СОВЕТОВ 18 МАЯ 1918 г.	347—351
Финансовая централизация.....	348
Подходное и поимущественное обложение.....	348
Трудовая повинность.....	349
Новые денежные знаки.....	350
ПИСЬМО КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛИ- ЗИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ 18 МАЯ 1918 г.	352—353
НАБРОСОК ТЕЛЕГРАММЫ К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ 21 МАЯ 1918 г.	354
О ГОЛОДЕ (<i>Письмо к питерским рабочим</i>)	355—362
РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ КОМИССАРОВ ТРУДА 22 МАЯ 1918 г.	363—367
О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК	368—369
I. Проект постановления Совнаркома.....	368
II. Директивы комиссии.....	369
ТЕЗИСЫ ПО «ТЕКУЩЕМУ» МОМЕНТУ.....	370—371
РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА 26 МАЯ 1918 г.	372—379
ОБРАЩЕНИЕ К ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАМ, ВОДНИКАМ И МЕТАЛЛИСТАМ.....	380—381
НАЗНАЧЕНИЕ И. В. СТАЛИНА РУКОВОДИТЕЛЕМ ПРОДО- ВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА НА ЮГЕ РОССИИ.....	382
ОБЪЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СО- ВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 4 июня 1918 г.	383—408
1. ДОКЛАД О ВОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 4 ИЮНЯ 1918 г.	385
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ 4 ИЮНЯ 1918 г.	404

3. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ДОКЛАДУ О ВОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 4 ИЮНЯ 1918 г.....	408
РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ УЧИТЕЛЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ 5 ИЮНЯ 1918 г. <i>Краткая протокольная записка</i>	409
ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ.....	410
О ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОТРЯДАХ. <i>Речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня 1918 г. Краткий газетный отчет</i>	411—412
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В СОКОЛЬНИЧЕСКОМ КЛУБЕ 21 ИЮНЯ 1918 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	413—416
ТЕЛЕГРАММА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОТРЯДОВ.....	417—418
IV КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ МОСКВЫ 27 июня — 2 июля 1918 г.	419—452
1. ДОКЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ 27 ИЮНЯ 1918 г.	421
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ 28 ИЮНЯ 1918 г.	439
3. РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ.....	452
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В СИМОНОВСКОМ ПОДРАЙОНЕ 28 ИЮНЯ 1918 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	453—454
ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА.....	455—460
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В АЛЕКСЕЕВСКОМ МАНЕЖЕ 2 ИЮЛЯ 1918 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	461—462
РЕЧЬ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ V СЪЕЗДА СОВЕТОВ 3 ИЮЛЯ 1918 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	463—464
V ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, СОЛДАТСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ 4—10 июля 1918 г.	465—491
1. ДОКЛАД СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 5 ИЮЛЯ 1918 г.	467
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ 5 ИЮЛЯ 1918 г.	488

ОБМЕН ТЕЛЕГРАММАМИ С И. В. СТАЛИНЫМ.....	492
БЕСЕДА С СОТРУДНИКОМ «ИЗВЕСТИЙ ВЦИК» ПО ПОВОДУ ВОССТАНИЯ «ЛЕВЫХ» ЭСЕРОВ. <i>Краткое изложение</i>	493—494
К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ.....	495—496
ВЯВЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 15 ИЮЛЯ 1918 Г.....	497—500
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ЛЕФОРТОВСКОМ РАЙОНЕ 19 ИЮЛЯ 1918 Г.....	501—502
ВИНОВЬЕВУ, ЛАШЕВИЧУ И СТАСОВОЙ.....	503
ДОКЛАД НА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ 23 ИЮЛЯ 1918 Г. <i>Газетный отчет</i>	504—507
РАЗГОВОР С И. В. СТАЛИНЫМ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ 24 ИЮЛЯ 1918 Г.....	508—511
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ХАМОВНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ 26 ИЮЛЯ 1918 Г. <i>Краткий газетный отчет</i>	512
ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ. ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, ЗИ- НОВЬЕВУ.....	513
<i>Примечания</i>	515—546
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	547—573

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет В. И. Ленина. — 1918 г.....	X—1
Декрет «Социалистическое отечество в опасности!», напи- санный В. И. Лениным. — 21 февраля 1918 г.....	11
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Революция об изменении названия партии и партийной программы». — Март 1918 г.....	114—115
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент». — Март — апрель 1918 г.....	211
Запись разговора В. И. Ленина с И. В. Сталиным по прямому проводу о продовольственном положении. — 24 июля 1918 г.....	509

Тираж 515 тыс. экз. (1—250 тыс.).
Подписано к печати 9/XII 1949 г.
Объем 37 п. л. + 2 вклейки $\frac{1}{4}$ п. л.
35 уч.-изд. л.
Цена 6 р. 50 коп.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького Главполиграфиз-
дата при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.